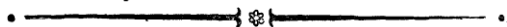

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

*Авантюрная и фантастическая
проза 20-х годов XX века*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2021

Тов. ИНКОГНИТО

БОЛЬШЕВИКИ ПО ЧЕМБЕРЛЕНУ

Фантастический роман

Фантастический роман «Большевики по Чемберлену», изданный в восьми выпусках в Москве в 1925 году — истинное воплощение идеи Н. Бухарина о литературе «красного Пинкертона». Его герои, комсомольцы и партийцы, борются с «фашистами» и устраивают революцию в Индии. Автор романа, скрывший свое имя под псевдонимом «Тов. Инкогнито», до сих пор не установлен.

Тов. Инкогнито

**Большевики
по
Чемберлену**

(Фантастический роман)

1925 г.

„Новая Москва“

Близилося время созыва VIII конгресса Коминтерна. Начался советский день.

Из помещения миссии турецкого посланника в СССР вышли две молодые восточные брюнетки, почти цыганки по типу лица и жрицы по экзотической яркости платья.

Девушки, останавливаясь для совещания на углах улиц и неуверенно шагая по тротуарам, направились к центру Москвы.

Блуждавший по Герценовской улице тринадцатилетний пионер, сын типографского наборщика, рыжий Женя Волхонский, направлявшийся в редакцию пионерского журнала для того, чтобы внести от одного звена подписные деньги, увидев девушек, втянул многозначительно в себя воздух, оглядел их с ног до головы и осторожно последовал за чужестранками.

Тут же, заметив вынырнувшего из каких-то ворот товарища, Женька поманил его к себе.

Пятнадцатилетний оголец с красным галстучком вокруг шеи и протертыми на коленках штанами быстро подошел к товарищу.

— Ты из хорошего отряда? — сблизившись конопатым лицом лоб в лоб с коллегой, спросил его испытующе Женька.

— Из батальона всех за всех! — выпрямился оголец с такой гордостью, будто эта фраза была не паролем организации, а титулом ветерана победоносной армии.

Женька схватил товарища за руку.

— Будь готов, в таком случае.

- Всегда готов!
- Видишь, впереди пошли две шоколадные персианки. Ты их прежде видал?
- Нет?
- Значит, это новые. Недавно приехали...
- Да. Пойти, сказать товарищу Пройде?
- Нет, давай прежде посмотрим, куда они пойдут.
- Тогда давай догонять их.
- Да, а потом к Градимиру Петровичу.
- Идет...

И оба мальчугана, прибавив шагу, стали лавировать следом за двумя восточными незнакомками.

Через три четверти часа оба пионера поднимались по лестнице полиграфтреста, спеша проникнуть в кабинет председателя правления этого треста.

Градмир Пройда работал в кабинете с восьми часов утра.

Увидев вошедших и вытянувшихся в струнку мальчуганов, он повесил трубку телефона, по которой разговаривал, повернулся к ним и просветленно поднял глаза.

— Здравствуйте, товарищ Пройда! — дружно поздоровались пионеры.

— Здравствуйте, товарищи! Что скажете? Вы из хорошего звена?

— Из батальона всех за всех.

— А, слава хорошему батальону; что же вы скажете?

— На улице Герцена, Градмир Петрович, появились две какие-то приезжие персианки. Их еще никто не видел здесь. У них заморские юбки и прочее, а на затылке чадры, хотя мордашки ими они не закрывают. Они путались по улицам и не знали сразу, куда идти. Пошли в Университет Трудящихся Востока. Мы смотрели за ними, как они вошли, а потом айда к вам.

Пройда, вытянув голову к ребятам, с интересом выслушал донесение и затем откинулся на кресло.

— Они с кем-нибудь разговаривали?

— Нет, только между собой все время советовались и не по-нашему называли улицы...

— Спасибо, ребята, а как вас зовут?

— Меня Евгений Волхонский.

— Меня Егор Вагонетка.

— Хорошо! Буду помнить. Если новое что-нибудь узнаете об этих чужестранках или увидите еще приезжих из Азии, также сообщите. Слава батальону всех за всех!

— До свидания, товарищ Пройда!

Пионеры с видом людей, выполнивших героическое призвание, повернулись и оставили кабинет председателя полиграфтреста.

На некоторое время тот занялся текущей работой, принимая посетителей, просматривая переписку и отзываясь на телефонные звонки. Но вот, кончив разговор с одним из заведующих типографией, Пройда поднял голову и снова увидел одного из ребят.

На этот раз перед ним предстал комсомолец Володя Горячев, рассыльный Коммунистической Академии.

Подросток сделал шаг вперед.

— Здравствуйте, товарищ Пройда!

— Здравствуйте, товарищ! Вы из хорошей ячейки?

— Из батальона всех за всех, товарищ Пройда...

— Слава хорошему батальону! Что вы скажете?

— Я был сейчас у Трудящихся Востока. Туда пришли две какие-то приехавшие из далеких краев путешественницы. Они спрашивали кого-нибудь «Гинду, Панжаб, Мадрас, Бомбей». Но все студенты ушли в экскурсию, и тогда они у дежурного начали спрашивать «большевик Пиройда, Пирой-да». Я не знаю, вас это они спрашивают, или нет. В канцелярии, чтобы от них отвязаться, послали в Совет и рассказали, как идти на Тверскую. Они пошли, толкуют: «Совет, Совет», а я пришел предупредить вас...

— Спасибо, товарищ! Из соседней комнаты позовите, пожалуйста, мне Петряка, он немного практиковался уже на языках; я его пошлю узнать, в чем дело.

— Слушаю, товарищ Пройда!

* * *

За двумя девушками чужеземками, от экзотического вида которых исходило обаяние тропической жгучести, следило уже несколько пар пионерских и комсомольских глаз, когда они, добравшись до Совета, ниче-

го, не добились там от барышень, сидевших на выдаче справок, и уныло вышли на Советскую площадь.

Пионеры, несколько звеньев которых Пройда приобщил к выполнению своей деятельности по организации политической работы в колониях, знали, что о всех редких заморских гостях, прибывших из Азии, надо сообщать своему политшефу, как назывался неофициально Пройда, руководивший подготовкой молодежи, желавшей посвятить себя политической деятельности на Востоке, и одновременно работавший в полиграфической промышленности. Поэтому, увидев несомненных восточных чужестранок, да еще очевидно только что вступивших в Москву и что-то искавших, ребята установили за девушками импровизированный дружный надзор.

Явившись к Совету по распоряжению Пройды, парень Яков Петряк сразу увидел и девушек и следивших за ними, будто путавшихся без дела по улице, нескольких ребят.

Петряк, выполняя распоряжение шефа, которому посвященные в секрет восточной организации были преданы на жизнь и смерть, с гордостью выпрямился и вдруг предстал перед девушками.

— Товарищи-гражданки, здравствуйте! Что вы ищете? — И Петряк, с комсомольской четкостью отдав честь, загородил дорогу путешественницам.

Тотчас же, как только он заговорил с незнакомками, их группа оказалась окруженной ребятами подростками и малышами.

— Уот из ит? — взглянула с отчаянием та экзотическая жрица, к которой обратился Петряк, на свою подругу, спрашивая ее по-английски. — Что это такое?

— Уот из дсе бой? — также растерялась и другая юная красавица... — Что это за мальчик?

Обескураженный Петряк беспомощно развел руками, и с отчаянием оглядел окруживших его ребят с красными косыночками на шее.

— Вот так штуки! Откуда приехали, а ни бе, ни ме не понимают. Черт возьми! What do you want?¹⁾ — спросил он, с трудом отыскивая слово за словом, по-английски.

— We are looking for a friend of your...²⁾

— Please tell us how to find a certain commissar in Moscow?³⁾ — залопотали чужестранки.

У Петряка от этого лопотанья полезли на лоб глаза... Увы! Его знание английского пока ограничилось несколькими фразами: он всего две недели назад взялся за английский самоучитель.

Однако, поручение руководителя надо было исполнить.

Решительно ухватив одну из красавиц за шарф левой рукой, а правой усиленно жестикулируя и корча физиономию, как будто его шпыняли со всех сторон иглами, он вдруг отчаялся выговорить гортанные слова индустани, который под руководством индуса Партаб-Синга в продолжение трех месяцев зубрила одна из ячеек «батальона всех за всех».

— Ап ко...ко кия чаг? Что вам нужно? Ап кие ко тлаш, карте ге? Кого вы ищете? — Петряк в ораторском увлечении ткнул пальцем для большей вразумительности одну красавицу в грудь — Градимир Пройда? Гра-ди-мир Пройда?

— Га, га, га! (да, да, да!) Градимир Пройда, — обрадовавшись, вспыхнула жгучая брюнетка, взмахнув грациозно зеленым шарфом и почти со слезами благодарности схватывая за руки Петряка. И ее подруга подхватила: «Га! Градимир Пройда!»

Петряк удовлетворенно успокоился, чувствуя свои руки в руках шестнадцатилетней брюнетки. Он поднял на нее глаза, пробежал ими по державшим его рукам, почувствовал в них какое-то биение и, как на беспомощное существо, посмотрел на чужестранку. Та, продолжая радоваться, растерянно вдруг опустила руку и смутилась.

Петряк в одно мгновение вспыхнул, покраснев от обжегшего его волнения девушки, но спохватился и, вспоминая свой комсомольский долг, вздернул головой.

1) Что вам нужно?

2) Мы ищем одного вашего товарища.

3) Скажите пожалуйста, как нам найти одного московского комиссара?

— Так бы вы, товарищи арабки или кто вы такие, и говорили! — нравоучительно оправдывался он. — А то, «уот, уонт, уот, уонт» Вы кто? — обратился он вдруг к ребятам, ждавшим очевидно последствий его переговоров.

— Мы из батальона всех за всех! Пришли так... увидели вас.

— Слава хорошему батальону! Это приехали по делу к товарищу политшефу. Идите по своим делам. Я поведу их, куда надо.

Пионеры рассыпались.

— До свидания!

— До свидания!

Петряк указал девушкам рукой направление.

— Идем туда: Гра-ди-мир Пройда!

— О, йес, йес! Градимир Пройда!

Обрадовавшись окончанию своих мытарств, девушки оживленно заговорили на родном наречии и дружно последовали за выдерживавшим комсомольский фасон провожатым.

Аппарат агитации

Заряженный огнем деятельности, как заводская топка, Градимир Пройда, большевик-рабочий, задумал что-то солидное.

Неожиданно всплыв среди крупных советских деятелей, после того, как он прибыл из революционных странствований по отдаленным колониям, профессионал-партиец вдруг почему-то оказался связанным с самыми широкими кружками коммунистической молодежи и пионерских отрядов, завел дружбу со слушателями Университета Трудящихся Востока и разными восточными учреждениями, заставил несколько групп молодежи увлечься изучением английского и восточных языков, и в заключение, приобрел на ребят такое исключительное влияние, что молодежь готова была с ним идти в огонь и воду. В этих делах у Пройды был ряд близких, посвященных во все его планы, товарищей.

Первым таким поверенным его планов являлся его старинный приятель, молчаливый и медлительный, но много достигший, самоучка-механик Иван Иванович Таскаев.

Вторым был спасенный революционными русскими матросами от преследования английской полиции, индокитайский инсургент Партаб-Синг, состоявший пенсионером полиграфтреста при одном из университетов и преподавателем языка индустани в кружках молодежи Пройды.

Еще одного близкого человека и хорошего помощника Пройда нашел себе в лице секретаря полиграфтреста латышского эмигранта Граудина.

Таскаев номинально числился директором треста точной механики. Но после того, как ему удалось подобрать для административной и инженерской работы преданных делу и знающих работу специалистов, сам он почти ничего в правлении уже не делал, а вместо того, занялся в одном из предприятий треста каким-то непременным мастерством, по поводу которого самоучка-механик не переставал совещаться с Пройдой.

В тот день, когда прибыли искавшие Пройду две необычайные чужестранки, Таскаев вызвал к себе приятеля на предмет демонстрирования пред ним своего нового изобретения. Это был задуманный чуть ли не совместно обоими товарищами особый аппарат-иллюзион, долженствовавший произвести переворот в кинематографическом деле.

Пройда, зная цель и назначение аппарата, который Таскаев назвал «натурографом», немедленно же предложил позвать для оценки изобретения всю компанию своих приятелей.

В полумастерскую-полулабораторию при одном из предприятий треста точной механики пришли курсант-юноша Партаб-Синг, Граудин; комсомольцы — разухабистый Петряк, галантный Стремяков и пролетарий Вагонетка. Здесь же оказался корректор треста, знающий чуть ли не два десятка европейских и азиатских языков и диалектов, коммунист Дергачев. Наконец, особо были приглашены политический изгнанник английского правительства, популярный среди низов

Индии, бенгалиец Тарканатра и его европейский коллега, француз Жан Люрс.

Таскаев ждал товарищей.

Пока приехали Тарканатра и Жан Люрс, Петряк, не снимая с головы кепки, напоминающей гриб третичной эпохи, вместе с остроносеньким жуликоватым Вагонеткой начал рассматривать приборы мастерской. Причесанный и франтовато обвязанный галстучком в чистеньком костюме, практикующийся ученик котельного производства, он же вожак пионеров центрального района, он же знаток языков английского и тамильского, Михаил Стремяков уселся на окно, разглядывая помещение.

Партаб-Синг терпеливо остановился возле Пройды и Таскаева и подобно изваянному из темной бронзы часовому мастерской, спокойно рассматривал ее подробности, сам сливаясь с ними.

Граудин переходил от предмета к предмету, нюхал носом воздух, неодобрительно кивал головой по поводу казавшейся ему ненужности каждой стоявшей без дела вещи. Дергачев следовал за ним по пятам и пытался оправдать каждый предмет, хотя бы он не имел даже никакого революционного значения и не мог никак послужить для дела ниспровержения буржуазии в Западной Европе и Америке.

Таскаев, светло-русый и светлоглазый маленький мастеровой, в покойненько прикроенной на нем честной блузе пролетария, со зрачками, иногда появляющимися в центре глаз наверху, но чаще уходящими куда-то далеко-далеко от собеседника и оттуда рассматривающими его, отер руки от воды, в которой вымачивал что-то, когда пришли его гости и довольно кивнул головой Пройде.

Большевик энергичным взглядом выразил ему приветствие, подал руку и спросил сразу об аппарате:

— Не громоздкая машина вышла, Ванчо?

У него на подпеченном под цвет не особенно белой буханки лице, с буграми мускулов и впадин на покато-сти лба, от беспокойства и нетерпения выпятились две жилы, сходившиеся к переносице острым углом и делавшиеся тем виднее, чем сильнее он возбуждался.

— Если бы она была громоздкой, — спокойно ответил Таскаев, — я бы не считал, что работа кончена. Смотри сам.

Он повернулся к одной из загроможденных инструментами и аппаратами стоек, взял с нее какой-то картонный футляр, общим своим видом напоминающий весьма близко паровозный гудок, и показал его товарищу.

— Это не громоздко, по-твоему?

— Это нет.

— Ну вот это и вся «машина», как ты говоришь. Мой натурограф.

Пройда осторожно взял в руки футляр, как будто это был самовзрывающийся снаряд, и подержал его в руках.

Выпятившийся угол жил на лбу начал у него уничтожаться, лицо сделалось спокойным, серьезным, молodyм. Подошли Петряк, Вагонетка и Дергачев.

— Еще кого ждать будем? — спросил Таскаев.

— А вот идут Люрс и Тарканатра...

Вошедшие, молоденький брюнет, депутат французского парламента от коммунистов и сдержанный темнокожий мужчина с бородкой, в английском костюме, приветливо поздоровались и, посмотрев на аппарат, недоверчиво переглянулись.

— Неужели эта флейта и есть ваше изобретение? спросил с быстрым разочарованием Люрс.

— Да, эта самая флейта...

— Покажите!

— Сейчас, я только употреблю другой аппарат, потому что этот не заряжен...

Изобретатель-рабочий достал с полки совершенно сходную с первой трубу и поднял ее на одной руке перед собой.

— Сейчас вы все увидите. Вот я открываю сразу клапаны и кнопки, какие есть в аппарате. Оглянитесь прежде по мастерской: ничего особенного в ней нет?

Мановением руки изобретатель провел перед собой по перспективе мастерской.

— Ни особых приспособлений зрительных, ни экрана, ни даже пустой площади... перед вами приводные

ремни, паропроводные трубы и станки. Теперь смотрите...

Гости Таскаева, не успев дослушать фразы, переглянулись между собой и удивленно замерли.

Петряк ткнул по бедру наступившего ему на ногу Вагонетку, но также застыл.

— Красная Армия! — воскликнул Вагонетка, подавшись быстро вперед.

— Парад Коминтерну! — дополнил Петряк.

Пройда и остальные зрители, то молча смотрели на явившуюся перед ними картину, то удивленно переглядывались и оглядывались назад, не будучи в состоянии примириться с тем, что они одновременно чувствовали себя и в мастерской, которая помещалась у них за спинами и на Красной площади, на мостовую которой они почти становились ногами.

— Да, это общемосковский парад, — подтвердил Таскаев.

В самом деле: мастерская впереди гостей Таскаева исчезла. Сам Таскаев сидел немного взад от зрителей на верстаке и непринужденно держал в руках трубковидный футляр. Сзади него мастерская освещалась электрическими лампами. Как ее увидели при входе посетители, заставленную стойками и верстаками, такой она и оставалась. Но впереди механика и по сторонам, ближайшие реальные предметы принимали сразу какой-то туманный вид, и в двух шагах уже делались совершенно невидимыми, вместо же них и, покрывая их, оказалась мостовая Красной Площади, воздвигались стены Кремля, дома с левой стороны площади, мавзолей, памятники и трибуны в центре, откуда вожди пролетариата принимали парад, пропуская мимо себя делегатские группы, марширующие перед ними красноармейские части, толпы зрителей и организаторов шествия.

Не могло прийти в голову мысли о том, что то, что видят перед собой Пройда, Люрс, Тарканатра, Дергачев, Граудин и их друзья, воспроизводится путем кинематографии, ибо яркая натуральная реальность видения ошеломяла сознание.

Площадь, казалось, гудела...

Перспектива не была ограничена ни рамкой экрана, ни расстоянием, как и в действительности; цвета шинелей, красных платочков, пестрых женских платьев, черного и блестящего оружия, голых ног явившихся в трусиках команд физкультурников — все это создавало такую точную иллюзию, что Пройда, забывшись, едва не сделал движения, чтобы направиться к скамье возле могил на бульварчике, где он обычно устраивался,

чтобы смотреть парады. Стремяков же, Петряк и Вагонетка, поддавшись обману, уже произвели равнение и стояли в непроизвольно развернувшейся шеренге...

На трибуне были Зиновьев, Калинин, Каменев, Сталин и группа других центровых и московских работников. Колонны и делегации одна за другой маршировали, поднимая пыль, и видно было, у кого из красноармейцев чищенные обутки, и у кого они не видали щетки с прошлого года. Какие шинели сохранили свой цвет и какие выцвели.

Школа военных курсантов, отдав честь, гаркнула что-то обратившемуся к ней с призывным жестом Калинин. Такой же жест сделал Каменев, он «выпалил» что-то удачное, потому что вдруг и делегации, и зрители расцвели и затрепетали смехом, толпа замахала платочками, захлопала руками...

Вдруг все видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Не перестававшее освещаться электричеством помещение — приняло свой обычный вид мастерской и лаборатории, в которой на столах и верстаках стояли бидоны, бутылки, четко вырисовывались сверлильные и рубильные станочки, лежал инструмент.

Вся компания Пройды удовлетворенно посмотрела друг на друга, проверяя эффект зрелища.

Таскаев оглянул друзей, посмотрев на них осторожно с донышка глаз и, довольный впечатлением, заговорил:

— Картина была, как вы заметили, при свете. Натурограф может действовать, таким образом, и днем. Испробуем теперь его в темноте!

Вслед за этим изобретатель погасил свет в помещении, коснувшись одного и другого выключателя, нажал на рычажок своего аппарата, и в воцарившейся темноте дневным светом засияла явившаяся вдруг пелена плоскости, на которой Пройда и остальные увидели еще одну копию советской действительности, вроде той, которая только что была воспроизведена перед ними. На этот раз зрители увидели открытие седьмого конгресса Коммунистического Интернационала.

Появилась Театральная площадь, прибытие автомобилей и автобусов к подъезду Большого театра с делегатами Конгресса, приветствуемыми толпами рабочих. Открылся внутренний вид театра, сцена, на которой занимают места известные всему миру вожди Коминтерна. Президиум о чем-то совещается; Зиновьев делает жест рукой и вдруг все встают, снимая головные уборы. И так естественно при этом упал на Петряка из-за стола президиума случайный острый взгляд Сталина, что комсомолец схватился за свой гриб на голове.

Видение тут же исчезло.

Таскаев снова открыл выключатели. Помещение осветилось.

Тарканатра, Люрс и Граудин наперебой закидали вопросами изобретателя.

Таскаев провел себя рукой по голове.

— Это не все, обождите удивляться, — остановил он товарищей. — Главным достоинством натурографа, по моему, является наряду с полным совпадением картины с изображаемой ею действительностью еще идеальная быстрота воспроизведения снимков. Вы сейчас убедились, что картины натурографа не отличаются от действительности. Теперь я вам хочу показать быстроту воспроизведения. Смотрите, я сейчас сфотографирую и воспроизведу вам мастерскую, как вы ее сейчас видите. Для этого я только должен подняться туда на хоры. Одну секундочку обождите.

Таскаев пошел на лесенку, взобрался с аппаратом на площадку хор в мастерской и через минуту оттуда спустился.

— Смотрите, — указал он под потолок вглубь мастерской.

Оглянувшиеся зрители, не веря своим глазам, снова переглянулись и опять впились в картину.

Глазам их представилось точное отражение мастерской, в которой они находились, и их самих.

Мастерская как бы раздвоилась, как это бывает в кинематографе, когда фильма сбивается в раме и начинает двоиться, одна мастерская была та, на полу которой стояла вся группа гостей Таскаева, а другая

чуть повыше запечатлелась, заслоняя собою пространство поверх голов собравшихся.

И оба они были так неопиcуемо сходны между собой, что нельзя было бы отличить подлинную от копии, если бы последнюю снизить на место первой в уровень ступней ног.

— Колдовство! — воскликнул Люрс, когда Таскаев закрыл аппарат.

— Да, такое изобретение может революции пользу принесть, — проговорил Тарканатра. — При его помощи угнетенные проснутся.

— Это для агитации? — воскликнули ребята.

— Для агитации, — ответил Таскаев, — техника товарищу Пройде и подпольным организациям в угнетенных колониях.

— Ура! Стремяков! Вагонетка! Будем орудовать. Двинемся теперь этими машинами раздувать всемирную революцию. Каюк буржуям!

Пройда еще раз взял в руки аппарат.

— Обращение с ним не сложное? — спросил он приятеля. — Изготовление трудное?

— Никакой сложности, пять минут практики, несколько разъяснений, и любой ребенок может узнать весь аппарат, который, кстати сказать, я снабжаю самозажигающейся петардой на всякий случай. Что касается до его фабрикации, то в течение недели я изготовлю с несколькими помощниками около сотни аппаратов. Для того, чтобы аппарат мог служить агитации, нужны только снимки, хотя бы фотографические. Сейчас у нас материала немного, такого, который нужен будет для восточного крестьянина, райота или кули, но это уже дело Пройды и тех, кто возьмется за это. Меня, конечно, Пройда с собой взять не откажется туда, куда он поедет, а я в любом месте организую такую фабрикацию злободневных негативов, что хватит для любой революции.

— Значит, нет никаких препятствий, чтобы мы взяли за использование новой техники в массовом масштабе, — оглянулся на товарищей Люрс. — Я стою за то, чтобы Пройда двигался в Китай.

— О, нет! — воскликнул Тарканатра, — это уже дело решенное. Техника необходима в Индии. Пройда был в Индии. Готовил товарищей он для путешествия в Индию. За такое решение выскажется всякий, кому дорого дело революции.

— Ну, посмотрим... Если Пройда поедет в Индию, то я немедленно же буду организовывать экспедицию в Китай, и сам поеду туда, если мне дадут штук тысячу аппаратов, — воскликнул Люрс.

— Хорошо. А как вы, товарищ Пройда, думаете?

— Я сам — сторона заинтересованная, — сказал Пройда. — В Индии националисты Керзона и Чемберлена уже по матушке стали честить... Значит, скоро будет и драка...

— Вы поедете в Индию, — еще раз заявил Тарканатра безапелляционно.

— Согласен, куда хотите. Помогите вы мне, чем можете, давайте сговоримся, я собираю батальон, поднимая якоря, и трогаемся.

Стремяков, Петряк и Вагонетка с интересом подняли глаза на Пройду и индуса, чтобы прослушать этот разговор, и переглянулись, когда он окончился.

Вагонетка хлопнул себя по голове.

— Едем скоро! — шепнул он Петряку, наклонившись к товарищу, чтобы поздравить его.

— Едем! — подтвердил Петряк. — Слушай, Стремяков, сварганим мы себе на дорогу для каждого какой-нибудь мандат? Не влетит за это?

Стремяков покосился, дернул плечами:

— В гости к индийским набобам с мандатами явимся? Нам не мандат, а тюрбаны надо... Бузотер!

— А я себе, хоть сам, а напишу... С нелегальным мандатом под самого черта можно подкопаться...

— Смотри, не крякни потом...

— Увидишь!

Петряк очень любил получать отовсюду мандаты, рекомендации и всесильные удостоверения, с которыми он чувствовал себя вооруженным против всякого недоверия. Пуститься без какого бы то ни было удостоверения в далекое путешествие ему представлялось

совершенно легкомысленным предприятием. И он решил про себя:

— Хоть из редакции, где-нибудь бланк выкраду, а все-таки мандат у меня будет!..

Вагонетка и Стремяков обратились к Таскаеву:

— Товарищ Таскаев, можно ли на улице испробовать натурограф? Вы покажете нам, как им действовать?

Таскаев улыбнулся, увидев вопросительный взгляд Пройды.

— Отчего же, если есть охота? Идемте в скверик к театру. Попугаем немного публику... Все пойдемте?

Люрс и Тарканатра отказались:

— Нет, спасибо: ясно. Нам надо успеть еще кое-куда...

Таскаев накинул на себя пальто, и сопровождаемый гостями, вышел на двор.

Через четверть часа компания, за исключением уехавших популярных иностранцев, была в сквере театральной площади.

— Сядемте хоть сюда! — указал изобретатель на пустую скамью, в тыловой части сквера.

Кроме Таскаева, все сели, следя за каждым движением изобретателя. Таскаев провел взглядом по публике, сидевшей на скамьях и гулявшей по аллеям. Затем взглянул через площадь на трамвайную платформу и сооружение станционной беседки на ней, на второй дом советов и утонувшую во мраке кремлевскую стену.

— Начинаю! — сказал он негромко.

Вслед затем он положил на плечо Пройде трубковидный аппарат, заняв позицию за спинами товарищей.

Щелк — раз! Щелк — еще!

Видневшаяся прежде беседка остановочной платформы трамвая исчезла вдруг, будучи загорожена какой-то дымчатой тенью, и среди публики пробежало волнение. Сидевшие на скамьях повскакивали, гулявшие остановились и заспешили было к площади улицы, на которой внезапно появилась насыпь линии же-

лезной дороги среди леса и полей, и мчавшийся по ней поезд.

Линия железной дороги ложилась прямо под ногами у некоторых гуляющих. Поезд быстро приближался, через полминуты очутился возле сквера и вдруг влетел в его ограду.

— Ах! Ой, матушки! Караул! А-я-яй! — раздался во круг всеобщий визг и стон, и публика в паническом безумии ринулась в разные стороны, ломая клумбы, сбивая друг друга с ног и перескакивая через ограду сквера.

Но уже ничего не было. Картина также быстро исчезла, как явилась.

Таскаев щелкнул затвором аппарата и, как будто происшедшее его совершенно не касалось, сел на скамью.

— Ха-ха-ха! — закатились от смеха комсомольцы. — Ха-ха-ха! Вот фокус! И никто не знает, что произошло...

Действительно, убедившаяся в обмане своих чувств публика пыталась дать себе отчет в том, что произошло и в группах взволнованных гуляющих теперь происходили попытки азартного объяснения необычайного чуда.

— Идемте, — сказал, поднимаясь, Таскаев.

— Да, на сегодня довольно. Но теперь надо всем приступить к делу и готовиться к походу. Мировая революция получила вернейшее средство возбуждения масс. Мы должны раскатать Восток. Соображайте, товарищи, кто может поехать с нами.

— Кто не поедет? — воскликнул Петряк. — Нэпманские поросята! Неорганизованные сопляки! Все остальные поедут...

— Посмотрим...

Зачем приехали индианки

Две девушки, приведенные пионерами в квартиру, которую указал Пройда, сидели в пролетарской комнате партийца-рабочего, когда сюда пришел и сам Пройда.

В комнате, кроме постели и стола, стояло несколько стульев и диван. Девушки сели на него.

Когда Пройда вошел, они поднялись. Пройда на английском языке приветствовал их и справился, не желают ли его гости есть или пить.

Те отказались.

— Я Пройда... Вы меня искали? — спросил большевик.

— Мы ищем человека, который знает мать Кукумини Бай...

— Я этот человек. Кто вас прислал?

— Мы танцовщицы — нач-герл. Кукумини ищет брата своих сестер, и прислала нас к тебе...

Пройда подвинул к дивану стул и сел против девушек.

— Меня мать Кукумини называла своим сыном...

Девушки посмотрели одна на другую. Одна из них сказала:

— Кукумини говорит, что брат ее сестер, русский большевик знает одну ронди¹⁾ из Бенареса — Эча Биби. Так говорит Кукумини, старшая сестра сутрадарий²⁾. Правда это?

Пройда взглянул на девушек и подался немного вперед, увидев, что разговор принял значительный характер. Однако, он сдержался от выражения удивления.

— Правда, — коротко ответил он.

— Кукумини еще говорит, что Эча Биби уже месяц, месяц и месяц как покинула берег Ганга, родные общины, и ремесло танцовщицы; она поехала к брату всех сестер сказать или ему или другому какому-нибудь комиссару большевику, что она его любит и хочет с ним жить в русской Москве.

Танцовщица прервала себя короткой фразой:

— Приехала?

Пройда утвердительно кивнул головой.

— Но это неправда, говорит еще Кукумини. Не потому, что любит своих братьев, поехала Эча-Биби. Она поехала с двумя неверными саибами³⁾. И вот что это за

1) «Ронди» — танцовщица, нанимающаяся для частных увеселений.

2) Сутрадарий — то же, что ронди, более древнее слово.

3) «Саиб» — господин, белый.

саибы... Они понаезжали в Калькутту, Бомбей, Пенджаб и другие места. Они будто занимаются, как все, торговлей, или судят, или командуют солдатами и будто не угнетают народ. Но они не торгуют и не судят и не командуют сипаями, насилия же над народом делают они. Они все узнают, обо всем доносят старшим саидам в Англию и Америку, нападают на братьев в наших союзах. Сажают в тюрьмы, убивают и бросают в Ганг. Эти саибы имеют разрешение делать все, что они хотят. И вице-король подчинен им. И фашистские дружины подчинены им. Они организывают аварабосьяков, которых бедняки называют «морды». Эти саибы узнали, что много братьев, которые теперь борются с угнетателями народа, приезжали из Москвы, учились в Москве и что большевик-комиссар Пройда, который был много лет раньше в Бенаресе, посылал несколько русских большевиков, в Индию, и в Египет, и в Сирию, и в Индо-Китай, где борются с английскими, французскими и голландскими саидами верные народу дети. Тогда эти саибы сказали: есть в Англии и Америке тайная Икс-Ложь всемогущих богатых саибов, мы известим об этом ложу и поедem в Москву, чтобы знать все с самого начала про индусский большевик. Они дали много денег ронди Эча Биби, она сказала им что все, что будет знать, будет говорить им. Одного саиба она полюбила. И вот она приехала с ним. Сказала ли она это брату всех сестер?

Пройда встревоженно потемнел.

Ему открылась картина, какой и следовало ожидать опытному большевику. Отчаянная борьба развившихся в колониях подпольных организаций вызвала уже давно и там возникновение гнезд международного фашизма. Грозную репутацию в качестве главного органа фашистского объединения приобрела быстро сделавшаяся известной среди революционеров контрреволюционная Икс-Ложь каких-то обладающих большими средствами и распространенной агентурой реакционных элементов капиталистического мира.

Из сообщения танцовщиц Пройда узнал, что агенты Икс-Ложь напали на след его деятельности, которую он тщательно скрывал от кого бы то ни было.

Пройда задумался. Несколько минут он молча ды-
мил папирасой, в то время как посланницы, организа-
торши индусских нач-герл, ждали разрешения про-
должать свой рассказ. Жилы на его лбу выступили вы-
пуклым углом.

Наконец, он поднял глаза.

— Нет, Эча Биби ничего не сказала... Говорите,
сестры нач-герл, что еще велела передать мне Кукуми-
ни...

— Еще Кукумини велела передать брату всех сестер,
что о союзе нач-герл саибы из Икс-Ложи также знают.
Много наших братьев в разных местах белые саибы
уничтожили. Уже они знают, что у нач-герл есть сестра
— пандити¹⁾, которой русские большевики открыли
знание дел королевских саибов и мудрейшую науку
борьбы бесправных парий с угнетателями. Еще они не
знают, какая девадаши, сутрадари или ронди осмели-
лась привлечь в заговор братьев угнетенных, сестер
танцовщиц. Но Кукумини уже читает в книге судьбы,
что скоро всеильные саибы подстерегут ее под наве-
сом пагоды, и тогда у нас не будет первой сестры-
матроны...

Девушки остановились, и с сочувственным интере-
сом вопросительно посмотрели на Пройду.

Пройда беспокойно опустил на руки голову. Он не
мог сомневаться, что репрессии в Индии с развитием
революционного движения будут все больше усили-
ваться. Но его друзьям расправа грозила так же, как и
другим коммунистам колоний. Почему же опасность
против индусских друзей он чувствовал острее?

— Знаете ли вы того саиба, с которым приехала Эча
Биби?

— Фамилии не знаем, но в лицо видели, и дом его
указать можем.

— Хорошо. Вы это сделаете... Что еще велела ска-
зать Кукумини?

— Еще она велела спросить, что скажет брат всех
сестер Градимир Бабу бедной девадаши Кукумини?
Кукумини осталась теперь одна. Ее брат проданся бо-
гачу Санджибу Гупте и поступил начальником дружи-

1) Пандити — ученая.

ны к нему, и послал бунтовать против франков в Индо-Китай, за море. Не осталось у Кукумини ни роду, ни племени. Что скажет ей брат-русский?

Пройда с минутным колебанием посмотрел на девушек. Затем вспомнив пароль активной группки индусских революционеров, которым он пользовался, находясь раньше на подпольной работе в Индии, спросил:

— Сколько времени нужно ехать от Бенареса до Москвы?

Одна из девушек поднялась и быстро ответила:

— Для судры-рабочего могила Ленина в Москве ближе, чем алтарь Шивы в Бенаресе.

— Верно, сестра, так говорят те, кто учится и у жизни и у смерти, и не боятся ни жизни, ни смерти. Я могу сказать вам, что мне нужно. Вам не нужно будет ничего говорить Кукумини, потому что я увижу ее сам. Я поеду сам, и поедут мои друзья в Индию. Мы хотим присоединиться к борьбе индусов против их угнетателей. Я сказал. Как вы хотите возвратиться из нашей страны? С саибами, как приехали, или поедете тоже с нами?

— Мы приехали с саибами поневоле. Если ты скоро едешь, то разреши, брат, возвратиться с тобой и твоими товарищами.

— Хорошо. Поживите здесь несколько дней. Сегодня же ночью или утром вы укажете моим друзьям того саиба, которому предалась Эча Биби. А затем я вам скажу, когда и как собираться.

Пройда сказал, как индускам устроиться, чтобы оставить турецкую миссию, с которой девушки прибыли. Затем он обдумал полученные сообщения. И после этого он, хотя уже был поздний вечер, не пошел к постели, а сел возле телефона, вызвал к себе несколько ребят из организации и каждому из них надавал столько поручений, будто в течении одной ночи хотел от всей Икс-Ложы оставить одно воспоминание.

Зато утром, только что стал мутно светать восток, несколько фигур вышло из его квартиры. Это были главари пионеров: Стремяков, Вагонетка и Петряк. Их

проводжала младшая из двух индусок, танцовщица Первин.

В тайнике фашиста

Молодые люди вооруженные сумкой, в которой находился вновь изобретенный натурограф, отмычки, веревки и прочий инструмент из арсенала Таскаева, предводительствуемые девушкой индианкой вышли за угол одного из переулков района Кудринской площади и оказались возле домовладения № 13, во дворе которого стоял флигель-особняк из трех этажей.

— Здесь вверху живет саиб, которому предалась Эча-Биби, — вполголоса произнесла Первин на индустани Петряку.

— В каком окне, не знаете?

— Нет.

Ребята переглянулись.

— Сволочь, в центре Москвы хотят шпионить, — выругался Петряк.

— Теперь, просчитается! — возразил Стремяков.

— Надо бы действовать! — повел носом по воздуху Вагонетка.

— Да, — подтвердил Стремяков. — Товарищ Первин, — обратился он к девушке затем, — вы теперь можете идти домой, Петряк проводит вас.

— Я? — смутился Петряк, — ты иди! Ты лучше знаешь ее язык.

— А тебе разве для словоизлияний идти с ней, каттай?

Покрасневший от тайного удовольствия Петряк поправил на голове свой лопух и, кивнув девушке головой, повернул в переулок. Они пошли.

Стремяков ощупывал глазами верх особнячка, а Вагонетка двор, палисадник перед домиком и входы в него.

— Как устроиться, чтобы не разбудить дворнягу и не поднять шум? Снаружи можно делать, что хочешь, а как пробраться внутрь? — соображал Стремяков.

Вагонетка указал закадыке на небольшое открытое окно с матовым стеклом во втором этаже.

— Видишь окно?

— Вижу.

— Как думаешь, что это?

— Уборная или ванная... Пробраться туда?

— Да.

— А что делать дальше?

— Произведем взлом общей водопроводной трубы и замаскируем его, а затем под видом слесарей из Муни осмотрим весь дом.

— Идея! Ты, брат Вагонетка, гвоздь!

— Идем.

Оба комсомольца бесшумно приблизились к глухой стене особняка и под окном остановились. Оба подняли вверх головы. Открытое окно тылового помещения какой-то квартиры находилось на уровне второго этажа в глухой стене и казалось совершенно недоступным. Но это был единственный путь для того, чтобы проникнуть в дом, и потому размышлять не приходилось.

Стремяков достал из сумки веревку.

— Я взберусь на крышу впереди дома, — сказал он тихо, — привяжу веревку к трубе. Затем по ней спущусь в окно, а ты подашь мне снизу, что мне нужно будет, и подежуришь, чтобы нас не застукали.

— Катай!

Стремяков не заставил себя поощрять. Он разулся, взял из сумки ножовку, отмычки, опутался концом веревки, обогнул дом, приблизившись к парадному подъезду, и по его выступам, балюстрадам и подоконным карнизам быстро взобрался на уровень второго этажа.

Отсюда до балкона третьего этажа он вскарабкался, держась за водосточную трубу и опираясь на неровности украшений лицевой стороны дома.

Такой же маневр пришлось ему проделать и от верха балкона третьего этажа до крыши, после чего половина его работы было выполнена.

Во время исполнения всех своих акробатических манипуляций, беспечный комсомолец почти не оглядывался вниз или в сторону подвалов главного здания, откуда мог выйти дворник. Стремяков положился в деле самоохраны отчасти на Вагонетку, отчасти на

беспечность заграничного фашиста, которому едва ли могло прийти в голову бояться каких-либо ночных экскурсий импровизированной разведки добровольцев-подростков.

Действительно, ребятам везло. Не только забраться на крышу, но и проникнуть в открытое окно комнаты, оказавшейся, как это и предполагалось ребятами, ванной и ватерклозетом, в дальнейшем особого труда не составило.

Мишка Стремяков, заглянув в открытое окно, прыгнул на черепичный пол ванной и осмотрелся вокруг. Попутно он не забыл отряхнуть с костюма пыль и извесь, в которые выпачкался, когда лез по стене.

Под туалетным зеркалом справа находился большой шкаповидный постав рукомойника.

Стремяков заглянул в него, открыв дверцы.

Беглый мгновенный осмотр ящика вполне удовлетворил его: сюда можно было, при критическом стечении обстоятельств, спрятаться, в худшем случае.

Справа была ванная. С одной стороны ее в углу помещалась резервуарная колонка с топкой, а другой угол занимала кабинка ватера.

Дверь в стене рядом с кабинкой, очевидно, вела в коридор или какую-нибудь комнату. Одного взгляда даже в потемках раннего утра достаточно было, чтобы увидеть, что дверь не заперта.

Однако, несмотря на время самого сладкого предутреннего сна, в доме не все спали.

Подойдя к двери, чтобы толкнуть ее и высунуть голову, Стремяков вдруг остановился и вздрогнул.

Он услышал где-то близко около себя сдержанный, негромкий разговор.

Стремяков частью удивленно, частью испуганно насторожился, соображая, откуда он исходит, догадываясь, что это из комнаты, находившейся прямо по соседству с ванной, но под прямым углом от нее в коридоре, так что дверь этой комнаты с бодрствующими в ней людьми образовала тупик коридора. Через стекло двери исходил скудный красноватый свет. Благодаря тому, что она была приоткрыта, фразы разговоров ясно были слышны. Но как же был поражен предприимчи-

вый комсомолец, когда по отдельным фразам разговора и всему происходящему он открыл, что люди в уединенной глухой комнате занимаются почти тем же, зачем пришел и он сюда с Петряком, а именно, заговорщической фотографией, точнее, проявлением негативов...

— Вот так штуки! Товарищи по делу! — сжался парень, — что же это они мастачат?

Стремяков почувал, что происходит что-то, имеющее прямое и непосредственное отношение к деятельности батальона всех за всех.

Он остановился в лихорадочном возбуждении и мысли его молниеносно завертели. Но он замер без движения.

В ближайшую минуту комсомолец убедился, что он не ошибся.

— Это что? — спросил слащавый, церковно-певучий басок одного из присутствовавших в комнате.

— Это комплекты курсантов, занимающихся для агитации варварскими языками, и их руководители.

— А... а у вас же еще есть азиатские комиссары ихнего зиновьевского кагала. Где они?

— На этих есть только фотографии по одному — по два человека, как удалось выкрасть моей приятельнице.

— У-гу — хорошо! Пускай теперь комиссарики попробуют из совдепии куда-нибудь нос высунуть...

— Да кому-нибудь из них там прокламацию пропишут. Сохраните эти вещи у себя. Но, пока от вас не будут взяты негативы и письмо, не спускайте с посылки глаз. Она у вас пробудет до вторника. Я все это упакую, запечатаю и печати у вас должны быть нетронутыми... Вы за все отвечаете...

— Да я же сам знаю, что товарищи со мной не поцеремонятся, если они что-нибудь узнают. А от вас ни я в обиде не буду, да и еще кто-нибудь заработает.

— За это не беспокойтесь, заработаете.

Тот, который говорил о том, что «товарищи не поцеремонятся», в противоположность его собеседнику не только произносил слова без акцента, но в церковной певучести его голоса, наоборот, даже было что-то

московски знакомое и чтобы увидеть этого человека, Стремяков пользуясь потемками коридора рискнул подвинуться и поднять голову на уровень стекла.

— Ну, конечно...

Одна склоненная фигура принадлежала человеку одетому в жилет и крахмальную рубашу по домашнему — очевидно это и был фашист, а владельцем другой, загородившей спиной часть двери был несомненно поп, хотя он и был в мещанском пиджаке...

— Переоделся, гад! — мелькнуло в голове Стремякова и он, не обнаружив себя ни лоскутом тени, ни шорохом движения, подался в сторону, чтобы обдумать, что ему предпринять дальше. Простояв несколько секунд без движения и стараясь ни одним звуком не выдать себя, он решил действовать напролом и нырнул в двери против ванной, которая, очевидно, служила черным выходом.

Ему необходимо было приступить к выполнению его непосредственной задачи. Нужно было проломить где-нибудь трубу. Но где? Нецелесообразно было это делать в ванной, где порча трубы могла быть исправлена посредством какого-нибудь домашнего слесаря. Нужно было добраться до основной трубы, а для этого попасть в нижний этаж и произвести там полную риска разведку. К счастью, парень шел теперь изнутри дома, поэтому кухня, в которую он попал с коридора и у которой другая дверь была заперта изнутри, была им легко открыта. Он оказался на черной лестнице. Крадучись бесшумно по ней, он спустился, миновал вход в квартиры первого этажа и вдруг вздрогнул от радости. Он увидел, что находится возле подвальной комнатухи, где помещалась топка центрального отопления. Лучшего Стремяков не мог ожидать.

На двери висел замочек. Но ни он, ни все остальное не представляло для юноши, вооруженного средствами взлома и отмычками, никакого затруднения.

Он провозился в топке около десяти минут.

А затем так же отчаянно, как будто он занимался проверкой своего собственного владения, а не воровскими похождениями, с ловкостью рискующего головой «домушника», он повесил снова на место замочек, тенью продвинулся наверх в кухню, закрыл ее изнутри, прислушался, что делается в коридорах, зыркнул на кабинку фашистской фотографии, и убедившись, что те, так ничего и не заметив, продолжают свое занятие, скользнул в ванную.

Здесь он, сохраняя прежнее бесстрашие, мог поздравить себя с полным успехом. Он над этим не задумался, а выглянул в окно, нашел во дворе тень терпеливо ожидавшего его на страже Вагонетки и ухватится

за висевшую над окном веревку. Энергичным напряжением мышц он заставил себя взобраться по веревке на крышу. Отвязал веревку и бросил ее мягко на землю. Пробрался к фасаду и спустился. Соединился с волновавшимся Вагонеткой, на котором даже перекосилась кепка от того, что тот не переставал беспокойно задирать голову, ища товарища.

— Ох, — вздохнул Стремяков, — кончено! Имеем право немедленно от имени М. К. Х. по телефону сейчас же запросить, что тут жильцы делают с водой, что водокачка не успевает давать ее. Но прежде, давай сделаем съемку дома и немедленно вызовем себе двух ребят сверх программы. Будет дело, не предусмотренное порядком дня.

— Случилось разве что-нибудь?

— Да, после расскажу! Доставай аппарат, займем вот тут позицию, и давай мастачить.

Вагонетка поднял свою машину, и товарищи, крадучись и останавливаясь поминутно, чтобы оглянуться по сторонам, заработали натурографом, запечатлевая со всех сторон на пленку здание.

— Готово! — сказал Вагонетка, когда они, сделав круг, вернулись к исходной точке. — Айда отсюда!

Товарищи очутились за воротами.

— Теперь иди, Як, ищи, где поближе есть телефон, звони Градимиру Петровичу, и пусть он для слежки пришлет каких-нибудь двух опытных грачей постарше. Пока ты с кем-нибудь будешь разыгрывать водопроводную увертюру, я с другим займусь слежкой. Тут есть одно животное... Вроде ихнего наркомпочтеля. Поп! Он, должно быть, скоро выйдет. Надо будет его выследить до самого его гнезда...

И Стремяков рассказал другу, что он видел в доме.

Вагонетка мотнул от удивления головой и побежал звонить Пройде.

Маневр комсомольца

Через полчаса вблизи дома № 13 две пары агентов организации готовы были выполнять каждая свою функцию, следя за фашистом, проживавшим здесь, как

это уже удалось установить Пройде, под именем Пит-Графа.

Вагонетка в одежде слесарского ученика вместе с водопроводчиком Сусловым из мастерских Таскаева убивал время в трамвайной беседке, пока обыватели проснутся, и можно будет идти от имени МКХ для ремонта водопровода. Стремяков и секретарь полиграфтреста Граудин устроились иначе: Стремяков держал перед собой через плечо папиросный ларек и стоял на ближайшем углу, одетый в форменную фуражку Моссельпрома, Граудин в замусоленной одежде мастерового, с узелком завтрака в красном платочке, занял пост с другой стороны квартала под воротами одного дома.

Им недолго пришлось ждать.

Начиналось утреннее движение на улицах, когда со двора вышел и на секундочку остановился у ворот человек в войлочной шляпе, с поповской растительностью, одетый в большой пиджачный костюм и пальто.

Худощавый и бледный высокий человек, с прячущимися глазами, бросил быстрый взгляд вокруг, опустил глаза и направился к Арбату.

Тотчас же из-за одного навеса ворот вышел мастеровой и ровным шагом последовал на некотором расстоянии за переодетым попом. Стремяков, заметив это, пропустил мимо себя отслеживаемого и, сделав неуловимое движение, бесстрастно шагавшему следом Граудину, быстро вошел в один из соседних дворов. Здесь сынишка дворника занимался торговлей папиросами, и Стремяков, используя на получасовом дежурстве его коммерческие «причиндалы», спешил возвратить их, чтобы дальнейшее наблюдение продолжать уже в своем натуральном виде.

Он решил опередить агента-попа.

Он этого достиг, обогнув один и другой квартал и пройдя попавшийся сквозной двор. На углу Арбата еще издали увидел сперва попа, а затем и Граудина.

Стремяков, под прикрытием киосков возле бульваров дождался, пока определилось то направление, по которому хотел идти священник, пропустил его на

улицу Герцена и когда тот завернул в Леонтьевский переулок, зашагал и сам туда, обгоняя священника.

В одном окне маленького одноэтажного домика Стремяков, опередив священника, увидел, как высматривает, ожидая кого-то, полувысунувшаяся наружу фигура женщины.

Она издали увидала священника и сделала движение то ли укоризны, то ли облегченного удовлетворения.

Стремяков моментально схватил это движение, вдруг ступнул в незакрытый дворником, оказавшийся перед ним люк канализации, и громко вскрикнув, загудел в него. Хотя он при этом и повис в отверстии, держась с одной стороны ямы на локте, а другой схватившись за чугунное ушко люковой рамы, все-таки видно было, что он еле держится, и с секунды на секунду рухнет в клоаку.

Женщина, оказавшаяся попадьею, ахнула в окне.

— Держитесь, держитесь, молодой человек, сейчас поможем!

И с этими словами она выскочила на улицу.

Вместе с очутившимся тем временем у места происшествия попом, она начала хлопотать возле юноши, помогая ему выбраться из люка.

Стремяков имел несчастный вид.

С его лица исчез страх, но когда он попробовал ступить на землю, то вдруг громко вскрикнул и тихо опустился возле ямы, щупая себе обеими руками правую ногу.

Граудин, очутившийся возле пострадавшего и быстро обменявшийся неуловимым взглядом с сообщником, также соболезнующе остановился и наклонился возле попа и парня.

— Вывихнул ногу! — разъяснила попадья.

— Товарищи-граждане! Вы как из этого дома, давайте внесем его, и надо перевязать ногу, чтобы человек не мучился, — предложил Граудин.

Священник, хотя и скривил недовольно губы, но должен был примириться с хлопотливой необходимостью помощи пострадавшему, так как попадья, для сердобольной души которой нашлось христианское занятие, быстро повернулась к двери домика и взволнованно повторила:

— Пойдемте, перевяжем ногу! Пойдемте, перевяжем ему ногу!

Вся группа ввалилась в переднюю мешанской квартиры. Здесь Граудин, внесший на руках товарища, вопросительно взглянул на попадью, ища, куда положить его ношу.

— Сюда, сюда, товарищ! — указала та ему на одну дверь, не замечая той внутренней радости, с которой Стремяков отметил, что он «без пересадки» попадает в кабинет попа.

Действительно, Граудин оказался в комнате с книжными шкафами, диваном и письменным столом.

Он опустил парня на диван.

Попадья пошла за йодом и бинтами.

— Где у вас вода есть, отереть ссадину тряпочкой? — остановился Граудин.

— Сейчас вам дадут, — сказал священник.

Но он прежде подошел к письменному столу и, вытащив верхний ящик, вложил в него из кармана какой-то пакет.

Граудин не дал ему закрыть на замок ящика.

— Гражданин! Гражданин! Он умирает!.. — испуганно дернул мастеровой вдруг священника за руку.

Священник встревоженно бросил стол и взглянул на побледневшего и начавшего учащенно дышать Стремякова.

— Дайте скорей, пожалуйста, воды!

Священник метнулся в кухню, бросив и комнату и все на свете на произвол своих доставивших неожиданные хлопоты гостей, лишь бы только поскорее отделаться от их присутствия.

Но только что он оставил за собой порог, как Стремяков с легкостью кошки очутился сперва возле киота в углу комнаты, а затем у письменного стола.

Он схватил на киоте один из торчавших там огарков свечи, расплющил огарок, извлек из ящика стола кольцо с тремя ключиками и быстро сделал на воске их точные отпечатки, после чего воткнул ключи обратно, воск сунул в карман, а сам снова очутился на диване.

Граудин схватил его за руку.

Поп вошел с водой. Попадья принесла бинт, вату и йод.

Стремяков поднял глаза, как будто после обморока.

— Из-за того, что я такой растяпа, вам столько беспокойства!.. Я очень извиняюсь!.. Я обошелся б, если бы только мне добраться домой. Может быть, кто из вас может подозвать извозчика сюда, добрые люди!

— Мне делать все одно нечего, я позову, — сказал Граудин.

— Извозчик само собой, а перевязать ногу необходимо, это само собой, — заявила попадья.

Поп, закрывший тем временем ящик, кивнул головой, очевидно, не смея перечить попадье.

— Да, да! Надо прежде перевязать...

Граудин вышел.

Попадья ловко вытерла и перевязала ссадину на ноге юноши. Ему, видно, сделалось легче.

Подъехал извозчик, и, поддерживаемый с одной стороны попадьею, с другой попом, Стремяков добрался до экипажа и влез на него.

— Извиняюсь! Спасибо! Спасибо! — Взволнованно и конфузливо благодарил Стремяков.

Извозчик поехал.

СОДЕРЖАНИЕ
ВТОРОГО ВЫПУСКА
Большевики по Чемберлену
фашист в окружении
И
фокусы конспирации.

Пройда и Граудин стояли за столом холостяцкой комнаты и спорили.

Граудин волновался, беспокойно ерзал возле стола и энергично «выражался» по поводу пренебрежения к нему со стороны Пройды.

Пройда курил и искоса следил за товарищем.

— Я в Советский Союз бежал, и секретную работу в ГПУ оставил не для того, чтобы быть канцелярским регистратором. Я стремился сюда для участия в международной революционной деятельности. Я ждал, пока вы будете готовы, чтобы ехать с вами, вы же берете с собой караван ребят, а меня превращаете в трестовскую клячу, чтобы я высиживал здесь бюрократов. Не хочу я!

Пройда дал разрядиться своему секретарю. Когда тот кончил, он вместо ответа извлек из-под пресса какой-то внушительный документ, и со спокойной усмешкой подал его товарищу.

Тот прочитал и сразу успокоился.

— А, вот что: «Обнаружить Икс-Ложу, информировать президиум и товарища Пройду, затребовать для этого работников, организовать разведочное бюро и связь с партийными газетами за границей, где найду нужным». На это я согласен. Спасибо! Я зря нападал на вас. Спасибо!

Граудин схватил за руку Пройду, крепко пожимая ее.

— Ручаюсь, что я это сделаю! Фашистам аминь!

— Ну вот... Значит, я с сотней ребят и несколькими комплектами на днях потихоньку еду, а вы беритесь

немедленно за Пит Графа и осведомляйте меня обо всем. Я, если что-нибудь узнаю, также сообщу вам...

— Есть! Начинаю действовать. Но прошу предоставить в качестве помощника мне вашего корректора Дергачева.

— Можно. Катайте!

Граудин начал действовать.

* * *

В жилтовариществе дома № 13, где проживал фашист, оказалось два квартиранта-коммуниста. После того, как Сулов осмотрел квартиру Пит Графа, Граудин, наведя о них справки в райкоме, вызвал одного из них к себе домой. Он с глазу на глаз переговорил с ним о чем-то, и коммунист, возвратившись после этого разговора, провел немедленно в жилтовариществе предложение о производстве ремонта центрального отопления в особняке, исправлении лестниц и оконных рам.

В дом были приглашены мастера Мосстроя, которые и приступили к работе.

Никто не знал, что уже на другой день после работы этих мастеров, в доме и во дворе остался целый ряд хорошо замаскированных гнезд, из которых теперь неусыпно должны были высматривать и выслушивать все происходящее здесь глаза и уши маленьких пролаз — пионеров, помощников Граудина.

В самом дворе в пяти шагах от особнячка лежало несколько штабелей дров.

В одном из этих штабелей теперь находился записной пионерский оратор Егор Чекарев, хорошо запомнивший, что он не должен пропустить ни одного существа через ворота, не рассмотрев его примет и особенностей. В вестибюле парадного подъезда под доской подоконника находился Сенька Шевердин, пятнадцатилетний сорванец, сын рабкора газеты «Правда». Под подоконником же, в комнате самого Пит Графа устроился Гришка Сластен и, наконец, в ванной комнате в том ящике рукомойника, куда в случае опасности хотел спрятаться Стремяков, засажен был с необходимой

маскировкой самый старший из всех дежуривших пионеров, Алеха Скороспелов, сын шофера из гаража МСПО. Нечего и говорить, что каждый из ребят был вооружен натурографами. Отныне каждый визит к Пит Графу и каждое слово, произнесенное кем бы то ни было в его комнате, делались немедленно известными Граудину, и последний не пожалел о том, что принял для надзора над ним столь чрезвычайные меры.

В первый же день засады пионеры сообщили Граудину о том, что индианка Эча Биби принесла Пит Графу большое письмо. Письмо Пит Граф читал при помощи какой-то книги, в которой не переставал считать буквы, пока не прочел письмо.

Граудину стало ясно, что книга являлась ключом к шифру, посредством которого переписывался фашист.

Вся сцена визита Эча Биби к Пит Графу была заснята Григорием Сластеном в натурограф, и в виде тончайшей пластинки из неведомого материала, изготовленного Таскаевым, находилась в руках Граудина.

Граудин направил ее в натурограф, щелкнул аппаратом, и после воспроизводившихся перед ним в течение пяти минут сцен встречи восточной танцовщицы с ее любовником, встретившим ее с уверенностью ее повелителя-сердцеда, он увидел передачу и вскрытие письма, увидел, как фашист подошел к шкафу с книгами и вынул оттуда томик изящно переплетенного в красной папке издания, в котором нельзя было не узнать советский календарь на 1927 г.

Граудин обождал еще полминуты и увидел, что Пит Граф открыл для шифра отдел о Коминтерне. Вслед за тем фашист начал читать письмо.

Граудин закрыл аппарат. Теперь ему нужно было взяться за попа, у которого должны были находиться в пакете негативы фотографий, карточки и письмо.

Граудин, посмотрев тот слепок воска, на котором Стремяков сделал оттиск ключей от стола священника, заказал по нему сделать ключи, и вызвал к себе Яка Вагонетку.

Было утро воскресного дня, когда Вагонетка получил от Граудина ключи от письменного стола в кабинете попа и краткое задание:

— Иди, проникни в кабинет священника, найди у него пакет, запечатанный в желтой бумаге, и принеси его сюда. Если сумеешь это сделать, не пропадешь и в Индии, а нет, тогда наше дело плохо... Постарайся симулировать кражу, чтобы фашисты не поняли, в чем дело.

— Слушаю, — сказал Вагонетка, — принесу!

Но, выйдя от Граудина, парень упал духом.

— Легко сказать — принеси пакет... А как это сделать? Воскресенье... Поп и попадая в церкви, один колдует, а другая бьет себе там дурной лоб; дома одна служанка, но все же, как обойти горняшку? Эх, если бы она была комсомолкой отряда...

И меланхолично настроенный Вагонетка, готов был перевернуть весь свет, только бы отличиться на том неребяческом деле, которое поручил ему бесцеремонный латыш.

Он шел по улице и, толкая прохожих, то убавлял шаг, то взволнованно останавливался.

Вдруг ему что-то пришло в голову, и у него заблестели глаза.

— Вот фунт будет, пропадай, моя телега! Дядя Граудин, распишись-ка!..

Сразу повеселевший парень «дунул» прямо в Леонтьевский. Он придумал предлог для осуществления своего плана.

Через двадцать минут он был возле дверей поповского домика и отчаянно нажимал кнопку звонка.

Дверь парадного открылась и на пороге показалась растрепанная, производившая, очевидно, уборку комнат, деревенская девушка-прислуга.

— Чего ты трезвонишь?

Вагонетка поднял на нее невинные, широко раскрытые глаза.

— Скорее пустите меня в кабинет батюшки. Я дискант из нашего хора. Отец Стефан писал здесь проповедь, чтобы говорить сегодня после обедни, и забыл ее в письменном столе. Он прислал, чтобы я скорее взял ее...

— А ключи он дал тебе?

— Ключи вот!

— Ну иди, только ноги оботри, чтобы не насорить...

Вагонетке только этого и нужно было. Он последовал за прислужой в кабинет, и пока девушка стояла на пороге, открыл письменный стол. Сразу же он увидел пакет в желтой бумаге. Он ловко подцепил его, остановился взглядом на секунду на часах и связке денег, которые лежали среди других предметов в ящике. Что-то хитрое еще раз пришло ему в голову и, взглянув украдкой на служанку, он незаметным движением сунул и деньги и часы в карман.

— Нашел, готово! — воскликнул он, пряча лист бумаги.

И закрыв снова ящик, он бросил прислуге «до свидания», вышел, вскочив на первого же извозчика, и покатил к Граудину.

Граудин ждал его в мастерской Таскаева. Не медля ни минуты, он вскрыл пакет, попросил Таскаева распорядиться сделать ему за четверть часа с сургучной печати пакета ее точную копию, и, слушая сообщения Вагонетки о том, как и что именно парень сделал у попа, пересмотрел негативы и стал расшифровывать по «Советскому календарю» письмо.

Через пять минут он знал его содержание.

Он велел позвать к себе несколько помощников, и одного из них послал задержать после обедни попа часа на два, затащив его куда-нибудь на окраину. Другому он велел одеться милиционером.

Пока все это делалось, Таскаев, по его указанию, взамен изъятых негативов приготовил столько же других с изображением различных групп советских хозяйственников, спортсменских коллективов и юношеских экскурсий. Он их перенумеровал соответственно нумерации подмененных негативов и содержанию письма.

В письме фашиста сообщалось, что такой-то список представляет собой такую-то школу, имеющую тайную цель готовить подпольщиков для восточной работы, такой-то группы руководителей и т. д. и т. д.

Граудин сфотографировал письмо, после чего осталось его только опять запечатать вместе с негативами, придать всему пакету такой же самый вид, какой он имел до вскрытия и водворить его обратно в стол попа.

Граудин сделал соответствующие распоряжения.

Через полчаса возле двери домика священника стоял милиционер, державший за руку заплаканного Вагонетку.

Открыла прислуга и сзади нее показалась попадья.

— Этот жулик был у вас сегодня? — спросил милиционер у женщин, открывших дверь.

— Был, — подтвердила прислуга.

— Что он у вас делал?

— Взял проповедь батюшки в письменном столе.

— А украл что-нибудь он у вас?

— Не знаю...

— Это ваши вещи и деньги?

— Ой, господи, да это батюшкины часы и деньги из письменного стола! Обокрал, обокрал, несчастный жулик!

И попадья бросилась на Вагонетку.

Парень заревел.

— Обождите, матушка, пождемте посмотрим, что еще пропало у вас в письменном столе; у него и поддельные ключи и отмычки отобрали. Ну, где это ты все взял, указывай! — ткнул Вагонетку «мильтон».

Тот указал на кабинет.

— Пойдем!

Матушка и прислуга последовали за арестованным и конвоиром. Милиционер, показав матушке ключи и отмычку, вскрыл письменный стол.

Из-за рукава у него тут же незаметно выскользнул в ящик пакет, который только и требовалось возвратить на место его прежнего нахождения.

— Смотрите, матушка, чего у вас тут еще не достает, — с заботливым участием беспокоился мнимый милиционер, — сосчитайте, сколько денег. Хорошо, что он не успел часов продать, как раз поймался, когда рассматривал их возле рынка, а то устроил бы вам праздник. Арестантюга, оголец несчастный!

Попадья с ахами и охами то пробовала считать деньги, то заглядывала в письменный стол и оглядывалась на шкаф...

Милиционер терпеливо ждал, пока она успокоится, и сел писать протокол.

Вагонетка, хорошо разыгрывая свою роль, волчком сидел на стуле, куда его ткнул милиционер, и исподлобья смотрел на пол.

Протокол, в котором значилось, что бежавший из детского дома и дважды уже отбывший наказание за домашние кражи беспризорный Селиван Подлетов, 16 лет, произвел такую-то кражу и при таких-то обстоятельствах арестован. Подписала прислуга.

Милиционер повел Вагонетку, по его словам, в участок.

Но за первым же углом и он, и арестованный залились смехом и поспешили к Граудину.

Фокусы конспирации

Члены организации «Батальона всех за всех» возбужденно готовились. С часу на час они теперь должны были ждать призыва для отправки в дальний путь.

И скоро этот призыв последовал.

Пионерский оратор, широкоскулый, с маленькими глазами вожатый Егор Чекарев уже объявил своей матери, уборщице кооперативного магазина о том, будто он намерен мобилизоваться добровольцем во флот на подводную лодку и, напугав ее обещанием утопиться, если она будет отговаривать его, довел своими аргументами до того, что огорошенная женщина не только боялась после этого пикнуть сыну о его безумной затее чтобы то ни было, но дала себе зарок не говорить об этом также никому другому.

Мать приняла за чистую монету выдумку о флоте.

Рано утром, после того как Ерка убил ее своим сообщением, она собралась в магазин, вытирая слезы и спеша спрятать глаза от дома на службе. Шла она, не евши, а Ерке оставляла на полочке последний кусок хлеба, как будто намереваясь тронуть сына самопожертвованием.

Ерка, заметив это намерение матери, вскочил с сундука, на котором еще ежился после первых просонок, и истерически попробовал прикрикнуть:

— Еще новости, — чтобы не евши работать! Я лучше сдохну, а не буду все одно есть хлеб, увидишь! Если ты

не ешь, то и я не буду... Я не лучше тебя. Возьми половину хлеба себе. Подкидывальщица!

Но «подкидывальщица»-горемыка, видевшая когда-то лучшую жизнь, отчаялась в человеческой доле для себя и не хотела, чтобы мальчуган остался до следующего дня голодным. Напустив на себя грубость, она осадила малыша.

— Не выкомаривай на прощанье еще! Довольно, что одним порадовал мать. Мучитель!

Ерка осекся, почувствовав, как у него защемило что-то на душе, когда он увидел у матери слезы, и сел на сундук.

Мать еще раз взглянула на него, буркнула что-то о помощнике-сыночке и вышла.

Ерка посидел немного. Когда он почувствовал, что хочет есть, он взглянул на остаток лежавшей на полочке булки, но только досадливо хлопнул глазами, свирепо начал одеваться, а затем схватился за книжку, предварительно заперев дверь, за которой начинался шум являвшихся к печке для стряпни женщин.

Каморка выходила в кухню. Половина женского населения всего дома в течение дня толкалась возле Еркиной двери.

О, как не любил это обывательское соседство пионер!

Только что успокоился и сосредоточился на занятии Ерка, как в кухню вошел встреченный ироническими взглядами какой-то салопницы с яичницей и советской дамы с шипевшей в кастрюле бараниной, пожилой житель чердака, заштатный захудалый музыкант, являвшийся полупокровителем Еркиной матери.

Ерка, сталкиваясь с этим типом, догадывался о зависимости его матери от чердачного квартиранта и, кажется, только ждал случая, чтобы публично излить против него свою ненависть.

А нищеватый, но привязчивый музыкант, чувствуя, что от беспокойного пионера ему может влететь, старался не попадаться Ерке на глаза, если не вынуждала к этому необходимость.

Но разве знаешь, где упадешь?

Музыкант, рассчитывая спозаранок застать Еркину мать, стукнул тихонько в дверь, откуда слышалось какое-то бормотанье.

Бормотанье стихло.

Музыкант еще раз стукнул.

— Кто?! — рывкнул вопросительно Ерка, высовывая голову.

— Ма...ма дома? — пролепетал испуганно музыкант.

— Кобель! — вышел из себя Ерка. — Маму ему надо. Нету! — хлопнул он дверью.

Музыкант отпрыгнул, испуганно схватившись за нос и пробуя его целость, но, услышав, как прыснули от смеха стряпавшие возле печки женщины, юркнул с кухни.

Ерка раздраженно уставился в книжку, по которой доучивал заданный Партаб-Сингом урок языка индустани. От злости его потянуло к булке. Но, скрипнув зубами, он отвернулся от нее и снова принялся за зубрежку.

Но только что успокоился он и прозубрил несколько диалогов, как в кухне снова раздался шум, и возле его дверей заговорило несколько человек.

В дверь забарабанили.

— Кто?! — взбеленился Ерка, подскакивая к двери.

Перед порогом оказалось около десятка комсомольцев и пионеров.

Сразу Ерка успокоился и отступил от двери, давая дорогу ребятам, которые ввалились в комнату и загродили порог.

— Едем? — догадался и спросил торопливо Ерка, засовывая в карман книжку и волнуясь.

— Едем! — ответил Горячев.

— А еще кто едет?

— Все едут... Марсельезец, Шевердин, Ключиков...

— А где другие?

— Часть уже на вокзале... Засели до вечера в пакугазе, чтобы ночью незаметно погрузиться. Никто не знает, что мы едем. Петряк и Стремяков собирают ребят в Хамовниках... Скорее собирайся, нас еще ждут индианки, которых мы должны захватить. Бери вещи, да пойдем...

— А что надо брать?

— Что хочешь.

Чекарев оглянулся, и его рука непроизвольно потянулась к булке. Одновременно его взгляд упал на карточку матери. Он вдруг отдернул руку и присел, глотая слюны и медля.

Ребята с недоумением переглянулись.

— Да он, братцы, не шамал уже три дня, и хлеб оставляет матери, — догадался Горячев. — Говори, старая галоша, кризис у мамах?

Ерка беспомощно кивнул головой.

— Мать пошла, не евши... Если хлеб возьму, вечером ей, хоть сдохни... Лучше пусть хоть немного поест.

— А ты?

— Увидим.

— О, черт! Возьми у нас, мы тебе соберем целкаш, оставь его матери, да идем скорее...

Орава ребят стала вываливаться из комнаты.

Ребята двинулись к Варварским воротам, у которых на бульваре их группу должны были ожидать отправлявшиеся с отрядом индианки-танцовщицы.

У парней было повышенно-выжидательное настроение, как будто они искали и не знали, в чем излить свое возбуждение. Но случай тут же представился.

Только что стали они подходить к бульвару, как к ним навстречу возбужденно выбежал барабанщик одного из звеньев, Гришка Сластен, искавший ребят.

— Товарищи! — подскочил он. — Полдюжины нэпачевских лоботрясов с биржи пристали с сальностями к индианкам и не отстают... Хорошо, что вы пришли, пойдемте скорее. Вон мильтон! Гей!

Чекарев и Вагонетка, переглянулись.

— Милиционер пускай стоит. Мы без него загаем хулиганов. Айда!

И ребята ринулись на бульвар. Они обежали часовенку, из которой выливались богомольцы на улицу перед бульваром.

— Товарищ, глаза на бок! — скомандовал весело Вагонетка, пробегая мимо постового. — Не пускай никого на бульвар мешать нам, мы у буржуйчиков подавим немного икру... Они обижают женский пролетариат.

Милиционер, взглянув на бульвар, только теперь увидел там окруженных несколькими молодыми спекулянтами двух восточно наряженных девушек, которым баричи в шляпах и при тросточках загораживали дорогу, когда те пытались выйти из их круга.

Девушки, очевидно, были уже доведены хулиганящими франтами до слез.

Он выжидательно насторожился, и от изумления мотнул головой, глядя на «сыпанувших» туда ребят.

Ерка Чекарев опередил всех сорванцов в красных галстучках, и только успел крикнуть столько же в поощрение себе, сколько и догонявшим его партнерам:

— Тах-тах! С пылу, с жару по пяточку за пару! Бух! — И он со всего разгона бухнулся головой под ноги нескольких молодых франтов, чувствовавших себя на бульваре, как дома, свалил одного из них тяжестью своего тела, а другого дернул за ноги, когда падал сам, так что биржевик, дрыгнув раза два мелкими шажками, загудел прямо на своего партнера.

— Караул! Жулики! Большевики! — разразились паническими возгласами спекулянты, не зная, то ли пускать в ход трости, то ли давать деру.

Но Вагонетка и Волхонский уже барахтались еще на одном молодчике, тузя его по чему попало в то время, как двум другим ловеласам из кучки приятелей удалось отскочить в сторону, и они, один за другим, ринулись бежать.

Сластен схватил за руки девушек, неожиданно спасшихся от хулиганов, и повлек их прочь от места происшествия, крикнув барахтавшимся еще в свалке ребятам:

— На вокзал, когда управитесь!

Дюжина ребят тем временем кряхтела на валявшейся под ними тройке франтов, чуть не грызя их зубами.

Милиционер, не пропустивший ни одной подробности потасовки и одобрительно ухмыльнувшийся сногшибательному налету ребят, решил вмешаться в происшествие и засвистал.

Вагонетка моментально вскочил на ноги.

— Команда расходиться! Марш, все.

Всклокоченная расви́репевшая братва последовала примеру вожака и дернула с бульвара.

Милиционер вдогонку им весело засвистал, направляясь к нэпманам, чтобы вести их для составления протокола в отделение. Между тем, на вокзале собрались уже все участники отряда.

В разных частях станционного парка под командой своих руководителей отдельные группы уезжающих рассаживались в заранее намеченные вагоны. Часть отряда утром уже двинулась в запечатанном под видом интендантских товаров пульмановском вагоне. Другая часть получила теплушку и должна была путешествовать в роли школьных экскурсантов. Наконец, еще одна группа поехала в качестве пассажиров с почтовым. Путешествие предстояло, очевидно, длинное, потому что все группы оказались снабженными багажом, деньгами и провиантом. Перед отправкой руководители групп о чем-то долго совещались. Все делалось с заговорщическими предосторожностями, пока отряд не выехал.

И вот, из Москвы сразу исчезли Пройда, Партаб-Синг, Таскаев, один китаец-большевик из Сибири, несколько десятков комсомольцев и столько же наиболее активных, не по возрасту выделявшихся среди товарищей пионерских организаторов.

Внезапное исчезновение молодежи произошло так организовано-бесшумно, что только ближайшие товарищи исчезнувших знали о нем.

Встречаясь друг с другом и споря об организационных делах, молодые группорги, секретари и юнруки вдруг вспоминали:

— Э, товарищи, а куда девался Марсельезец?

— Он пошел во флот с Петряком...

— А Скороспелов?

— Тоже...

— Фу, черти, плавают себе по морям теперь...

И разговор заканчивался. Парни представляли себе броненосец, крейсер или подводную лодку советского флота; беспредельные поверхности моря или его глубины. Товарищеский экипаж коммунистов матросов. Среди них какой-нибудь наш московский знакомец в

качестве юнги, постепенно затем превращающийся в опытного красного моряка. Хорошо, черт возьми!

В действительности цель заговорщического путешествия отряда ничего общего с зачислением ребят во флот не имела.

Батальон двигался в Азию, и его участники мчались с поездами к границам Афганистана.

Перед тем, как ребята оказались закупоренными и запечатанными в вагоны, запертыми и караулом заставлены в теплушки, разместились в каморках проводников, они получили от своих руководителей распоряжение все время путешествия в поезде практиковаться в изучении индийских наречий и только на них обмениваться между собой.

Кроме того, им вменялось в обязанность, посредством выделенных для этого товарищей, поддерживать между всеми группами связь, проверять, соблюдается ли сообщниками необходимая скрытность, не проникло ли в среду какой-нибудь компании товарищей разложение.

Но все шло благополучно. Ребята рвались поскорей очутиться на месте. Вагоны с ними отцепляли, прицепляли, везли снова.

Но вот однажды, через три недели после того, как ребята оставили Москву, все они оказались, наконец, на самой конечной станции Средне-Азиатской железной дороги.

Здесь уже отряду был организован прием. Приехавшие прежде всех Пройда, китаец Сан-Ху, индианки и Стремяков договорились с начальником станции, сделали ему указания о цели своего приезда и приготовили до утра приют: пакгауз разгрузочной станции.

Вплоть до вечера запечатанные с ребятами вагоны должны были стоять в тупике.

В одном из этих вагонов через маленькое отверстие смотрел, выслеживая, что происходит на станции, Петряк, сообщавший товарищам свои наблюдения.

Под другим терпеливо дежурил, забравшись на тормозную раму и балансируя на ней так, чтобы не попасть под колесо, Вагонетка.

Почувствовав, что вагоны приехали уже на край света, ребята в качестве дневальных ждали от руководителей распоряжения и терпеливо скрывали свое присутствие на избранных ими самими постах.

Но только что наступил вечер, стемнело, зажглись фонари станции и опустели линии запасных путей, как среди составов товарных вагонов зашагали фигуры двух человек.

Это были Стремяков и китаец Сан-Ху, приставший к Пройде, чтобы помогать большевикам в Индии.

Стремяков и Сан-Ху сперва нашли вагон, в котором было отверстие Петряка.

— Затворники! — позвал Стремяков в дырочку.

— Ты, Мишка... что?

— Приехали! Сейчас вагоны поставят к разгрузочной, будем вылезать!

— Ура!

— Готовьте багаж!

— Есть, скажи другим.

Сан-Ху тем временем искал пульман, под которым дневалил Вагонетка.

Но он не знал его номера и в потемках сбился, останавливаясь то перед одним, то перед другим составом.

Стремяков выручил его.

— Ходя-кампрад, здесь!

Стремяков ущупал глазами насторожившуюся фигуру Вагонетки, который принял в темноте товарищей за посторонних и старался сжаться еще больше, чтобы не выдать себя.

Он только что было кое-как расположился жевать переданные ему товарищами виноградинки сухого изюма и теперь, искривившись «в три погибели», не смел пошевелинуться, чтобы высунуть голову и взглянуть, кто подошел.

Китаец и Стремяков, поняв трагическое положение законопатившего себя в угол под вагоном, вымазавшегося в мазуте дневального, хмыкнули, и Стремяков издевательски шепнул:

— Буржуй! Ишь, ложу занял!.. вылазь, черт, вагон сейчас поедет!

— Стремяков? — Вагонетка шевельнулся и быстро высунул голову.

— Да, скажи своим, чтоб готовились слезать. Багаж выбрасывать сразу, как только пристанем. Приехали!

— Что же молчали до сих пор... С обеда стоим!

— Днем нельзя было, чтобы кто-нибудь не узнал. Готовьтесь.

— Здравствуй, Сан-Ху!

— Здластвуй, палня! Лусской молотца!

И вестовые скрылись между вагонами.

Пройда, между тем, получил у одного из коммунистов станции пакет от Граудина. Латыш не потерял даром дорогого времени, чтобы успеть товарищу прислать ценные сведения.

В письме Граудин сообщал Пройде, что он напал на след центра Икс-Ложж и отправляется в Лондон. Но, кроме того, он узнал, что в Индии агентами Ложж являются англичанин Бурсон и русский белогвардеец Лакмус-Родченко. Ни о месте пребывания этих лиц, ни о характере их деятельности энергичный секретарь Пройды не сообщал ничего больше, но в пакете, кроме письма, оказался свежий номер английского военного официоза. Пройда развернул его, увидел на одной странице отчеркнутый цветным карандашом правительственный приказ, и из него узнал, что ввиду беспорядков в Северной Индии, в городе Майенвили вводится осадное положение, и исправляющим должность военного начальника назначается полковник Бурсон, которому предлагается отправиться в Майенвили и принять зависящие от него меры для водворения в городе спокойствия.

Пройда посмотрел на карту. Майенвили он нашел недалеко от границы Индии возле Пешавера. Тогда Пройда решил с группой нескольких помощников поспешить в этот городок, оставив в качестве руководи-

теля идущего следом за ним главного отряда Таскаева. Для того чтобы осуществить этот план, нужно было только тронуться со станции.

В лице членов небольшой станционной комячейки Пройда и его друзья нашли себе нескольких деятельных помощников, и в эту же ночь отряд со всеми мерами скрытности выгрузился, чтобы до рассвета выступить в поход.

Но как преобразился этот отряд, прежде чем ему тронуться со станции и очутиться в барханах пустыни и перевалах гор, через которые предстояло ему перейти, прежде чем он спустится в пешаверские долины Индии!

Большинство ребят, за исключением франтившего Стремякова, и раньше, правда, не блистали особенно европейским видом своей внешности, но все-таки они ходили, по крайней мере, одетыми с головы до ног, теперь же про них и этого нельзя было сказать.

Одни в остатках персидских халатов и рваных шароварах до колен, другие в каких-то подобирах рубаш или кафтанов, третьи совсем, как анчутки, только с кусками материи на чреслах.

Цвет кожи также почти у всех был изменен и в разной степени, но все они настолько потемнели, побывав для этого на специальной переделке в руках Таскаева, что тропическому солнцу уже нечего было делать с кожей московских комсомольцев, чтобы превратить их в потемневших и пожелтевших «боев» и «баранчуков» — ребят Азии.

Все они объяснялись между собой, спорили и общались друг к другу исключительно на диалектах Индии или английском языке.

Все не чаяли как можно скорей перейти границы Индии.

Трудно было Стремякову свыкнуться с его теперешней одеждой индийского уличного подростка- боя.

Организатор пионеров, незадолго перед выступлением из Москвы, попав в весьма благоустроенный дом отдыха, познакомился со всеми благами и слабостями культурного самоуваживания. Он пристрастился к франтоватому костюму, уходу за телом, ванне,

душу, и совсем увлекся своей внешностью, мечтая о том, как он, совершив какой-нибудь революционный подвиг, заставит сразу влюбиться в себя восемнадцать тысяч курсисток с московских рабфаков.

Теперь на комфортные привычки и мечту о триумфальной помпе перед москвичками пришлось махнуть рукой, надолго превращаясь в неприглядного азиатского оборвыша.

В толпе того экзотически ярмарочного сборища ребят, в какое превратился отряд комсомольцев, теряли всю свою оригинальность желтолицый ординарец Пройды Сан-Ху и обе танцовщицы, сблизившиеся за время совместного путешествия с «большевик комсомол» и почти всех ребят узнавшие по именам.

Перемена внешности ребят ни в какой степени не понизила их настроения. Наоборот, все они, выйдя со станции и очутившись в степи, где, кроме кустов саксаула и песчаных бугров, когда взошло солнце, не развернулось хотя бы вид оазиса карагачей или какого-нибудь кишлака — не только не упали духом, а ожили, повскакивали с арб и, разбившись на группы, пустились опережать караван и разминаться в чехарде, беге и нырянии под арбами. На одной из них сидел только китаец с Ерккой Чекаревым и Вагонеткой и разучивал с ними на нескольких инструментах индийские мелодии и буйные треньканья, веселя смеявшихся над их игрой танцовщиц.

Таскаев, Пройда и Партаб-Синг, кроме Сан-Ху и комсомольских вожаков, составляли штаб этого отряда.

Пройда, посоветовавшись с Таскаевым относительно сведений, сообщенных Граудиным, решил, что он снова встретится с товарищами в Бенаресе, впредь же до этого с Партаб-Сингом, Сан-Ху, тремя ребятами и танцовщицами, оставив отряд, поедет со всей возможной скоростью вперед для того, чтобы найти того фашиста-полковника, имя которого сообщал Граудин, и немедленно же по его связям ознакомиться с деятельностью и силами врагов революции.

Но прежде он хотел еще убедиться в том, насколько конспиративно может отряд пройти страну и перебраться через границы Индии.

Когда станция железной дороги осталась далеко позади, и отряд очутился в пустыне, Пройда и Таскаев подозвали к себе несколько подростков.

Четверо верховых комсомольцев, вооружившись натурографами, отделились по распоряжению руководителя от каравана, двигаясь на некоторой дистанции от него впереди, сзади и по сторонам, и привели аппараты в действие.

Особо организаторы отряда позвали Петряка и Стремякова.

— Поедьте с нами! — кивнул Таскаев ребятам, направляясь с Пройдой в сторону от отряда.

Ребята повернули коней.

Минуты три вся группа рысцой удалялась от отряда в степь.

Вдруг Стремяков, оглянувшись назад, остановился и поражено ткнул рукой назад:

— Товарищи, где же отряд?

Все оглянулись.

Пройда и Таскаев, обменявшись взглядом, многозначительно усмехнулись.

— Пропал караван! — остоленел и Петряк. — Где же отряд?

Действительно, караван как будто провалился в песках степей, не оставив никакой видимости своего движения.

Петряк и Стремяков вытянули уши и разом почти воскликнули:

— Голоса! Арбы едут! Кричат!

Кто-то действительно перекликивался в сотне шагов от группы всадников, но нигде не видно было кричавших, и откуда мог исходить шумдвигающихся людей и лошадей — было выше понимания обманутых странным явлением комсомольцев.

— Что за чертовщина? — обернулись парни. — Как это делается? Кто выкинул этот фокус?

— Этот фокус произведен натурографами, — объяснил Таскаев. — Сейчас со стороны отряда действует несколько натурографов по принципам активной и пассивной натурографии. Натурографы, во-первых, фотографируют окрестности спереди и сзади каравана,

а затем выбрасывают завесы, окружая ими отряд. На этих завесах беспрестанно воспроизводится со стороны каравана окрестность, какою она должна бы быть без каравана. Весь наш отряд окружен сейчас такими завесами с натурографическим воспроизведением на них местности, которую он проходит. Вот почему мы самого каравана не видим, а видим будто бы голые песчаные холмы. Это обман натурографа: мы видим иллюзию местности и не видим того, что на ней в самом деле есть. Это нам очень важно, потому что, таким образом, приняв еще только меры предосторожности против оставления сзади нас следов лошадей и своих, а также меры против шума, мы, никем не видимые, перейдем пустыню, минуем населенные пункты и перешагнем самые границы Индии.

— Чудеса! — выразил свой восторг Стремяков и бухнул кулаком в бок лошади, которая подпрыгнула.

— Великолепно! — подтвердил Петряк. — Это не только в Индию войти, а и по Лондону пройтись невидимками можно.

Пройда сказал:

— Это вам показано нарочно, чтобы вы видели, как важно не производить дорогой шума и оставлять поменьше следов. Едемте в отряд, и договоритесь со всеми ребятами о том, чтобы, как и в вагонах, здесь не было шума и оставлялось поменьше следов от нашего движения. Смотрите друг за другом.

— Кончено! Все будет сделано! — заявил Стремяков, давая обещание от лица всех своих товарищей.

Штаб отряда направился к каравану, по слуху определяя, где его искать. И, только что сделали товарищи два десятка шагов и минули невидимую завесу натурографа, как весь отряд очутился перед их глазами.

Первые встречи

Возле уездного города, расположенного на левом берегу Инда и населенного индусами и сикхами, на пустыре у берега реки остановился в походной фуре и раскинул палатку балаган бродячей цирковой труппы, состоящей из двух танцовщиц, трех гимнастов-мальчиков, двух борцов и клоуна-китайца.

Балаган прибыл рано утром, и уже через два часа после того, как установка палатки была закончена, из нее сперва вышли и направились в город две танцовщицы и индус-борец, а затем и сам владелец цирка, парсис в тарбуше, с серьгами в ушах, в белых штанах и пестром жилете сверх кафтана.

Парсис вошел в город. Минуя заросшие мхом архаические остатки стен какого-то здания, он встретился с выезжавшей из города, одинокой нагруженной покупками тонгой¹⁾ деревенского бани-лавочника и, на секунду остановившись в пустынном переулке окраинной части города, повернулся в ту сторону улочки, где белеющиеся из-за стрельчатой листвы пикообразных тиковых деревьев высокие дома указывали ему на центр города.

От пытливого взгляда спокойно шагавшего владельца балагана не ускользнули те подозрительные взгляды, которыми его встретили и проводили судрапильщики, грузившие в одном дворе на телегу доски; группа женщин, сплетничавших с кувшинами возле колодца, из которого они брали воду; высокочившие в школьные ворота несколько учеников, встречавшие и обгонявшие его туземцы-прохожие.

Жители объявленного недавно на военном положении города, очевидно, чего-то боялись.

Парсису нужно было завернуть еще за один угол, чтобы причина этой боязни стала ему ясной.

Когда он уже почти достиг центра города и вышел с окраин на улицу перед рынком, он увидел пересекающий улицу отряд туземцев-солдат, возвращавшихся с какого-то обхода, и с злобным беспокойством уставившихся на ходу глазами себе под ноги.

Парсис с видимым равнодушием перевел с них взгляд на улицу, и сами собой ресницы его закрыли у него блеснувшие полным пониманием происходящего глаза. Он уловил, что те подозрительные взгляды, которыми встречные только что ощупывали его, теперь с скрытой ненавистью направились на удалявшуюся команду караула.

1) Тонги — повозка, запрягающаяся волами или лошадью.

Какой-то парень-ремесленник, выглянувший было в ворота с ношей пеньки на спине, юркнул обратно во двор и вышел опять, оглядываясь, только когда солдаты исчезли за углом.

Парсис-балаганодержатель сдержал собственное дыхание, с монументальным спокойствием изучая все, что видел и направился дальше.

Он обогнул здание почтово-телеграфной конторы и очутился перед рыночными рядами, где суетня носильщиков и разносчиков, шатанье туземцев по закусочным, движение бедноты у палаток торговцев и ремесленников делали жизнь города показательнее, чем его окраины. Но и здесь не было обычного для восточных рынков трепетания беспечно волнующейся праздной и бурливой толпы. Вместо этого он увидел часть палаток заброшенными, а в нескольких из них лавочники укладывались, как будто также собираясь покинуть рынок.

Парсису теперь уже ясны были причины угнетенного настроения населения, но он не понимал, почему пустеет рынок. Он остановился на полминуты для того, чтобы ориентироваться в собственных скрытых под маской непоколебимого спокойствия и туземной внешности планах.

Мнимый парсис-балаганодержатель был ни кто иной, как явившийся с товарищами сообщник индийских революционеров, к главарям которых он теперь спешил на помощь, большевик Пройда.

Балаган и превращение Пройды с его спутниками в цирковую труппу было той очередной мистификацией революционера, к которой он решил прибегнуть при своем появлении в Майенвили, чтобы ловко обмануть всех, кто пожелал бы им заинтересоваться со стороны его преданности к господствующим в стране английским властям.

Личина бродячей труппы почти гарантировала его сообщникам неприкосновенность и в этом отношении Пройда не мог бы придумать ничего более удачного.

Труппе теперь нужно было только легализовать свое появление в Майенвили, чтобы затем в течение одного-двух дней узнать все, что можно было, о связях Бурсона с фашистами.

Пройда полминуты постоял возле пустой палатки съестных рядов, пропустил мимо себя несколько туземцев и, увидев на столбе перед лавками остатки какого-то недавно наклеенного объявления, подошел к правительственной афише. Прочтя на кусочках бумаги отдельные фразы, он понял, почему оно изорвано.

Но он и теперь сохранял прежний невозмутимый вид.

У оборванца-носильщика, сбросившего сзади него тук кожи и остановившегося отдохнуть, он спросил на ломанном местном диалекте:

— Приятель! Где здесь канцелярия уездного начальника?

Носильщик — сикх в рубаше до бедер и коротких штанах, кивнув головой в сторону от рынка, пояснил:

— Если не по торговому делу, то нет теперь уездного начальника... Комиссар-начальник теперь и сагибы. Там.

— Мне отдать сбор в канцелярию города, где она?

— Это здесь, где телеграф.

— Спасибо.

Пройда направился в канцелярию городского правления.

Он добрался до секретаря городского управления, туземца, не спеша совещавшегося о чем-то с уездным тасилдаром, сборщиком налогов. Испанец в европейской одежде независимого путешественника делал им обоим распоряжения, и в заключение велел позвать судью-мустифа.

— Что вам? — остановился чиновник-сирдар на парсисе, догадываясь, что перед ним приезжий.

— Кому я должен сделать взнос, чтобы получить право на открытие цирка на два-три дня? Я еду с гимнастами, клоунами и нач-герл в Лагор к ярмарке. Хочу здесь заработать что-нибудь, перед тем, как поеду дальше. Сколько стоит место возле берега?

Инду-сирдар обернулся к сагибу-испанцу, ткнув рукой на парсиса:

— Вот!.. что с ним делать?

И, обращаясь к спокойно ожидавшему парсису, он объявил:

— Идите обратно и придете завтра, если, во что бы то ни стало, захотите открывать балаган... Сегодня у нас много других забот.

— Но я же должен хоть место арендовать, чтобы въехать в город...

— Вы остановились в гостинице?

— За городом, прямо на берегу. Гостиницы дороже стоят, чем вся прибыль балагана.

— Ну, за городом и обождите... Для этого разрешения не нужно, а завтра внесете деньги, укажете, где будет ваш балаган и получите документ. Зря только вы сюда явились... Не до вас!.. — счел он необходимым предостеречь предпринимателя.

— Да что у вас происходит? — с удивлением спросил мнимый парсис, выдавая себя соответственно своему положению за ничего не подозревающего пришельца.

Чиновник вместо ответа махнул рукой.

Парсис пожал плечами и вопросительно взглянул на изучавшего его судью и хозяйничавшего здесь европейца, намереваясь уходить.

— Обождите, — остановил его испанец. Вы говорите, у вас нач-герл. Сколько их?

— Две тамилки...

— О-о-о! Тамилки — это женщины из женщин! — воспрянул испанец. — Горячей цыганок! Хороши ваши балерины?

Пройдя почувствовал, что балагану не миновать посещения его испанцем. Но вести себя так, чтобы вызвать подозрение у уездных властей и господствовавшего в канцелярии сагиба, все поведение которого свидетельствовало о том, что он является агентом правительства, было рискованно, ибо каждая нотка колебания в ответах ему могла привести к гибели всего состава балагана.

Он поэтому без запинки, в тоне естественного хвастовства подтвердил:

— О, красота! Изюминки!

Испанец чмокнул губами и гордо объявил:

— Мое имя Дон Пабло Доморесско. Я по особому приказу выполняю здесь государственные поручения

правительства. Но во всем городе здесь нет, вероятно, тамилок. Это хорошо, что ваш цирк ищет работы. С одним коллегой, приехавшим по тому же делу, что и я, мы после обеда придем к вашим танцовщицам. Есть у вас вино и место, где станцуют нач-герл?

— Мы в цирковой палатке, сагиб-начальник! Оркестр только походный. Вина... если бы был буфет, но буфета при цирке мы никогда не имеем...

— Пустое дело вином стол зарядить... чтоб нач-герл приготовились. Вот деньги на вино, и ждите нас. Иначе, черт возьми, тут сдохнешь от того, что весь город прячется и прячет всех своих бегум и биби¹⁾ от приезжих белых мужчин... — Бунтовщики!

Пройда взял бумажку в пять рупий, которую сунул ему разгорячившийся от предвкушения удовольствия, испанец.

— Что тут происходит? — испытал он теперь испанца после его самоаттестации, прежде чем уходить.

— Что?.. Покая не найдут себе... Судра и кули устроили бунт по подстрекательству националистов. Туземные канцеляристы бунт допустили, усмирить его не смогли, а теперь после экзекуции притихли и хотят поднять новый гвалт какой-то...

— А! — понял мнимый балаганодержатель, — кровопускание, значит... Тогда я с цирком не останусь. Завтра же еду. Мне бунты на пользу не идут. Благодарю вас! — любезно поклонился он, поворачиваясь уходить.

Пройда сам улыбнулся бы своей самоуверенной естественности, с какой он играл роль владельца бродячего цирка, если бы у него не забота, вызванная намерением испанца прийти к нач-герл. Не теряя времени, он направился через рынок в балаган.

Но на рынке, однако, он снова на несколько минут задержался, проходя по рядам.

Здесь возле одной лавки он увидел своих спутниц-танцовщиц, под предлогом производства покупок успевших уже обойти полгорода и завести знакомство с отысканными ими двумя-тремя товарками по профессии.

Подойдя к девушкам, Пройда серьезно сказал им:

1) Бегум — женщина, биби — девушка.

— Кончайте ваши рысканья и идите сейчас же домой. Нужно кое к чему подготовиться. Где Партаб-Синг?

— Партаб и Сан-Ху узнали что-то от знакомого, которого здесь встретил Сан-Ху и сказали, что пойдут по важному делу. Они что-то замышляют.

Действительно, Партаб-Сингу и Сан-Ху удалось тем временем установить нечто такое, что сразу могло ввести группу Пройды в городские дела и связать товарищей с главными действующими лицами происходящих событий.

Когда все уходящие участники отряда собрались в палатке, успевший уже с Вагонеткой искупаться Петряк схватился за сумки с продуктами и поставил ящик, за который должны были сесть для совета и взаимного осведомления взрослые члены группы.

Пионер, устроивший с Граудиным перед отправлением из Москвы проделку по временному изъятию письма из поповского стола, кивнул головой облаченному, как и он, в одни штаны ненаглядышу вдовы-уборщицы из кооперативного магазина, смешившему вместе с миловидной наивной Первин китайца Сан-Ху рассказом о налете ребячьей шайки на нэпачей, когда пионеры шли на вокзал, и с фамильярной выразительностью призвал приятеля к порядку.

— Брякало! Идем, посмотришь за берегом, а я расположусь возле дороги.

Ерка Чекарев вскочил и последовал за Вагонеткой наружу для того, чтобы не допустить возле палатки какого-нибудь случайного подслушивания.

Пройда сел перед ящиком, который немедленно окружили и остальные остававшиеся в палатке, и сперва неспособная на вид к скрытности Дадабай, а затем Сан-Ху и Партаб-Синг начали свои сообщения, важность которых усиливалась их осторожным изложением.

Они рассказали.

Явившийся в Майенвили для водворения порядка «саиб-джемадар» Бурсон сразу же после своего прибытия проявил себя в городе такими расправами, какие мог безнаказанно производить только человек, уве-

ренный в том, что все его действия получают одобрение правительства.

Он произвел всего несколько арестов, малозначащих в движении именитых горожан.

Но зато через несколько дней, из двух принимавших в бунте участие схваченных рабочих местной паровой мельницы, старшего по упаковке и транспорту Агабая Боса и кочегара Нур Иляша, первый был найден убитым, а второй бесследно исчез.

Прошло два дня, и также пропал без вести учитель туземной общинной школы Премчанд. Его изуродованный труп через несколько дней разыскали в камышах Инда. Затем, в самом городе сгорело имение уважаемого туземцами и известного всей Индии делегата индийского конгресса земиндара Раджаба Гош, вместе с сыном находившегося в Бенаресе. Во время пожара погибли двое детей-девочек и ночевавшая с ними бабушка.

Население ни на минуту не усумнилось в том, что все эти насилия произведены полковником, негром, прибывшим в его свите, и несколькими подозрительными штатскими-саибам из этой же свиты, которые толклись все время в штабе полковника.

Население совершенно упало духом, не зная, какие еще будут произведены насилия диким усмирителем.

В это время из уст в уста стала передаваться молва о том, что Нур Иляш, схваченный вместе с Агабай Босом, вырвался из рук убийц и благополучно скрывается у озлобленных и терроризированных жителей. Стали говорить также, что приехал и тут же в городе скрывается старший брат сгоревших девочек, сын делегата-земиндара Арабенда Гош. Между тем, убийства продолжались, и вдруг однажды утром, выскочив по неистовому воплю схваченной усмирителями жертвы, жители Майенвили едва не застigli возле дома кочегара негра и саибов полковника. Они только что расправлялись с женой бежавшего Нур Иляша.

Тотчас же толпа, волнуя криками город, двинулась к дому полковника. Но там уже была рота солдат, которая, подпустив возмущенных протестантов, открыла убийственный огонь. Толпа, пораженная массовым

убийством, разбежалась. Всю ночь происходили после этого аресты, наутро же, в довершение всех произведенных насилий, жители города прочли позорящее их объявление: в специальном приказе полковник объявлял, что отныне мимо его дома, как местонахождения представителя европейской власти, все туземцы, независимо от их кастовой принадлежности, пола и возраста, могли не ходить, а только ползти на животе, если им требовалось прийти в штаб начальника или пройти мимо.

Неслыханное издевательство ошеломило горожан и заставило их на что-нибудь решиться. Когда им передали, что Арабенда Гош и Нур Иляш, скрывавшиеся в городе, предлагают предпринять «хеджрат»¹⁾ — массовую эмиграцию из Майенвили, то отчаявшихся оказалось немало, и вот в эту ночь из города должна была двинуться экспедиция беженцев.

Это и узнали ходившие из балагана в город помощники Пройды.

— Нам или что-нибудь сейчас же нужно предпринять, — сказал в заключение доставивший больше всего сведений Партаб-Синг, — или немедленно отсюда уходить, потому что когда большинство горожан уйдет, мы, как бы мы не легализовались, легко привлечем на себя внимание шайки Бурсона, и тогда нам несдобровать.

Пройда не возражал, но сообщения его не удовлетворили. Угол жил пересек у него лоб линиями суровой и озабоченной решимости.

— Нам надо, — сказал он, — во что бы то ни стало разыскать этих Арабенду Гоша и Нур Иляша...

Партаб-Синг переглянулся с ослабевшимся Сан-Ху.

— Шанго, тавалис Плойта. Ми делали все!.. — воскликнул китаец.

Партаб-Синг спокойно взглянул на русского товарища и сообщил:

1) *Хеджрат или «хизрат» - по-мусульмански переселение. В 1919 г. был издан указ высшего мусульманского духовенства о переселении из Индии угнетенных «неверными» последователей ислама. Движение потерпело неудачу, но слово вошло в общее употребление.*

— Обоих скрывающихся вожakov можно попробовать сейчас позвать сюда. Мы узнали в городе, где находится их убежище... Они спрятались в колодце сгоревшего двора отца Арабенды.

— Что? — удивился Пройда. — На виду у всех?..

— День-то просидеть там они могут, а что потом, не знаю, — сказал Партаб.

— Как вы нашли их?

— Один хатбе¹⁾, земляк Сан-Ху в чайной намекнул Сан-Ху о подозрительном поведении сторожа сгоревшего домовладения, который делает визиты во двор, хотя там уже стеречь нечего. Мы с Сан-Ху проследили этого старца и видели, как он, под предлогом вытаскивания воды, спускал в колодезь продукты и разговаривал через сруб.

— А не ошиблись вы и Сан-Ху?

— Нет, — шевельнулся Партаб-Синг.

Сан-Ху, с радостным сиянием слушавший сообщение о своей удаче, вытянул голову и убежденно тихо протянул Пройде, подкрепляя ужимкой свирепой серьезности свои слова:

— Не можно ошибайсь, шибко шанго мой витали и Палтаб витали калотцы. В калотцы тихо, тихо хаварил со сторошай тва тюша пальшевой хинду... Тумали никто не знайт.

— Тогда, Партаб, возьмитесь за это дело. Вечером надо их привести сюда. Мы можем узнать от них, что нам надо и поможем им отправить беженцев. Имейте ввиду только и вы, Партаб-Синг, и остальные товарищи, что сегодня к нам придет пьянствовать один агент Бурсона с своим приятелем, которого соблазнило то, что в балагане есть девушки нач-герл. Мы сейчас же будем готовиться, чтобы сразу их напоить и как только придут отделаться от них, но смотрите, не нарвитесь на них с скрывающимися, когда будете вести их сюда. Пока фашисты будут пьянствовать, вы их спрячете в фуру, а затем мы с ними поговорим. Но последите, чтобы скрывающиеся не ушли до вечера. Идите прямо сейчас, Партаб. Сегодня ночью у нас будет много работы для всех...

1) «Хатбе» — так называют в Индии простолюдины китайцев.

Партаб поднялся, полсекунды постоял, о чем-то думая, и вышел из балагана.

Пройда, не вставая из-за ящика, оглянул остальную группу товарищей, столпившихся, чтобы выслушать своего руководителя. Он повернул голову сперва к насторожившимся танцовщицам, а потом на Сан-Ху и Петряка, и посвятил их в предстоящие события.

— У нас много дела, товарищи, сегодня для всех, — повторил он. — Прежде всего, нам придется устроить для двух фашистских прохвостов пьянку. Лучше всего конечно было бы, если бы мы их не угощали, а взяли за жабры, когда они разойдутся, и пырнули в Инд. Но, вероятно, кто-нибудь из их коллег будет знать, что они к нам пойдут. Поэтому Сан-Ху и Петряк должны будут пойти, купить пойла для них, и приготовить закуску. Кроме того, Сан-Ху, Вагонетка и Ерка Чекарев должны заготовить свои зурны и изобразить оркестр. Но они придут из-за Дадабай и Первин. Так как мы не можем отдавать им для пьяного надругательства наших товаров, то Дадабай и Первин сейчас же должны будут пойти в город и пригласить к нам немедленно двух нач-герл, которым не опасно будет объяснить, что от них требуется, и за которыми Дадабай присмотрит, пока фашисты будут пьянствовать. А затем нужно будет, чтобы девушки их вовремя отвели куда-нибудь. Петряк, Первин и Партаб-Синг, тем временем, будут где-нибудь поблизости. Нам нужно будет еще этот же вечер и ночь использовать и для слежки за Бурсоном, и для сношения с беженцами. Понятно, товарищи, что нам предстоит?

— Панятни! — отозвался Сан-Ху, вставая.

— Значит, нам идти доставать деликатесов фашистской шпане?

— Да.

Петряк с сомнением качнул головой и повернулся к Сан-Ху, собираясь с ним идти.

— А нам сейчас идти? — спросила Дадабай за себя и за вопросительно взглянувшую на него Первин.

— Да, канарейки! Нам пора готовиться. Но смотрите, чтобы девушки знали поменьше и не делились со

своими гостями ничем, кроме балаганной болтовни. Вам, Дадабай, я поручаю наставить их, как следует, и смастерить все угощение так, чтобы эти типы ничего не заподозрили и ушли вовремя. Для того, чтобы они не обалдели от вашей свежести и щечек Первин, если она им попадется на глаза, вы с Первин немного намажьтесь и изуродуйте себя хоть горбом... какой-нибудь опухолью на щеке, что ли... А тех, которые будут с ними гулять, наоборот, подкрасьте, иначе вся наша музыка пропадет: они озвереют и могут вас не пощадить.

— О, морды! — воскликнула Дадабай, схватившись за шарф, — пусть попробуют!

Первин съежилась, умоляюще посмотрев на Пройду, и видно было, что девушка, привыкшая к большевикам, не переносит мысли о том, что она может теперь стерпеть попытки близости людей, чинящих насилия над ее братьями.

Пройда ободряюще кивнул девушке головой.

— Знаю, знаю, Первин-грачонок! Потому я и прошу вас самих держать себя начеку и быть подальше от этих жохов!

— Мы погибнем, если теперь останемся когда-нибудь одни и попадем опять в увеселительные дома, — убито сказала Дадабай.

— Э, сестры, мы не расстанемся с вами, пока наши парни не женятся на вас и Индия не сделается советской. И в Россию поедете с нами обратно...

— Правда?

— Правда!

Девушки повеселели, и, схватив друг друга за руки, заспешили в город.

Пройда явившимся Чекареву и Вагонетке объяснил, как должны будут вести себя ребята, когда явятся фашисты.

Пионеры взялись за перестановку ящиков в палатке и инвентаря цирка.

Через некоторое время палатка начала принимать вид трактирной беседки со столом возле стены, ковром и подушками на полу.

Явившиеся с рынка Сан-Ху и Петряк стали нарезать рыбу, выложили консервы и выставили несколько бутылкок.

Вскоре Дадабай и Первин привели двух молоденьких особ. Первин с Петряком после этого ушли к дороге поджидать Партаб-Синга и караулить стоянку от посторонних взглядов, а Дадабай взялась за прихорашивание приведенных ею девушек.

Это были две канджерия¹⁾ Майенвильских увеселительных заведений. В городе было теперь не до развлечений, заведения не веселились и никого не веселили. Девушки не имели никакого промысла, и поэтому Дадабай и Первин легко сговорились о том, что им было нужно.

Пройда, увидев, что все готово для приема фашистов, стал ждать их появления.

Наконец, двое вышедших за город на прогулку европейцев показались на дороге и, увидев палатку, направились к вышедшему из нее китайцу.

Пройда, с манерами намеревавшегося предоставить в распоряжение сагибов весь цирк угодливого антрепренера, представил явившихся, как хозяйке, Дадабай. Дон Пабло Доморесско сделал широкий жест удовлетворения, взглянув на вино. Его коллега, высокий сумрачный швед, Адам Эльстра, немедленно сел на ящик, приготовившись ждать развлечений и неопределенно крякнул.

Антрепренер подсунул милости сагибов коробку с сигарами.

— Тошно вероятно сагибам управляться с чернью? — объяснил он кряканье шведа.

— Э, «тошно»!.. — разразился испанец, приступая к вину. — Не поймешь, что думают ваши, никогда ничего не пикнувшие малайки и не поймаешь хитрых браманов ни в чем, пока с ними нянчишься. Быдло!

Он осушил стакан и кивнул шведу, который предупредил парсиса, что бы тот знал, с кем имеет дело:

— Мы действовали здесь иначе, хотя это не наша обязанность. Мы атташе... Но мы скоро уезжаем отсюда... Пей с нами вино, хозяин.

1) Канджерия — девушки из публичных заведений.

— О!.. — взял стакан Пройда, раскрыв с почтением глаза при открытии шведа о том, что он «атташе». — Вы важные сагибы-начальники!

Между тем, комната наполнилась.

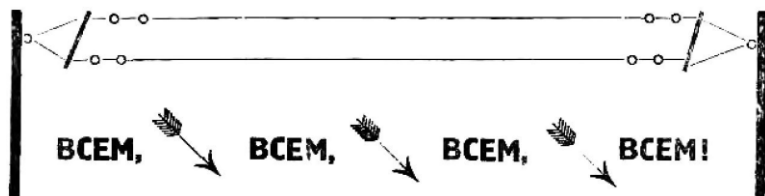
Китаец, вооруженный подобием флейты, возвратился с двумя «боями», которые, звеня струнами саранги и медяшками бубен, уселись вместе с ним возле выхода палатки.

Пришли канджерия. Дадабай им налила вина, взяв на себя хозяйствование, и хлопнула в ладоши, чтобы девушки танцевали.

И вот начался пляс, сопровождающийся опустошением бутылок и поощрениями немедленно оживившихся подозрительных сагибов.

Китаец дул в свою флейту, раскачивая для выразительности головой и водил косящими глазами по ребятам, изредка выразительно подмигивая им на фашистов. Ерка Чекарев и Вагонетка брякали один на гитаре, другой на саранги, не подавая вида о своих настоящих чувствах при лицезрении попойки.

Канджерия с бубнами извивались посреди палатки, а в промежутках между танцами присаживались к начавшим пьянеть и откровенничать фашистам, уговаривая их будто бы потихоньку от хозяина уйти с ними гулять в другое место. Дадабай только управлялась раскупоривать остававшиеся еще бутылки и переглядываться с ребятами.

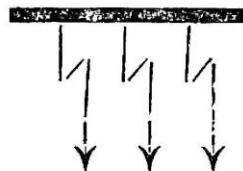
↓ ↓ ↓
ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

третий выпуск
**„БОЛЬШЕВИКИ ПО
ЧЕМБЕРЛЕНУ“**

В третьем выпуске печатаются:

1. Беспокойная ночь.
2. Загадочный усмиритель.
3. Хеджрат.

Требуйте во всех книжных магазинах,
в киосках и у газетчиков **„БОЛЬШЕ-
ВИКИ ПО ЧЕМБЕРЛЕНУ“.**

Беспокойная ночь

Тем временем Партаб-Синг в городе ждал наступления вечера.

Когда окончательно стемнело, исчезли на улицах прохожие и миновала опасность каких бы то ни было встреч, он направился к месту пепелища сожженного фашистами имения брамина.

Возле полуразрушенного забора имения с группой деревьев возле руин он внимательно всмотрелся в потемки улиц и прислушался.

Все было тихо.

Тогда он перепрыгнул тростниковый забор, скользнул к остаткам сгоревших стен дворовой постройки, сзади них подошел к уцелевшему срубу колодца и, наклонившись возле него, тихо стукнул раз, раз и еще два раза по обводу сруба.

Тотчас же он почувствовал, что на него кто-то смотрит в отверстие между досками.

Через секунду этот невидимый наблюдатель тихо спросил пришельца:

— Что надо?

Партаб-Синг опустил глаза и также тихо сказал:

— Брат Арабенда, и тут еще с тобой брат Нур Иляш, — меня зовут Партаб-Синг, я приехал сюда издалека с русскими большевиками. Мы знаем, что делают в городе саибы, и я пришел сказать вам, что мы хотим вам помочь. Пойдемте со мною...

— Русские большевики? — усомнился тихо невидимка. — Их не пустят сюда англизмены, как они могли очутиться тут? Мне трудно поверить тому, что ты говоришь...

— Потому англизмены и боятся большевиков-русских, что коммунисты идут к угнетенным во все концы света и умеют делать то, чего другие не умеют делать...

— Откуда ты узнал, что мы скрываемся здесь?

— Нам нужно было найти вас, и мы разыскали, проследив, как вам давали пищу.

Невидимка ничего не ответил. Очевидно, он обдумывал или неслышно совещался с кем-нибудь.

— Как ты нас поведешь? — спросил, наконец, тот же голос после двухминутного молчания.

— Я не знаю, как называется здесь местность. Идти за город на берег, возле перевоза. Но я вас не обманываю, потому что тогда я пришел бы не один и не выдумывал бы про большевиков.

— У тебя есть оружие?

— Револьвер...

— Ты можешь положить его на землю?

— Могу...

Снова воцарилось молчание, которое продолжалось теперь минуты три, а затем вдруг Партаб почувствовал, что сзади его выросло две фигуры, безмолвно схватившие его, прежде чем он оглянулся.

Это были те люди, с которыми разговаривал Партаб. Они, очевидно, вышли из колодца потайным ходом, сзади него.

— Если на нас нападут, мы будем сопротивляться и убьем тебя, как морду-предателя, — сказал один из очутившихся возле юноши и заглянул ему в лицо, повернувшись так, что Партаб-Синг сразу увидел на молодом человеке священный шнур браминской касты. Он догадался, что это сын земиндара — Арабенда.

Более грубая фигура Нур Иляша впилась глазами в Партаба с другой стороны.

— Пойдемте, — с тихим спокойствием сказал Партаб-Синг. — Если на вас кто-нибудь нападет, то я останусь защищаться, а вы тогда уходите. Постарайтесь найти моих братьев в балагане на берегу, так как они явились в город под видом цирковой труппы. Но не попадитесь чужим, которые придут туда пьянствовать.

— Веди нас, — сказал Арабенда, — но мы будем держать тебя за руки.

Партаб-Синг кивнул головой и, шагая еще осторожнее и осмотрительнее, чем шел в город, повел решившихся, очевидно, дешево не продать свою жизнь друзей. Он шел, как бы находясь в плену у обнаруженных им в убежище колодца людей. Индийские революционеры, лишённые крова и права показаться кому

бы то ни было на глаза, двигались с ним нога в ногу, почти держа его под руки.

Они не говорили ни слова, столько же наблюдая за Партабом, сколько и стараясь пронизать всеми своими чувствами потемки, чтобы угадать возможное нападение своих врагов.

Партаб в свою очередь боялся случайной неожиданной встречи с фашистами или чьего-нибудь предательского опознания, при встрече с каким-нибудь прохожим.

Но ничего не случилось. Они спокойно вышли из города.

Пахнуло прохладой, мелькнула темная лента Инда внизу, пшеничные поля на склонах балок, и путники увидели светлевшийся в стороне от дороги шатер, из которого несло бряцанье музыкальных инструментов.

Партаб-Синг остановился, и тотчас же из бурьяна перед революционерами выросла фигура ждавшего их Петряка.

Брамин-юноша и судра-кочегар вздрогнули, опуская руки на оружие.

Успокаивающим движением руки Партаб-Синг остановил их.

— Вы? — шепнул бой. — Идите в фуру, а я дам знать Пройде, что вы пришли.

— А эти... уходить собираются? — указал Партаб на палатку.

— Сейчас я скажу, что вы пришли, и их спроводят.

Действительно, вызванный Петряком на минуту и возвратившийся в палатку Пройда жестом руки показал Дадабай, что пора отделаться от опившихся гостей.

Дадабай шепнула что-то девушкам, вылив одновременно незаметно остатки вина из стаканов.

И вот танцовщицы сразу поднялись...

Дон Пабло Доморесско, увидев, что канджерия пожимают их, почти отрезвел.

Швед отупело-негодующе застыл на стуле.

— Куда вы схватились? Еще же мы не познакомились, как следует. Мы пришли, чтобы веселиться, а вы — уходить. Стойте! Музыка, играй!

Но канджерия закапризничали окончательно.

— Нам скучно в этой конуре, — объявила одна из девушек. — Музыка — одна насмешка! Вина уже нет!.. Мы в городе можем провести вечер так весело, что зря досадно даже терять время! Хозяин не может удерживать нас. Мы можем делать, что хотим...

— Куда вы пойдете?

— За рынком на берегу есть один дом, там настоящий бал всегда идет... фаренги только туда и ходят для веселья.

— Идемте!.. Мы пойдем с вами, — объявили фашисты.

— Идемте, если деньги есть...

— О, деньги!..

Через пять минут две пары гостей, провожаемые Пройдой вывалились из палатки.

Пройда облегченно выругался.

— Животные!.. Уберите все и зовите Партаба.

Он отодвинул бутылки и оглянулся по палатке.

Ребята оставили свои зурны. Вагонетка побежал к фуре, и все поднялись навстречу показавшимся у порога под предводительством Петряка туземным революционерам.

Пройда указал статному молодому юноше-брамину и его спутнику, беспокойному мужчине в опорках, на цыновку шатра, и по-английски сказал:

— Садитесь!

Гости сели.

— Мы знаем, — сказал Пройда, — о том, что тут у вас произошло. Сегодня мы весь день потратили на то, чтобы выяснить это. Мы установили то безвыходное положение, в котором оказалось население и, в частности, вы сами. Что вы думаете делать дальше? Чтобы вы не стеснялись говорить с нами, я должен сообщить вам, что мы пришли для борьбы за освобождение Индии. Я раньше был здесь. Мои товарищи — большевики. Я ученик Ленина — революционер. Говорите, можем ли мы вам чем-нибудь помочь?

Арабенда поднял глаза.

— Нам надо вывести отсюда эмигрантов. Сегодня в городе уже сборы.

— Знаю, — подтвердил Пройда. — А вы считаете, что с караваном и вам обоим надо идти?

— Нет. У нас много дела теперь в Индии, после всего того, что чинят кругом чиновники правительства. Из-за нас они даже на караван нападут. Нам нужно ехать в центральные города, чтобы начать проповедывать восстание. Нельзя больше терпеть того, что происходит. Но если мы не поможем беженцам, караван погибнет. Бедняки-ремесленники будут думать, что мы их предали, они не будут знать, что делать, если перейдут границу, и они или пропадут в горах, или заблудятся в пустыне, если даже выберутся за пограничную полосу.

— Куда идет караван?

— Куда угодно. Мы хотели сперва в Афганистан или Бухару, а потом дальше...

— В советские республики?

— Да, в советские.

— Намерение правильное.

Пройда задумался. Индусы, не показывавшие вида, что они подмечают все подробности действий большевиков, которые явились здесь под видом бродячего цирка, спокойно ждали результата, но заключение о том, что они попали не к врагам, напрашивалось у них уже само собой. Они почувствовали в явившихся не только товарищей, но и знамение новых сил в борьбе с англичанами. Каждый из них думал удивленно:

— Слава Индии! Мы победим.

— Ну, вот видите, — указал Пройда на своих сообщников, — у нас тут дружная большевистская компания. Эти две девушки, нач-герл, приезжали ко мне в Москву по поручению революционной организации. Товарищ Партаб-Синг, отыскавший вас, учился у нас в Москве. Эти бои тоже молодые большевики. Сообща с вами мы решим, как отправить беженцев. Но понимаете ли вы, что вы делаете только первый шаг? Что вы будете делать, когда водворите куда-нибудь беженцев? Стоит ли нам надеяться на то, что вы сделаетесь более близкими нам товарищами? Мы приехали для того, чтобы помочь организовать такую же борьбу, какая ведется теперь во всех капиталистических странах.

Арабенда поднял спокойные, как и у Партаб-Синга, глаза.

— Когда я в Бенаресе узнал, что морды-убийцы и англичане-палачи сожгли дом моего отца и девочек, моих сестер, я поклялся, что не буду искать себе очага и приюта, пока останется хоть один насильник в Индии. И несчастный ожесточенный отец, до этого времени умеренный политический деятель, благословил меня для этой борьбы против угнетателей. Поэтому, если вы преследуете изгнание убийц и палачей, я готов делать все, чему вы меня научите. Я о братьях-большевиках кое-что знаю. Хотя я, когда выведу беженцев из Индии, еще, может быть, съезжу в Москву...

— А! — вырвался у Пройды звук удовлетворения.

Нур Иляш сказал:

— У меня нет ни рода, ни племени. А вы говорите, как братья. Я согласен с вами делать все, что нужно против врагов моих и ваших, одинаковых во всем мире...

Пройда поднял глаза.

— Тогда начнем вот с чего: знаете вы, что Бурсон действует здесь не столько как правительственный чиновник, сколько как агент фашистской Икс-Ложи?

Арабенда вопросительно посмотрел на Пройду, а Нур Иляш блеснул глазами и внимательно уставился на брата большевика.

— Если это так, то тогда многое делается более ясным, — сказал Арабенда.

— А что делается более ясным? — спросил Пройда.

— То, что Бурсон, не успев кончить здесь усмирения, уже получил новую секретную командировку. Правительству посылать его незачем, куда бы то ни было так поспешно, значит, это фашисты, и затевают что-нибудь новое.

— О, кайманы, джасусы и сидвалла¹⁾, жрущие кровь и мясо народов! — воскликнул Иляш. — Они прилетают к доведенному до нищеты народу на крылатых машинах, приезжают в моторных каретах и умеют говорить по проволокам... Но и летают, и ездят, и разговаривают они только для того, чтобы схватить в свою пасть но-

1) Джасус — шпион; сидвалла — полицейский агент.

вую жертву. Когда же их уничтожит бедная, замученная Индия?

— Уничтожит, брат Иляш, ибо теперь уже всем ясно, что не спастись империализму!.. — заметил Пройда. — О какой командировке Бурсона вы говорите? — спросил он Арабенду. — Вы знаете подробности?

— Мы с Иляшем прошлую ночь скрывались в доме Бурсона, — ответил Арабенда, — и там мы из разговора прислуги узнали, что кровожадный джемадар получил телеграмму — ехать в Индо-Китай. Сегодня приедет к нему с секретным письмом нарочный, и тогда можно узнать об этом подробнее, если принять меры...

Пройда оглянулся на товарищей и осторожно спросил:

— Не знаете, откуда должен приехать нарочный?

— Он вечером выедет, вероятно, с почтовой станцией Дагбунгало, с восточной стороны города...

Пройда на полминуты задумался. Затем он снова взглянул на своих сообщников.

— Это обстоятельство имеет для нас важное значение. Дело в том, что, сколько я догадываюсь, Бурсон не простой агент “Икс-Ложи”, а, несомненно, один из ее видных уполномоченных. Так вести, как он себя ведет, может только крупный душегуб, с которым, вероятно, не одно правительство считается, и который, может быть, ни с одним правительством не считается. Бурсон — это, очевидно, псевдоним, за ним скрывается много тайн. Нам нужно узнать, какую новую расправу или гнусность затеяла “Икс-Ложа”, прибегающая к помощи этого профессионального усмирителя. Нам нужно перехватить у нарочного переписку...

— Перехватить, — воскликнул Иляш, — переписку? Нарочный будет вооружен и, конечно, будет сопротивляться...

Арабенда также удивленно посмотрел на чужеземца-революционера и с недоумением поднял брови.

Но прибывшие с Пройдой уже привыкли не удивляться неожиданным предприятиям и, молча ждали дальнейших объяснений своего главаря.

— Дело несколько осложняется тем, что нам еще сегодня нужно отправить беженцев. Но решив, как это

сделать, мы затем уже будем совершенно свободны. Итак, я предлагаю: мы отдаем беженцам свою фуру и весь инвентарь. Двое наших товарищей, Чекарев и Вагонетка, поступают под команду Арабенда Гош. Действуя натурографами, они отходят от города и переводят через границу беженцев, стараясь встретиться с нашим большим отрядом. Они доводят караван до такого места, откуда дальнейшее его путешествие в Афганистан или Бухару будет совершенно безопасно. Я напишу кое-каким моим товарищам, чтобы беженцам на новоселье помогли устроиться. Затем оттуда ребята возвращаются опять в Индию в какой-нибудь крупный город, где и вливаются в местную организацию.

— Правильно, — сказал Партаб-Синг.

И он взялся объяснять свойство натурографа Арабенде и Иляшу.

Со своей стороны Пройда разъяснил необходимость кратковременного возвращения за пограничную полосу с беженцами Чекареву и Вагонетке. Чекарев и Вагонетка подчинились распоряжению.

Как только ребята решились расстаться с остающимися товарищами, Арабенда поднялся, чтобы идти к беженцам. Вагонетка и Чекарев быстро вооружились сумками.

И тут же все уходящие почувствовали опасность того, что они могут больше не увидеться.

Но пионеры геройски сдерживали свои чувства.

Отправляющиеся ребята трясли руки танцовщиц, поцеловались с Петряком, обняли Пройду. С уважением сделал прощальный жест остающимся Арабенда.

Затем он поднял руку, и вся уходящая группа скрылась в темноту за прибрежный кустарник.

Остались в палатке, кроме Пройды, Партаб-Синга и Сан-Ху, Петряк, обе танцовщицы и Нур Иляш, для которого появление группы Пройды разрешало вопрос о том, что ему делать с собой, когда уйдут беженцы, ибо к ним кочегар присоединяться не хотел, так как всё толкало его, чтобы вести борьбу против насильников Индии.

— Теперь предстоит решить, что будем делать мы, — сказал Пройда. — Нам успеть во все концы надо...

И он взглянул на Петряка, который готовно принял настороженную позу.

— Нужно, чтоб кто-нибудь из нас прокрался к штабу полковника и подверг наблюдению дом, в котором расположился Бурсон со своей шайкой. Нужно постараться проникнуть возможно ближе к его логовищу, и, если не в самом логовище, то возле него продежурить вечер и проследить за всем, что там делается. Если случится что-нибудь особенное, то сообщить нам туда, где мы будем находиться...

Пройда вопросительно посмотрел на Петряка.

— Я могу сделать это, — сказал Петряк, но один буду бояться... Двум не так страшно будет...

— С вами пойдет Первин, — показал Пройда на младшую танцовщицу. — Ведь и вы, сестры, хотите помочь нам в борьбе против насильников народа?

— О, да, брат, русский! Мы давно обижаемся на тебя, почему ты еще не разу не захотел, чтобы мы делали что-нибудь серьезное. Мы также не боимся умирать, как и тот сын пандита, который сказал тебе речь, и ты послал его спасти много людей. Хоть язык пускай вырывают у нас саибы-субадары¹⁾, мы не откроем рот, чтобы сказать что-нибудь против своих братьев. Мы все сделаем, что хочешь.

Пройда растроганно покачал головой.

— Хорошо, сестры... Значит, так и решим: Первин пойдет с Петряком. Вы, Дадабай и Сан-Ху, немедленно собирайтесь на станцию, и с первым же поездом катите в Бенарес. Вслед за вами приеду и я туда с Партабом. Нужно, чтобы товарищи приготовили нам там явку и сразу ввели нас в свои дела. Сумеете вы обделать это и не провалиться, как только расстанетесь с нами?

Дадабай и Сан-Ху дружно отмахнулись от сомнения, высказанного Пройдой.

— Бенарес! — живо схватилась Дадабай. — Я там все знаю. Послезавтра опять все увижу у себя дома!.. Ой ля, тце-тце-тце! Утром будем на поезде! Ура! Собирайтесь, дядя Сан-Ху!

Пройда улыбнулся и взглянул на Партаба и Иляша.

1) Субадар — офицер.

— Нам, товарищи, есть другое дело. Вы, Иляш, отведете нас на дорогу, по которой должен приехать нарочный из Дагбунгало.

— Я знаю дорогу, — сказал Иляш. — Гонец-морда не минует нас.

— Идемте... Давайте попрощаемся, Дадабай и Сан-Ху. С вами мы дня три не увидимся.

— До свидания!

— До свидания! До свидания!

Пройда, Партаб и Иляш направились в обход дороги. У них был определенный план, которому могла помешать только не зависящая от них случайность. Но все шло как по-писанному.

Через два часа после того, как они оставили палатку, они вели в прибрежную рощицу схваченного ими при въезде в город сипая.

— Надо раздеть его, — сказал Пройда.

— Есть! — ответили Партаб и Иляш.

Они сняли с трепетавшего солдата белый китель и остальные одежды, которые тут же подвергли тщательному осмотру.

Через минуту Пройда нашел в них казенный пакет. Он вскрыл и прочел его. Однако, официальный приказ о командировании полковника Бурсона, которому предлагалось с получением пакета отправиться в Камбоджу для выполнения поручений английского правительства, «о которых вы осведомляетесь одновременно особыми инструкциями», как значилось в приказе, не удовлетворил Пройду.

Нур Иляш, роясь в одеждах курьера и перебирая его оружие, вдруг издал сдержанный возглас и указал Пройде подозрительный шов в ножнах большого туземного меча.

Пройда вскрыл его и оттуда выпал мелко исписанный лист бумаги.

Большевик взглянул на него. И, увидев, что письмо зашифровано, он принял озабоченный вид.

Он кивнул головой кочегару и повернулся к охранявшему сипая Партабу.

— Расспросим теперь этого воина, — сказал он, — а затем надо избавиться от него.

— Что мы с ним сделаем? — спросил Партаб-Синг тихо. — Убьем?

— Нет. Никакой надобности в этом нет. Мы его отдадим в караван беженцев, под их надзор, и попросим вывезти его за границу. Оттуда он если и уйдет, то повредить нам не сможет. Пусть из Туркестана убегает, если захочет.

Он велел развязать перепуганного солдата и, поручив Партабу сфотографировать документ, обернулся к солдату.

— Ты индус? — спросил он.

— Я мотлах. Пустите меня, я вижу, что вы националисты. Я буду служить тоже националистам и убегу от саибов.

— А раньше ты знал, что помогаешь саибам угнетать свой народ, — перебил его Нур Иляш, — пешка!

Партаб сжал кулаки.

— Оставьте его, — сказал Пройда. — Я хочу с ним поговорить о его начальниках. Кто тебе дал этот меч? — спросил он пленного. — Санджиб Гупта? Богач? Кто он?

Перепуганный солдат не скрывал, что он получил поручение из Бомбея от туземных фашистов.

Пройда узнал все, что ему нужно было. Кончив допрос, он велел одеться Партабу в форму схваченного солдата. Воспитанник московских организаций индус-изгнанник должен был разыграть перед Бурсоном роль нарочного и доставить ему письмо.

После этого вся группа во главе с Нур Иляшем направилась туда, где должна была быть стоянка каравана майенвильских беженцев. Условились все сойтись еще раз в палатке балагана для того, чтобы передать ее затем с лошадьми и повозками беженцам и немедленно выехать в Бенарес, где у Пройды была условленная явка с Таскаевым.

Загадочный усмиритель

Петряк и Первин в потемках вечера подошли к дому, где находилась квартира штаба Бурсона. Окна дома сверкали огнями. Со стороны фасада они еще издали

увидели часового и, шепотом меняясь друг с другом замечаниями, решили, что отсюда что-нибудь выследить безнадежно.

Тогда они сделали по каким-то безмолвным переулкам круг и вышли в тыл главного дома.

Здесь, в окнах тылового флигеля, были более скудные огни, должно быть, тут помещались солдаты и полицейские. Но этот флигель, во-первых, имел с одной стороны конюшенные глухие постройки, во-вторых, он был отделен от главного здания большим садом манговых, банановых и тиковых деревьев.

Петряк в чужой обстановке малознакомой природы, непривычных строений и неведомой, совершенно туземной атмосферы городка чувствовал себя не так уверенно, как это было бы с ним на родине. Но не выполнить задания руководителя отряда — это значило бы опозорить себя не только перед Пройдой, а перед всей коммунистической ленинской молодежью, и поэтому ему ни на одну минуту не пришла в голову мысль об отступлении.

Наоборот, перешептываясь с Первин, которую ему более всего хотелось уберечь от какого-нибудь несчастья, он подбадривал и девушку, вместе с ней делая продвижения от одного темного угла к другому.

— Ничего, козочка, — успокаивал он трепетавшую танцовщицу, — мы узнаем, что нужно товарищу Градимиру. Надо только нам забраться в кабинет этого вояки.

— У него, вероятно, и в кабинете солдаты.

— Посмотрим. Вот это дерево, веранда и занавесь — хороший ход, чтобы забраться к нему в нору. Мы полезем на нее по дереву. Ты можешь лазить?

Разведчики из сада посмотрели на здание дома, в котором светилось два-три окна.

— А там не смотрит ли кто-нибудь?

— А мы сейчас узнаем. Тсс!

Вслед за этим Петряк поднял что-то из под ног и ловко бросил поднятый предмет на веранду.

Брошенная сухая чурка дерева упала вверху и глухо стукнулась о пол.

Петряк полминуты обождал.

— Никого! — констатировал он, убедившись, что с веранды никто не подал признака жизни. — Теперь попробуем за занавесом.

Он бросил другую чурку в неподвижную полуоткрытую занавесь.

Но и на этот раз ничьего внимания стук упавшего предмета не привлек.

— Хозяева заняты делами! — заключил Петряк, — гости могут чувствовать себя свободными.

Теперь предстояло сделать самое главное.

Сзади молодых отчаянных сорванцов-революционеров слышались иногда в тишине вечернего покоя возгласы выходивших из дверей и входивших в них людей. Затем этот шум замирал. Из конюшни доносилось редкое пофыркивание. Если еще не все спало, то скоро должно было уснуть. Но не было ли где-нибудь тут поблизости ночного сторожа? А между тем, Петряку нужно было запечатлеть в натурограф, по крайней мере, хоть кабинет Бурсона, если не его самого. По всей видимости, Пройда почуял в полковнике большую контрреволюционную птицу и через него может добраться до “Икс-Ложи”. Их шайка до сих пор орудует по всему миру беспрепятственно.

— Эх, если бы сцапать тут все их секреты!

И по мере того, как Петряк чувствовал близость врага, настроение его делалось все более повышенным, пока он не перестал думать о какой бы то ни было опасности.

Теперь он чувствовал, что Первин его стесняет. На секунду он нерешительно остановился, а затем шепнул ей:

— Мы сделаем вот что, сестричка, я не хочу, чтобы ты зря пропала. Ты войдешь к нам в комсомол, когда индусы прогонят англичан, и мы вместе поедем в Москву, а тут нас обоих могут схватить. Ты обожди меня здесь. Влезь в кусты и лежи или сиди, как мертвая, пока я не возвращусь. А потом вместе уйдем.

— А если русского братика заметят и убьют?

— Тогда уходи скорее на берег в наш цирк.

— Нет! — сказала вдруг нач-герл, выпрямившись и сердито вспыхнув. — Буду здесь...

— А что же ты будешь делать? Ведь двух нас, если мы полезем, скорее увидят или услышат...

— Русский бой пойдет один. Но я буду ждать: я выведу из конюшни двух коней. Открою засов в воротах. Если что-нибудь случится, братик Петряк прыгнет с веранды, и мы убежим...

У девушки, очевидно, тоже поднялось настроение, и она, высказав свое предложение, решительно взглянула из потемок на Петряка.

Парень схватил ее за руку.

— Молодец Первин, настоящая комсомолка. Теперь я знаю, что ты меня не забудешь.

Танцовщица склонила голову, скрывая волнение.

Петряк схватил ее за руку и потряс, потом, когда ему этого показалось мало, он вдруг поцеловал девушку и, не дав ей ничего ответить, ринулся к дереву возле дома.

Он снова почувствовал враждебную темноту сада, невидимую опасность веранды. Но теперь у него от боязни не осталось и следа.

Он быстро взобрался на верхушку дерева. Раскачавшись здесь на одной ветви, он бесшумно вцепился за выступ балкона. Секунду вслушивался в то, что было за занавесом, а затем очутился в его полотнище. Здесь снова остановился на полминуты. Он всмотрелся в темноту и почувствовал себя не ближе к цели, чем он был в саду: никаких признаков жизни не было ни в том большом помещении, куда он попал, ни в примыкающим к ним комнатам.

Он, однако, различил, что прямо против выхода на ту веранду, у порога которой он скрылся, находится другой ход с такой же, очевидно, верандой.

Полминуты еще постоял он, чтобы убедиться, что близко никого нет. Осторожно поднял на полу веранды чурки, которые бросил из сада. Здесь он повторил тот же маневр. Он бросил чурку в очертания двери налево. Полминуты обождал. Ни звука в ответ.

Бросил другую чурку направо. То же самое. Тогда, осторожно, но быстро переступив босыми ногами через помещение, он очутился в складке занавеса второй веранды.

И здесь, взглянув вперед, он понял, почему пусто было в помещении, где он находился.

То, что они с Первин приняли за большой, раскинувшийся на целый квартал дом, было квадратом строений, среди которых помещался небольшой внутренний сад. В том строении, которое выходило своим фасадом на улицу, ряд окон был освещен. На некоторых из них были кружевные гардины и тюль. Петряк увидел в числе освещенных комнат в верхнем этаже и кабинет Бурсона, а в нем человека, европейская внешность которого не вызывала сомнений насчет того, что он является тем именно субъектом, который больше всего интересовал компанию Пройды. Человек этот пил сироп шербета и что-то рассматривал. У нижнего входа дома стоял часовой, так же, как снаружи на улице. Пристройки с боков пустовали.

Но как увидеть ближе полковника?

Можно было бы спрыгнуть в сад и попытаться проникнуть к балкону, пробравшись и дальше к нему по деревьям, но солдат мог услышать шум ветвей, и тогда все пропало.

Петряк еще раз оглянулся и решил добраться до интересовавшего его места по плоским крышам строений.

Он, как кошка, пополз по плоскости из глины и досок.

Через пять минут он был над верандой и окном полковника.

Но здесь, вытянув осторожно голову, он вдруг увидел то, чего не видел прежде: во-первых, у входа веранды находился часовой, как и внизу. Во-вторых, полковник говорил с какой-то женщиной, которая, очевидно, вошла, пока он пробирался по крыше.

Разговор был полезен Петряку в том смысле, что он помогал ему что-нибудь узнать. Часовой же все труды Петряка делал бесцельными, ибо благодаря ему нельзя было приблизиться больше ни на один аршин к окну, а вследствие этого, парню было ничего не видно, не слышно.

Всякого другого это обескуражило бы окончательно, но отчаянный Петряк уже наловчился выходить

героем из таких положений, которые многих других ребят его возраста поставили бы в тупик.

Не составляло никакого сомнения, что часовой, сидя на табуретке возле входных дверей, дремал, кивая головой.

— Это нам дело знакомое! — мысленно ободрил себя Петряк. — Сейчас ты, бедняга, заснешь по-настоящему.

С этими словами молодой «домушник» вынул из сумки, с которой он еще ни на минуту не расставался, флакон с какой-то жидкостью.

Затем он еще раз взглянул вниз на солдата.

Возле самой головы часового болталась кисть от драпрей занавеса.

Петряк прицелился к ней флакончиком и стал из него капать на кисть хлороформом.

Накапав достаточно, Петряк сунул флакон обратно и замер, выжидая результата.

Часовой, почувствовав что-то в воздухе возле себя постороннее, потянул носом, но вместо того, чтобы проснуться, еще тверже прислонился к косяку входа.

Петряк снял с себя пояс, сделал на нем из булавки крючок и, опустив его как удочку к шнуру, на котором болталась кисть, начал подводить ее к носу часового. Тот расслабленно опустил руки и окончательно свалился на стену.

В одну минуту Петряк очутился около него и, положив ему полумокрую кисть под бороду, взял из его расслабленных рук ружье и сунул его в сторону.

Теперь он получил возможность безбоязненно двигаться по веранде. Если даже кто-нибудь услышал бы шум его шагов, будут думать, что ходит часовой.

Он осторожно взглянул в окно и увидел там красивую девушку-блондинку, которая стояла, опираясь коленом на кресло и, разговаривая, пристукивала веером по столу. Против нее сидел средних лет мужчина в легкой офицерской блузе, прекративший, очевидно, на время что-то писать. Возле него лежала книга, которую он захлопнул.

Они разговаривали.

Вынув из сумки натурограф и, приспособив его для съемки, Петряк нажал кнопку и стал действовать аппаратом, одновременно слушая разговор.

К величайшему удивлению комсомольца, красивая блондинка называла Бурсона русским именем:

— Алексей Васильевич, увлекаетесь! — говорила она. — Вы ваших русских идеализируете и потому расцениваете не так объективно, как я... Кто из них зарекомендовал себя за время нашей более чем полугодовой совместной деятельности? Молодые люди способны только шантажировать, более старые даже этого не умеют, а занимаются или нищенством, или тунеядством. Из небольшой группы энтузиастов у нас действительно идеальными врагами большевиков являются только итальянцы, да французы. Мы, американцы и англичане, действуем частью потому, что понимаем всю гибельность мирового успеха большевиков, а чаще потому, что Ложа хорошо за это платит. Но и в том, и в другом случае мы методически бесстрастно делаем больше всех, ужаснее всех и, значит, практичнее всех.

Петряк выждал, пока полковник ответил блондинке.

«Русский белогвардеец, — думал юноша. — Вот оно в чем дело».

— Не отрицаю этого, — сдержанно произнес голос военного барина. — В самых сложных и опасных случаях приходится все-таки действовать мне. Я сознательно закрываю глаза на то, что Крудж использует и меня в качестве орудия английской политики. Теперь командировка в Камбоджу, это ни что иное, как авантюра против Франции. Я сделаю там все, что от меня требуется, так как никакого другого способа нет, чтобы разрубить сразу все узлы большевизма. Война, мобилизация, военное положение, теперешние средства уничтожения противника, может быть, одни смогут развязать нам руки для ликвидации красных бандитов. Посмотрим!

Петряку достаточно было действия его натурографа, и он, оттянув его, отошел от своей позиции.

Он снял кисть с плеча часового и как кошка взобрался на крышу по уступам стены и косяка входа.

Но он на всякий случай решил запечатлеть натурографом еще вид стола и разговаривающих сверху. Он подобрался теперь к окну по крыше и принялся за съемку отсюда.

Но только, что он поставил аппарат натурографа, как в кабинет полковника кто-то вошел.

Петряк вытянул уши и услышал доклад:

— Прибыл нарочный!

— А! Впустите.

Нарочный — это было так важно для целей информации, что Петряк снова очутился на веранде и сунул по-прежнему часовому кисть под бороду.

Затем он выглянул в окно. Но, увидев вошедшего нарочного, он чуть не пошатнулся от удивления. Вместо незнакомого лица полицейского он вдруг в военной форме увидел Партаб-Синга.

— Партаб — провокатор? — мелькнул у него в голове вопрос. Но увидев, как подобострастно подал Партаб пакет Бурсону, и каким чужим человеком стоит он перед полковником, Петряк сообразил вдруг, что мог означать его визит после того, как вся группа революционеров направилась именно для встречи нарочного на дорогу от Дагбунгало.

«Молодцы! — пришел в восторг юноша, мысленно одобряя товарищей произведших подмен. — Работают на ять! Но что же будет Партаб делать дальше?»

Полковник, получив пакет, спросил: все ли это?

Отрицательно мотнув головой, Партаб указал на блондинку.

Полковник сделал рукой успокаивающий жест, и тогда Партаб, сняв с себя туземный меч, подал его Бурсону.

Полковник махнул рукой нарочному в знак того, что тот может уходить. Партаб вышел.

Полковник, проводив его за дверь глазами, начал осматривать меч и, остановившись на одном украшении, извлек оттуда письменное послание. Тотчас же Бурсон положил его на стол, придвинул к себе книгу и вместе с блондинкой начал читать.

— Книга — это ключ шифра! — догадался Петряк. — Чудесно! Хорошо, что она у меня попала под аппарат.

За это дядя Градимир скажет мне, должно быть, здоровенное спасибо! Ура!

И, не медля больше, Петряк той же дорогой, какой добрался до окна полковника, пополз обратно.

Спрыгнув сзади дома в сад, он нащупал глазами выступившую ему навстречу Первин, и двумя шагами очутился возле нее.

— Ну что? — спросила та трепетно.

— Ничего, сестричка, чудесно! Это русский белогвардеец. Партаба видел в гостях у него...

— Не может быть. Почему Партаб?

— После скажу. Идем скорее отсюда.

— А лошадей взять?

— Ничего не нужно, скорее айда отсюда!

— Ну, айда!

Молодые люди нырнули через стену и быстро направились к месту их кочевого становища.

Хеджрат

Снова остававшиеся еще здесь революционеры сошлись ненадолго в балагане за городом, на берегу Инда.

Но компания имела теперь фотографии, по всей видимости, чрезвычайно важного зашифрованного письма и командировочного приказа Бурсона. Петряк, засняв кабинет Бурсона, не только сфотографировал его, его сообщницу, но и ключ к шифру письма. Этим ключом оказалась индусская поэма «Мегнадбад». А затем он узнал о политическом смысле действий фашистского полковника и установил его русское происхождение.

Еще больше должно было открыть письмо. Но прочесть его немедленно не представлялось возможности вследствие отсутствия необходимой для расшифровки письма книги, которую можно было достать в каком-нибудь большом городе.

Все другие мотивы заставляли Пройду спешить в Бенарес. И поэтому, не откладывая своего отъезда, главарь большевистского отряда сделал последние распоряжения Петряку и Первин, которым поручил остаться

ся в Майенвили и продолжать неусыпное наблюдение за Бурсоном, куда бы тот не отправлялся, сам же с Партабом и Иляшем к утру был уже далеко за пределами города.

От балагана цирка не осталось никакого следа.

Между тем, с другой стороны города, в это же утро, бесшумно, но быстро собиралась толпа беженцев. Со дворов города, с переулков на выгон двигались люди с носилками, мешками, тележками, с козами, муллами, детворой, телегами и тонгами, запряженными быками и лошадьми. Майенвильцы-индусы собирались к заброшенной у дороги буддийской пагодке, и здесь приводили в порядок перед выступлением в долгий караванный путь свой скарб, распределяя его по подводам и тележкам.

Нигде не видно было главаря у этого каравана из сотен семейств городского и крестьянского населения. Но чьи-то распоряжения передавались из уст в уста среди тысячной толпы. Никто из них не знал хорошо, куда поведет их неволя. Но все изгнанники приспособлялись, очевидно, все свои расчеты к бесконечно долгому пути. Никто не мог из них поручиться за то, что банда палачей города, от которых они бежали, не нападет на их толпу и не рассеет ее. Но другого выхода изгнанники, очевидно, не имели, и потому они лишь торопились поскорее уйти от ненавистного усмирителя.

В таборе не без старшины. И в караване нашлись решительные, осведомленные люди, которые делали соседям указания, превращались в естественных заправил организации каравана, отдавали распоряжения и командовали.

Таковыми организаторами оказались, во-первых, пожилой привратник из сгоревшего имения Раджаба Гош Тилак Дард, во-вторых, друг Арабенды, молодой учитель майенвильской школы Ашуттош, некоторое время монашествовавший в одной из сект лесных саманов, а затем вдруг бросивший секту и занявшийся весьма внимательно мирскими общественными делами.

Эти двое, очевидно, действовали с большим сознанием серьезности выступления, и весь караван как-то невольно начал подчиняться всем их указаниям.

Они проверяли, достаточно ли равномерно распределены ноши, не положен ли ненужный груз на телеги, усажены ли на подводы слабосильные.

Откуда-то они перед самым выступлением каравана привели арестованного пленника-сипая и, сообщив, что это полицейский, который может предать их, поручили его стеречь нескольким молодым людям.

Наконец, когда караван совершенно приготовился в путь, они вдруг возвратились с молодым Арабендой Гош и двумя неизвестными подростками-парнями.

Тогда они крикнули, чтобы беженцы собрались, и приветствуемый толпой Арабенда поднялся в полутьме наступавшего утра возле арбы.

Юноша поднял руку, и сборище стихло.

— Братья-индусы! — воскликнул земиндар-революционер, — мы сейчас покидаем наш край, наши дома, наши очаги...

— Мы покидаем их не потому, что мы не любим нашей земли, наших очагов, нашу родину. О, далеко нет! Но чужеземные насильники делают невозможной нашу жизнь больше здесь...

— И так они делают это не только в этом уголке Инда, а по всей Индии. Ибо саибы-захватчики душат индийский народ одинаково и в Майенвили, и в Калькуте, и в Дели, и в Пенджабе...

— Но что там в Индии!.. В самой Англии, если бы мы пришли туда, нас превратили бы в презренных камбала¹⁾, в нищих рабов, которым место только в цепях в тюрьме, в рабочих домах, на каторжном труде. Ведь даже против собственных же рабочих у них средство только одно: насилие и расправа.

— Убийствами, поджогами, насилием и издевательством заставили нас бросить здесь все, все, над чем мы трудились, жили и умирали. Нам нужно уходить отсюда...

— Но есть, братья-индусы, на свете такая страна, где и нас не будут заставлять ползать на животе перед окнами насильников. Есть край, где всякого человека, какого бы цвета не была его кожа, считают братом своим, если он не насильничает; товарищем, полноправ-

1) Камбала — отщепенец.

ным гражданином и желанным гостем, если он трудом своим добывает себе хлеб...

— Это — страна советов на Севере...

— Так идемте же, братья индусы, туда! Далеко это... По горам, пустыням и безводным степям нам придется идти. Но лучше по трупам своих братьев прийти нам к свободе, чем к позорному рабству ползти на животах...

— Идемте, братья!..

— Идемте! Идемте! Совет Россия! Совет Россия!

— Из советской России у нас есть эти двое молодых людей, которые имеют средство помочь нам благополучно пройти границу и избежать нападения Бурсона или каких-нибудь других угнетателей. Пусть они идут с нами и помогают нам. Большевики дали нам письмо в советы русские. Нас там примут и помогут устроиться. Идемте, братья!

— Идемте! Идемте!

— Идемте! Слушайте все распоряжения Ашутоса и почтенного Тилака Дард. Вы их обоих знаете. Пойдемте! Понесем наше горе, проклятие против насильников туда, где нас поймут великие русские... Пойдемте.

— Идемте! Идемте!

Арабенда соскочил с телеги.

— Трогай! — скомандовал Ашутос, и караван двинулся.

Чекарев и Вагонетка, прикомандированные к каравану Пройдой, с Арабендой и одним индусом-ремесленником выехали из каравана верхом и немедленно окружили его завесами натурографа. Караван исчез из вида; стал раздаваться по дороге только неясный шум, не бросались в глаза даже облака пыли, рассеивавшейся в пределах завесы.

Так двигалось это шествие переселенцев несколько дней, пока не очутилось затем за пределами границ Индии.

Арабенда провел беженцев в верховья Инда и переправил их через реку, прибегнув к помощи парома, изготовленного средствами самих беженцев. Сейчас же вслед за границей начались горы. Сразу открылся целый ряд трудностей, не предполагавшихся никем в начале движения.

Главной из них была почти полная невозможность достать пищи для такого значительного количества людей. Кроме того, сказались усталость и болезни. Начинался упадок духа. Поэтому, переправившись за реку, Арабенда решил сделать длительную остановку для того, чтобы добыть пищи при помощи могущих встретиться караванов.

Но в то время, когда караван остановился, случилось неожиданное и сразу изменившее настроение беженцев событие.

Беженцы разнообразными группами, одни возле телег, другие под наскоро раскинутыми шатрами и палатками, третьи просто на ветвях тростника расположились отдыхать, бивуачничать и хозяйствовать над своим дорожным скарбом, выйдя за пределы страны.

Несколько религиозных индусов в разных местах занялись совершением молитв.

Ребятишки жались к родителям или, разбившись на артели, изобретали себе забавы. Арабенда Гош и его друг Ашутосх выехали за зону действия натурографа, посоветаться, поручив наблюдение за порядком в караване Тилаку Дард и нескольким своим друзьям.

Двое индусов из отряда и комсомолцы с разных сторон загороживали караван действием натурографа, а в самой зоне прятались уже ознакомившиеся с действием большевистских аппаратов часовые-индусы.

В это время по следам, которые только что оставил после себя свернувший с дороги караван, в кустарники вошли трое оборвышей-подростков, которые, подозрительно нюхая воздух и тщательно озираясь, недоуменно остановились и стали совещаться, очевидно, о том, что им предпринять для того, чтобы разрешить возникшее у них подозрение.

Один из них вдруг увидел вынырнувших неизвестно откуда, в самой непосредственной близости от них, двух всадников.

Он дернул за руки намеревавшихся продолжать разговор товарищей и указал им на неизвестных путешественников.

Моментально подростки упали на землю, не переставая, однако, ни на секунду спускать глаз с появившихся людей.

— Что за наваждение! — пробормотали они друг другу, стараясь примкнуть к корневищам кустов и не производить шума.

— Откуда они взялись?

— Пограничники, что ли?

— Они как будто гуляют...

— Или совещаются?

— Как бы они еще не направились по берегу, обязательно наткнутся на наших.

— Вот принесла их нечистая сила!

— Давайте ждать...

Но всадники, очевидно, не намеревались совершать длинной поездки. Они сосредоточились на разговоре, выехав к небольшой возвышенности, сблизили лошадей, и то жестикулируя, то поворачиваясь друг к другу, завели такой разговор, как будто, кроме их, никого не могло быть на сотни верст вокруг.

Наконец, они, очевидно, приняли какое-то решение, пришли в себя, оглянулись с возвышенности и поехали обратно.

Проехав по кустарникам какую-нибудь сотню — две сотни сажен, они вдруг исчезли так же неожиданно и странно, как и появились, среди мелких кустарников, где, казалось, должны были бы оставаться на виду еще с полверсты.

Подростки-оборвыши, приподнявшиеся для того, чтобы наблюдать за неожиданными путешественниками, переглянулись между собой, и один из них удивленно присвистнул.

— Вот и факиры, и магия началась, хотя Индии еще мы и не видели!..

— Нет, это не магия, а хуже даже.

— А что же это такое?

— Тоже, что у нас...

— Натурографы?!

— А что же больше?

— Но откуда? У них целый караван...

Вопрос остался без ответа.

— Вот что, — снова сказал старший оборванец. — Ты, Исайка, сейчас же тартай эту новость к нашим. Сообща обо всем товарищу Таскаеву. А мы с Марсельез-

цем проберемся поближе к этим печенегам и, может быть, узнаем, чего они ищут на белом свете. Катай скорее. Скажи, что нас, пусть во всяком случае, ждут с донесением не больше, как через час.

— Есть! — подчинился младший из трех ребят, рыжий и курчавый мальчуган Исак, ныряя в кустарники и скрываясь в них.

Старший, который был никем иным, как Стремяковым, остававшимся при главной части отряда в качестве наиболее энергичного пионерского вожака, кивнул другому своему товарищу, которого он называл Марсельезцем, тот ответил ему также кивком готовности, и оба они двинулись опять в зону каравана.

Они немедленно увидели весь табор беженцев.

Здесь на полминуты Стремяков остановился, ориентируясь в картине, а затем, увидев, что крутой берег речушки дает возможность добраться не только до табора, а почти очутиться под некоторыми телегами, кивнул в этом направлении головой, и пополз к спуску. Марсельзец последовал за ним.

Они благополучно миновали расстояние, отделявшее их от табора, бредя по воде и держась руками за кусты, но только что хотели подняться на возвышенный борт берега, как вдруг остановились.

— Парень! — шепнул Марсельзец. И вдруг он изумленно взглянул на товарища, жестом указывая ему впереди себя:

— Смотри! Кто это?

— Натурограф! Вагонетка! Вот чудеса!

И Стремяков вдруг воскликнул:

— Янчик! Вагонетка!

Подросток, сидевший на обрыве с большой трубкой в руке, вздрогнул, вытянул голову, увидел оборванцев и вопросительно приподнялся.

Стремяков и Марсельзец очутились возле парня.

И вдруг Вагонетка узнал товарищей.

— Миша! Женья! — воскликнул он. — Не может быть!

Стремяков схватил за плечи товарища, видя, что тот не может выпустить из рук натурографа.

— Ты что это магию разводишь тут?

— Почему вы бродите здесь?

— Садитесь, будем рассказывать.

— Да говори, пожалуйста, скорей! Мы пойдем, скажем товарищу Таскаеву.

— А вы все вместе здесь? Границу уже переходите?

— Здесь... осталось только пройти речонку эту...

Товарищи быстро осведомили друг друга о своих делах. Затем Вагонетка, крикнув в табор, передал удивленно собиравшимся индусам, чтобы они позвали Арабенду, и когда тот пришел, отозвал его, чтобы поговорить по секрету.

Немедленно после этого Арабенда с двумя ребятами двинулся к становищу «Батальона всех за всех». Он находился на расстоянии не более двух верст от табора беженцев.

Обе стороны чрезвычайно обрадовались неожиданной, но счастливой встрече. У беженцев члены комсомольского отряда могли узнать и получить много практически необходимых вещей для них, вроде документов, справок, явок, одежды. Таскаев узнал о том, что успел сделать Пройда. В свою очередь, караван беженцев получил неожиданную помощь. Для батальона делался излишним теперь караванный инвентарь вроде верблюдов, обоза, лошадей и других громоздких предметов. Даже остаток пищи у ребят был достаточно большой, что они захотели пожертвовать его беженцам. Наконец, долгий путь, проделанный ребятами, выявил нескольких больных и слабосильных товарищей, которые, очевидно, в дальнейшем не могли справиться с климатом и предстоящими революционными испытаниями. Их сдали на руки беженцам для того, чтобы возвратить снова их на родину.

В этот день Таскаев с отрядом перешел границы страны.

Убийство возле храма

Старшая из посетивших Пройду индианок — танцовщица Дадабай — хорошо знала Бенарес. Она пересекла базарные улицы города, подошла почти к берегу почитаемой реки, где толпились, толкались и передвигались тысячи групп и кучек разноплеменных богомольцев Индии и мусульманских народностей, и при-

близилась к зданию большого старинного храма Шивы. По пятам за нею следовал китаец Сан-Ху, который должен был делать вид, что он ничем не связан с девушкой.

Танцовщице уже оставалось сделать сотню шагов и миновать один переулок, чтобы очутиться на площади перед храмом, когда она вдруг увидела на углу переулка двух молодых людей.

Присутствие этих туземных юношей, выжидательно следивших за входом в храм, заинтересовало ее настолько, что она сразу изменила направление, обернулась к Сан-Ху, и когда имевший вид торговца китаец приблизился, догадываясь, что девушка имеет к нему сообщение, она шепнула ему:

— Брат Сан-Ху! Этот тамил — брат Кукумини, к которой мы идем. Но он должен быть в Сайгоне, где восстание. Он стоит здесь не даром. Приметьте, что он будет делать, а потом ищите меня в храме.

Сан-Ху, не останавливаясь, кивнул головой и, подойдя к храму, присел у его ступеней, как будто бы любуясь рекой, а на самом деле наблюдая за вышедшим тем временем с переулка беспокойным гоанийцем-христианином. В обществе берегового босяка-авара он направился в храм и сделал рукой знак людям, стоявшим на углу.

Между тем, Дадабай, сторонясь прохожих и встречных, обошла фасад храма, завернула за угол и очутилась возле одной из наружных боковых колоннад храма, за которой немедленно и скрылась.

Оглянувшись из-за колоны, не следит ли кто-нибудь за нею, она затем пробежала взглядом ряд глубоких ниш в стене, являвшихся украшением основания храма, и в одну из них вошла.

Здесь она еще раз обернулась на улицу и, разыскав одновременно взглядом в нише комочек глины, как грязь приставшей к плитам храма, сцарапнула ее поднятым для этого с земли камнем. Под глиною оказалось замаскированная дыра в стену, и в ней — шнур с пуговицей от солдатского мундира.

Дадабай потянула его к себе раз и еще два раза, и стала ждать.

Около минуты прошло без ответа.

Танцовщица не заметила, как в невидимую амбразуру ниши кто-то взглянул на нее, как, воскликнув, этот кто-то быстро повернул большой рычаг в потайном коридоре фундамента. Большая каменная плита ниши зашуршала и втянулась в коридор, открыв квадратное окно в храм.

Дадабай нырнула в него. Плита шурхнула обратно. Танцовщица в узком темном коридоре столкнулась лицом к лицу с молодой стройной женщиной, одежды которой выдавали в ней девадаши, безотлучно находящуюся при храме.

— Сестра Кукумини! — воскликнула Дадабай.

— Сестра Дадабай!

Молодые женщины поцеловались и несколько секунд взволнованно держали друг друга в объятиях.

Затем Дадабай, увидев, что ее подруга нерешительно остановилась, раздумывая, что ей делать, вопросительно посмотрела на девадаши.

— Я вторглась не вовремя, сестра Кукумини?

Женщина взяла за руку подругу и нерешительно посмотрела на нее.

— У меня скрываются брат и его друг, которые ушли два часа назад и скоро должны возвратиться, не будешь ли ты бояться встретиться с ними у меня?

— А почему они скрываются?

— Они возвратились из Сайгона, где было восстание. Теперь там торжествуют опять франки, правительства саибов ведут следствие. Брата и других начальников обманул компрадор Санджиб Гупта, который составил с ними заговор и послал их туда. Брат говорит, что богач Гупта подкуплен англичанами и получил от них много денег. Повстанцев же предал, и их схватывают...

— Я видела сейчас твоего брата Бихари Бай недалеко от храма с его другом, — сказала Дадабай задумчиво. — Они чего-то ждут...

— Я боюсь, что с ними что-нибудь случится! — воскликнула Кукумини. — Они написали письмо Санджибу Гупта. Брат мой — беспутная голова! Он хочет, во что бы то ни стало, от компрадора-богача получить

деньги и поделить их с товарищами. Он, должно быть, назначил агентам компрадора свидание в храме...

— Они ничего не посмеют сделать с ним. Кроме того, я, когда увидела Бихари Бая, сказала одному нашему другу, чтобы он следил за твоим братом. Это большевик-хатбе из Москвы. Он не допустит несчастья.

Кукумини удивленно открыла глаза. Дадабай любовно посмотрела на девадаши.

Полминуты Кукумини стояла смятенная. Потом она положила руки на плечи подруги и с мучительным волнением произнесла:

— Какие вести у тебя есть, сестра, почему я, безумная, сразу ничего у тебя не спросила? Говори скорее, диди¹⁾... Были ли вы, видели ли его? Сказал ли он что-нибудь... Я умираю от горя! Индия гибнет, мы измучены... Говори, говори, говори, сестра!

Дадабай обняла девадаши.

— Диди Кукумини, успокойся! Радуйся, диди Кукумини! Русский большевик, которого ты любишь, приехал с нами, и через два дня будет здесь. Но он приехал не один. Много большевиков с ним приезжает. Много молодых боев-коммунистов, которые Индию разбудят героической борьбой и в наших рядах добьются ее освобождения. Незачем тебе волновать твоё благородное сердце, сестра всех сестер. У нас прибавляются силы...

— Дорогая ронди-подруга! Где же он? Пойдем со мною, и рассказывай... Все рассказывай, пока моя горячая тоска не утонет в слезах моей радости, которую ты принесла. Только тише рассказывай, чтобы не услышал какой-нибудь чужой браман-жрец, расхаживающий по тайникам храма! Говори так, чтобы никто не слышал, даже стены, чтобы не поняли, о чем ты шепчешь; пойдем, сестра Дадабай...

Кукумини, подобрав мановением руки распахнутую ткань своей «сари»²⁾, повлекла Дадабай в придел храма, служивший одним из его тайных покоев. Но только что они очутились под сводчатым потолком обставленного темной обстановкой помещения, как вдруг из преддверия храма к ним донесся отчаянный вопль, раздались крики, шум схватки.

1) диди — сестра. 2) Сари — род плаща или платка, принадлежность женского костюма.

Мгновенно побледнев, Кукумини остановилась, с недоумением прислушиваясь к шуму.

Встревоженная Дадабай также на минутку замерла.

Затем она быстро заставила сесть на сидение из ковра Кукумини и твердо произнесла ей:

— Ты жди сестра, я узнаю, что там, и скажу тебе... Я знаю здесь ходы...

С этими словами танцовщица исчезла в коридоре.

По знакомым ей тайникам стен храма она быстро очутилась у одной из амбразур коридора, и через нее увидела на пороге храма распростертые тела двух человек в лужах крови и спешивших к ним из храма браминов, а с улицы — богомольцев.

Она побежала к тайному выходу у порога храма и очутилась возле места происшествия.

Здесь уже собралась горячившаяся толпа.

Один из валявшихся в крови людей, силясь не упасть от смертельной раны, приподнялся на одной руке.

Взглянув на него, Дадабай немедленно узнала в нем того человека, с которым стоял на улице Бихари Бай, брат Кукумини.

Переведя взгляд на другое распростертое тело, и убедившись, что это не Бихари, танцовщица снова повернулась к начавшему выкрикивать проклятия умиравшему другу Бихари.

Индус, собирая остатки сил, выкрикивал:

— Компрадор Санджиб Гупта — сидвала¹⁾, наемник англичан! Он за английские деньги нанял бедных индусов поднять бунт против франков у анамитов и малайцев в Сайгоне. Он сказал, что заплатит нам здесь деньги, но прислал своих джасусов, чтобы те убили нас. Он получает без счета деньги угнетателей-англичан и держит дружины убийц-морд, которые уничтожают индусов. Собака, продажный купец, раджа Санджиб! Нечистый кандала: кан-да-ла-нассасадар!²⁾

На раненого вдруг бросились явившиеся полицейские и, должно быть, агенты того же компрадора Санджиба.

1) Сидвала — полицейский агент.

2) Нассасалар — носильщик трупов, отщепенец.

Умиравший заметался.

Собравшаяся толпа глухо зароптала.

Несколько полицейских-индусов загородили ей дорогу и подняли палки. Толпа подалась.

Полицейские подхватили и понесли трупы.

Дадабай, еще раз взглянув на двинувшуюся за шествием полицейских толпу, напрасно попыталась найти Бихари в толпе и, не увидев никого похожего на брата Кукумини, скрылась в тайник. Она убито направилась обратно к Кукумини, не зная, что ей сказать девадаши. Но только она сделала несколько шагов, как чья-то тень выступила перед ней в коридоре. Чуть не воскликнув, она увидела Сан-Ху, загородившего ей дорогу.

— Как вы сюда попали? Где брат Кукумини? Почему вы не ждете меня в храме? Что случилось тут? — закидала девушка вопросами товарища.

Сан-Ху поднес к губам палец.

— Несля пили в храм! Мы упивали отна морта. Они Пихари хотели упийт. Вот Пихари...

Действительно, из тени простенка выросла фигура возбужденного юноши, который воскликнул:

— Дадабай!

Дадабай испуганно подалась назад.

— Дадабай! Передай Кукумини, что мне сейчас увидеться с ней нельзя. Скажи, что я с этим хатбе бегу отсюда в Бомбей. Мы поступим в дружины Санджиба Гупты к мордам. Я устроюсь у них сам и помогу устроиться другим товарищам. А потом мы уничтожим этих собак в огне или утопим в крови, вместе с Санджибом. Он, вместо того, чтобы помочь бунтовщикам и выручить их, послал к нам своих рабов, и те убили моего товарища, а меня только спас этот хатбе... Кланяйся сестре и скажи, что скоро мы добьемся свободы для Индии. До свидания!

Вслед за этим тамилец-дружинник кивнул головой китайцу и указал ему на выход. Оба, спаситель и спасшийся, скрылись туда, прежде чем Дадабай пришла в себя.

Девушка схватилась руками за голову, окинула взглядом коридор и быстро направилась к Кукумини.

«Беда будет, если враги-брамины увидят, что они здесь прячутся!» — мелькнуло у нее в голове.

Через две минуты Дадабай была у подруги.

Девадаши тревожно бросилась к Дадабай навстречу.

— Что случилось?

Дадабай взяла подругу за руку и проговорила:

— Убийство, сестра Кукумини, но не бойся за Бихари.

И девушка рассказала, что она видела.

Кукумини с отчаянием провела у себя рукой по голове.

— Но когда этого уже не будет? Когда бедные угнетенные индусы получают возможность заниматься спокойно своей несчастной жизнью?..

— Об этом, сестра, тебе может сказать только твой друг-большевик, который для этого сюда и едет... Подумай лучше, сестра, как здесь ему устроиться, чтобы его не схватили сразу джасусы. Подумай, как помочь целой армии молодых большевиков, которые идут за ним; какую дать им помощь, как разослать по Индии и свести их с нашими братьями в союзах. Расскажи и мне, что у вас делается...

Кукумини не могла говорить.

— Сестричка, где Первин, девочка?

— Самоцвет Первин с русскими... Они не отпустили бы и меня, если бы не спешил тебя предупредить твой друг. О, они отважные люди! Мы с Первин танцевали им и помогали им. А потом, когда мы оставались одни, я учила Первин складывать про них песни. Я про них тебе могу спеть много песен, дорогая Кукумини, и все они понравятся тебе...

И Дадабай запела радостную песню о молодых русских большевиках, которые издалека, издалека идут, едут и приближаются к Индии, чтобы бороться за счастье индусов — райотов и судра. Ведет их большевик большевиков Пройда.

Кукумини схватила за руку Дадабай, когда веселая девушка запела. Но Дадабай ответила речитативом новых строф своей песни. И когда она упомянула имя Пройды, у Кукумини показались на глазах слезы радости.

Девушки обхватили одна другую руками и упали на циновку.

Тов. Инкогнито.

**Большевики
по
Чемберлену**

(Фантастический роман)

Выпуск 4.

1925 г.

„Новая Москва“

В Бенаресе.

Священный город проснулся. По бесчисленному количеству узких азиатских улиц, неизменно вырывавшихся вдруг на какую-нибудь площадь с неожиданно грандиозным храмом, задвигались индусы в паграх¹⁾, мусульмане в тарбушах²⁾ и фесках, женщины, закрытые белыми «бурка» с ног до головы и выглядывающие через отверстия для глаз, патаны, шейки, сикхи и европейцы. Рынки начали гудеть, а храмы и берег Ганга — наполняться богомольцами. Появилась уже какая-то похоронная процессия с четверкой слонов, привлекавшая на минуту внимание уличных торговцев и посетителей базара. Началась посадка пассажиров на готовый к отплытию пароход, и пронесли на его борт на носилках несколько европейских путешественников с приобретенной ими в городе парой обезьян. Несколько на отлете от ряда уличных палаток продавцов украшений, парикмахерских и ковровых заведений, под корпусом индусской конторы пароходной кампании, появился недавно избравший себе тротуар конторы местом для стоянки, шлифовальщик и золотых дел мастер-парсис с точильным камнем, примитивной переносной стойкой для паяльника и ящиком.

Он выправил навес палатки, разложил на циновку свои инструменты и начал пригонять к серебряному женскому поясу, извлеченному из ящика, камни.

— Бабу Варис, вы отбиваете работу у соседа Аслана! — воскликнул продавец позументов-шейк, отойдя от своей палатки и заглянув к шлифовальщику.

— Хватит работы на всех, сосед Курбан, пока саибы-фаренги³⁾ не увезли еще с собой за море все серебро, золото и жемчуг на этих пароходах.

1) Пагра — головной убор в виде тюрбана.

2) Тарбуш — подобие чалмы.

3) Фаренги — чужеземцы.

И шлифовальщик кивком головы указал на паром.

— О, они много увозят! Они приезжают смотреть наши храмы, ставить чиновников, продавать нам дешевый товар и увозят дорогие изделия. Они так много скупают у нас, что, кажется, все они за морем должны сиять в золоте и камнях, как боги в богатых храмах. И все им еще мало. Когда же они оставят в покое бедную Индию? Слышали вы, что вице-король назвал депутатов конгресса бритыми забастовщиками за то, что конгресс не согласился дать денег на полицию?

— Слышал, сосед Курбан. Правительство считает всех нас бритыми забастовщиками за то, что мы националисты. Сейчас вице-король деньги на полицию получит на основании чрезвычайного закона, который сам же и распорядился опубликовать. Будем работать да платить инглизменам, чтобы они увозили от нас все, что им нравится.

— Проклятые фаренги! Значит, налог все-таки вводится?

— Вводится.

— Ой, сосед Варис, плохо это кончится. Знаете вы, — наклонился вдруг и, озираясь по сторонам, начал сообщать туземцу, — что националисты хотят поднять бунт, и что инглизмены к берегам страны присылают большие военные корабли с пушками, чтобы расстрелять Бомбей?

— Знаю, — ответил шлифовальщик. И если бы лавочник-националист в мусульманской феске на голове, широких штанах, белом кафтане и пестром жилете сверху мог читать в душе парсиса, он угадал бы, что после этого сообщения шлифовальщик не только обнаружил показную озабоченность, отвечающую праздной болтовне, но что у него чувство опасения перед военными мерами повелителей страны было значительно более тревожным и глубоким, чем это подходило для мирного рыночного мастера.

Однако лавочник не мог угадать мыслей парсиса, который в тон ему ответил:

— Плохо будет, сосед Курбан... Особенно, если национальное собрание не переедет из Дели.

— А если оно переедет?

— В Дели мои братья — индуисты и браманисты — дадут у себя на глазах арестовать всех депутатов, и будут только поститься да угнетенно переносить все, пока инглизмены не загонят всех их на плантации, а сами рассядутся в рынке торговать, как у себя дома. Это уж там так наверно будет. А потом станет и нам здесь делать нечего...

— Что же нам делать, сосед Варис?

— Не знаю; плохо будет, сосед Курбан.

— Если бы сюда приехали депутаты! Мы бы все им предоставили и сказали — распоряжайтесь!

— О, мы знали бы, что делать!

Шлифовальщик заложил в топочку паяльник. Позументщик ушел в свою палатку.

Пройда (это был он) скрыл улыбку и нагнулся над паялом.

На минуту он задумался и как-то опустилсся, дав безвольно опасть на циновку, на которой сидел, своему костистому телу.

Он находился в Бенаресе уже около недели. Организация коммунистической партии предоставила ему ряд возможностей для того, чтобы под видом какого-нибудь легального занятия скрыть свою революционную деятельность. Он выбрал себе занятие уличного ювелирного мастера, переняв на время палатку и инвентарь от одного туземного сообщника, как заранее еще наметил это себе в сговоре с Таскаевым. Тем временем он, повидавшись с Кукумини Бай и несколькими вожаками организации, сделал им доклад о том, что предпринимает фашизм и какие силы им может противопоставить революция. Затем он побывал на тайном партийном собрании, на собрании правления союза нач-герлей, рабочих пристани, вокзала и некоторых мастерских.

Расшифровав перехваченные письма к Бурсону и сопоставив ряд сделавшихся известными ему фактов, он объяснил руководителям индийских коммунистов о том, что компрадор-посредник английских банкиров Санджиб Гупта является агентом фашистов. Сообщил, что выступление анамитов и индусов в Индо-Китае

является делом рук этих же фашистов, и имеет целью провокацию войны. Теперь провокация уже обнаружилась и, вследствие требования соглашательских левых элементов европейских парламентов, Лигой Наций в Сайгон послана следственная комиссия из депутата-социалиста Арну Дюваля и филантропа Труксена. “Икс-Лож” фашистов заинтересована в том, чтобы не допустить разоблачений этой комиссии. И вот, компрадор поручал от имени секретариата Лож Бурсону в тех письмах, которые перехватил Пройда, уничтожить членов комиссии. Другим, не менее важным сообщением этих писем была справка о том, что для подавления назревающего в Бомбее восстания рабочих будут отправлены в распоряжение дружин Санджиба Гупта пулеметы с тем, что дружины заранее расставят их по плану в определенных пунктах и, при выступлении рабочих или националистов, расстреляют революционные массы.

Обдумыванию планов фашистов предался на минуту Пройда, не переставая отделявать камни и вставлять их в пояс одной из организованных танцовщиц.

Он не провел в бездействии эту неделю. Как только из расшифрованного письма Пройда узнал, что белогвардеец-фашист Бурсон должен организовать убийство комиссии в Камбодже, он немедленно же послал туда Нур Иляша, хотя за кровавым полковником и следили уже Петряк с Первин. Затем Дадабай Пройда сделал поручение обойти учреждения тайной и явной полиции и переснять натурографом шпионов, агентов фашистских бюро, дружины туземных «морд», организованных богачами и полицией.

Так как в Бомбее, вследствие недавнего захвата фабрик рабочими, теперь началось усмирение, то он направил туда одного индуса — члена организации, для фотографирования событий.

Наконец, чувствуя, что события в стране назревают и только не хватает искры, чтобы вспыхнуло во всей стране всеобщее восстание, он написал ряд писем, в одном из которых вызывал Тарканатру из Москвы для руководства партией. В то же время, по его настоянию, индийские коммунистические организации должны

были собраться на нелегальную конференцию, которая сделалась тем более необходимой, что правительство распустило национальный индийский конгресс и начало снова усиленно арестовывать националистов.

Надо было, однако, действовать еще энергичнее, с еще большими силами, и как их казалось теперь мало Пройде! Но все, что надо для торжества революции, делалось.

И по мере того, как к мнимому шлифовальщику возвращалось сознание о необходимости действий, он делался увереннее, и движение его паяльника становилось тверже. Выровнялись и поднялись плечи, затем выпрямилось туловище, наконец, напряглись и сделались стальными ноги. На лбу образовался угол кровеносных взбучившихся жил.

Надо было действовать!

К палатке кто-то подошел и остановился.

Пройда поднял глаза и узнал в подростке, прикрытом рваной чогой, Стремякова.

— А... Наконец!

Он поднялся, оглядываясь по пространству переулочка, через который колыхалась передвигающаяся толпа восточного рынка, и быстро, чтобы не задержать комсомольца, спросил:

— Таскаев тоже пришел?

— Да...

— Встретили вы в дороге переселенцев? Возвратились с вами Чекарев и Вагонетка?

— Да, все собрались...

— Сколько человек оставил с собой Таскаев?

— Пятерых.

— Где вы остановились?

— Возле вокзала под бассейном.

— Хорошо! Вы идите, устраивайтесь вот по этому адресу, там уже готова техническая мастерская и находится Партаб-Синг. До вечера устраивайтесь и отдыхайте, а вечером в редакцию «Свараджа» пусть придет Таскаев и вы с Партабом. Благополучно прибыли?

— Да, по дороге в поезде узнали, что какой-то индусский финансист или коммерсант, учредитель ан-

глийских банкирских контор в Калькутте, Бомбее и Бенаресе из сынков буржуазии и разных отбросов, организовал отряды фашистов, — по здешнему «морд», а по нашему черносотенцев, против коммунистов, и вооружает их.

— Как зовут этого коммерсанта?

— Санджиб Гупта.

— А, хорошо... Значит, до вечера! Спросите в «Сварадже» Лотику Гора...

Стремяков отошел от палатки и, последовав за выступавшим по рынку трио каких-то полуголых варваров, исчез в толпе.

Возле шлифовальщика остановился индус-матрос, принесший в починку запястье, то ли полученное от возлюбленной, то ли украденное. Служитель какого-то храма прогнал мимо палатки несколько коров. Продавщик бетеля, остановившись среди улицы, разругался с водовозом, хлюпнувшим нечаянно водой в его корзину.

Группа горожан — мусульман и индусов — остановилась возле одного фокусника и поощряла его криками на дальнейшие номера. Предостерегая увлечшихся от несчастья, захрипела сирена автомобиля, прокладывающего себе дорогу. Где-то гудели еще бóльшие толпы...

Сосед Варис, он же организатор необыкновенно задуманного заговора — Пройда, начал торговаться с матросом о цене за работу, а когда рынок стал пустеть, закрыл палатку и направился в город.

Вечером в одном из задних помещений редакции туземной газеты «Сварадж», в квартире учительницы женской школы Лотики Гора, для того, чтобы познакомиться друг с другом и отдохнуть в товарищеской среде, собрались прибывшие из далекого пути товарищи и несколько человек — участников местной организации коммунистов.

Из этих местных товарищей, кроме самой Лотики, была еще возглавлявшая тайную организацию начгерл Кукумини Бай, два руководителя студенческих обществ и метранпаж из типографии газеты Бенарджи.

Бенарджи был за морем, хотел учиться в Англии, но лишился помощи со стороны отправившего его туда прежнего редактора газеты — националиста и, возвратившись после этого на родину, снова поступил в типографию для работы по своей прежней профессии, а, кроме того, занялся методической подпольной деятельностью, применяя на практике те свои сведения о коммунистической борьбе, которые он получил от встреченных активных большевиков Европы, во время неудачной попытки ознакомиться с наукой английских университетов. Лотика Гора была одной из тех самостоятельных индусских девушек, которых пробудившееся национальное самосознание заставило отречься от «пурда»¹⁾ и «зенана»²⁾; оставить глубокие покои задних женских комнат в домах родственников и попытать свои силы на арене общественной деятельности.

Таких женщин уже немало занималось в Индии обучением своих соплеменниц, их организацией, журналистикой и различной культурной деятельностью.

Из знакомых уже нам друзей и товарищей Пройды, явились Таскаев, Стремяков, Партаб-Синг и Дадабай.

Пока Лотика готовила в медном кувшине шербет, Дадабай и Кукумини расположились на одной циновке и весело болтали о своих профессиональных делах, а Пройда, Бенарджи и студенты живо спорили о том, нужно ли из Дели переезжать куда-нибудь национальному собранию.

Бенарджи приводил доводы за то, что Дели менять на Бенарес не имеет никакого смысла. Ни в одном, ни в другом городе нет пролетариата.

Таскаев устроился на диване и, чувствуя себя после долгого пути в кругу товарищей, «как у Христа за пазухой», с блаженным спокойствием то следил за болтавшими девушками, то переводил довольные глаза на мужчин и едва не смеялся радостным смехом.

Стремяков сидел прямо на полу возле дивана, как бродяжка-нищий, допущенный к празднику живущих в довольстве людей.

1) Пурда — обычай ходить с закрытым лицом.

2) Зенан — затворничество женщин.

Всем было хорошо.

Когда вошла Лотика и разлила в чашечки шербет, разговор стал общим. Заговорили о том, что английские империалисты, очевидно, готовятся к подавлению восстания, раз они присылают к берегам Индии крейсера. С другой стороны, все теперь зависело от того, как поведет себя национальное собрание.

— Если правительство заставит выпустить с крейсеров хоть один снаряд в мирное население, вся Индия восстанет от дельты Ганга до Солемановых гор, как один человек! — сказал Бенарджи. — Во всяком случае, оружие и бомбы у нас есть... Студенты и рабочие объединили тайные дружины в один штаб. Левые националисты решили всячески поддерживать коммунистов. Посмотрим!..

— А правительство это сделает, конечно, раз при-
сылает сюда эскадру, — произнесла Лотика.

Каждый из собравшихся, отхлебывая шербет, думал свою думу.

— Чем все это кончится в Европе, скажите нам, товарищи русские? — воскликнула снова Лотика. — К чему приведут фашистские авантюры и открытые насилия капиталистов? Сколько из-за них по всему миру прольется крови? Неужели они разобьют нас, а потом объявят войну советам и пойдут против Москвы?

Таскаев улыбнулся. Бенарджи энергично повел плечами и сжал по швам белых штанов кулаки, как будто собирался отшвырнуть всякого, кто задумает что-нибудь не только против Индии, это еще куда бы там ни шло, а против советов. Студенты вопросительно взглянули на Пройду.

Пройда засмеялся.

— Без войны и крови, конечно, не обойдется ни здесь, ни в Европе. А кончится это... Знаете, чем это кончится?

Все вперли глаза в сухого, как будто он был отродясь испечен солнцем, рабочего-большевика, которого в его пагре, белом кафтане, широких штанах, с кольцами в ушах и козловых кожаных туфлях с изогнутыми носками, не отличила бы даже его собственная мать от парсиса.

Пройда, повернувшись лицом к собравшимся, блеснул довольными глазами.

— Это кончится тем, что все мы через несколько месяцев из Индии торжественной делегацией поедem в Москву, на великий съезд большевиков всех стран. Поедет Кукумини, Бенарджи, Лотика, Дадабай и сотни других наших братьев и сестер. Москва по случаю победы народных масс в Индии будет утопать в знаменах, шуметь и гудеть. Кукумини, Бенарджи и Дадабай сядут в автомобиль... Массы московского пролетариата будут кричать «ура» представителям и представительницам свободной Индии. «Джаратер Бая!» «Хиндустани Дже!». Дадабай, Кукумини и Бенарджи поднимут руки, разовьют шарфы, крикнут «Слава! Слава!» Дадабай объявят председательницей комсомолок всех стран. Радуйся, Дадабай певучая!

Пройда вдруг остановил взгляд на унесшейся куда-то в счастливой мечте подруге Кукумини. Дадабай сидела на цыновке и, отдавшись всецело тому, что говорил большевик, ритмически в такт своим мыслям двигала пальцами босых ног, как будто она и в самом деле сидела в автомобиле, и блаженно важничала под шелковыми зонтами.

Остальные гости, пившие шербет, оглянувшись также по направлению взгляда Пройды, вдруг увидели, как Дадабай в полном самозабвении то сжимает, то разжимает пальцы ног, плотно стиснув губы и из-подолба глядя далеко перед собой.

Девушка, очнувшись, увидела, что на нее смотрят, и также с недоумением посмотрела себе на ноги.

— Ай! — воскликнула она, поняв, почему на нее все уставились. И, вспыхнув, как уголек, она упала головой к себе в ноги, пряча в них глаза.

Дружный товарищеский хохот засвидетельствовал девушке сочувствие собравшихся к ее мечтам. Студенты воскликнули «ура!»

Кукумини вскочила и обняла подругу.

— Ах, простушка, простушка, певучая дикарка Дадабай!

Друзья успокоились от взрыва веселья. Они заговорили о том, как использует партия Индии чудесные

аппараты Таскаева, как использовать изменившееся в сторону вооруженной борьбы настроение националистов и народных масс.

По пятам врага

Петряк и Первин неотступно следовали за Бурсоном с его агентами, вскоре выехавшими из Майенвили. Им пришлось побывать в Калькутте, Рангуне, Банкоке и, наконец, они очутились в камбоджийском областном городке Пном Пенхе на реке Меконг, населенном, кроме камбоджийцев и индусов, еще анамитами, китайцами, малайцами и небольшим количеством европейских чиновников, которые в стремлении к успеху, попытав счастья на родине и не достигнув удовлетворения, оказались в этой части колоний, чтобы здесь всеми мерами насилия над туземцами создавать себе положение.

Здесь население еще находилось под впечатлением только что подавленного восстания камбоджийцев и индусов. Сенегальцы-солдаты под командой французских офицеров и теперь были наготове возле казарм. Полицейское бюро производило усиленную работу по проверке населения, вынюхиванию участников восстания и поискам оружия. Французские офицеры, сержанты и чиновники резидента-губернатора ходили мимо белых плоскокрытых домов туземцев с видом победителей.

Бурсон с негром поселился в доме одного анамита. Гризетка француженка и известные нам «атташе» Дон Пабло Доморесско и швед, с которыми полковник сподвижничал в Майенвили, устроились, наоборот, в европейской гостинице.

Петряк, убедившись, что тут (на краю света, казалось ему) нужно бросать якорь и ему с его компаньонкой, сейчас же вспомнил, что Пном Пенх был одним из пунктов, куда должен был также прибыть с натурографом комсомолец из «Батальона всех за всех». Поэтому, облюбовав себе с Первин в качестве тайного обиталища заброшенный сарай хлопковой плантации за городом, он начал под видом немого беспризорного

мусульманского попрошайки рыскать по улицам с надеждой встретить кого-либо из товарищей по делу и установить с ними связь. Первин он поручил вертеться возле ворот двора того анамита, где поселился Бурсон, и той гостиницы, где остановилась гризетка.

Вскоре он заметил, что оба пособника фашиста куда-то уезжают.

Он с Первин проследил их и услышал название станции, когда они покупали билет: Сайгон. Если бы Петряк был в курсе намерений Бурсона, и знал то, что уже было в это время известно Пройде в Бенаресе, а Граудину в Лондоне, то он, сообразив, что это пункт, где остановилась следственная комиссия из поехавших для изобличения английского правительства пацифистских парламентариев, сразу догадался бы, что именно нужно в Сайгоне агентам Бурсона. Но парень и так не сомневался, что фашисты совершают свое турне не для ради пустого времяпрепровождения.

Однако, не успели уехать погромные джентльмены, как Первин сообщила, что уезжает и гризетка. Она отправилась на склад страховой транспортной конторы багаж, и по адресу его отправления ребята немедленно определили, в какой далекий путь собралась красавица авантюристка. Местом назначения багажа оказался Бухарест — столица Румынии. Даже там нашлось какое-то дело компаньонке Бурсона.

Узнав это, Петряк усилил свою бдительность и пошел на риск.

Ему удалось пробраться во двор анамита — хозяина квартиры Бурсона, когда к полковнику приехала на прощальное свидание гризетка.

Прежде чем кончилось их свидание, Петряк пришел взволнованный к Первин и начал с ней делиться планами.

— У этой французской мамзели в шляпке драгоценная для нас бумага. Бурсон дал ей мандат на съезд фашистов. Они сейчас оба выедут. Мы должны проделать чудеса изобретательности, чтобы овладеть документом. Слушай: она будет проезжать вместе с ним по мосту. Я сделаю так, что шляпка у нее к черту, хотя бы вместе с головой, слетит в воду, когда они будут пере-

езжать реку. Ты должна быть в воде и, или поймать или схватить шляпку. Сделай это и немедленно улети-вайся. Мне придется ночь провести на другом бере-гу. Ты жди меня до утра. Если я благополучно возвра-щусь, то хорошо, а если нет, то сестричка, что хочешь делай, но немедленно доставь в организацию в Бена-ресе те бумаги, которые будут в шляпе. Скорее идем, а то опоздаем. Не боишься ты, товарищ?

— Нет, с тобой, братик-русский, не боюсь.

— Хорошо, танцующий безродный грачонок... Идем тогда.

Оборванная пара молодых уличных азиатов до-стигла моста, проложенного через реку, на другом бе-регу которой непосредственно раскинулся европей-ский квартал из нескольких бунгало. Было хотя не так поздно, чтобы оборвышей не встретил какой-нибудь поздний прохожий, но Петряк действовал напропалую.

На одном конце узенького моста была сделана кро-хотная будочка заброшенной мостовой заставы и подъемный шлагбаум. Эта будочка и шлагбаум и яви-лись базой для отчаянной попытки Петряка.

От поднятого верха шлагбаума к крыше будки он, пользуясь темнотой ночи и отсутствием живой души, близко протянул веревку, как их устраивают для ве-шания белья, достаточно, однако, отпущенную, чтобы маневрировать ею. Затем в будочке, своим дном по-мещавшейся над водою, поднял доску пола, чтобы при надобности нырнуть в нее. Прежде чем уцепиться под потолком на перекладинке, где он облюбовал себе по-зицию для действий, он объяснил Первин еще раз, что именно он сделает.

Затем, услышав вскоре после того, как все было го-тово, приближающихся всадников, тронул рукой де-вушку и приготовился сам.

Всадники, не подозревая засады, в полной темноте въехали на мост. Впереди была женщина, как бы нащупывавшая дорогу.

Петряк поднял веревку.

Только что поравнялась всадница с шлагбаумом, как вдруг что-то под ней шурхнуло и изо всей силы рвануло ее по голове. Истерический крик ужаса вы-

рвался у амазонки из груди, обе лошади рванулась, женщину арабская кобыла понесла, а мужчина, наткнувшийся грудью на веревку, вылетел из седла.

— Джерси! — крикнул Бурсон, поднимаясь и бросаясь бежать за всадницей и своей лошадейю.

— Лучше, чем я думал! — вскочил и воспрянул духом Петряк... — Хорошо... Можно даже веревку снять.

Он обследовал мост. Нашел удалявшуюся тень Первин под мостом в воде и снял веревку с будочки. Прислушался и подумал, не лучше ли ему догнать свою сообщницу. Однако на берегу слышался голос полковника, и подвергшиеся нападению должны были прийти искать шляпку. Тогда Петряк быстро сошел с моста, юркнул на берег и ушел в закоулки города, чтобы где-нибудь в случайном задворке провести ночь.

Он устроился на берегу за полторы версты от моста под лодкой.

Перед рассветом он заспешил к Первин, зная, что она будет беспокоиться.

Однако он не пошел через мост, боясь места вчерашнего нападения, а переплыл реку и вошел в город с другой стороны.

Но только что он вступил в город, как вдруг почти лицом к лицу столкнулся с таким же, как он, ранним бродягой. Это был негр — слуга Бурсона.

Невольно Петряк побледнел, увидев, что попался в такое недоброе время на глаза чернокожему.

Негр тоже растерянно было остановился, а затем вдруг быстро подошел и схватил юношу за плечо.

— Говори, — прошипел он по-французски, — чего ходишь, чего смотришь?

— Мы-ы-ы! М-м-м-ы-ы! — отбивался и, вопросительно вытаращив глаза, истошно мычал, симулируя немого, Петряк.

— Убью! — рычал негр. — Поведу в полицию...

Это может быть было бы не такой страшной угрозой, если бы из-за угла не показался случайный обход стражи в лице трех полицейских, которые немедленно двинулись к месту столкновения негра с оборванцем.

Оглянувшись и сорвав из-за спины сумку, Петряк решил, что ему уже не уйти. Он пропал. Нужно было

сохранить тайну «Батальона всех за всех» и Петряк, сунув в сумку руку, нажал кнопку самовоспламеняющейся петарды натурографа, внутри которого все начало бесшумно гореть и плавиться. Вспыхнула и сумка, которую парень выпустил из рук, мыча то на нее, то на негра, то на схвативших и его и негра полицейских.

— Немой! — решили полицейские. — В чем дело? — спросили они негра, пытаясь затоптать огонь брошенной Петряком сумки.

— Он ворует! Он выслеживает, кто богаче, — я заметил. Он не немой.

— Идемте к начальнику, он разберет.

И негра и Петряка полисмены повели в канцелярию начальника стражи.

Но негр отговорился, и его сейчас же отпустили. Петряка же стали обыскивать перед тем, как оставить в камере. И вот, когда один полицейский ощупывал его, наблюдавший за этой процедурой, вышедший шпион-анамит вдруг быстро схватил сыромятный кожаный пояс Петряка, ткнул пальцем в шов посреди пояса, где были стачаны два конца и, вынув нож, быстро распорол складку этих концов.

Как же содрогнулся Петряк, когда он вспомнил, что у него в поясе лежит, безрассудно состряпанный для него одним приятелем перед отправкой из Москвы, фальшивый мандат, удостоверяющий, будто податель его, товарищ Петряк, является и агитатором, и организатором, и уполномоченным для сношений с коммунистами во всех странах комиссаром, и чуть ли не главным барабанщиком и музыкантом всемирно известной Первой Конной Армии...

Петряк мысленно умер.

Шпион же, наткнувшись на бумажку, едва не подпрыгнул от радости за то, что оправдалось его подозрение.

— Что? — рычал он во все стороны, — немой! Русский штучка! Большевистский штучка! Звереныш, у-у-у, какой злой дух из самой Москвы сюда забрался!..

Перепуганные полицейские, посмотрев на непонятную бумажку, вдруг сразу изменили свое поведение

и сейчас же панически обступили Петряка, убитого не столько собственным провалом, сколько обнаружением рокового документа. Провал с этой бумажкой был для него теперь равен гибели его репутации перед комсомольской братвой всего мира.

Полицейские ничего этого не знали.

— Начальнику это! — держались целых три варвара за несчастный мандат.

— В колодки джалы¹⁾ его! — волокли они Петряка.

И парализованный подросток даже не сопротивлялся, прощаясь заранее с жизнью.

Его привели в какой-то пустой, каменный, темный простенок тюрьмы, где маленькая, с кулак величиной амбразура в толстой стене была единственным источником света.

Здесь валялись на земляном полу избитые остатки соломы.

Когда ввели сюда Петряка, группу полицейских и схваченного узника догнал какой-то дикий азиат-тюремщик, который своими глазами хотел посмотреть на необычайную жертву ареста.

Он скомандовал что-то, и Петряка, дергая во все стороны, усадили на пол, замкнув его ноги в колодки.

Пригрозив ему еще расправой и ткнув об пол, тюремщики, наконец, ушли.

Петряк убито поник головой.

Одна невыносимая мысль ворочалась в мозгу парня. Он очень быстро сообразил, что как не опасна была находка мандата полицией лично для него, значительно худшим, однако, было то обстоятельство, что местные власти и, прежде всего, французское правительство, во владениях которого он был схвачен, использует эту находку для подрыва престижа Союза Социалистических Советских Республик. Франция, правда, давно уже признала советское правительство. Но это, вынужденное обстоятельствами, признание было весьма непрочным, и все отношения между реакционно-демократическим французским кабинетом и Наркоминделом СССР сопровождались постоянной угрозой их разрыва. При чем, главным жупелом не только у фран-

1) Джала — тюрьма.

цузского, а и у всех правительств буржуазии, посредством которого они пугали обывательское и мещанское воображение так называемой демократии, была вот уже в течение почти пяти лет «большевистская пропаганда на Востоке».

Никто этой «пропаганды на Востоке» советского правительства нигде до сих пор раньше обнаружить не мог, хотя чего, кажется, не дал бы любой кабинет министров Европы и Америки, чтобы только доказать, хотя бы одним примером существование связи между деятельностью коммунистов в разных странах и советским правительством. И вдруг, случайно обнаруженное, самочинное удостоверение комсомольца давало в руки империалистов всех стран такой повод для самых яростных выступлений против советских республик, что, думая теперь о последствиях своей неосторожности, Петряк не мог считать себя иначе, как злейшим врагом и предателем советской власти.

Мог ли он, в самом деле, с таким сознанием своей вины спокойно теперь думать о товарищах и об общем с ними деле? Не принес ли он вреда своей несчастной страстью к бумажкам значительно больше, чем пользы, какую принесла его работа в организации комсомола? Несомненно, французские власти, используя документ, раздуют этот случай, всем станут известны обстоятельства его провала, и тогда мало того, что он погибнет от руки врагов, но еще вдобавок и друзья о нем будут думать с презрением.

— Ах, проклятие! — метался несчастный семнадцатилетний колодник, судорожно вздрагивая в своем тряпье и горячечно блуждая глазами то по одежде, то по тяжелому дереву колодки, не дававшей даже подняться ему и удариться головой о стену, то по темному пространству своей каменной могилы. — Но неужели ничего нельзя сделать?

И Петряк закачался над колодкой, продолжая свои думы.

— Что сделает Наркоминдел в России, если получит от французского правительства ноту об обнаружении агитатора с советским удостоверением? Он, не подозревая даже о деятельности «Батальона всех за всех»,

конечно, объявит это удостоверение подложным, ибо органы советской власти никогда таких документов не давали и командировок не делали. А если французский представитель в Москве захочет проверить по регистрационным журналам подлинность мандата? — спросил сам себя Петряк. И вдруг он поднял голову, осененный новой мыслью:

— Да ведь он там ничего не найдет: удостоверение собственного производства. Ура! Дутый номер ставился на глазах самого Петряка... Пускай ищут!

И обрадованный Петряк вскочил бы на ноги, если бы тяжелые колодки не ссадили ему ногу, как только он сделал резкое движение.

Но как же вернее идти к цели, чтобы его показания носили характер вероятности? Это надо было обдумать. И подорванный несчастьем, но не упавший духом парень снова начал работать головой.

Его не интересовало, поверят ли французские власти его оправданиям. Но если он заявит и запишет в протокол о том, что удостоверение подложно, то французское правительство вынуждено будет с этим считаться и, во всяком случае, потеряет право оперировать с мандатом, как с подлинно советским документом. Хорошо! Это выход. Петряк не изменит коммунистической партии, даже безвестно погибая в колодке или под пытками империалистов.

Правда, в таком случае с ним поступят без всякого снисхождения. Он тогда прослышет перед всеми, кто не будет знать его поступка, в качестве белогвардейца и фашиста. Его имя будет называться вместе с именами других подделывателей антисоветских документов. Но пускай! Зато своим показанием он искупит собственную вину перед делом революции! Пускай же!

— Все одно погибать, — думал юноша. — Жаль только, что не будет знать по-настоящему, что случилось со мной Первин, которой не все равно это. Жаль только, что с Первин проститься не пришлось. Эх, не везет!

И у парня засосало в груди.

Петряк провел себя рукой по первому, еле пробившемуся пушку на месте усов, и у него дрогнули губы, а на глазах показались слезы.

Он прощался со всем на свете, видя ясно впереди только одну гибель.

Против самого себя

Мысли Петряка один раз были прерваны появившимся начальником полицейской стражи, который пришел с несколькими стражниками, молча уставился на несколько минут острыми глазами в юношу, разглядывая его в свете открытых дверей, и также молча ушел, кивнув головой, чтобы закрыли дверь.

Затем, через несколько часов парня вызвали на допрос в контору, причем здесь уже был не только начальник полиции, но и несколько чиновников с переводчиком и возглавлявший их французский губернатор.

Пожилой генерал-губернатор с минуту посмотрел на оборвыша и обратился к подростку с вопросом по-французски:

— Французский язык знаешь?

— Знаю.

— Сколько лет?

— Семнадцать.

— Когда в большевистские агенты поступил?

— Никогда не поступал.

— Гм. Откуда удостоверение большевистское получил?

— Мои показания записываются? — спросил Петряк.

— Гм. Опыт какой! Гм! — Губернатор оглянулся и ткнул на чиновника, писавшего за столом протокол допроса.

— Вот, видишь! Все будет записано, если правду скажешь...

— Я скажу, во всяком случае, то, чего вы не ожидаете, раз вы считаете меня агентом большевиков. Я заявляю, что этот документ подложный...

— А, вот что... это очень интересно... Записывайте, записывайте, секретарь... Мы этого молодчика изловим... Кто же его подделал?

— Кто его подделал, я не знаю, но от кого я его получил, это сказать могу...

— От кого же? Очень, очень, интересно!

— Получил я это поддельное удостоверение, написанное будто бы большевистскими властями, от человека, который называет себя полковником Бурсоном — и который в настоящее время проживает здесь в доме анамита Агли Вана.

— Вот что, зачем же он вам дал его?

— Он в самом деле не англичанин Бурсон, а русский белогвардейский офицер — князь по имени Николай Ардальонович... Фамилии его я не знаю. Он решил всю свою жизнь посвятить борьбе с большевиками. Он нанял меня еще возле афганистанской границы, где я бродяжничал, ища средств к существованию, вследствие ряда несчастий в семье моих родителей. Он сказал мне, что заплатит много денег, но только чтобы я везде и всюду ругал французское и английское правительство перед туземцами, и дал мне это удостоверение, сказав, чтобы я его обязательно носил с собой. Я понимал, что он хочет, чтобы меня арестовали, но я думал, что у меня его не найдут и спрятал его как можно дальше. Теперь, когда я вижу, что дело принимает такой опасный для меня характер, считаю, что лже-Бурсон скорее всего и выдал меня, так как арестовал меня его слуга-негр. Поэтому я решил лучше сказать, что мне выгоднее.

— Ты не сочиняешь, молодец?

— Проверьте...

— Мы проверим... Только мы не будем искать какого-то Бурсона, а поручим нашему представителю в Москве прислать подтверждение подлинности документа.

Губернатор испытующе посмотрел на Петряка.

— Это дело ваше, как вы будете проверять, — спокойно ответил тот. — Мне важно установить, что я не преступник, а сам — жертва злого умысла.

— Посмотрим. Уведите арестанта...

Губернатор, однако, сказал неправду, заявивши о том, что он не будет искать Бурсона. Наоборот, он поручил немедленно полиции и шпионам проверить, есть ли такое лицо в городе и установить за ним на па-

ру дней слезку, после чего под осторожным предлогом пригласить его к нему для допроса.

Петряка пока на это время оставили заброшенным в колодках.

Полковник Бурсон, раздосадованный случаем на мос-ту, когда, вследствие какого-то невыясненного происшествия, его сообщница чуть не лишилась жизни, ждал со своим слугой результатов того предприятия, из-за которого он приехал.

Прошло два дня со времени отъезда его сообщницы, когда в дом Агли Вана явился посыльный и попросил Бурсона от имени губернатора явиться в его дворец. Бурсон, сохранявший здесь, во всяком случае, инкогнито, удивился, но пошел.

Губернатор принял его в кабинет и вежливо предложил садиться.

Не понимавший, в чем дело, Бурсон сел и выжидательно посмотрел на губернатора.

Тот с любезной веселостью начал:

— Я извиняюсь, полковник, что попросил вас посетить меня, но у нас только что произошел прелюбопытнейший казус, который все-таки требует, чтобы вас с ним ознакомили... Мы арестовали на днях здесь русского большевика с документом, спрятанным в поясе. Не сомневаясь ни на минуту в том, кто он, мы произвели допрос. Но знаете, что он при этом стал нам сообщать?

Губернатор, с вопросительным любопытством уставился на Бурсона.

Последний, спокойно подняв жестокие глаза, ответил, предлагая очевидно продолжать:

— Да, — что же?

— Он заявил, во-первых, что будто имел сношение с вами... Что вы не Бурсон, а русский князь...

Губернатор снова остановился и секунду следил за искоса взглянувшим на него Бурсоном.

— Вы что-нибудь скажете по этому поводу?.. — спросил он с осторожной напряженностью.

— Что же, что я не Бурсон, или, вернее, и Бурсон, и русский князь... это правда, — холодно ответил Бурсон. — Что он вам еще сказал?

Губернатор с удивлением приподнялся.

— Но если это правда, то я должен начать следствие и арестовать, может быть, даже вас. Кто же вы, в самом деле?

Бурсон свысока измерил губернатора взглядом и, подняв голову, указал на брелок губернатора с каким-то значком.

— У вас это брелок случайно или символ союза?

Губернатор сделался сразу сдержаннее.

— Символ магистров...

— Хорошо... Я магистр грамоты личного посвящения “Икс-Ложж”. Вот мой знак...

И Бурсон, открыв жилет, показал черный нагрудник, на котором выделялся белый знак “Икс” со знаками свастики по обеим сторонам.

Тотчас же губернатор, как это не было неожиданно, почтительно встал и скрестил на груди руки.

Бурсон закрыл жилет.

— Протокол допроса этого большевика велся?

— Да...

— Дайте мне его!

Губернатор покорно развернул портфель и извлек из него папку. Затем он нашел в ней допросный лист Петряка и подал его Бурсону.

Тот внимательно прочел его, прожигая глазами строки мелкого почерка. Читая, он сопоставил в уме ряд фактов с теми сообщениями, какие делал Петряк. В голове его мелькнули кое-какие догадки о слежке за ним. Не обнаруживая, однако, беспокойства, он взглянул на всё так же почтительно стоявшего губернатора и, положив на стол папку, вырвал из нее допросный лист. Он положил его себе в карман, а остальные бумаги перервал и бросил.

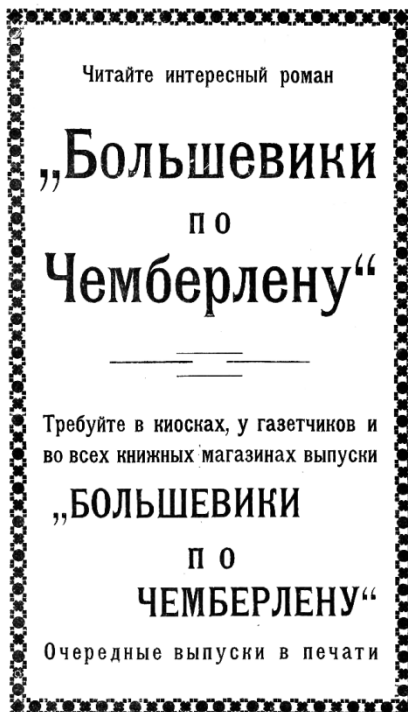
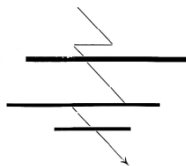
— Я здесь по одному особому делу, о котором распространяться совершенно излишне. Не мешайте мне. Что же касается до этого мальчишки, то кто бы он ни был, он знает больше, чем это допустимо знать кому бы то ни было. Но ваше следствие — это длинная и ненужная история. Я пришлю к вам вечером сегодня негра-слугу, и вы распорядитесь, чтобы арестованного с ним отпустили. О дальнейшей его судьбе после этого не заботьтесь. Поняли?..

Губернатор, понимая многозначительность вопроса, утвердительно кивнул головой.

— До свидания! Очень благодарен, что вы осведомили меня об этом случае не обычным полицейским способом, что было бы значительно хуже. Продолжайте, губернатор, ваши дела...

Бурсон подал руку и ушел.

Губернатор задумчиво сел в кресло и долго думал о происшедшем.

Первин оказалась верным товарищем Петряка в том деле, которое молодым людям поручил Пройда.

В тот вечер, когда уезжала сообщница Бурсона, молодая танцовщица, спустившись в воду и спрятавшись возле борта мостика, выждала, пока всадники наткнулись головой на веревку, после чего у «белой нач-герл», как мысленно окрестила Первин гризетку, слетела шляпа на край моста, которую Первин тут же схватила и, какой велел Петряк, быстро с ней направилась к берегу.

Мимо нее по мосту пронеслась замершая от ужаса на лошади гризетка, затем промчалась лошадь полковника и, наконец, пробежал Бурсон.

Первин пропустила всех их, а сама вышла на берег, посмотрела, не догонит ли ее замешкавшийся товарищ, и, памятуя о его наставлениях, направилась к плантации на окраине города, где под складом было ее и Петряка обиталище.

Она стала ждать Петряка. Но чем дальше шла ночь, тем больше начинала беспокоиться она. Она понимала, какую отчаянную дерзость проделал русский с Бурсоном и его подругой. Хотя полковнику в первые минуты происшествия с ним и не до злоумышленников было, и Петряк имел время скрыться, но зато майенвильский усмиритель мог весь город поставить на ноги после того, как он пришел в себя.

И чем дальше, тем Первин волновалась все больше и больше.

Русский отрок-гази¹⁾ так товарищески делил все невзгоды и всю занимательность опасного заговорщичес-

1) Гази — на восточных языках — герой.

кого путешествия с нею, что Первин не раз думала о том, почему он не индус, почему его родители не были соседями ее отца, когда она еще десятилетней девочкой жила к Бирме, пока семью не постигло несчастье смерти ее отца-лодочника, после чего девочку взяли жрецы в храм.

Могло бы случиться так, что родители обоих детей устроили бы торжество их брачного соединения, представили бы праздничному собранию родственников мальчика и девочку и, произведя все обряды, предоставили бы молодоженов их будущему.

Этого не случилось, — что же должно было произойти теперь, когда она, бедная танцовщица, в русском подростке — посланце революции нашла такого переполненного жизнью и заботой о ней и о своем деле друга? Первин этого никак не могла представить себе, ибо понятия о близких отношениях у русских парней и девушек она не имела; Петряк же об этом, очевидно, даже не думал. Первин не знала, что это обстоятельство объяснялось прозаическим неведением Петряка о матримониальных инстинктах, неразумевшего еще о каких-либо иных отношениях к женщинам, кроме товарищеских.

Сама Первин, несмотря на юный возраст, по опыту домов развлечений, где она вращалась около двух лет, уже знала о том, что есть другие области жизни. И вот теперь она боялась думать о каком бы то ни было несчастье, которое могло навсегда оторвать от нее товарища-большевика — Петряка.

Всю ночь и добрую часть утра сидела она, поджав ноги, на мху, под деревянным пологом загородного склада.

Утром, будучи, наконец, не в силах ждать, она поднялась и, положив на то место, где обычно они устраивались вдвоем, чтобы поесть и переждать несколько часов дня или ночи, камень, сунула под него кусочек оторванной от своих одежд ткани, что означало для нее и для Петряка, что она была здесь и скоро придет опять. Тут же она спрятала под балку в полу шляпку француженки.

Затем она пошла в город. Но, побродив возле храма и по базару, она того, кого искала, не увидела.

Тогда она вновь заспешила к складу, где ночевала, смутно надеясь, что, может быть, уже ее товарищ пришел.

Но когда она брела, неохотно грызя поданный ей в одной лавке остаток куска маисового хлеба, возле полицейского городского двора она заметила таинственно разговаривавших надзирателей тюрьмы и полицейских в фесках, и краем уха услышала, что они говорят о мальчик-руськ, большевике, сейчас арестованном.

Первин, на секунду остановившаяся, чтобы в своем сознании запечатлеть услышанную фразу полицейского, вдруг побледнела и, поникнув головой, пошла прочь.

Теперь не оставалось никаких сомнений, что Петряк арестован, и нужно было что-нибудь предпринимать.

Но что же? Прежде всего, нужно было исполнить последнее приказание Петряка и отправить самым надежным путем те документы из шляпки, из-за которых погибал юноша.

А затем надо было спешить с выяснением того, как для него и ради него погибнуть и самой.

Первин и в голову ни на минуту не приходило бросить теперь Петряка, хотя бы для того, чтобы отправиться с документами в Бенарес.

Девушка, возвратившись в свое убежище, достала шляпку и сейчас же стала зубами разгрызать в ней каждый шов.

Через четверть часа от шляпки остались одни клочки и пух, а в руках Первин оказалась какая-то записочка.

Первин заделала записочку к себе в косы.

Со стоически-каменной твердостью духа, затем она оглянулась, как на уютнейший очаг, где провела самое счастливое время, на обнаженное со всех сторон подполье сарая, после чего с брызнувшими из глаз слезами вышла из него.

Она решила, что в соседнем, находящемся за несколько десятков верст городке она найдет кого-нибудь из бродяжек батальона «всех за всех» и пошлет с ним в Бенарес. Пройде записку и известие об аресте Петряка, после чего вернется снова сюда обратно.

Ей повезло.

Пропутешествовав голодная, разбитая и прячущая-ся от всяких встреч и расспросов один день, частью на подводах, частью пешком, она на следующий же день встретила одного пионера, присланного Таскаевым с натурографом для съемки восстаний, но исполнившего свою миссию, и теперь, на обратном пути, бродившего из города в город по провинциям.

Это был прятавшийся когда-то для наблюдения за фашистом в штабеле дров оратор-пионер Пospelов.

Рассказав ему, в чем дело, Первин именем всего отряда заставила его направиться обратно и немедленно доставить письма и известие об аресте Петряка Пройде.

После этого Первин, добыв у товарища пару рупий денег, имевшихся на всякий случай у каждого члена отряда, и запасшись от него хлебом, возвратилась.

Явившись в Пном Пенх, и тут же увидев по улице направлявшегося с прогулки домой Бурсона, Первин механически стала следить за ним, пока он не приблизился к тому двору, где жил.

После этого танцовщица повернулась уходить и вдруг очутилась перед Нур Иляшем.

Да, настойчивый и преданный кочегар, посланный Пройдой для разведки на подкрепление Петряку и Первин, в конце концов нашел Бурсона, стал следить за ним и столкнулся с Первин.

Немедленно же девушка повлекла его к своему убежищу под складом, рассказывая по дороге парсису, что случилось с Петряком.

Парсис обстоятельно выслушал девушку, задумался, заставил пересказать ему все еще раз и сказал, что надо обо всем сообщить большевику большевиков Пройде.

Но он мог прибегнуть к почте, так как Пройда, отправляя его в отдаленнейшую часть Азии, посвятил его в тайны шифровки, замаскированных посланий и симпатических чернил.

Кочегар, тем временем, уже поместился на квартиру у одного рыбака-малайца и делал вид, что намеревается заняться уличной торговлей.

Он предложил Первин пока пользоваться своим прежним убежищем, уговорился с ней об очереди наблюдения за полковником и условился, как разыскать друг друга при экстренной надобности, успокаивая при этом девушку заверениями, что с Петряком еще не все пропало и, может быть, удастся его выручить, если не выпускать из виду Бурсона.

На следующий же день Иляш, заведя знакомство с одним сенегальцем-солдатом, удостоверился из его таинственного повествования, что Петряк сидит в колодах. Кроме того, оба разведчика проследили, как к фашисту пришел посланный губернатора и как после этого Бурсон побывал у губернатора.

— Ну, теперь нельзя спускать глаз с саиба-джемадара, — сказал девушке Иляш.

Действительно, вечером к губернатору пошел негр. Он, спустя некоторое время, вышел, и, засовывая в карман бумагу, от дворца направился к острогу.

Кочегар и Первин, взвинченные догадкой о том, что их врагами принимаются какие-то быстрые и решительные меры, подстрекнули друг друга парой коротких замечаний и последовали за слугой полковника. Они остановились за углом переулка и стали ждать.

Через двадцать минут после того, как негр скрылся в полицейском дворе, он вышел оттуда, но уже не один.

Но как же затрепетала Первин, когда по лохмотьям и фигуре выведенного негром оборвыша она вдруг в потемках вечера узнала Петряка.

Негр вывел его со связанными руками и, отходя от ворот мрачного полицейского двора, оглянулся по пустынной, мертвой в это время улице.

Немедленно же Первин, как тигрица выпрямилась и схватила одной рукой Иляша, а другую протянула к его поясу, за которым, как она знала, был спрятан неразлучный друг кочегара — короткий кинжал-дах.

— Брат Иляш, кинжал!

— Зачем?

— Давай, он убьет его сейчас!

Такая же догадка мелькнула в голове Иляша, когда он увидел, как еще раз оглянулся негр.

— Я сам! — воскликнул он.

Но нож уже был в руках Первин и она, как раненый зверь на цыпочках, припадая невидимой тенью к стене домов, побежала к двум переходившим улицу фигурам. Иляш бросился следом, в два прыжка обогнал ее и, очутившись сзади негра, вдруг схватил его за шею...

— Р-р-р! — хрипнуло рычание у негра, изо всей силы рванувшегося из объятий кочегара.

Иляш пошатнулся, чувствуя, что негр сваливает его. Вдруг негр ахнул, разжав руки, и Иляш выпрямился.

Возле падавшего слуги полковника, блистая злыми глазами, стояла поразившая негра кинжалом Первин.

— Что, собака, большевика убивать? — Так же внезапно девушка обернулась к ошеломленному и еще не все понявшему Петряку и, поцеловав его, быстро затем разрезала веревки.

Иляш пришел в себя.

— Бежим!

Все трое товарищей — и спасенный, и его избавители быстро зашагали, минуя дома и заборы, прочь. Они направились в убежище Первин.

— Сестричка! Сестричка! Вот комсомолка была бы ты... Черноголовый самоцвет!

Первин трепетала от радости и возбуждения, вызванного первой несомненной ее победой над врагами.

Маневр чекиста

Пройда не ошибся, когда, отправляясь из Москвы, поручил взяться своему инициативному и деятельному секретарю за раскрытие тайн “Икс-Ложи”.

У Граудина была уже зацепка, и зацепкой этой являлся Пит Граф.

Только что отправил Граудин Пройду, как Пит Граф получил из Нью-Йорка письмо, немедленно же сфотографированное и, прежде чем оно дошло до адресата, прочитанное предприимчивым латышом. Граудин извлек из него сведения, определившее сразу ряд мероприятий с его стороны по отношению к фашисту.

В письме сообщалось о том, что секретариат магистров Ложы счел необходимым командировать в Москву второго своего агента, со специальной задачей наблюдения за иностранными посетителями Коминтерна.

Второй резидент, которого посылала Ложя, должен был прибыть с выехавшей по разрешению Советского правительства из Канады коммуной реэмигрирующих в СССР сектантов-духоборов.

Расшифровав письмо и подослав его фашисту, Граудин сейчас же осведомился в Наркоминделе, когда и куда прибывают из Америки эмигранты-коммунары.

Таковые оказались уже прибывшими неделю назад во Владивосток.

Граудин поставил на ноги своих помощников.

Начал работать прямой провод телеграфа Москва — Владивосток.

Настойчивый доброволец-эmissар не отходил от провода, пока не имел необходимых ему сведений.

А сведения эти были таковы. Двое коммунаров после высадки во Владивостоке немедленно отсюда выехали. Один из них, ходоک Андрей Выносов, отправился в качестве квартирьера в Кубанскую область, где должна была осесть коммуна; другой — Степан Малабут, эмигрант-нотариус, взял разрешение у руководителей переселенцев на поездку в Москву для того, чтобы хлопотать там о поступлении на курсы советского строительства. Запросив некоторые дополнительные сведения и оставив в покое Андрея Выносова, Граудин немедленно послал несколько ребят из остатков батальона «всех за всех» в Самару, поручив им встретить еще в пути подозрительного нотариуса.

Комсомольцы вошли в Самару в контакт с железнодорожным контролем, пропустили несколько поездов, осматривая билеты и удостоверения у пассажиров и, наконец, наткнулись на человека с документами Малабута.

Они не подали вида, что нотариус духоборческой коммуны из Владивостока интересуется их больше, чем кто бы то ни было другой из пассажиров, но на одной из следующих же станций вышедший нотариус был

остановлен каким-то телеграфистом, заспорил с ним и не успел вскочить на поезд. Подошедший контроль позвал его с собой, и здесь нотариус оказался задержанным до выяснения его личности.

Комсомольцы вернулись в Москву.

Пит Граф, спустя несколько дней по получении им письма, сидел с другими переводчиками в канцелярии полномочного китайского представительства.

Было утро, и рабочий день только что начинался. Дипкурьер представительства диктовал что-то машинистке. Вошедший новый человек, очевидно, приезжий и русский, по виду — провинциальный чиновник, весьма дурно, очевидно, настроенный, потому что, войдя в помещение, этот посетитель сперва с неприятной миной отвернулся и от дипкурьера, и от переводчиков, досадливо оглядел машинистку за столиком и после этого только подошел к Пит Графу.

Китайцы и машинистка, увидев, что незнакомец подошел к переводчику, перестали на него обращать внимание, между тем как тот, поклонившись фашисту, осторожно спросил:

— Вы Пит Граф?

— Да, что вам угодно?..

— Я приехал из Америки, сэр, с духоборами-переселенцами. Там я видел ваших родственников...

Пит Граф бросил осторожный взгляд на китайцев и поднялся.

— Выйдемте со мною.

Приезжий повиновался. Пит Граф вывел его на улицу.

— Что вам передавали мои родственники? Пароль?..

— Они просили меня сказать вам, что я тот человек, который пользуется доверием на свой заработок в иенах и на ваш в червонцах.

— Они прислали мне что-нибудь?

— Есть письмо...

— Ваша фамилия как?

— Меня зовут Степан Малабут. Я был у духоборов за деревенского нотариуса. Но так как, для продолжения успешной деятельности в этой же должности, мне необходимо познакомиться с советским правом и за-

конами, то община ходатайствует перед Советской властью о том, чтобы мне здесь в Москве было разрешено бывать на краткосрочных курсах административных деятелей.

— Ловко! — усмехнулся Пит Граф.

— Да, никому не придет в голову, что и моя наука, как и ваша дипломатическая деятельность — прикрытие... Нарвется на нас кое-кто!..

— Посмотрим. Я уже кое-что нащупал. Вы вечером принесите мне письмо, и мы поговорим...

— А у вас квартира надежная?

— Безусловно...

— Я первое время, пока не свикнусь с обстановкой, буду бояться каждой мелочи. Этот фрукт не смотрит за нами? — Малабут одним глазом указал на разносчика почты, искавшего над воротами номер какого-то дома.

Пит Граф бросил в указанном ему направлении взгляд, остановился на почтальоне, проследил, как тот прошел к другому дому, посмотрев там также номер, и пошел во двор.

— Нет! — успокаивающе решил он.

— Ну, значит, до вечера...

— До вечера...

Вечером в доме № 13 на Леонтьевском Пит Граф проводил из своей квартиры танцовщицу Эча Биби, не пропускавшую вечера, чтобы не посетить любовника, и вскоре после этого впустил Малабута.

— Вы уже устроились как-нибудь? — спросил фашист прибывшего.

Малабут с общинческим полухидством полураздраженно скривил рот.

— Еще бы... — сообщил он. — Прежде всего я снял галстук и воротничок, потому что среди «товарищей» это первым долгом вызовет подозрение... Ну, а если одеть, как я сейчас, рубашку нараспашку, то сразу делаешься «своим». Квартиру дали в каком-то фараонском общежитии за два рубля в сутки. Боюсь только, что как с приезжего с меня глаз не спускают. Всех, что ли, здесь иностранцев так обнюхивают, как только скажешь что-нибудь не по-русски?

— А вы разве говорили что-нибудь?

— Одну фразу какую-то употребил, затруднялся по-русски выговорить...

— Вы осторожней, хотя едва ли из-за этого будут следить...

Пит Граф расшифровал врученное ему нотариусом письмо. По мере того, как из цифр шифра получались слова и фразы, он читал их Малабуту, который подтверждал расшифровку, очевидно, зная содержание письма.

В нем были адреса двух агентур для надобности Пит Графа и Малабута. Кроме американского, давался теперь адрес в Европу, в Бухарест — Яну Плоштовану и в Калькутте — Санджибу Гупта для Бурсона. Ставилась также на вид необходимость обоим резидентам найти в пределах самой Советской России инициативных помощников, так как резидентов постоянных необходимо было иметь, кроме Москвы, в Ленинграде и Харькове; между тем, секретариат магистров Ложи непосредственно из заграницы мог бы еще только найти такового для Закавказья.

Оба сообщника начали перешифровывать себе в записные книжки адреса и делиться связями.

Степан Малабут полчаса добросовестно вычислял цифры шифрующих дробей, в то же время Пит Граф сообщал ему о подозрительной мобилизации комсомольцев для флота, о роли Эча Биби и попа в качестве его помощников, рекомендовал найти и ему агентов, главным образом, среди солидных самостоятельных московских старожил.

Малабут говорил о том, как деятельно Бюро Ложи в Америке, где почти ежедневно кто-нибудь из коммунистов и рабочих вожаков уничтожается без вмешательства суда и полиции.

— Это Пинсон там так великолепно работает! — сообщил Пит Граф.

— Да, — подтвердил Малабут — это такой, которому секретариат денег никогда не жалеет. Ох, если мы устроим дельца два хороших здесь, зажить можно будет...

— Заживем! Я когда ехал сюда, получал тоже распоряжения от Пинсона, а теперь сношусь непосред-

ственно с советом. Знаю секретаря и двух членов совета...

— Старейшин? — подобострастно спросил мнимый нотариус.

— Старейшин! — подтвердил Пит Граф.

— Я их не знаю, — скромно признался Малабут.

— Американцы... Только один русский. Но не выскочка. Кровный аристократ. Перед ним и американцы на цыпочках будут ходить. Князь!

— О, для мебели кого-нибудь взяли...

— Нет, тут не для мебели... Он все сам делает. Ненавидит большевиков. По капле всем кровь выпустил бы.

Малабут, кончивший писать и с любопытством осматривавший комнату, перед тем как уйти, вдруг насторожил уши, услышав на лестнице шаги нескольких поднимающихся человек, и вопросительно поднял на Пит Графа глаза.

Тот также оглянулся на дверь.

Возле нее, очевидно, остановились.

И Пит Граф и Малабут побледнели и вскочили, хватаясь один за шляпу, другой за письмо.

— Откройте именем закона! — раздался вдруг повелительный стук в дверь.

Пит Граф схватился за ручку окна и, распахнув раму, очутился на подоконнике.

— Ни с места! — донесся снизу голос мелькнувшего штыком красноармейца. — Застрелю!

— Откройте, не сопротивляйтесь напрасно!

Малабут стоял со шляпой, дико озираясь и растерянно дрожал.

Пит Граф бросился к двери и открыл ее...

Начальник секретного отдела МГО, несколько агентов, в их числе почтальон — Граудин, которого утром видели Малабут и Пит Граф, вся эта группа охраны окружила двух агентов фашистов и начала производить обыск.

Взяли, первым делом, зашифрованное письмо, которое не успел уничтожить Пит Граф, нашли зашифрованные записи и в заграничных карманных блокнотиках Малабута.

Начальник из МГО сокрушенно покачал головой и начал составлять протокол обыска.

— Вы арестованы, граждане! — объявил в заключение он.

— Почему? На каком основании? — пытался со слабой растерянностью протестовать Пит Граф. Но сами же сообщники не могли придумать сразу никакого благовидного предлога для объяснения обнаруженного у них письма и записей.

— Я объяснял своему другу, как производится шифрование, потому что пришлось к слову, — попытался объяснить шифр Пит Граф.

Но на вопрос, как давно установилась у него с гостем дружба, он ответил, что Малабут сегодня в первый раз посетил его по делу духоборческой коммуны, так как среди духоборов его, Пит Графа, кто-то случайно знал и рекомендовал Малабуту обратиться к нему. Какое дело у нотариуса могло быть к нему, он отказался объяснить.

Путал и Малабут, объяснивший в соседней комнате, что он прибыл по делу духоборческой коммуны, случайно-де познакомился возле китайского посольства сегодня с Пит Графом, как с человеком, знающим ходы в советские учреждения. Что же касается до шифрованных записей в блокноте, то он их делал для того, чтобы не показаться невежественным перед комсомольцами, если бы кто-нибудь из них спросил его о способах шифрования. Но каких комсомольцев имел в виду только что приехавший адвокат, он об этом сказать ничего не мог.

Красноармейцы и агенты, почувствовавшие, что арест связан с какой-то заговорщической махинацией, наблюдая растерянность арестованных и беспомощные противоречия показаний, сразу решили, что имеют дело с матерыми белогвардейцами, которых десяток лет существования Советской власти не заставил угмониться. С враждебным молчанием они дождались, пока было закончено составление протокола, и арестованные переданы ими для препровождения в специальное помещение при комиссариате милиции.

Тогда они скомандовали:

— Пошел!

И окружив арестованных, повели их.

Никто не заметил по поведению мнимого почтальона — Граудина, принимавшего участие во всей процедуре обыска, что арест ближе всего касается его, и что его роль в этом деле значительно больше, чем можно это было думать по той второстепенной должности агента-сыщика, которой он прикрылся, чтобы присутствовать при аресте. Между тем, во время суতোлки обыска и допроса он обменялся с Малабутом выразительным, хотя и коротким взглядом, который явно свидетельствовал, что у этого почтальона и арестуемого неизвестного значительно больше общего, чем это можно было думать.

И действительно было так, потому что подлинный нотариус, он же фашистский агент, прибывший из Америки с сектантской коммуной, Степан Малабут, сидел под арестом в провинции в весьма строгом одиночном заключении, что же касается до арестованного на квартире гостя Пит Графа, то на этот раз это был никто иной, как корректор полиграфтреста Дергачев, привлеченный к участию в разоблачении фашистов, и с увлечением согласившийся на него из-за той сенсационности, которую, в случае успеха, обещало раскрытие необычайной организации.

Он должен был по плану Граудина выдать себя за Малабута и, как мы видели, сделал это так натурально, что никакое сомнение не могло прийти в голову агента фашистов.

Наоборот, когда после допроса арестованных соединили и вместе посадили в изолированное арестное помещение, то ввиду того, что Малабут проявлял неизменное мужество, не падая, очевидно, духом, Пит Граф преисполнился к нему уважением и, не блистая сам излишним присутствием духа, стал искать в нем некоторой духовной поддержки.

— Влопались! — сказал он с отчаянием, опускаясь на изгаженные клопами доски нар, когда дверь камеры закрылась.

— Да... Вы заметили, почтальон-то, о котором я вам говорил утром, тут был...

— Да... сыщик!

— Вот проклятые чекисты, до какого совершенства они насобачились выслеживать всех, — прямо въехать нельзя в эту несчастную совдепию...

— Тут не чекисты... Или выдал кто-нибудь, или, может быть, вы же дорогою проболтались кому-нибудь...

— Я проболтался?..

Малабут с красноречивым пренебрежением посмотрел на Пит Графа и отвернулся.

— Хотел в Москве хоть заработать, да открыть в Канаде свою контору... вот и заработал! — сказал он как бы самому себе, оглядывая стены и решетку над нарами.

— А я мечтал собрать артисток в балетную труппу и сделаться антрепренером, — признался фашист. — Я не ожидал, что эти большевистские краснобаи когда бы то ни было доберутся до меня.

— Что же вы, святым хотели прожить среди них?

— Не святым, но я как мышь, кажется, прежде обнюхивал все кругом раз десять и только тогда высовывал голову.

— Вот и наскочили на котов...

— Что же теперь делать?

— Надо соображать. Голова только одно теперь и будет думать...

— Бежать? — неуверенно спросил Пит Граф.

— Конечно... Не ждать же, пока эти пролетарии нас свезут куда-нибудь под мост, да пристрелят...

— Разве без суда сделают это?

— Пхе, батенька, живете в совдепии, а еще спрашиваете об этом. Им цацкаться недолго с нами. Мы тут только что приходим в себя, а у них уже, может быть, решается наша судьба. Интересно, захотят они еще допросить нас, или надеяться не станут на допрос, а возьмут да просто прихлопнут. Проклятая жизнь!

И мнимый Малабут, охватив себе колени руками на нарах, как бы собрался ныть.

Пит Граф окончательно съезжился и, конвульсивно дергаясь плечами, опустил также.

— Не убежишь отсюда!.. — уныло проговорил он больше себе, чем Малабуту.

Нотариус поднял голову и осмотрелся. Снова опустил голову и снова поднял ее.

Потом несколько минут просидел в угнетенном состоянии, взобрался к решетке и выглянул в окно.

— Если даже задалось бы бежать, надо мчаться к Владивостоку и скорей обратно в Америку, а у нас ни денег, ни знакомых, ни перемены платья. Да и в Америке... что мы тут наделали, что вам там опять дадут работу... Я получил только первое поручение от бюро, и вот влип...

— Это-то они поймут. В Нью-Йорке мы добились бы приема у Круджа, а ему только стоит сказать, что у нас вышло и что мы к его услугам, и он поручит нам организацию бюро, если опять не в России, то в любом другом месте. Денег не пожалеет.

— Далеко до Круджа; жалко, что нет у нас ножа, пилоч или хотя бы железа полосы. Эх, решетку бы сломать...

Малабут еще раз оглядел помещение, отводя одновременно безразличные глаза от сообщника, а про себя запечатлевая надолго в памяти услышанное имя, очевидно, какого-то фашистского организатора. Крудж, Крудж, Крудж...

— Обождем, пока заглянет сюда к нам кто-нибудь, — продолжал он вслух, — из этих острожных индюков; может быть, какой-нибудь случай сам подвернется. Все-таки тюрьма — не тюрьма, а в городе мы. Со всех сторон дома и жизнь бьет ключей... Только пяток саженей, и мы на воле можем очутиться. Эх, денег жалко нет!

— Не думайте о деньгах... — перебил его измятый унынием Пит Граф... — денег достанем в Москве, у меня тут есть верная касса.

«Поп, должно быть! — подумал про себя мнимый нотариус. — Ну ладно, барин, поживем на белогвардейские денежки...»

Вслух он сказал:

— Если денег есть достаточно, то это уже мы наполовину на воле... За деньги и сами чекисты много кой-чего для нас сделают...

— Покурить хотя бы! — воскликнул Малабут.

— Да, покурить бы легче... — подтвердил Пит Граф. Он попробовал лечь.

— Клопов много! Не заснем, все одно... — заметил нотариус.

— Да, уже за воротник заползло что-то...

— Как колючек на крапиве.

И Малабут, отломив от скамейки щепочку, начал осматривать и тыкать ею по щелям.

Зараженный им Пит Граф тоже поднял нары. Несколько минут он переходил от щели к щели, издавая мстительные восклицания и не замечая коротких взглядов наблюдавшего за ним Малабута.

— Большевики проклятые! — пыхтел он, уничтожая насекомых. — У, ты, красногвардеец! Бандит! Чекистская душа!

Но вдруг он издал отличное от своих возгласов междометие удивления:

— Там-тарам! Что это такое?

Малабут взглянул на него и приблизился.

Пит Граф напал на одну из камерных «хавыр» под койкой, куда арестанты засовывают предметы своего скудного дневного обихода. Кроме сухого куска житняка и нескольких огрызков сахара, здесь оказалось полвосьмушки табаку, спички и бумага.

— Курнем! — воскликнул он. — Русский табак! Делайте!

И он, отсыпав себе в бумажку махорки, поднес сверток Малабуту.

Тот потянулся за табаком, насыпая себе на цыгарку, но вдруг, остановленный какой-то мыслью, взглянул на сообщника.

— Не стоит ли нам сберечь табак?

Пит Граф с изумлением посмотрел на сообщника.

— Зачем?

— Видите, у нас очень мало шансов на спасение. Сама судьба дает нам в руки одно средство. Знаете, что можно сделать табаком, когда нас выведут куда-нибудь?

Пит Граф продолжал недоумевать.

— Засыпать глаза конвойным чекистам...

— А подействует это?

— Ого! Только бы не явился их целый взвод.
— Что же мы сделаем?
— Истолчем табак помельче, и будем ждать...
— Но курить хочется...
— Давайте одной папироской покурим оба. — И Малабут начал сворачивать цыгарку.

Полчаса сообщники, лежа на койках, курили.

Был поздний вечер. В коридорах где-то слышался говор дежурных милиционеров. С улицы иногда доносился резкий рожок автомобиля или шум проезжающего экипажа. Двигались где-то последние вагоны трамвая.

На ступеньках по направлению к дверям каземата двух сообщников слышались шаги, кто-то остановился и сунул в замок ключ.

— Идут, готовьтесь, да не зевайте, если будет не больше трех человек, — шепнул задушевым голосом Малабут. — Или к стенке, или на допрос...

Оба сообщника побледнели. Пит Граф почувствовал, как у него застучало сердце. Однако оба арестованных, когда дверь открылась, сохраняли наружное спокойствие.

— На допрос оба! — скомандовал надзиратель.

— После допроса могут повести прямо к стенке! — шепнул Пит Графу Малабут еще раз, поворачиваясь, чтобы взять шапку. — Не зевайте!

Арестованные вышли. Два красноармейца вышли из темноты и стали по бокам у них.

— Вперед!

Группа направилась через дворик к воротам с одиночным фонарем. За поворотом угла вблизи двора сразу же слышался глухой шум ночного движения.

Малабут держал в одной своей руке руку Пит Графа, а в другой сжал горсть табаку.

Конвой сделал несколько шагов, удаляясь от арестного дома. Малабут оглянулся еще раз, сжал руку Пит Графа призывая его действовать, и вдруг, повернувшись перед лицом сперва одного, потом другого красноармейца, обдал каждого из них табаком и одного свалил.

В то же мгновение Пит Граф ударом под ноги сшиб ближайшего к нему другого конвоира.

Раздался ругательский вопль конвоя.

Пит Граф и Малабут друг за другом юркнули за угол и смешались с публикой проезда центральных улиц. Сзади них раздался запоздалый выстрел догадавшегося будто бы схватиться за курок красноармейца, а затем крики.

Через полминуты двое красноармейцев поднялись и посмотрели друг на друга.

— Ушли? — с неслышным смехом спросил один из них товарища, и теперь по голосу можно было угнать, что это Граудин.

— Ушли! — также засмеялся его помощник.

— Ну, побежим немного и мы, чтобы публика не догадалась.

— Валим!

Но, очевидно, в расчеты Граудина не входило намерение настичь бежавших, ибо, пробежав полквартала, он завернул с товарищем за один угол и здесь, сев на извозчика, как ни в чем не бывало, поехал переодеваться.

В свою очередь, Пит Граф и Малабут, смешавшись с публикой, улучили, наконец, момент для того, чтобы обменяться несколькими фразами.

— Теперь спасение зависит от вас, — сказал Малабут фашисту. — Где мы скроемся, чтобы переодеться и достать денег?

— Поедемте, есть тут один подкупленный мной священник. У него мы достанем все, что нам надо.

— Едемте, вот извозчик. Спокойнее только держите себя. Вы весь дрожите...

— И вы тоже...

В новых ролях

Граудин поставил себе целью использовать Пит Графа для раскрытия центра фашистской организации. Для этого он арестовал настоящего нотариуса Малабута, для этого заставил корректора Дергачева выполнить в дальнейшем роль этого Малабута, поручил ему явиться с шифрованным письмом к Пит Графу и обоих их арестовал, возложив при этом на своего помощника задачу симулировать устройство отчаянного побега,

который вынудил бы фашиста немедленно броситься за границу к поручившим ему работу для того, чтобы информировать их, искать у них нового занятия и против своей воли открыть их тайны.

План его как нельзя более удался. Пит Граф нашел табак, накануне положенный в «хавыру» никем иным, как мнимым Степаном Малабутом. Затем вместе с корректором-мистификатором он бежал, у попа в Леонтьевском переулке бежавшие получили денег и изменили несколько свою внешность переодеванием. После этого перед ними встал вопрос о том, как им попасть за границу.

Степан Малабут вел себя так, как будто единственным местом спасения для них была Америка, хотя при этом он не скрывал, что проезд до Владивостока по железной дороге и посадка на какой-нибудь пароход в Америку являются для них делом весьма опасным при условии, что ГПУ поставило на ноги для розыска бежавших всю свою агентуру и местные отделения.

Пит Граф сразу, как только Малабут привел ему эти резоны, возразил:

— А зачем, собственно, нам обязательно в Америку?

— А куда же больше? — спросил наивно Малабут. Ведь я же там получил поручение и деньги...

— Мы можем поехать и в Париж, и в Лондон, где есть центральные бюро Ложи, — заявил Пит Граф. — В Лондоне хотя у меня нет прямого пароля, но я найду там кого-нибудь из знакомых агентов и у них получу доступ к старейшинам бюро.

— Кто там может быть?.. — усомнился Малабут. — В Америке от самого Круджа можно получить работу, а тут какие-нибудь конторы штрейкбрехеров.

— О, нет. В Лондоне находится старейшина одного чина с Круджем...

— Ну, тогда едемте к Одессе. Двинем контрабандными суденышками или на пароходах в Европу. Утром идет поезд с Курского вокзала, надо на него попасть.

— Идет.

На этом сообщники и решили.

Улучив после этого разговора минутку, Малабут зашел в уборную и здесь на клочке бумаги написал:

«Утром с Курского вокзала будем садиться на двенадцатый. Направление Одесса — Лондон. Там и в Париже старейшины равного с Круджем (Нью-Йорк — текстильный король) чина. Принимайте меры».

Через окошечко уборной затем Малабут заметил дежурившего у квартиры пионера, и эта записочка с адресом Граудина немедленно полетела ему под ноги.

Пионер поднял ее, взглянул на окошечко в уборной и моментально исчез.

Когда затем Пит Граф и Малабут пробрались на вокзал, войдя на путь сзади тупиков, под видом обсыпанных мукой пекарей, с них уже не спускал глаз лавивший по паровозам масленщик, товарищ Драницын.

Граудин с несколькими помощниками последовал за бежавшими, и через несколько дней был в Лондоне. Для того, чтобы поддерживать весьма важную для него связь с прибывающими русскими судовыми командами, он заглянул немедленно же в районное портовое бюро коммунистической партии и здесь договорился о цели своего приезда с английским коммунистом Дуччем Томкинсом, работавшим в портовой артели в качестве номерного носильщика.

Предписаний портового бюро партии, показанных Граудиным Дуччу, и нескольких объяснений было вполне достаточно, чтобы грубоватый и весьма пессимистически настроенный носильщик со спрятанными под волосы бровей серыми глазами не только выразил за себя готовность всячески выполнять распоряжения русского большевика, но и обещал привлечь на помощь товарищу и своих приятелей. Когда же он узнал, что Граудин напал на след главарей “Икс-Ложи” и должен выведать план фашистского центра врагов рабочего класса, он разразился наболевшими в нем обличениями:

— Этих громил искать нечего... Если бы не изменники в нашей собственной среде, разные Уолкинсы и Круджи не смели бы из своих гнезд носа высунуть. На свете много подлости! Узнавайте то, что вам надо, мы всей организацией поможем, но лучше всего было бы, если бы Уолкинсы, сидящие в правительстве, сами прижали свои наемные своры так, чтобы из штрейк-

брехеров и чернорубашечников потекли соки, тогда они знали бы, что нужно не провокациями заниматься, а поддерживать таких же рабов, как они сами. Скоты продажные!

И Томкинс в подтверждение сплюнул.

Граудин расспросил носильщика о других товарищах. Затем он установил связь с двумя депутатами-коммунистами из палаты общин и секретарем лондонского комитета. У последнего он встретил секретаря фракции коммунистов тред-юниона строителей. С обоими товарищами Граудин решил обстоятельно сговориться о своих намерениях.

В результате этого разговора, на другой день Граудин в качестве полотера с товарищем Джимми Панчем, работавшим в артели района Сити, шел на работу в контору транспортно-страховой компании «Дасс и сыновья» для натирания полов. Затем он и еще двое рабочих были вызваны для такой же работы в банк мистера Бродлея, потом натирали частную квартиру владельца типографии мистера Питигрю, а затем Граудин столкнулся с разыскивавшим его масленщиком Курского вокзала.

Товарищ Дранницын нащупал тот дом, в котором после обеда подвизался Граудин, прикрывавший работой свое инкогнито, и когда латыш выходил расштанной походкой несколько часов подряд оттанцовывавшего до блеска пол шпаргалыщика, вырос перед ним и приятельски схватил за руку.

Оба товарища оглянулись и направились к кварталам, где не было шумного движения.

— Что?.. — спросил коротко Граудин.

— Есть... — ответил Дранницын.

— Где остановились?

— Гостиница «Лион»... Есть записка от Алехи... Степана Малабута.

— Давайте...

Дранницын незаметным движением передал испитый лист блокнота товарищу.

Тот быстро пробежал его.

— Ага! Бюро прессы и рекламы некоего, являющегося негласным издателем ряда желтых газет, Уолкин-

са. Хорошо. Завтра там будем. Товарищ Дранницын, знаете, занятие полотера имеет некоторые свои достоинства, хотя, в общем, это довольно каторжная работа...

— Я знаю... К концу работы в голове звенит, как под воскресенье на колокольне храма Христа Спасителя в Москве, а тротуары кажутся разбитыми на заколдованные квадраты, из которых каждый качает тебя в разные стороны...

— А, вы знаете это... Разве вы работали?

— Только один раз пришлось во время безработицы пойти потанцевать за два целкаша... Вообще же, это для меня штука трудная. У меня сердце, — говорил доктор в Москве, при каждом сверхпрограммном вздохе устраивает какие-то раскорячки с латинским названием и, чего доброго, лопнут обручи, на которых оно держится. Тогда крышка...

— А, так... Тогда вот что: я сговорюсь в тред-юнионе транспортников с коммунистами, и вы сядете за шофера. Сможете править машиной?

— Гм! Но я же ничего тут не знаю?

— С вами будет помощник, местный коммунист, который не допустит промаха, и будет в курсе всех наших дел.

— А, другое дело... Это весьма приятная перспектива.

— Завтра будете работать... Натурографы вы привезли?

— Да.

— Доставьте мне пять аппаратов, один держите всегда при себе.

— Хорошо.

На следующий день Дранницын, герой труда, монтер московского завода бывш. Айваз, в качестве англичанина-шофера с помощником на передке «Мерседеса» № 25.524, принадлежащего транспортно-прокатной конторе, сидел возле бюро прессы и рекламы Уолкинса, готовый ехать по найму любого прохожего в любое место Лондона.

Граудин где-то работал по своей профессии, впредь до вызова полотеров артели дворецким Уолкинса. По-

ка же он, получив привезенные Дранницыным натурографы, раздал их ряду товарищей из числа местных безработных членов партии, с которыми уговорился об их дежурстве возле бюро Уолкинса и двух провокаторско-штрейкбрехерских частных сыскных организаций.

Через день он имел результаты.

Пит Граф, посетив бюро Уолкинса, получил доступ к самому Уолкинсу. Малабут сообщил, что Уолкинс имел сношение с Круджем. У него был прямой провод телеграфа, и Малабут, помня имя Круджа по разговору с Пит Графом, услышал его упоминание при передаче секретарем телеграмм королю прессы. Уолкинс имел свидание с находившимся в Лондоне представителем железных дорог тех районов Азии, где вспыхивали восстания против французов. Уолкинс переводил и в Индо-Китай и в Калькутту Санджибу Гупта через Ост-банк систематически крупные суммы денег. Уолкинса посещал русский журналист Владимирцев, о котором Граудин знал, что тот является чем-то вроде руководителя в группах белогвардействующих активистов, поддерживающих связи с черносотенным офицерством в Праге и Бухаресте. Уолкинса, когда в палате началось обсуждение вопроса по поводу необходимости создания базы в проливе Южно-Китайского моря, посетили министр колоний, министр иностранных дел и военный министр. Уолкинс, очевидно, был не только королем прессы, но чуть ли не вторым настоящим королем Великобритании. В довершение всего, Уолкинс был родней американского миллиардера Круджа по браку некоторых членов обеих фамилий, и вел с ним какие-то дела.

Когда Граудин это узнал, картина сделалась ему почти ясной, и требовалось только подтверждение со стороны более прямых фактов.

Встревоженное тайными захватническими мероприятиями английского правительства, в результате которых в Азии разразилось движение туземцев, французское общественное мнение начало бить в печати тревогу о готовящейся войне. В это время коммунистические газеты вдруг стали приводить вызвавшие сенсацию разоблачения о том, что восстания в Индо-

Китае имеют целью спровоцировать войну в Европе. При этом делались прямые заявления и приводились документы с указанием на роль английского правительства в провокации. Социалисты, напуганные тем, во что могла превратиться авантюра новой войны, в парламентах и сенатах забили тревогу. Рабочей партии Англии, стоявшей у власти, но сквозь пальцы смотревшей на махинации империалистов, грозил крах, и она спохватилась. Была разбужена от хронической спячки ширма для обделывания дел империалистических правительств — Лига Наций, назначившая по требованию соглашательских элементов парламентов следственную комиссию.

Граудин, следивший во время всей этой политической сумятицы за ее перипетиями, приехал, чтобы следить за фашистами как раз тогда, когда комиссия, получив назначение, выехала на место восстания.

Он почувствовал, получив первые сведения о круге знакомств и дел Уолкинса, а также по тону направляемых им газет, что финансист-политик не может быть не причастен к происходящим международным событиям, и он не ошибся.

В первые дни, по прибытии с Пит Графом в Лондон, Малабут ради конспирации не встречался с Граудином, сносаясь с ним посредством записок. Но, наконец, он решил найти сообщника. В праздничный день он явился к латышу, встретив его в заранее условленном месте.

Сообщники, сочувственно взглянув друг на друга, поздоровались и, негромко разговаривая, приблизились к вольнонаемной такси. Граудин осторожно произнес:

— Пора быть каким-нибудь новостям, товарищ Дергачев. Создалось неопределенное положение...

— Оно кончается, — также тихо сказал, продолжавший играть роль бывшего духоворческого нотариуса, корректор. — Мы куда поедем?

— Поедем в Сити. Там стоит автомобиль с нашим товарищем, мы в нем проедемся и свободно поговорим.

— Хорошо.

Десятка полтора кварталов промелькнуло через окно кареты кативших большевиков; наконец, Граудин велел остановиться на одном углу и рассчитался с шофером. Несколько домов они миновали пешком. Граудин указал Дергачеву-Малабуту на стоящую машину.

— Здесь — наш транспорт. Заметьте на всякий случай место стоянки и номер. Шофер — товарищ Драницын, знает весь сокольнический район со времени революции...

Сообщники сели и машина тронулась.

— Так что же у вас выяснилось? — перешел Граудин к цели свидания.

— Выяснилось следующее: Уолкинс принял для информации Пит Графа. Узнав о провале фашистского предприятия, рассвирепел тем больше, что Пит Граф же и расписал ему о подмеченных им каких-то наших намерениях в связи с деятельностью организации Пройды. Но, очевидно, фашистский или куклуксклановский заправила этим не удовлетворился и что-то задумал начать новое, решив махнуть рукой на Пит Графа, как провалившегося. Вероятно, он с кем-нибудь будет совещаться по этому поводу. Поручений нашему беглецу он никаких не дал, но его секретарь намекнул, что если белогвардеец хочет добиться милостивого отношения миллиардера, то должен чем-нибудь отличаться. Пит Граф предложил ему какую-то совместную авантюру в Индии с неким полковником Бурсоном, которого он, видно, считает влиятельным фруктом. На это Уолкинс горячо согласился, и вот мы скоро должны отправиться туда. Что именно там думает делать эта продажная душа, он не говорит. Из намеков только можно понять, что что-то связанное с восстанием и раскрытием тайн “Икс-Ложи”.

Граудин с нескрываемым интересом выслушал сообщение и быстро спросил:

— Когда думает ехать этот гусь?

— Сперва он хочет послать сообщение в Индию, то ли Бурсону, то ли какому-то Лакмус-Родченко... Я не расспрашивал об этом, чтобы не вызвать подозрения. Затем он думает повидаться с русскими, и после этого поедет садиться в Бриндизи на пароход в Индию.

— Хорошо, сообщим обо всем этом немедленно Пройде. Вас он еще не подозревает, сможете вы поимстифицировать его еще немного?

— Смогу... Он, правда, стал последние дни усиленно расспрашивать меня о прошлом, о моей жизни и деятельности в Америке, но я еще не проговорился... Кажется, он больше занят будущими проектами, чем мной...

— Ну, хорошо. Тогда посмотрите за ним еще немного, может быть, что-нибудь еще выудите, а затем с ним расстанетесь, у нас много другой работы.

— Хорошо.

Карета «Мерседес» возвратилась в Сити. Граудин велел остановиться, взглядом поблагодарив не обнаруживавшего своего знакомства с латышом Дранницына. Открыв дверцу, большевики вышли, и вдруг чуть не попятились назад.

Прямо перед ними стояли намеревавшиеся, очевидно, нанять освобождавшуюся карету Пит Граф и его московская любовница, танцовщица Эча Биби.

Граудин и Малабут быстро переглянулись.

Побледнели и быстро переглянулись в свою очередь фашист и предательница — танцовщица. Оба они узнали Граудина. Первый вспомнил агента-почтальона, присутствовавшего при его аресте с Малабутом, вторая видела латыша-революционера несколько раз с Пройдой и не усомнилась ни на секунду в том, что он находится здесь не случайно.

Две секунды прошло в растерянном замешательстве обеих сторон.

Что, в самом деле, можно было предпринимать каждому из них?

Граудин и Малабут могли только двойным убийством заставить молчать агентов контрреволюции. Но днем на центральной улице это можно было сделать только при отсутствии какого бы то ни было другого выхода.

Пит Граф, в свою очередь, не знал, что делать.

Граудин шепнул Малабуту:

— Идем!

И, одновременно, повернувшись к шоферу, он взглядом указал Дранницыну на его новых пассажиров.

Тот движением глаз дал понять, что все заметил: будет следить.

Прежде чем фашист опомнился, Граудин и Малабут пошли по улице. Пит Граф, все еще не поняв всего, что произошло, сел с танцовщицей в карету. Но он заметил тот взгляд, которым обменялись Граудин с шофером. Заранее он решил использовать это свое наблюдение.

Граудин понял, что теперь Малабуту-Дергачеву ничего не оставалось делать, как превратиться из тайного врага Пит Графа, в его явного преследователя, приняв новую внешность. Он дал ему адрес своей квартиры, предложил корректору взять автомобиль, постараться догнать карету Пит Графа и следить за тем, что будет делать фашист, имея при этом в виду, что оба шофера совершенно надежные товарищи.

Дергачев немедленно сел в автомобиль. Граудин направился к себе.

В гнезде врагов

Дома у коммунистки-перчаточницы мисс Проппер Граудин узнал сразу две новости. Первая: через два дня в Лондон приедет Крудж. Вторая: на завтра в дом Уолкинса вызывалось трое полоторов.

Латыш сообщил руководителям артели, что он должен обязательно там работать, и стал ждать Дергачева. Но ни вечером, ни утром, как это не было странно, корректор не пришел.

Утром Граудин пошел на работу. Он решился на отчаянную вещь. Чувствуя, что нити фашистского центра у него уже в руках, он решил проникнуть в самые тайные намерения тех невидимых владык мира, которые, скрываясь за кулисами легальных правительств и не подавая об этом вида, в самом деле распоряжались судьбами народов, а в дальнейшем, может быть, собирались и открыто установить свою власть. Он уже ясно теперь видел, что отважиться на такие намерения могут только люди до того богатые, что они могли свободно кредитовать займами любое правительство, и до того влиятельные, что по одной их команде дискреди-

тировались травлею нескольких десятков газет парламенты. Такими людьми были, очевидно, Крудж и Уолкинс.

Поэтому Граудин решил увидеть Круджа и Уолкинса, узнать, о чем они хотят говорить при свидании и что они намереваются делать. Для этого только и стоило подвергнуться риску нелегального проживания под носом у лондонской полиции и провести неделю в каторжной работе поденного полотера.

Он почти подпрыгнул, когда узнал, что может попасть в дом Уолкинса, и как раз тогда, когда в Лондон приехал Крудж.

Но, скрыв свою радость и внешность русского большевика под завощенным рабочим одеянием, с испитым лицом профессионального разбитного поденщика, он вошел на другой день с Джимми Панчем и еще одним товарищем, держа в руках щетки и сверток, в людское помещение дома Уолкинса с таким видом, как будто ничего другого он всю жизнь не делал, как только занимался шпарганьем полов. На смену ему к дому должен был подойти спустя пару часов еще новый член артели.

Как только полотеры оказались во внутренних комнатах, и дворецкий дал поденщикам развести краски, Граудин проник в кабинет Уолкинса. Здесь он внимательно осмотрелся и остановился взглядом на камине.

Он кивнул на него товарищам и начал шептаться с ними. После этого Джимми Панч начал возиться с полом у порога кабинета, а Граудин и третий полотер склонились у гнезда камина.

Граудин просунул голову в него, втянул в дыру корпус и исчез в нем. Ему подали сумку с фляжкой, натурографом и разным инструментом, пару костылей, которые нужно было вогнать в нутро трубы, чтобы держаться за них, и никаких следов от одного рабочего не осталось. Один полотер вышел и украдкой ввел в дом явившегося из резерва на смену Граудина товарища; поденщики стали продолжать свою работу, поглядывая изредка на отдушину между изразцами камина, через которую Граудин мог осматривать при надобности весь кабинет.

Кажется, весьма мало поводов для повышенного настроения у человека, которого замуруют в кирпич комнатного камина и затем предоставят, как вору, выбираться, когда он вздумает, через апартаменты громадного дома. И, однако, у Граудина в могильной темноте и теплой тишине кирпичного чрева было достаточно решительное настроение, чтобы просидеть здесь хоть целый месяц.

«Только бы не просчитаться! — думал он сам с собой, замирая между кирпичом. — Только бы суметь еще выбраться отсюда...» — Он прислонился спиной к одной стене и оперся переплетом рук на другую, сложив на них голову. — «Теперь обождем!»

И он стал ждать. Ждать нужно было долго.

Полотеры кончили работу и ушли, не дав никаким промахом заподозрить того, что после них осталась засада. Долго, долго было тихо. По стенам печей к камину доносился шум кухни или столовой с нижнего этажа, хождение в каких-то отдаленных комнатах. Обменялись несколькими фразами на ходу в соседней комнате женские голоса, в кабинете все было пусто.

Пережатая пылью печной глины сушила дыхание. Сажа мягкими хлопками прикасалась к нему и оставалась на коже.

Только с большой осторожностью Граудин, стоя на одном костыле, мог выпрямиться для того, чтобы при надобности без шума выглянуть в щель отдушины. Вообще же без самой крайней необходимости он решил этого не делать.

Он прождал в своем дубово-поленном положении несколько часов, утешая себя тем, что выдерживают же индийские самоистязатели месяцами испытания более чувствительные только для того, чтобы добиться состояния воображаемого мистического небытия; его же цель была много более жизненной. Дело пахло проникновением в тайны злейших врагов мирового пролетариата. Из-за этого стоило поломать кости, даже будучи замурованным в дымоходах печи.

Вечером открылась дверь, прошел кто-то неторопливо в кабинет и безмолвно стал работать за столом, выдвигая ящики и шурша бумагами. В щели отдуши-

ны засветилось пятно от электрической лампы в комнате.

Спустя несколько минут пришел еще кто-то, и из нескольких фраз незначительных распоряжений сидевшего за столом человека Граудин понял, что хозяйствует Уолкинс, а вошел к нему с бумагами услужливо сделавший два-три сообщения секретарь.

— К приезду Круджа, — распорядился негромко властный делец, — приготовьте все отчеты и дела, на случай, если он захочет что-нибудь проверить.

— Слушаю...

— В приемную агентскую комнату пригласите человек пять наиболее верных оберначальников районных Бюро, может быть, им нужно будет сделать доклады. Но чтобы они знали, что если я их вызову, то никаких других звуков, кроме послушания. Ни удивлений, ни выслуживания и высказывания вперед перед великим магистром. Крудж только оплачивает все, я же действую. Джентльменская солидность в каждой мелочи — чтобы Крудж не подумал, что у нас все построено только на его деньгах.

— Слушаю... Большевиков, задержанных Бюро пристани, прикажете представить к его приезду?

— О, да... хорошо, что вы вспомнили! Изолировочная у нас за агентской?

— Да...

— Посадите их туда и осведомите оберначальников, когда они соберутся, чтобы они присматривали за дверью.

— Слушаю.

Секретарь вышел, и вышел через полминуты после него Уолкинс. Пятно в отдушине погасло.

У Граудина застучало в висках. О каких большевиках говорили фашистские изуверы? Кто у них томится в плену? Неужели схвачен Малабут с кем-нибудь? Завтрашний день обещал Граудину еще одно открытие.

Дождавшись этого дня, он был свидетелем того, как король прессы ведет свою текущую работу, принимая редакторов, управляющих, финансистов, политических деятелей, вызывая телефонными звонками, в

разговорах с Ливерпулем, Манчестером, Парижем и т. п.

Граудин отдал дань удивления главарю фашистов. Из всего того времени, которое пробыл днем в кабинете Уолкинс, он ни секунды не провел без дела. Причем в каждом его распоряжении, в каждом вопросе, справке и разговоре, продолжавшихся не более десяти-двадцати секунд, было столько определенной ясности и не терпящих недоразумений недомолвок, что едва ли кто-либо мог затем отговориться двусмысленностью распоряжений Уолкинса. Очевидно, Уолкинс знал, чего он хотел. Его распоряжения передавались биржам и трестам, телеграфным агентствам и редакциям. Он обещал свидание греческому посланнику и вызывал к себе девицу какой-то авантюристической профессии. Целый ряд дел он переносил для личного разрешения при встрече, которую обычно тут же всегда весьма точно и назначал.

Перед вечером он ненадолго ушел.

Когда он возвратился и зажег электрический свет, секретарь сообщил ему, что все готово, требующиеся документы находятся в папке.

Спустя несколько минут он доложил о прибытии Круджа.

— Просите...

Граудин замер на секунду, тронул завод натурографа, приподнял его над отдушиной и стал слушать.

Тов. Инкогнито

**Большевики
по
Чемберлену**

(Фантастический роман)

Выпуск 6.

1925 г.

„Новая Москва“

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

— Рад видеть вас, мистер Крудж! Ваш приезд был необходим вообще, а при создавшихся обстоятельствах от него зависит будущее не только Совета и Секретариата...

— О, мне необходимо было приехать, сэр Уолкинс.

— Прикажете подать что-нибудь, или начнем прямо с дела?

— Кроме сигары, ничего... У вас здесь есть... Спасибо.

Послышался шорох неторопливого закуривания.

— Итак, что у вас подвинулось за это время? — гость Уолкинса говорил женским сиплым голосом, как будто выпуская звуки через щелку, заткнутую обильно пропитанной маслом ватой.

Сэр Уолкинс секунду промолчал, а затем стал докладывать.

— Вам уже известно, что и французскому правительству, и большевикам стало известно, что восстание в Индо-Китае инспирировано. Они приписывают его возбуждение английскому военному министерству. Комиссия, назначенная по требованию демократических болтунов, пришедших в азарт по этому поводу, может, однако, открыть и нашу причастность к нему. Они имеют в виду допросить того нашего индусского агента, которого мы выдвигали в качестве правителя. Это Санджиб Гупта. Бывший раджа-компрадор Ост-Банка может проболтаться...

— Нужно избавиться от него... — вставил Крудж.

— Нет... Это мало поможет, потому что комиссия достаточно получит материала в Сайгоне...

— А что же тогда?..

— Нами сделано распоряжение убрать комиссию и захватить те материалы, которые она соберет.

— А если подозрение упадет на нас? Все знают, что это только Ложа может сделать.

— Это будет зависеть от обстановки, при которой погибнет комиссия. Мы решили, что это сделает член Совета Ложи...

— Кто?

— Бурсон...

— Согласен. Дальше... Что за лихорадка началась в Индии? Почему там сразу большевики вылезли везде? Ост-Банк неделю назад чуть не лопнул, и теперь опять колеблется.

— В Индии главарям националистов удалось прекратить национальную рознь между мусульманами и индусами. Большевики воспользовались этим, — в нескольких местах им удалось учинить бунты, и они стали мечтать о всеобщем восстании. Мы приняли через наши организации в Индии необходимые меры и, кроме того, правительство посылает туда эскадру на всякий случай. Вся агитация исходит, по-прежнему, от Коминтерна...

— Вездесущие фанатические бандиты! Нужно кончить с их всемирным гнездом в Москве, и тогда они не будут мешать на каждом шагу в другом месте...

— Об этом я и хотел говорить. Пока они могут опираться на государственные ресурсы мужицкой громадины своих мистификаторских республик, а цивилизованные государства будут терпеть их, до тех пор всей нашей деятельностью мы сможем причинять им только булавочные уколы. Два года уже мы это делаем и за эти два года мы Коминтерн не разрушили, а свой авторитет уронили. Надо положить этому конец... Большевистское правительство боится больше всего войны. Но можно устроить так, что большевики, несмотря на всю свою осторожность, сделают первый выстрел и нападут на соседей. Тогда с ними можно кончить...

— Значит, вы думаете, что их нужно вызвать на войну?

— Да... или это, или мы вообще с ними ничего не делаем.

— Как вы себе представляете повод к войне?

— У нас возможность неограниченного влияния в Румынии и Польше. Мы можем создать видимость такой обстановки, когда какое-нибудь из этих государств, во-первых, будет казаться изолированным от остальных держав, во-вторых, сделает несколько дерзких выступлений против Советов. Советское правительство вынуждено будет реагировать. Тем временем наши организации, выдавая себя за большевиков, отличатся на выполнении большевистской программы... Объявят, например, национализацию женщин, схватят несколько, по возможности, известных иностранок и натворят скандалов с ними. Этого будет достаточно, чтобы против большевиков выступили все...

— Да, это верно, — сказал Крудж. — Это обдуманно, и сомнений не вызовет.

Оба собеседника замолчали.

Граудин получил момент, чтобы опустить натурограф, достаточно ощупавший кабинет и двух находившихся в нем сообщников капиталистического интернационала и решил бросить взгляд на этих людей.

Он увидел на креслах за одним углом стола аристократического мужчину, худощавого и стройного, средних лет, и другого, более молодого, более полного, с угловатым лицом, неаристократически сильных и резких движений.

— Сэр Уолкинс!.. — определил Граудин личность первого и подумал о втором:

— Денежная прорва — Крудж.

Оба собеседника в сюртуках, крахмале, с кольцами на пальцах сидели, джентльменски-бесстрастно глядя друг другу в глаза, джентльменски-осмысленно оформляли в голове кровавые перспективы мировых событий и читали один у другого, что у каждого из них на душе.

«Неужели не понимает он, что Америка в этой войне сожрет Англию? — думал Крудж. — Что только для этого и имеет какой бы то ни было смысл тратить золотые запасы американских контор... Он думает быть директором... А хоть бы и так?»

«Неужели не понимает он, — думал Уолкинс о Крудже, — что при всемирной директории без меня он со всеми капиталами американских банков очутится перед революцией и вынужден будет искать спасения опять-таки у меня? Пусть попробует...»

Но вслух этого ни всемогущий банкир, ни организатор контрреволюции не говорили. Вместо этого Крудж дополнил свою мысль некоторыми сомнениями о войне.

— Конечно, это была бы убийственная для большевиков война, которая возбудила бы против них все европейские государства, несмотря на всеобщее денежное обнищание. При обеспеченном финансировании держав не воевали бы только ангелы. Но, сэр Уолкинс, думаете ли вы, что финансов одного человека, хотя бы и такого, как я, достаточно, чтобы справиться с теми передрыгами, какими грозит ваш план? Политика лично мне стоит очень дорого...

Сэр Уолкинс кивнул головой.

— Мы одни не справились бы, и об этом я больше всего беспокоился. Но теперь мы не одни...

— Как не одни?

— Смотрите... — Уолкинс поднялся, извлекая из папки какой-то документ, и подал его Круджу.

— Как? Грагам тоже? Это после большевистских интриг в Китае и Японии?

— Да, Грагам после нового соглашения Советов с Китаем, последовавшего без достаточного протеста со стороны конгресса, подписал формулу магистра и дает деньги. Переговоры я с ним через подставных лиц вел давно...

— Ну, тогда препятствий нет! Это половина всех капиталов Америки! Берегите эту подписочку. С ним надо устроить совещание.

— Да... Но после этого я предлагаю немедленно же собрать Совет Ложи.

— Необходимо.

— Я думаю, через три недели. Для того, чтобы отовсюду съехались старейшины и старшины.

— Согласен...

— Поставим на обсуждение: трехперсонность директории, определение того буферного государства,

которое можно использовать против Советов, невмешательство Америки до момента, когда потребуются деньги. Наметим формулу обязательств при предоставлении займов правительствам. Установим расписание разгона и уничтожения большевистских гнезд в союзных странах после низвержения Советов.

— Согласен...

— Кстати, о большевиках. Эти молодцы что-то пронюхали о наших планах. Здесь показались московские агенты, уличенные в наблюдении за нашими резидентами и даже дежурившие возле моего дома...

— Ого! — воскликнул Крудж. — Значит, они и здесь не спят?

— Да... Двух из этих негодяев наша агентура изловила, и сейчас они находятся в моем тайнике. Хотите посмотреть, пока они существуют еще?

— Отчего же, с удовольствием кого-нибудь из них стегану собственноручно, — воскликнул Крудж, взяв со стола газетодержатель.

Уолкинс позвонил. Граудин затрепетал и впился в просвет отдушины.

Он еле сдержал готовое вырваться восклицание, когда увидел, кого ввели фашисты.

Это были Дранницын — масленщик курского вокзала, он же шофер лондонской транспортно-прокатной конторы, и его помощник, настоящий шофер этой же конторы, член тред-юниона Гарри Хейтон.

Их ввели в кабинет фашистского главара три джентльменски одетых агента Уолкинса и Пит Граф.

Граудин снова тронул механизм натурографа, склонил беспомощно голову и стал слушать.

Несколько секунд продолжалось молчание любопытного рассматривания введенных. Затем Крудж своим бабьим голосом спросил:

— Попались молодцы?

Ему никто не ответил из арестованных. Зато Пит Граф излился.

— Они следили за мной после побега из-под ареста в совдепии и дежурили на автомобиле здесь, возле дома сэра Уолкинса. Один из них русский, другой — местный член тред-юниона. У них есть здесь их комис-

сар, которого я знаю в лицо, но, к сожалению, не имел возможности сразу схватить, как только увидел его. Они, сколько я понимаю, напали на след совета магистров и пытаются открыть его. Существует еще опасность, что они что-нибудь узнают, пока их главарь не в наших руках.

Граудин не шелохнулся при этом сообщении профессионального шпиона контрреволюции, и продолжал слушать.

— Вы знаете, кто мы? — повелительно повысив голос, спросил Уолкинс.

— Душегубы! — коротко отрезал Дранницын.

— Вы знаете, что мы душегубы?

— Печати на лбу нет у вас, но что джентльменские перчатки чаще всего прикрывают окровавленные руки, это мы знаем... — подтвердил, глядя исподлобья на окружавших его и не предвещавших своим видом добра бар, Гарри Хейтон.

Агенты в сюртуках во главе с Пит Графом передернулись, схватились за одежду своих жертв и вопросительно повернули головы к своим повелителям.

Уолкинс стоял и глядел на своих пленников со спокойно заложенными назад руками, как будто перед ним были заинтересовавшие его, но не новые для него бездушные вещи. Крудж же приходил во все более свирепое возбуждение.

— Я этого бандита хочу хлопнуть по морде! — кивал он головой на Гарри Хейтона и вопросительно смотрел на Уолкинса. — Я этого бандита хочу хлопнуть по морде! — повторял он. И вдруг, сделав короткий быстрый шагжок отдышливого человека, он изо всей силы бацнул по зубам угрюмо блиставшего глазами шофера, которому одновременно агенты набросились на руки.

— Собаки! — зарычал Гарри, попробовав рвануться и тут же оставив эту попытку. — Слушайте и бейте, душегубы, я вам заявляю, что вы собаки! И ты, миллионер — животное! Палач! Мясник! Тьфу!

И Гарри плюнул слюну с кровью на сюртук и крахмал Круджа.

Поднявший руку, чтобы броситься к товарищу, Дранницын был схвачен другими двумя джентльменами.

Он также крикнул:

— Собаки!

Крудж очутился перед ним.

— Собаки? — задыхаясь, переспросил он.

— Собаки! Вы действуете не в застенке и не на краю света. Бейте и убивайте, но помните, что мы знаем вас. Знаем не мы одни, а кое-кто другой, кто не спускает с вас ни на минуту глаз. Крудж и Уолкинс! Магистры шпионов, убийц и провокаторов, желающие быть распорядителями мира, вас оплюют с ног и до головы кровью если не сегодня, то завтра... тьфу!

Новый плевок брызнул на Уолкинса, по-прежнему спокойно было стоявшего с руками за спиной перед жертвой и нагло ждавшего результата. Увидев вдруг на рукаве слюну, он как остервенелый зверь бросился на Дранницына.

— Бейте, — прохрипел он, ударяя сам масленщика и чувствуя вдруг, что его кулак опустился на падающее тело.

Несколько агентов, опустив кулаки и также почувствовав, что бьют безжизненное тело, недоумевающие посмотрели друг на друга и нагнулись к лежавшему Дранницыну, большое сердце которого не выдержало его «раскорячек», и разорвалось вместе с плевком на врага. Он был мертв.

Агент ткнул его ногой.

Другая группа терзала Гарри Хейтона. Тот захрипел и также упал.

— Кончено... — выпрямился Уолкинс. Крудж пыхтел и отдувался, стирая платком плевки. Джентльмены агенты снова вопросительно обернулись к Уолкинсу.

— Сейчас по улице рано таскаться с ними, — посмотрел на часы Крудж. — Через два часа на машину, и в Темзу. Обождите в приемной покамест. Кабинет я закрою. Мистер Крудж, пройдемте к гардеробу, там мы можем привести себя в порядок. Мистер Пит Граф, я прошу завтра вас для сообщения мне сведений по поводу их главаря.

Кабинет опустел, в дверях щелкнул замок. Стало мертвенно тихо. И только теперь Граудин решился поднять голову, выпрямляясь над отдушиной.

У него отекали все члены, звенело в ушах, но он этого не замечал. Только его спокойствие после того, как произошла расправа на его глазах, делалось устрашающим.

На минуту он снова опустил голову, и в его глазах засветился огонек возбуждения от мелькнувшей у него мысли.

Он приподнялся и осмотрел еще раз из отдушины внутренность кабинета.

Мертво светила люстра на потолке, горела лампа под зеленым абажуром возле бумаг на столе, на ковре возле стола мешками лежали два трупа.

Граудин внимательно осмотрел их, насколько это допускало расстояние, затем прислушался к тому, что происходит в соседних комнатах. И, очевидно, успокоив свои сомнения, решил действовать.

Он отступил от своего первоначального намерения выбраться отсюда так же, как он забрался, в виде полотера. Для этого пришлось бы прождать в лучшем случае еще до утра, если полотеров вызовут снова немедленно. При обычных условиях они должны были прийти только еще через два дня. Но не станут ли за ними теперь смотреть во все глаза? А сама собой содалась возможность уйти и немедленно, и более верно, чем он этого мог ожидать.

Еще раз Граудин оглянулся и после этого стал опускаться к отверстию камина. Здесь он высунулся, прислушался еще раз и ступил на пол.

Оглядев труп Дранницына, он остановился на Гарри Хейтоне.

Шофер был весь в крови и синяках.

Граудин начал бесшумно его раздевать, поминутно оглядываясь, чтобы прислушаться, не идет ли кто-нибудь; сняв одежду с шофера, разделся сам и одел на себя шоферское одеяние.

После этого он снял несколько изразцов в печи, сделав отверстие в камине, поднял труп и опустил его в дымоход, прикрепив на тот костыль, который служил и ему в его засаде приспособлением для того, чтобы держаться в трубе.

Когда это было готово, он подошел к столу и, не прикасаясь к нему руками, разглядел бумаги.

Найдя взглядом список приглашенных в совет и лежавшую на столе особую формулу вступления в “Икс-Ложу” Граама, в которой миллиардер заявлял о своих обязательствах, связанных с посвящением, Граудин поднял против документов объектив натурографа, мимолетным движением произвел съемку с них, и после этого, быстро вынув из аппарата как пластинки, так и все мелкие части механизма, положил все это себе вместе с финским ножом в карман. Завернув затем снятую с себя одежду в узел, он отправил его туда же, где находился уже труп Хейтона.

Управившись и с этим, он заделал снова камин, вернул в изразцы винты и начал расписывать себе лицо, вымазывая его кровью и оттирая излишнюю сажу.

Приведя в себя в такой вид, что мог не опасаться обнаружения обмана, он упал на место, где фашисты оставили полчаса назад труп Хейтона, и здесь замер.

Он пролежал так весь остаток времени — тех двух часов, по истечении которых Уолкинс назначил сокрытие следов преступления.

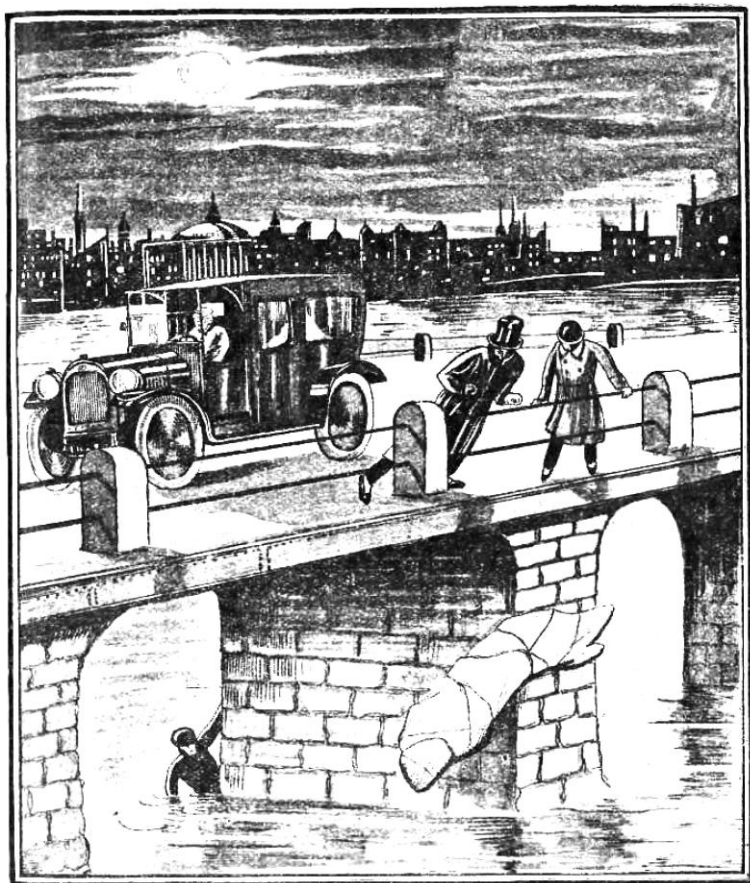
Наконец наступило, очевидно, удобное время. К двери кабинета подошло несколько человек, она открылась. В кабинете началась сопровождаемая шепотом и суетой деятельность по выноске трупов и приведению в порядок кабинета.

Оба трупа, завернутые в снятые откуда-то большие полотнища портьер, несколько человек снесло в автомобиль.

Машина тронулась. Через полчаса она остановилась во дворе пустой загородной виллы на красивой возвышенности берега реки. Четверо человек потянули узел, раскачали его, держа за концы, и изо всей силы бросили вниз.

Граудин почувствовал свободное падение узла, в котором он находился, затем удар его об воду и погружение в нее.

Но он уже выпрямился в узле и, одной рукой натягивая ткань портьеры, другой резал ее и освобождался от нее. Через несколько секунд он сильными взмахами рассекал воду, стремясь вверх, и вдруг всей грудью вздохнул на свежем воздухе.

Он радостно оглянулся, как человек, спасенный от неминуемой гибели, увидел огни на берегу с одной стороны реки и с другой, полсекунды помедлил, определяя, куда взять направление, и затем поплыл.

Он приближался к берегу, как вдруг слышал, что на некотором расстоянии от него кто-то также рассекает воду и плывет за ним. Невольно Граудин вздрогнул и попытался сообразить, что ему предпринять. Он нырнул, сию секунду продержаться в воде насколько возможно дольше, чтобы изменить направление и или сбить с толку своего преследователя, или окончательно

но убедиться, что его обман каким-то образом обнаружен фашистами.

Проплыв в воде почти две минуты, он вынырнул. Тут же он услышал, что его преследователь совсем близко, и увидел силуэт его головы над водой в потемках ночи.

— Один... Придется задушить! — подумал Граудин.

И с отчаянием человека, которому больше ничего не оставалось делать, он вдруг круто повернулся в воде.

В ту же секунду он услышал негромкое восклицание приблизившегося пловца:

— Товарищ Граудин!

Граудин почти поднялся над водой от неожиданности, но вдруг сейчас же его сознания коснулась догадка:

— Малабут!..

И он решительно двинулся навстречу товарищу.

Это действительно был корректор-помощник Граудина, следивший за Пит Графом с того времени, когда фашист сел в автомобиль Дранницына. Он видел, как Пит Граф с танцовщицей-предательницей подъехал к конторе какого-то маклера по частным делам, как оттуда вышел подозрительный слуга и позвал шофера, а через две минуты и его помощника, как затем долго никто не выходил, и только возвратившийся Пит Граф с танцовщицей сел на чужую машину за шофера и уехал, оставив Малабута строить о происшедшем догадки, какие он пожелает.

Малабут разыскал носильщика пристани Дуччи Томкинса, пытаясь от него узнать что-нибудь о тех замыслах Граудина, для осуществления которых исчез латыш.

Мизантропический рабочий о том, что Граудин сделался полотером, не знал. Зато, узнав о том, что агенты Ложи схватили помощника шофера машины «Мерседес» вместе с Дранницыным, был поражен.

— Значит, Гарри Хейтон в их руках? — воскликнул он растерянно. — А его ищет его брат по гаражам. Он хотел через него передать секретные сведения в организацию.

— Кто его брат? — заинтересовался Малабут.

— Его брат Джон Хейтон — телеграфист с канонерской лодки, отправляющейся в Аравийский залив. Они только что прибыли откуда-то, и их теперь отправляют в дальнее плавание с важными секретными распоряжениями. На свете есть еще сознательные рабочие, которые, попав в руки генералов, не забывают, что они должны думать о своем классе. Он хотел, чтобы брат передал в организацию, зачем правительству нужно их посылать против Индии.

— Сведите меня с этим Джоном Хейтоном... Можно вызвать его?

— Он близко, сейчас я позову его к себе...

И Малабут встретился с братом Гарри Хейтона.

Моряк-телеграфист, скрытно явившийся на квартиру носильщика, был ошеломлен тем, что ему сообщил Малабут о брате.

Он опустил руки и беспомощно съехался на стуле.

— Что-нибудь можно все-таки предпринять, чтобы спасти его? — неуверенно спросил он.

— Может быть, удастся что-нибудь сделать, если не спускать глаз с фашистской своры. Мы это и будем делать, конечно. Если вы можете также помочь нам, пойдете с нами...

— Я могу появляться только через день на несколько часов.

— Тогда скажите нам, как вас можно найти в самом крайнем случае, чтобы не вызвать подозрения на вашей канонерке, и мы будем сообщать вам, если узнаем что новое.

Джон Хейтон установил возможность свидания с Малабутом.

Затем он сообщил то, что ему было известно об их поездке. Их канонерская лодка была флагманской. Но с ней было послано секретное радио двум крейсерам и одному транспорту отправиться в Индийский океан и крейсировать у берегов Индии. По слухам, начавшим циркулировать среди матросов, суда отправились для умирения индусов.

Малабут схватился за эти сведения, сообразив о всей их важности, сказал, что передаст их немедленно, куда следует, и они будут использованы.

Так как Джон сейчас же должен был уйти, то Малабут, поставив наблюдать за конторой маклера, где были схвачены шофер и Дранницын, сам пошел следить за домом Уолкинса, куда, по его предположению, обязательно должен был пойти Пит Граф. Утром возле дома Уолкинса он увидел, как в числе полотеров в дом пошел Граудин, но остановить его и сговориться с ним он не мог и только пожалел, что не бросился сразу же прямо к нему с сообщениями.

Он стал ждать возвращения Граудина и появления Пит Графа. Но, к его удивлению, в дом прошел вскоре с вызвавшим его товарищем четвертый, ожидавший на улице, полотер. После работы вышло только трое.

Малабут понял, что Граудин засел в доме, но, не будучи в этом уверен, решил еще упорнее следить за домом.

Группа наблюдателей продежурила сутки возле дома.

На другой день Дуччи Томкинсу удалось проследить, как из конторы маклера усадили на машину, очевидно, одурманенных чем-то пленников и увезли.

Малабут, со своей стороны, увидел, как их привезли и провели в дом Уолкинса, куда начали также собираться заведомые организаторы сыщиков и фашистских групп. Приехал и Пит Граф.

Революционеров-коммунистов охватила тревога, но предпринять что бы то ни было против расправы, близость которой они чувствовали, наблюдая этот сбор, они не решались, зная, что и полиция, и тюрьма правительства, и своры агентов к услугам Уолкинса могут быть мобилизованы в любую минуту.

Приходилось ограничиться пассивным наблюдением развития завязавшейся драмы.

Она сделалась еще более несомненной, когда приехал Крудж.

Так Малабут дежурил половину ночи.

Он послал одного докера рабочего проследить отъезд Круджа. Дуччи послал отдохнуть. Сам же с другим докером стал ждать утра.

Под утро он увидел, как несколько человек грузили узел со связанными или с убитыми людьми на маши-

ну. Он был достаточно близко, чтобы услышать распоряжение ехать в виллу Уолкинса на берег Темзы.

Малабут покинул свою засаду, нанял автомобиль и приехал сюда, немного опередив фашистов. Он почти угадывал, что произошло убийство, но нет ли среди убитых и Граудина?

Когда узел стали выгружать на круче берега, он уже был в воде, и после падения брошенного мешкообразного узла в воду очутился там, где упал мешок.

Тут только Малабут сам себя спросил, что еще он может сделать.

И вдруг он увидел выплывшего на поверхность воды человека.

Малабут сперва осторожно, а затем смелее последовал за ним, пока по манерам плывшего не догадался, что это Граудин и есть. И вот отчаянный латыш и его преданный помощник снова были вместе.

Граудин выразил горячее одобрение настойчивости корректора, когда тот рассказал ему все обстоятельства его необычайного местонахождения в Темзе, и затем оба революционера вопросительно посмотрели друг на друга...

— Куда мы пойдем в таком виде? — спросил Граудин, отряхиваясь от воды.

— Ближе всего к Дуччи Томкинсу...

— А у него соседей подозрительных нет?

Малабут уверенно тряхнул головой.

— Возле него живут одни портовые рабочие и докеры. Это профессиональные костоломы фашистов, которых они чувствуют за три версты. К ним агенты носа не сунут. Пойдемте, отдохнем, и затем надо действовать, иначе без вас хоть езжай в Москву.

— А что у вас?

— Происходит что-то, что заставляет думать о том, что в Индии уже действуют наши техники... Флот мобилизуется...

И Малабут рассказал, что ему сообщил Джон Хейтон.

— Ага! Хорошо... Мы увидим этого Джона? Через него можно будет установить с моряками настоящую связь?

— Увидим, но вы прежде отдохните.

— Да, без отдыха я больше не смог бы выбраться теперь из собственной могилы. Надо нам теперь не влопаться. Слишком дорого теперь стоят наши головы. Фашисты много отдали бы, чтобы уничтожить нас, если бы знали, что мы знаем об их планах. Пусть Пит Граф нас ищет в Лондоне... а мы на днях двинемся за океан. У нас много дела. Надо прежде всего обо всем написать в Москву. Затем выехать, разыскать Бурсона и помешать ему уничтожить то, что сделает парламентская комиссия. Увидеться с Пройдой. Не больше, чем через месяц возвратиться. За это время может начаться такая каша, что у самих империалистов из-за шкуры сало потечет. Фашисты играют с огнем. Готовьтесь, товарищ Малабут. Жалко, что погибли Хейтон и Дранницын, да нет Пройды с нами.

И Граудин рассказал, что он узнал, находясь в засаде в камине кабинета Уолкинса.

Малабут слушал, и его подмывало броситься куда-нибудь, чтобы скорее рассказать всему миру, что задумали заговорщики-миллиардеры.

В Лондоне задумано — в Рангуне исполнено

Прошло две недели со времени расправы над Дранницыным и Хейтоном в кабинете Уолкинса. На крайнем восточном пункте Индии — в Рангуне, с парохода «Пурави» сошло два охотника-туриста — мистеры Джемс Бичам и Чарльс Моллер. Путешествующие европейцы направлялись в области Индо-Китая и хлопотали о том, чтобы дальнейший путь продолжать с проводником по малонаселенным и диким местностям Сиама.

Оба путешественника, сложив свои вещи и устроившись в гостинице, первый же день остановки решили использовать для осмотра города.

Они вышли из европейской части города, вошли в «петтах»¹⁾ и, останавливаясь иногда перед старинными, удивительной фантастической архитектуры храмами, чтобы поделиться парой замечаний по поводу их восточного великолепия, очутились на базаре.

1) «Петтах» - черный город, кварталы туземцев.

Скоро они утонули в пестрых базарных группах полуголых чернокожих, китайцев, особо выделяющихся здесь среди них своей важной медлительностью индусов и разноплеменных нищенствующих попрошаек и продавцов, которые немедленно начали приставать к путешественникам.

Какой-то оборванный язычник-туземец из числа базарных искателей бакшиша особенно настойчиво увязался за охотниками, следуя за ними на протяжении почти всего рынка и не уставая предлагать себя в качестве проводника.

Приезжие сперва отмахнулись от него рукой, потом досадливо обругали его, наконец, один из них, будучи выведен из терпения, уже сделал угрожающее движение, намереваясь то ли ударить бездельника стэком, то ли отыскать взглядом и позвать полисмена индуса, чтобы тот прогнал дикаря.

Но только что угрожающе обернулся этот вышедший из себя джентльмен, как его товарищ сделал ему предостерегающий толчок рукой и взглядом дал понять, чтобы тот слушал.

Индиец, продолжая досадные уговаривания, крикливо аттестовал себя:

— Ассан Бар провожал и белых сагибов, и всяких сагибов: и инглизмен Пит Граф провожал, и дочь набоба девадаши Кукумини Бай провожал... Возьмите проводника Ассан Бар.

Взглянув многозначительно на своего горячего спутника, тот, который обратил внимание на особый характер поведения проводника, обернулся к индийцу, закуривая сигару.

— Пойдем, веди нас к городу мертвых...

— Пойдемте, сагибы, — сразу обрадовался азиат. — Ассан Бар вам все покажет!

И туземец стал выводить европейцев из толп рыночной части города.

Около получаса шли за ним с видимым спокойствием, болтая, оба путешественника. Когда они очутились на пустынной, идущей через парк дороге, над берегом моря, докуривавший сигару охотник наконец остановился.

— Кто вы? — спросил он коротко. — Где и когда вы провожали тех людей, которых упомянули?

В то же время он незаметно переглянулся с товарищем, как бы предлагая быть готовым ко всякой неожиданности. Тот оглянулся и сунул за пояс руку.

От индуса не ускользнули эти движения.

Он сделал вид, что не замечает их, но в свою очередь осторожно сказал:

— Теперь я еще буду провожать одного сагиба. Я буду провожать сагиба Гр... Гр... Гр... Гр...

Индиец хлопал глазами и, сделав наивное лицо, растерянно расставил руки и смотрел, как бы желая, чтобы европейцы ему напомнили фамилии, начинающиеся с этих звуков.

Куривший сигару турист, очевидно, понял, чего хочет проводник.

— Гримм? — подсказал испытующе он.

Индиец отчаянно замотал головой:

— Нет. Гр... Гр...

— Грубер?

— Нет! Гр... Гр... Ой, сагибы, вы же знаете, как зовут белых фаренги с такими именами.

— Гревс?

— Нет, нет. Гр...

— Граудин? — глотая против воли звуки, выговорил охотник.

Индиец моментально воспрянул:

— О, да, сагиб Граудин! Вы свое имя сказали. Спрашивайте, что хотите; молодые русские не ошиблись, когда узнали вас. Я знал, что вы далеко приехали из Москвы помочь индийским братьям бороться...

— Откуда вы это знаете? — спросил, наклоняясь к индусу, давно насторожившийся Граудин, ибо это действительно был он с Малабутом, с которым он решил догнать комиссию по расследованию событий в Индо-Китае.

— Со мной есть русский бой и танцовщица Первин, которая была в Москве. Они видели вас, узнали, но боялись ходить за вами, потому что скрываются, и послали меня.

— А вы кто?

— Я из Майенвили пролетарий, индийский кочегар Нур Иляш. Меня там хотели убить за хартал, водили за город, но я убежал и встретился с большевик Пройда. Вы его знаете, говорят бои. Он сделал меня тоже большевик, я приехал следить за сагиб Бурсоном, но в Пном-Пенхе мы убили негра, помощника Бурсона и оттуда уехали, чтобы нас не схватили. Тут мы за вами ходили, следили, но я боялся, чтоб мальчик и танцовщица не ошиблись, и вашу фамилию испытывал, пока вы не сказали ее всю, как называл бой-русский.

— А... — Граудин переглянулся с Малабутом. Обоим сделалась ясной хитрость Иляша, при помощи которой он проверял знакомство ребят с туристами. Революционер-парсис выжидательно смотрел на белых.

— Ну, вы славный и осторожный товарищ, товарищ Иляш. Но нам надо куда-нибудь перейти. Здесь говорить неудобно, пойдемте к кладбищу, там условимся, что делать. Скажите сейчас же, что делает Бурсон? — тихо спросил латыш.

Не уменьшая шага, не поворачивая головы, кочегар парсис также тихо сообщил:

— Бурсон с самого начала из Пном-Пенх послал в Сайгон своих двух помощников; они хотели что-то там сделать. Мы убили негра и, чтобы не погибнуть, решили отсюда кого-нибудь послать туда, а самим здесь ждать, что будет. Но перед встречей с вами мы как раз увидели Бурсона и тех, которые ездили в Сайгон, здесь в городе. Комиссия только что приехала сюда, и они что-то хотят предпринять здесь. Когда бой из Москвы Петряк увидал вас, он подумал, что вы все это знаете и следите за шайкой... Но он и девочка пошли проводить их к их сообщнику.

Граудин был ошеломлен сообщениями.

— Где нам можно немедленно же сойтись с боями, о которых говорите вы?

— Я веду вас туда, куда они должны прийти. В городе теперь опасно... и они зря по улицам не хотят ходить.

— Идемте скорее...

Иляш привел путешественников к древнему уединенному памятнику какого-то магараджи, и здесь

остановился. Революционеры, заброшенные жадой революционного дела в этот далекий уголок мира, сели на одну из ступеней башневидного сооружения, и с возвышенности, на которой находился памятник, взглянули на панораму моря, с одной стороны, и тропического леса и реки внизу, с другой.

Здесь была удивительно картинная перспектива странной для далеких чужеземцев красоты, о которой у них не было времени думать, но на которую они так или иначе натолкнулись в своих опасных странствованиях, и они не могли не отдохнуть на ней взглядом в продолжение нескольких секунд.

Но только что они осмотрелись, как раздался шум шагов, и на возвышенности дороги, из-за придорожных папоротников и кустов выскользнули фигуры оборванца Петряка и нищенки Первин, которая, не дойдя несколько шагов, хотела остановиться, стыдясь приблизиться.

Петряк поощрительно улыбнулся ей и очутился с нею возле русских товарищей.

Все тихо поздоровались.

— Зайдемте сюда! — указал Петряк в промежуток между выступами стен. — Я стану снаружи возле вас, буду смотреть, а вы решите, что делать.

Все скрылись за каменной кладкой стены. Граудин намеревался задать какой-то вопрос испытанному комсомольцу, но Петряк предупредил его...

— Комиссия попала в засаду. Бурсон приготовил ей западню. Они ничего не рискнули предпринимать против комиссии на глазах у французских властей, потому что, вероятно, боялись, что те на них сквозь пальцы не посмотрят. А, в общем, я проследил вот что: вся комиссия осмотрела одну моторную лодку вместе с начальником порта, а затем один фашист остался дежурить на ней в качестве машиниста. Я стал смотреть за ним после этого, а Первин следила за комиссией.

Все обернулись к девушке. Та подняла покорные бархатные глаза и сообщила:

— Меня научил сам товарищ Яков... У членов комиссии есть чемодан и портфель, которые носит везде с ними секретарь. Я остановила одного сагиба из ко-

миссии и спросила, не принести ли ему завтра, чтобы он купил славную старинную фигурку Будды, которую мне оставила бабушка-жрица. Сагиб сказал, что они сегодня уезжают, чтобы я принесла сейчас, если могу... Я сказала, что пойду принесу.

Все обернулись к Граудину.

Тот молчаливо оценивал обстановку. Подняв голову, он расспросил, сколько человек едет из членов комиссии, какой у них ручной багаж, есть ли бои, как зовут фашиста, ставшего на моторную лодку.

Получив все необходимые сведения и выслушав описание двух уполномоченных, а также их секретаря, Граудин решил:

— Нам надо, по возможности, предупредить убийство, и обязательно сейчас же овладеть чемоданом и портфелем, о которых говорит Первин. В них документы.

Граудин, выслушав повествование ребят об аресте Петряка и избавлении его Иляшом и Первин, вечером был с преданным кочегаром на набережной гавани и приблизился к тому месту, где стояли дежурные лодки.

Остановившись здесь, Граудин послал боя-товарища поторговаться с лодочниками, сам же, тем временем, осмотрелся и нашел описанную Петряком лодку фашиста. Она, в числе полдюжины других моторных катеров и десятка байдарок, колыхалась на замке, и возле нее на площадке пристани дежурил, очевидно, ожидавший в потемках наступившего вечера пассажиров фашист.

Граудин шепнул что-то Иляшу, после чего парсис, немедленно отойдя в сторону, спустился с набережной и поплыл к лодкам, держа в руках небольшой сверток. Граудин с видом заговорщика приблизился к площадке, где сидел фашист, нерешительно остановился, оглянулся еще раз, как бы ища кого-то и, наконец, подошел к мнимому механику лодки.

— Вы Дон Пабло Доморесско? — по-английски спросил Граудин.

— Я, кавалер, — с испанским акцентом ответил тот, — если угодно.

— Я из дворца губернаторской канцелярии. Сейчас придет автомобиль. По просьбе мистера Бурсона мне поручено передать вам, чтобы вы, во избежание недо-разумений, встретили с автомобиля уполномоченных комиссии. Ожидайте автомобиль прямо у шлагбаума; есть опасность, что они что-то подозревают и хотят нанять частную лодку. Я буду наблюдать из-за будо-чек...

Граудин указал в сторону.

— А накачали этих сеньоров? — спросил фашист, очевидно, говоря об уполномоченных. — Заснут они, или мне придется иметь дело одному с тремя сопро-тивляющимися людьми?

— Это все сделано, не беспокойтесь...

— Слушаю, — подчинился Дон Пабло Доморесско, не заподозривший мистификации, и, оглянувшись на свою лодку, пошел к находившемуся на расстоянии сотни шагов шлагбауму подъезда к площадке. Граудин сделал несколько шагов в сторону, будто уходя с берега.

Но, скрывшись за нагромождениями товарных пи-рамид, он затем круто повернул и очутился возле лод-ки фашиста. В ней под кормушкой уже находился Иляш, производивший таинственные операции взлома на дне катера.

Граудин также вскочил в лодку и тихо спросил:

— Ну, что?

— Есть. Сейчас надо нырять. Испанец далеко?

— Видеть он не может... Но из его слов я понял, что уполномоченным несдобровать. На лодку их привезут, очевидно, под наркозом или напоенными ядом...

— Живодерная компания у этих собак! Действуют как мясники на бойне, — произнес Иляш, ввинчивая что-то в пол и оглядываясь.

— Готово, — добавил он.

— Не заметят они ничего?.. Не будет свистеть труб-ка, когда мы будем дышать?

— Нет... Воздух будет выходить под кормушку... Смотрите здесь. Здесь, кстати, есть груз: старые снаряды.

— А, есть! Я так и думал: это — чтобы пустить легче лодку на дно. Не трогайте их, чтобы не заметил испа-нец, что тут кто-нибудь был. Идемте.

- В одежде?
- Конечно... Нож есть?
- Есть...

Граудин оперся на борт лодки, взял в зубы конец каучуковой трубки и с нею нырнул под лодку, скрываясь в воде. То же сделал и Иляш.

Дон Пабло Доморесско, между тем, ждал автомобиля. Наконец, в совершенно наступившей темноте сверкнули издали два двигающихся прожектора, раздались сигнальные рожки, и к барьеру подкатил автомобиль.

Оттуда вышло четыре человека, — трое уезжающих и провожающий их чиновник губернаторского дворца.

Чиновник выразил уезжающим пожелания губернатора в напутственных приветственных замечаниях. Машинист Пабло Доморесско поклонился пассажирам и попросил следовать их за собой, помощник шофера понес небольшой чемоданчик, наличность которого устало и сонно проверил секретарь комиссии, молодой французский дипломатический чиновник мосье Пенс, к лодке. Все члены комиссии чувствовали себя как-то приятно расслабленно. Всех клонило ко сну, не хотелось говорить, и они не чаяли добраться до кают парохода «Мадрас», на котором должны были плыть в порты Европы. Поэтому они были чрезвычайно рады, когда заняли места в лодке и уселись на них.

Механик катера начал снимать цепь. С берега отчалили одна и другая байдарка, очевидно, тоже направляясь к пароходу.

Но не прошло и двух минут, еще механик возился с мотором, не позаботившись привести его в порядок ранее, когда председатель комиссии — депутат французского парламента мосье Дюваль, бессильно ответив что-то своему коллеге, опустил голову и заснул. Господин Труксен и секретарь крепились, но и они, очевидно, не в силах были противостоять чарам морского вечернего воздуха, и скоро бессильно склонились на свои вещи.

Лодка тронулась. Механик раза два со злорадной улыбкой оглянулся на бесчувственных пассажиров и, отъехав сотню сажен в направлении к далеким огням «Мадраса», наклонился к дну лодки, вынул из ее пола

заранее загнанный туда клин, давая доступ воде, и одновременно замедлил ход мотора.

Между тем, вокруг разыгрывалась сложная увертюра ряда обстоятельств, связанных с тем, что делал испанец-фашист. Во-первых, немедленно вслед за отъездом моторной лодки на набережной показались фигуры двух человек. Это был Бурсон со вторым его помощником. Он хотел удостовериться в том, что его план выполнен до конца, решил спустя несколько минут нанять другую моторную лодку и встретить испанца. Во-вторых, из потемок гавани вышла байдарка, выследившая отправление мотора; на ней находился Малабут, согласно распоряжению Граудина. Другая байдарка отплыла еще раньше, одновременно с приходом автомобиля к шлагбауму, и скоро соединилась с первой; тут были Петряк с Первин.

Наконец, самое главное, через минуту после того, как лодка отошла, у одного из бортов ее, осторожно прячась в потемках моря, высунулись две головы, с концами каучуковых трубок во рту, проведенных Иляшем под кормушку. Это были Граудин и Иляш, присосавшиеся к дну лодки и просидевшие по полтора часа в воде, пока катер не отошел от берега. Через дно лодки они дышали в свои трубки и ожидали ее отхода.

Вынырнув, они прислушались и заметили, как механик уменьшил ход лодки. Ни одного звука, кроме его возни, на лодке не раздавалось. Вдруг Граудин беспокойно взглянул на Иляша и тот утвердительно мигнул глазами.

Сразу оба товарища увидели, что лодка быстро погружается в воду. Механик с чем-то продолжал возиться.

Граудин приподнял голову и увидел, что тот, приготовив спасательный круг, прикрепляет пробковую цыновку к чемодану.

Латыш толкнул Иляша, и оба революционера вдруг очутились на борту, сильно перегнув лодку.

— Что?! — хотел воскликнуть что-то фашист, но в ту же секунду удар ножом в грудь свалил его в воду.

Одновременно лодка одним краем ушла в воду и заколебалась, проваливаясь вниз и вываливая из себя все, что в ней было.

Иляш с портфелем, Граудин с чемоданом, принадлежавшими членам комиссии, очутились в воде.

— А пассажиры?.. — спросил Иляш.

— Подержите чемодан, я схвачу кого-нибудь, — ответил Граудин, немедленно ныряя.

Иляш, силясь держаться на воде, сделал несколько движений.

Латыш приблизился к нему, держа за волосы спасенного Дюваля, который начал проявлять признаки жизни.

— Скорее к байдаркам, иначе нас здесь найдет Бурсон. Видите наших?

— Вижу...

Граудин немедленно просвистал.

Малабут, давно следивший за огнем моторной лодки и заметивший, как исчез этот огонь, когда лодка опрокинулась, скомандовал Петряку.

— Плывайте! Началось... На помощь нашим!

Байдарки поплыли к тому месту, где разыгралась только что происшедшая драма.

Через три минуты Граудин и Иляш были на байдарках. Они начали приводить в себя не понимавшего, что происходит, француза. Но одновременно все увидели огонь отплывшей от берега другой моторной лодки.

— Скорей, ребята, к пароходу! Надо уходить, пока никто не подозревает здесь нашего присутствия. На пароходе я сговорился с матросами.

Байдарки усилили ход, поддаваясь движению весел. Граудин крепко держал в руках портфель, поглядывал, как Малабут и Иляш приводят в чувство француза и мерял глазами расстояние до парохода.

— Фашисты не поймут, — говорил он, — что произошло. Они будут думать, что случайно погиб и их агент. Пускай! Мы им преподнесем пилюлю. Но еще нужно в Бомбее повидать Пройду и Джона Хейтона. В наших руках судьба революции. Превосходно...

Перед открытием очередной сессии Всеиндийского национального собрания атмосфера в стране стала заметно накаляться.

С местными законодательными собраниями правительство не церемонилось. Собрание Бенгалии за требование сокращения расходов на полицию было распущено. Большинство депутатов Центральных Провинций, за призыв к всеобщему бойкоту английских учреждений, было арестовано. Фашистские организации «морд», содержимых на счет правительства и английских банков, нагнали с каждым днем. Население готовилось к всеобщему восстанию. Распространились слухи о том, что для его подавления английское правительство высылает эскадру и вооружает фашистов.

В такой обстановке решающее слово в политической жизни стало принадлежать руководителям национального движения. Но известнейшие националисты пока своих карт не раскрывали, и симпатиями масс начали овладевать коммунисты Индии.

Пройда в это время еще находился в Бенаресе, продолжая выжидать развития событий и работать под видом шлифовальщика.

Однажды возле его палатки остановились, испытующе всматриваясь в его лицо, двое молодых людей.

Пройда поднял на посетителей глаза, и сейчас же узнал в остановившихся туземцах Арабенду Гош и его приятеля Ашутоса, около месяца назад отправившихся в путешествие с беженцами из Майенвили.

Пройда внимательным взглядом пробежал улицу, перевел затем глаза на товарищей и кивком головы

предложил им сесть в палатке на пол. Вместе с тем он, насколько это допускала предосторожность, опустил пологи палатки.

Арабенда и Ашутосх удовлетворенно пожали руку мнимому парсису и встретились с ним многозначительным взглядом.

— Ну, товарищи, — предупредил расспросы и недо-
молвки Пройда, — я, как видите, расположился прямо
на глазах у сотен сыщиков и знаю каждое их движе-
ние... Если кто-нибудь из вас или ваших единомыш-
ленников считает, что я, организуя против империа-
листов бедноту и подготовляя возмущение, навлекая
на индийский народ бедствие и поэтому должен быть
сметен с лица земли, как безумец-демагог или аван-
тюрист, то ему стоит только взять несколько полицей-
ских, чтобы вместе с этой палаткой меня навсегда
уничтожить. Но мне кажется, что вы сами уже думаете
теперь так же, как я. Говорите же, что вы решили те-
перь делать с собой.

Арабенда потер перед своим лицом ладонями рук и
вместо ответа сообщил:

— Мы с Ашутосхом были в Москве, товарищ рус-
ский. Мы хотели узнать, не мечтают ли большевики,
сначала приходя к нам под видом друзей, делать затем
завоевания везде, где народ о них ничего не знает.
Может быть, вы с плохими целями приехали? Но мы
увидели в Москве не только знакомых индусов, но и
монголов, и арабов, и даже негров из Африки, и все
они могут сказать, что большевики всюду несут с собой
угнетенным только освобождение. Мы еще расспроси-
ли, как большевики поступали в Китае, и решили, что
вам во всем можно до конца верить...

— А-а! Так... — Пройда удовлетворенно кивнул го-
ловой.

— Мы, — продолжал Арабенда, — тогда решили уз-
нать, почему у вас такое отличие от других государств,
и мы узнали вашу Советскую власть... Мы решили, что
только такой власти будем вместе с коммунистами до-
биваться и у нас в Индии. То же, что вы помогаете нам,
только приблизит ее осуществление. Мы теперь долж-
ны обождать в Бомбее Тарканатра; мы сообщили ему о

том, что происходит в Индии, и он решил немедленно ехать сюда. Скоро бедноте нужны будут настоящие большевики-руководители. Пока же мы с Ашутошем разыщем знакомых студентов и будем работать в Бомбейской организации.

— Но вы не должны рвать с националистами! — возразил Пройда. — Пока пролетарская партия еще малочисленна, очень много значит, как поведут себя националисты.

— Мы думали и об этом, — сказал Арабенда.

— Да... Что же вы решили сделать?

— Мы используем пока все наши связи для того, чтобы толкнуть националистов на более решительные действия. Они уже намереваются куда-нибудь перенести из Дели заседания национального собрания, так как там депутаты не чувствуют опоры в массах. От моего одного отца будет почти зависеть, остановятся руководители на Бенаресе, или изберут Бомбей. Так как мы в Москве кое-чему научились, то мы, конечно, натолкнем отца на решение в пользу Бомбея. Там пролетариат, здесь же организовывается контрреволюция. Смотрите!

Арабенда кивнул головой на улицу.

Пройда увидел движение поезда какого-то индусского князька.

Восточная толпа рыночных масс, двигавшаяся мимо палатки и лавок, пестревшая, галдевшая, торговавшаяся, колыхавшаяся при пропуске тонг, повозок и прохождении священных коров и священных жрецов, расступилась, давая дорогу пятерке слонов с носилками и челядью какого-то раджи.

Возле палатки шлифовальщика, загородив ее от улицы, остановилось несколько индусов и женщина. Затем они немного передвинулись, а их место заняла группа европейских туристов, возле которых сейчас же собралось несколько приставших к ним попрошайничающих браманов. Оттесняя группы толпящихся возле палаток, прошел в сопровождении двух слуг под зонтиком богомолец к храму. Напротив, у палатки, остановились носилки с отправляющимися на визит парсистскими дамами.

Только что прошел эскорт слонов, раздались хриплые звуки сирены прокладывающего себе дорогу автомобиля.

Движущиеся пешеходы еще раз расступились, прижались к палаткам, и машина проехала мимо палатки Пройды. В автомобиле сидело двое англичан и один туземец.

Пройда уже знал, что эти сановные англичане и индус негласно представляют в Бенаресе на происходящем административном съезде контрреволюционных сил штаб северных войск Индии.

Он многозначительно кивнул головой и поднял глаза на спокойно следивших за ним взглядами индусов.

— Видите, — произнес Арабенда, — они съехались для определения своего поведения при разгоне национального собрания, и они сговорятся устроить кровопускание не в одном городе. Национальное собрание будет поддержано, если оно не будет заниматься разговорами в Дели, а начнет организовывать революцию в Бомбее.

— Правильно, Арабенда! Вы стали думать действительно по большевистски. А знаете вы, что готовится в Бомбее?

Оба индуса подняли глаза.

— Фашисты в ближайшие дни для предупреждения восстания рабочих расставляют в храмах и на крышах домов по всему Бомбею пулеметы. Мы перехватили по этому поводу их переписку.

— Вам известно, где именно они будут расставлять их? Ваши маленькие большевики смотрят за этим?

— Да, позиция каждого пулемета у нас будет известна, как будто все это мы делали сами.

— Ну, что же, пускай национальное собрание, ничего этого не зная, соберется там, откроет заседание, а тогда мы явимся и преподнесем им доказательства провокаторских намерений правительства, отберем пулеметы и будем вооружать рабочих и добровольцев.

— Правильно опять, Арабенда! Вы не только большевик, вы вдобавок и стратегии большевистской научились... Что вы еще думаете предпринять?

— Ашутосх получает депутатский мандат в Майен-вили, я в национальном собрании через отца получаю должность. Если хотите, можно и вас под каким-нибудь видом устроить при собрании...

— Меня? Например?... — удивился Пройда.

— В виде чьего-нибудь личного секретаря или эксперта какой-нибудь комиссии...

Пройда подумал.

— Нет, — решил он, — это не стоит, а вот в виде управляющего каким-нибудь хозяйством или агента какой-нибудь надежной фирмы — это мне не мешало бы, для того, чтобы я не был прикреплен к одному месту и мог разъезжать.

— Это мы устроим. Во всяком случае, вам необходимо сразу же переселиться в Бомбей, как только национальное собрание остановится на нем. Я сейчас иду к отцу, с которым я не хотел видаться, пока не поговорю с вами. Он узнал, что я здесь, и беспокоится. Я думаю, что он окажет большую помощь нам.

— К отцу? Смотрите, за ним следят. Если бы вы отложили его посещение до завтра или хотя бы до вечера, я бы сказал, какая именно там слежка.

— Ничего, брат Пройда, попробуем сделать так, чтобы нас не видали.

— Хорошо, Арабенда... Я пошлю сейчас же туда кого-нибудь...

Гости Пройды поднялись и, выйдя с района базарных улиц, пересекли площадь, прилегающую к торговой части города, после чего очутились в узком дефиле между полукрепостными домами бенаресских богачей и владетельных феодальных земиндаров.

Они осторожно оглянулись, не последовал ли кто-нибудь за ними с площади; прощупали взглядом сгорбившегося старика-мусульманина с посохом, в ярком халате прошедшего через улицу, конюха-индуса, погнавшего гуськом одну за другой лениво бредших лошадей, служанок на двух балконах, вытряхивавших ковровые ткани и перекрикивавшихся между собою, группу детей, на животах лежавших под стеной и занимавшихся какой-то игрой и одновременно, почти заметив подозрительно слонявшегося и начавшего при

их появлении голосить продавца комнатных певчих птиц с большой клеткой в руке, переглянулись.

— Джасус! — угрюмо буркнул Арабенда.

— Да! Следят, — тихо сказал Ашуттош.

— Обойдем вокруг и еще раз убедимся, будет ли дежурить эта рожа...

Молодые люди прошли мимо дома Раджаб Гоша, не зайдя в него, обошли вокруг квартал и снова вышли за угол той стороны площади, откуда один раз уже являлись.

Через минуту они увидели снова продавца птиц, сидевшего под одной из стен уличных домов. Но прежде чем они приняли какое бы то ни было решение о том, что им предпринимать дальше, как их догнал подросток, в котором революционеры немедленно узнали уже встречавшегося с ними Вагонетку.

Молодой коммунист, не останавливаясь возле друзей Пройды, замедлил слегка шаги, когда приблизился к ним и предупредил:

— Пройда велел мне помочь вам. Я позову птицелова, что бы он шел продавать птиц. Когда он уйдет, идите...

И Вагонетка бегом направился к шпиону.

— Эй, дядя! Дядя! Нач-герл, сестра, хочет купить у тебя буль-буль, соловья... Пойдем скорее!

— Где? Какая нач-герл? — не особенно радуясь тому, что нашелся покупатель, поднял голову продавец.

— Здесь за углом покупает позументы одна сестра, нач-герл. Идем скорее, она хочет подарить мне птичку буль-буль...

Шпион последовал за парнем к лавке за углом, где покупала позументы Дадабай.

Молодые люди, выглядывавшие из-за другого угла, обменялись долгим, полуудивленным взглядом по поводу маневра помощника Пройды, и спокойно улыбнулись.

— Даровитое и беспокойное племя — большевики! — сказал Ашуттош.

— Чудеса творят большевики, воспитывая так свою молодежь! О, как мы отстаем перед ними! Надо действовать, чтобы и мы стали свободным великим народом.

Молодые люди вошли в дом, и слуга Раджаба, кхан-саман¹⁾, увидев их на лестнице, обрадованно всплеснул руками.

Арабенда предупреждающе поднес к губам палец.

— Тише, Додор! Пусть поменьше народа знает, что мы пришли. Дома отец?

— Багадур Раджаб Гош занимается и размышляет у себя...

— Доложи, что я прошу простить меня, и пусть скажет, может ли он сейчас принять меня. Я могу обождать, чтобы не беспокоить его...

— Отец ждет вас, Арабенда Бабу! Он немедленно же допустит вас, — ответил слуга, поворачиваясь уходить.

— Доложи, — проводил его Арабенда.

Додор скрылся за одной дверью и, выйдя оттуда, пригласил жестом руки входить.

— Посиди, брат Ашутош!

Ашутош кивнул головой и, подойдя к окну, стал следить за улицей.

Арабенда вошел к почтенному мужчине в белых одеждах, сидевшему впереди покоев, и на мгновение задержался у порога.

Отец ожидающим взглядом позвал молодого человека ближе.

Арабенда подошел, и по обычаю приветствовал отца. Он прикоснулся рукой к ноге отца и приложился затем этой же рукой к своему лбу. Раджаб взял за руку сына и призвал его сесть рядом с собой.

— Я ждал тебя, Арабенда...

Молодой человек почтительно склонил голову.

— Я тоже хотел спросить тебя о тех делах бессмертного человечества и о нашем долге по отношению к нему, о которых думаешь и ты... Я знаю, что ты был далеко от родины, в советской стране...

Арабенда подтвердил это.

— Я знаю, что ты должен был начать думать о твоём отце и его друзьях — вождях националистов, как о нерешительных, колеблющихся людях...

Арабенда напряженно ждал, не переставая сохранять почтительное внимание.

1) «Кхансаман» — дворецкий.

— Я все это передумал, — продолжал Раджаб — и решил, что ты прав, что правы твои новые друзья, что пора действовать иначе... Я еще не знаю, как именно, но может быть у тебя и у твоих теперешних друзей есть план, приемлемый для нас. Тогда говори.

Арабенда поднял глаза.

— Я знаю, что ты должен был об этом думать, отец. И поэтому я шел к тебе с уверенностью в том, что ты поможешь торжеству освобождения матери-Индии. От тебя и твоих друзей, отец, зависит, что предпримет национальное собрание...

— А чем может помочь народу национальное собрание?

— Оно должно сделаться центром движения народа и не расслаблять борьбы, хотя бы и насильственной, а наталкивать на нее...

— Как?

— Пусть оно перенесет свои заседания в Бомбей...

Раджаб внимательно посмотрел на сына, подумал и тихо сказал:

— Да, если становится на этот путь, то ты прав. Старые взгляды мои еще восстают против мысли о том, к чему это поведет. Но жребий брошен. Ты прав, мой сын!

— Только упорные проповедники сатиаграха воспротивятся этому. Но, в таком случае, народ останется покинутым, и жертв будет больше.

Раджаб печально потряс головой.

— Вера в сатиаграх рухнула. Кто же не знает, что я наиболее твердо настаивал на бескровной борьбе. Эту веру многолетними преследованиями и своими безрассудными арестами разбило само правительство. Кроме меня, теперь против восстания никто не возражал бы, или возражали бы только из уважения ко мне и вождю-махатме¹⁾, который без меня не выступит.

— Значит, отец, ты не осудишь меня за то, что я пошел не твоим путем величественного понимания и долготерпения? — скрывая волнение, спросил юноша. — Ты имеешь в виду, что со мной все может быть...

1) Махатма — учитель.

подавив внутреннюю муку, Раджаб произнес:

— Знаю я это, сын. Но великая река жизни течет и толкает к их берегам детей человечества, не спрашивая, хотят ли этого их отцы. Ты уже определил, где берег твоей судьбы. Благословляю. Буду чувствовать, что это величайший дар, который я делаю тебе. Буду знать и то, что величайший дар мне, каким вообще может человек человека радовать, — твое безграничное почтение и твою сыновнюю тоску об отце, я сохраняю только таким образом. Может быть, ни ты, ни я не погибнем прежде, чем победит народ. И тогда, конечно, счастье освобождения народа искупит все. Иди же, сын, твоим путем. Я знаю, что должен делать я, чтобы деятельность твоя и твоих друзей была успешней. Ваши единомышленники есть в Собрании. Я буду по-прежнему чужой им, но действовать буду, как их мудрейший, хотя и чуждый их доброжелатель, пока они не увлекутся ненужной самоуверенностью. Будь уверен в старом отце. И время от времени навещай меня. У меня ведь больше теперь никого нет...

— О, отец, — юноша потрясенно склонился к коленям старика.

— Что еще тебе нужно, сын мой?

— Я хочу с одним товарищем скрыто присутствовать на том собрании, где у вас будет решаться вопрос о месте заседаний собрания.

— Можно. Я снабжу вас билетами.

— Кроме того, если ты мог бы ссудить нас деньгами. Мне их немного надо, но для нашей деятельности они необходимы.

— Я переведу на тебя большую часть моего дохода. Вы можете также располагать имением в Бенгалии, оно свободно. Укажешь Додору какое-нибудь лицо для составления купчей, дабы я перед правительством чувствовал себя независимым, если вы устроите там штаб ваших сообщников или убежище вооружающихся.

— Спасибо, отец. Я тебя лишаю почти всего твоего достояния...

Земиндар сделал спокойное движение рукой.

Отец и сын долгим взглядом людей, понимающих друг в друге каждый порыв, посмотрели еще раз друг на друга.

— Прости, отец! — взял снова за руку отца Арабенда.
— Уходи. Шпионы не должны увидеть тебя, когда ты выйдешь. Войди в соседний двор и через него выйдешь на улицу сзади. Я обеспечил здесь своим друзьям запасный выход. Додор укажет его тебе.

Раджаб позвал слугу. Арабенда вышел с ним. Ашутош, взглянув на друга, присоединился к нему.

— Не упал отец духом? — спросил он тихо.

— Нет! Определился отец и способен на великое... Теперь опять надо повидаться с Пройдой, с его единомышленниками, дождаться Тарканатра, и пускай они овладеют и в Бомбее, и в Бенаресе душой каждого индуса, организуют все, что можно, чтобы быть готовым ко всему...

— Давно пора, — сказал Ашутош. — Если бы старые националистические учителя не сдерживали бы население проповедью пассивного сопротивления, то Индия уже давно была бы свободной. Они досопротивлялись!..

— Теперь этого не будет, — констатировал Арабенда.

— Значит, будет всеиндийская драка, после которой империалисты уйдут отсюда с побитым горбом. Поплюем поэтому в руки, как делают перед революцией большевики, и пойдем посмотрим, что думают наши бывшие коллеги-студенты.

Семья райота

В фактории сахарных плантаций сагиба Ричарда Пирбека возле Бомбея работает отец Дадабай Банким Рой.

Банким Рой — бывший солдат большой войны сагибов, для которой мобилизовали много индусов, когда инглизмены воевали с германцами. Он был трудолюбивым райотом-крестьянином, но во время войны его семья разорилась на выплаты налогов английским властям за право пользования оросительными каналами. Райот с женой попытался, возвратившись с войны, вывернуться, отдал девочку браманам в храм для обучения в качестве танцовщицы, но, в конце концов,

отказался от своего участка и попал на плантацию батраком.

И вот он работает в артели поденщиков под надзором соплеменника-надсмотрщика, ненавистного Го́за-Бабу.

В артели около двадцати человек. Время рабочей горячки: работают по 16 часов в сутки. Подростки и женщины преобладают, и Банкиму даже стыдно работать среди них. Но Го́за Бабу и сагибу Ричарду Пирбеку, проживающему в бунгало возле плантации, не стыдно, что за гроши день-деньской работает здоровый судра. Владения фактории получают прибыль от эксплуатации слабосильных подростков и женщин так же, как и от работы мужчин. Ибо если мужчина и поработает больше, то заработает 20–25 анна в неделю, женщина же получает вдвое меньше, а о подростках уже и говорить нечего.

Все знают, что Ричард Пирбек свои доходы считает не по несколько анна, а рупиями, но хозяин фактории — сагиб, и поэтому поденщики свою долю не сравнивают с его выгодным положением.

Это не мешает проклинать им свою судьбу.

Даже подводчики-мусульмане и рабочие, работающие возле давяльных прессов фактории и выварочных печей, и то мечтают о лучшей зарплате. Они получают по 18–20 рупий, а считают, что им нужно получать по 25–30 рупий. Тогда можно было бы сколько-нибудь сносно жить и, выходя в город, пользоваться хоть раз в неделю удовольствием хождения по рынку. Но это не доступно такой бедноте, как батраки-судра.

Рабочие сагиба Ричарда Пирбека имеют связь с рабочими-кожевниками мусульманского заводика. Но и эти кожевники, и рабочие джутовой фабрики, и мукомолы с паровой мельницы, и поденщики маслобоен — все они ругают каждый своего сагиба Пирбека за лютых надсмотрщиков, за каторжные условия труда, за те гроши заработка, которые не дают сводить им концы с концами.

И только рабочие бомбейского железодельного завода и хлопчатобумажных фабрик, на которых надсмотрщики — ученые-сагибы, а туземцы — искус-

ные кузнецы, слесаря, инструментальщики, ткачи и прядильщики, — живут лучше поденной чернорабочей бедноты. Они работают двенадцать часов, а получают не меньше двадцати пяти рупий. Правда, недовольны и эти рабочие своими сагибами, но это потому, что они умеют своего добиваться. Ими верховодят националисты и большевики. У них комитеты тайной организации. Они хотят даже захватить в свои руки заводы и плантации, а сагибов прогнать. Если б это им удалось! Но до сих пор большевиков-индусов только арестовывают, и поэтому сагибов приходится слушать, иначе будет плохо.

Банким все это знает, но помалкивает пока. Он работает на срезке стеблей и рад был бы, чтобы его никто не трогал. Но он сегодня опоздал, пришел тогда, когда другие рабочие уже получили инструмент и заняли свои места. Бабу Гоза должен был даже возвратиться в сарай фактории, чтобы взять нож для работы лентяю. Надсмотрщик сделал это, но сказал, что скажет в контору самому Пирбеку о нерадивости рабочего. Он не решился сам прогнать судру, потому что наступила рабочая горячка, предложения поденщины могло не оказаться, и тогда рабочий день одной рабочей силы пропал. От Банкима же можно было ожидать, что он, если ему что-нибудь сказать — бросит работу, или перед всей артелью начнет поносить ненавистного надсмотрщика. Давно он напрашивался на это, заставляя обходить его подальше.

Наконец Гоза-бабу, выбрав минуту, решает идти с жалобой, и направляется в контору.

Банким, между тем работая ножом и сваливая стебли тростника подросткам, подбирающим его в охапки, следит за надсмотрщиком, и у него в голове волчьих думы.

У Банкима заболел сын, которому время тоже работать вместе с ним на плантации, а между тем, его жена не только не может понести мальчика в храм умило-стивить всемогущего Шиву или позвать знахаря, но вообще-то не может выйти из их еле покрытой тростником жалкой хижины в убогом туземном «басти». На всю семью у Банкима остался чуть ли не один кусок

хаддара, которым попеременно и покрывают чресла и плечи то он, когда идет работать, то жена, когда ей нужно выйти к соседке одолжить молока или соли на пару дней.

Завтра раздача рабочим денег, Банким думал поправить немного свои дела и, не отдавая лавочнику долга, понести в храм Шивы рису, позвать знахаря, поест риса самому с женой и попраздновать, отведя душу, таким образом, в редкой сытости. И вот, все эти надежды готовы были рухнуть из-за того, что он задержался возле мальчика, пока жена ходила взять воды из колодца.

— Семя Шикалы, идет доносить! — выругался Банким, видя, что надсмотрщик, пожевав бетеля и поглядев в его сторону, повернулся к заводским помещениям. — Идет старая крокодилова шкура выслуживаться! Если он скажет сагибу, неделя труда пропала даром. Пусть работает здесь, кто хочет, в таком случае... Лучше сдохнуть с голоду и убежать, куда глаза глядят...

Банким бросил нож и быстро стал пересекать дорогу надсмотрщику.

— Эй ты, выброшенная гадюкой из кишок колючка, стой!..

Это было неслыханным против представителя администрации ругательством, которое заставило надсмотрщика задрожать от злости и остановиться.

Трое судра-рабочих, женщины и десяток полуголых ребят бросили работу и остановились, глядя на товарища и их общего распорядителя, за несколько рупий служившего, как сторожевой пес, плантатору.

Подростки переглянулись, один из них тихонько хихикнул, но Банкиму было не до того.

— Ты хочешь, чтобы я погиб и не накликал на тебя проказы за то, что ты доносишь?

— Ты — лентяй! Ты — лающая гиена! Дерзкий презренный камбала, тебе не будет тут для работы места... Уходи отсюда вон...

— Отдай мне прежде то, что я заработал за неделю. Работать у сагибов может только собака, которая не находит себе кости в помойке. Человек тут сдохнет. Я работать не буду, отдай деньги...

— Придешь, получишь, если суд не лишит тебя их за то, что ты рычишь, как скверный варвар-людоед из Нильгирии...

— Ты еще мои деньги через суд хочешь отнять?

— А ты думал, нет... Если такого одержимого не обуздать, то всякий бунтовщик будет командовать надсмотрщиками, а не надсмотрщики ими. Пускай рассудит сагиб...

Банким сжал кулаки.

— Собака, наемник фаренги!

Он обернулся на товарищей, но те уже уткнулись головами в тростник, боясь оглянуться, боясь выразить ему сочувствие и подвергнуться такому же изгнанию с плантации, как и он.

У Банкима дрогнула нижняя челюсть, он опустил руки и вышел.

Но, выйдя на дорогу, он остановился. И слезы заблестели в его глазах.

Ему некуда было идти.

Он отошел от плантации, за изгородью фактории упал на траву возле дороги под группой сорного папоротника и здесь застонал один и другой раз, сдерживая рыдание.

Какая-то девушка и чужеземный подросток, направлявшиеся к плантации через кустарник, почти натолкнулись на него и, услышав его стоны, остановились.

— Что это? — девушка, всмотревшись в лицо державшегося за голову человека, нерешительно остановилась, а затем схватила за руку подростка.

— Брат — это райя Банким, мой отец!

Вагонетка, которого Пройда прежде, чем выехать сюда самому, командировал вместе с Дадабай Рой в Бомбей для помощи товарищам в предвидении событий, которые должны были развернуться в городе, в связи с перенесением сюда заседаний всеиндийского национального собрания, остановился.

— Вот тебе и фунт! Что же это с ним?

— Братик, Вагонетка, иди в парк и жди меня покамест там. Я узнаю, почему он под забором, и что у нас делается дома. Вероятно, что-нибудь случилось. Хоро-

шо, что мы наткнулись... Если он и мать не заморочены браминами или полицией, то мы очень хорошо проживем здесь, пока мы найдем Сан-Ху, Бихари и приедет Пройда. Я найду здесь знакомых Кукумини и моих собственных. В той стороне, куда мы шли, находится кантомент. Здесь, на речке, для бедноты есть парк. Обожди меня в этом парке...

— Хорошо, сестра, только не попадись с аппаратом...

— О, нет. Иди, братик!

Вагонетка кивнул головой и зашагал, минуя селеньицы, к той окраине города, где, по словам танцовщицы, находился сад, в то время как Дадабай, обогнув куст папоротника, очутилась перед отцом.

— Отец, дорогой отец! — благослови свою дочь. — И девушка упала перед райотом, обняв его колени.

Райот-бедняк поражено взглянул на дочь, не веря собственным глазам, увидел у нее сумку с вещами, а на руках украшения, взял девушку за руку, как бы желая увериться в том, что видит именно Дадабай, и вдруг снова опустил голову, давась слезами.

— Дадабай... Дадабай!

— Отец, отец, ну, что? Ведь не хуже же, что я пришла. Не умирать ты сел здесь. Дай мне голову... — И Дадабай обхватила судру.

— О, дочь, ты пришла, но мне не радостно, а стыдно, потому что отец твой, как собака, корчится во рву. Как мне смотреть тебе в глаза, когда я не могу и домой повести тебя, ибо там не найдется ни горсточка риса, ни блюдечка бобов, чтобы покормить тебя... Брат твой умирает дома, и ему не на что купить молока. Меня прогнали с работы и не отдали денег, хотят судить за то, что я сегодня опоздал, охраняя Беди; я оскорбил надсмотрщика-собаку.

Дадабай потрясенно схватила отца за руки.

— Это, отец, ненавистные угнетатели, которые не жалеют ни беспомощного бедняка, ни ребенка. Ты только что узнал это, а мы, нач-герл, давно это уже знали. Ты сам убедишься, когда я расскажу тебе, что они делают с бедняками. Но это кончится когда-нибудь, отец. Не думай, что так и должно быть.

И, порывисто вскочив на мгновение, Дадабай снова взяла отца за руки.

— Но идем все-таки домой, отец, потому что у меня есть сыр, хлеб, рыба, вещи и деньги. Идем скорее, накормим мать, если она голодна, и Беди, братика моего бледнолицего. Вытри глаза, отец, давай мне руку и поднимайся, но, прежде всего, допусти меня взять прах от твоих ног...

И Дадабай совершила обряд приветствия старших.

Затем она взяла за руку вставшего тем временем расшатанно отца и, расспрашивая его, направилась к видневшемуся за группой сандаловых деревьев «басте», состоявшего из шалашей и хижин батраков и райотов-земледельцев. Они обогнали женщину, несущую с реки в сосудах на голове воду, и прошли мимо группы детей, лазивших по изгороди, после чего очутились возле покрытой соломой хижины Банкима.

Судра открыл дверь, и они вошли в хижину.

Их встретила удивленным взглядом беспомощно сидевшая возле томившегося на цыновке из соломы больного женщина, которая вдруг с убитым испугом поднялась и всплеснула руками.

— Дадабай!..

— Мать... Нищие мои родители!

И девушка, преклонившись перед женщиной, подошла к цыновке, с которой измученно и устало смотрел свернувшийся головастиком мальчуган.

— Беди! Что с тобой?

И мать, и отец остановились рядом с дочерью, которая опустила к больному.

— Два дня горел и утром есть просил...

— От голода это...

— От голода, само собой, а лихорадка, само собой.

— Беди, есть хочешь? — спросила Дадабай. — Я твоя сестричка Дади, помнишь меня?

Мальчик сделал движение к сестре, протягивая руку...

Дадабай быстро повернулась к сброшенному ею с плеча джутовому мешку, который она несла с собой, путешествуя с Вагонеткой в Бомбей. Там были остатки провизии.

— Ну, давайте есть сами и покормим его. Он выздоровеет, если это только от голода, и если он еще хочет есть...

Дадабай достала сыр, рыбу и пару молочных рисовых лепешек, приобретенных сегодня на станции.

— Давайте есть, и ты, отец, рассказывай мне, что с вами случилось. Скажи, прежде всего, выпустили ли инглизмены из тюрьмы молодого Ниду Бабу? Что он делает? Как вы живете в вашей общине?

Райот опустился в углу хижины возле доски, которая служила столом и на которую Дадабай выкладывала провизию и, глядя, то на дочь, то на жену и сына, беспомощно махнул рукой.

— Что же рассказывать: одно ты видишь сама, а другое — поживешь немного, и увидишь. Земли уже нет, потому что за воду инглизменам собралось столько долга, что банья Руга Рой взял участок даром. Райоты уходят в заводы, а баньи богатеют. Во всем воля сагибов, они что хотят, то и делают. Ниду Бабу выпустили, а десяток других арестовали. Работает Ниду на вокзале. Его друзья, как он, забастовщики. Правительство их арестовывает, а националисты им не дают работы. Говорят, что они хотят действовать в пользу фаренги большевиков; они зовут Советы вместо сагибов взять все заводы, фабрики, дороги, а райотам оставить землю. Неизвестно, к добру это, или будет еще хуже. А пока все идет так, что в общинах встретится райот с райотом и не знают уже, нужно поступать так или иначе. Одна община, Бусуа-Матрум под Пуной, до сих пор продолжает хартал... Они его начали, когда националисты везде провозгласили бойкот. Но все уже прекратили его, а они еще продолжают. Ни одного анна налогов за весь год не сдали. Половину общины сагибы арестовали, но как только приедет туда новый чиновник, то сейчас же его или находят убитым, или отравленным, или он сходит с ума. У них есть пандиты- браманы, которые сговорились с большевиками.

— Далеко эта община? — спросила Дадабай.

— Меньше двух дней пути страннику. Теперь даже националисты от них отказались... Если бы не пришла сегодня, нам бы нечего было больше делать, как идти туда. Но про них говорят, что они изменяют Индии и хотят большевиков пустить, которые все разгромят и разорят...

Бароди, мать Дадабай, подавленная нуждой деревенская дикарка, посмотрела на мужа и дочь и, оглянувшись вокруг, угрюмо произнесла:

— Пускай быют, кому нужно от сагибов избавиться. Сагибы нас довели до того, что и земли нет. Из-за земиндаров у нас есть нечего. Браманы только свое говорят, а, что жить нельзя стало, не замечают. Не наше дело, если всех поубивают. Мы никого не трогали, поэтому и живем так. Пусть Дади скажет, зачем она домой пришла? Разве ей в храме плохо было, что она вернулась к родителям, у которых ничего нет?

Дадабай уже ожидала этого вопроса и весело посмотрела на мать.

— Я пришла не жить, а только проведать вас. Я хочу принести вам счастье. Я буду жить в городе, а у вас пробуду только неделю-две. Но я вам буду давать денег и помогу устроиться вам. У меня есть деньги... я заработала...

Банким и Бароди, не подавая вида о том, какая гора у них свалилась с плеч после этих слов девушки, продолжали дожевывать хлеб и сыр, которые привезла Дадабай.

— Как же ты устроиться сможешь? — спросила Бароди. — Разве ты что-нибудь можешь придумать?

— Придумаю, придумаю! — сказала Дадабай. — Я приехала из Бенареса с одним боем, с которым мы будем вместе ходить на празднества. Потом еще явится сюда одна моя подруга. Вместе мы голодать никогда не будем. А отцу мы поможем купить быка, он будет в городе возить воду. Я заработала денег...

Еще легче стало настроение семьи.

— А бой с тобой, не жених? — спросила Бароди.

— Нет, госпожа мать, у нас же в храмах прислужники-бои для танцовщиц. Он из храма Шивы со мной приехал устроиться в Бомбее.

— Пускай приходит, — сказал спокойно Банким, — это дело жрецов судить, могут или нет сутрадари жить вместе с боями. Веди его...

Дадабай направилась к Бомбею в парк.

Она нашла здесь в одной из аллей Вагонетку в возбужденном состоянии.

— Происходит что-то неладное, сестра Дадабай, — встретил ее комсомолец. — Должно быть, о нашей компании что-нибудь узнали...

— А что случилось?.. Ты, братик, заметил что-нибудь?..

— Я встретил Пит Графа, Эча Биби и индуса-гонца из Майенвили, у которого мы отобрали письмо. Должно быть, он добрался до фашистов, рассказал им все и вместе с ними приехал разыскать Пройду и нашу артель.

— Собака! Что же нам делать? Ты следил за ними?

— Да, они пошли в дом Санджиба Гупта. Я проводил их до дома, а потом пошел сюда.

— Что же мы будем делать? — повторила вопрос Дадабай.

— Надо найти Сан-Ху и сейчас же сообщить всем нашим, а потом дожждаться Пройду, и он решит, что делать.

— Ну, идем к мордам. Вызовем Бихари или Сан-Ху, сговоримся и пойдем домой. Отец с радостью сделается водовозом, лишь бы не голодать. Он будет следить за мордами, как хотел Пройда.

Молодые люди направились в город.

Первые успехи

Бенарес гудел шумом дневной жизни.

Двое индийских парней в ланготи, оборачивавших их бедра и через плечо закинутых за спину, показались на рынке. Это были Стремяков и Марсельезец. Они вышли на берег Ганга в виде странствующих бродяжек-нищих. Стремяков двигался с неподвижными глазами слепца. Марсельезец держал его за руку. Оба участника комсомольского отряда были с сумками. Оба они, очевидно, имели определенную цель.

Очутившись среди толп паломников и местных богомольцев, явившихся окунуться в священной реке, и на некоторое время затерявшись среди их тысячной массы, парни облюбовали себе место на ступенях входа, ведущего в храм Шивы, и здесь приготовились действовать, положив у себя на коленях сумки.

Прямо перед ними раскрывалась оборванная с одной стороны зданием храма панорама усеянного людьми берега. Направо шли строения бенаресских домов. Несколько в стороне находилась пристань с пароходами и судами возле нее. Вверху палило и выжигало все под собой высокое солнце, тяжело и долго ниспровергающееся на землю, реку, строения и людей.

Вблизи возвышались площадки и десницы сооружения, предназначенного для сжигания покойников.

Почти не слышно было в общем гуле ни ленивого колыхания людей, ни криков продавцов бетеля, мороженого, воды и напитков, ни даже завываний группы уличных музыкантов, расположившихся возле полувеселительного заведения береговой харчевенки, — настолько энергия звуков и движения была растоплена огнем немилосердно палящего неба.

Люди методически двигались, меняясь местами, по берегу и на улицах с такой неповоротливостью, как будто торопливость была смертным грехом разноплеменного бенаресского населения.

Но вдруг среди нескольких групп, торгующегося, занимающегося различной возней и передвигающегося люда произошло еле уловимое движение. Двое мнимых эфиопов-попрошак переглянулись, но не подали вида, что происходящее хоть в какой-нибудь степени их касается.

Причиной оживления базарного муравейника послужило появление отряда полицейских, явившихся сюда вследствие того, что возле стоянок торговцев, у палаток ремесленников, под стенами домов, в лодках у перевозчиков оказались, разбросанными под видом афиш, напечатанные санскритскими и арабскими письменами короткие противоправительственные прокламации с сообщением о гонениях против национального собрания, с описанием того, как в Майенвили население, вследствие насилий, должно было покинуть город, и с призывом к борьбе за независимость страны.

Группа явившихся купаться богомольцев и копавшиеся повсюду массы аборигенов уже ознакомились с содержанием воззвания, и те, кто мог читать, осведомляли неграмотных, спорили о «фаренги», говори-

ли о политике англичан по отношению к туземцам в других местах Азии.

Полицейские, продемонстрировав свою бдительность, прошли через рынок, остановились возле одной-другой группы, обменялись ругательствами мимоходом с музыкантами и матросами возле харчевни и, повернув за угол ближайшего переуллка, направились к управлению города.

С видом неподвижного равнодушия, державшее свои мысли у себя на уме, базарное простолюдье проводило их, пока они не скрылись, и еще дружнее стало разванивать среди соседей молву о новости появления прокламаций и обстоятельствах происшествия.

Инцидент готов был этим кончиться.

Вдруг, в двадцати шагах от берега над гладью Ганга, перед глазами всех копошившихся на улицах толп как будто заколыхалась перспектива речной поверхности и панорама противоположного берега. Вслед за тем над берегом появилась странная колеблющаяся завеса, и на ней большими сияющими огневыми буквами обозначались санскритские и арабские надписи:

«Что произошло в Майенвили?

Смотрите! Смотрите! Смотрите!»

— О-о-о! — вырвался крик удивления у лавочников и купающихся.

— Модтя! Модтя!¹⁾ Уть-уть-тю! — повскакали лодочники.

И не успела толпа понять, что происходит, как надпись на завесе исчезла, а вместо нее, пораженные, хлынувшие к берегу туземцы, купцы и явившиеся со всех концов Азии пришельцы-путешественники, начав давить друг друга, увидели перед собой площадь провинциального городка, лавки, вход в незнакомый старый храм, более северную индийскую природу.

— Майенвили! Майенвили! — раздались в разных местах возгласы тех, кто был хоть раз вблизи Пешавера, странствуя по Индии.

Но толпа и сама как-то сразу поняла это, тем больше, что на картине сейчас же замелькали сцены, какими сопровождалось усмирение этого города.

1) «Модтя» — чудо.

Сперва зрители в видении над рекой увидали спешащих на площадь с товарами горожан и их собрание. Предание публичному ауто-да-фе товаров английского изделия, путем их сожжения. Выступление на сходбищах главарей майенвильского националистического движения, очевидно, разменявших положение толпам зрителей.

Затем картина изменилась и, в прилегающих к площади улицах того же городка, показались полицейские войска под руководством английского офицера, занимающие позиции вокруг площади.

Особо вдруг выделилась группа самого этого офицера с его ближайшими помощниками и с негром, в их числе.

Толпа на берегу увидела, как офицер скомандовал нападение, войска бросились на площадь, и начались сцены расправы.

— Ах-ах! — раздались восклицания по берегу. И разноплеменная восточная масса, представлявшая десятки одинаково угнетенных военщиной и империалистами национальностей, увеличиваясь в своем количестве сбегаящимися, то возбужденно топчась на месте, то оглядывая соседей и дергая друг друга за руку, продолжала смотреть на странное видение картины другого города, в котором производилось насилие.

Картина же двигалась, и показывала Бурсона, изображала паническое бегство избиваемых и расстреливаемых горожан, валяющиеся и царапающиеся по земле трупы, погоню солдат за разбежавшимися, торопливою суетню свиты полковника.

Бенаресская толпа еле сдерживала возбуждение.

На балконы и лестницы храмов, на площадки домов и всякие возвышения понабрались откуда-то зрители, кричавшие, ахавшие и поощрявшие друг друга на вмешательство в то, что они видели, причем, происходит ли это в действительности или картина представляет собой необъяснимое чудесное явление — это толпа даже не хотела разбирать теперь.

Зрители готовы были броситься на майенвильских умиротворителей.

Но вот, в событиях, представленных видением, последовали заключительные картины. К дому штаба

военной власти в городе негр и другие сподвижники усмирителя-офицера по пустынной улице тащили арестованных. Недалеко горел дом земиндара Раджаба Гош.

Полицейские идут по улице и расклеивают приказ военной власти. Объявление: туземцы, если им нужно пройти мимо дома представителя власти белых, полковника Бурсона, должны возле дома ползти на брюхе... Майенвильцы, прочитав приказ, пугливо расходятся. За городом ночью собирается их караван, они двигаются с детьми, семьями и пожитками, уходя из города куда-то на север.

Картина исчезла.

Толпа с минуту ошеломленно оглядывалась, протирая себе глаза и недоумевая, а затем загудела и заклокотала.

— Идем! — шепнул коротко Марсельезцу Стремяков.

— Да, пока не застучал никто... Только еще надо сделать анонс. Цокай скорее...

Стремяков сделал своей сумкой движение, не спуская ее с колен, и над берегом появилась надпись:

— Приходите завтра! Завтра вы увидите, как правительство фаренги инглизменов возбуждает кровавую рознь между магометанами и индусами!

Толпа снова было хлынула к берегу, но остановилась, увидев реку, рябь на ее поверхности, ряды лодок с палатками.

Видение исчезло.

— Айда! — поднялся Стремяков.

Парни, державшие до того на коленях свои сумки, в которых были завернуты натурографы, забросили снова их за спины и влились в толпу. Они могли быть довольны результатом. Еще немного, и толпа действительно рванулась бы на видения картины, чтобы изничтожить насильников, разбойничавших в Майенвили.

Подросток-вожатый и парень-слепец вошли в улицу и очутились среди волнующихся завсегдатаев рыночных заведений.

В одной группе возбужденно разговаривавших женщин они увидели Кукумини и Лотику. Девушки с другими участниками революционной организации вы-

шли нарочно на рынок, чтобы здесь наблюдать происходящее и объяснить его соседкам. Среди артели рабочих-носильщиков тяжестей, они увидели вожака рабочих Бенарджи. В ряде мест им попадались знакомые физиономии других туземцев, уже встречавшихся им ранее на профессиональных собраниях союзов рабочих.

Ребята, не обнаружив ни с кем своего знакомства, направились в законспирированное убежище того мусульманского подворья, в котором находилась фотография и техническая мастерская Таскаева.

Между тем, на берегу и рынке еще продолжалось волнение. Снова здесь появилась взбешенная полиция. Ее встретила группа из нескольких буйно настроенных дружинников организации Санджиба, возглавляемых свирепым жителем островов в ангарке и с серьгой. Это был гоаниец-христианин, с которым имел несчастье встретиться Бихари.

— Морды! — пронеслось по рынку среди лавочников, когда они увидели этого гоанийца и его сообщников.

Но как полицейские, так и фашистская дружина опоздали попасть вовремя на место происшествия и, только обменявшись несколькими ругательствами с лавочниками, те и другие ушли ни с чем восвояси.

На другой день, уже с утра город был полон разнообразных слухов. Организация революционеров приготовилась к решительным действиям. Бенарджи мобилизовал типографов и скомбинировал небольшую дружину боевиков из рабочих. Позументщики, ткачи, союз женщин-танцовщиц, белошвейки и вязальщицы были сагитированы для присутствия на рынке. В момент разгара рыночной жизни опять на берегу показались Стремяков и Марсельезец. Ребята пришли к тому храму, где они сидели накануне. Но они получили распоряжение от руководителей организации пробраться в самый храм, воспользовавшись его тайниками, и от туда действовать аппаратом.

Подойдя к стенам храма и его остроговидным простенкам, парни нырнули немедленно внутрь браминского капища жрецов Шивы, веками утверждавшими свое господство над населением.

Они сразу же очутились перед входами нескольких коридоров.

Здесь ребята осмотрелись и различили, что рассеянный дневной свет падает в храм сквозь незастекленные амбразуры разной величины, замаскированные все теми же острожными простенками и сводами.

Молящиеся шли в храм и уходили по главному коридору, ведущему вглубь помещения от ворот, и кончающемуся в глубине ступенчатым подъемом и большой площадкой.

Две минуты простояли парни, не двигаясь, пока они не увидели между колоннами каменную плиту с изображением украшенной свастикой женщины.

Увидев ее, ребята переглянулись.

— Здесь! — тихо шепнул Марсельезец.

— Да, — подтвердил Стремяков.

— Идем.

Ребята оттянули плиту и вошли в один из тайников храма.

Через минуту они очутились на площадке перед амбразурой, выходящей наружу.

Стремяков выглянул в нее и увидел впереди себя берег Ганга, на котором уже толпились паломники, монахи, фокусники и рыночное простолюдые Индии.

Марсельезец высунул на мгновение также нос и довольно сообщил:

— Хорошая нора... Наши на берегу...

— Вся организация...

— Ну, давай заряжать.

— Катай, заряди русские, на всякий случай, и фотографируй, что происходит, я же буду ворочать им Когатскую резню...

— Ладно, начинай...

Стремяков вынул из сумки аппарат и навел объектив.

Щелкнула кнопка. Перед толпой на берегу развернулась дымчатая пелена. Появились узорные надписи:

«Знаете ли вы, как правительство разъединяет сынов Индии, чтобы они не вели борьбу за свое освобождение? Смотрите, как оно допустило погром в Кога-те»...

Надписи исчезли. Берег ожил. Толпа загудела и хлынула, чтобы захватить места, теснясь и сливаясь копошащимся муравейником по всему району прибрежных площадок и пустоши между строениями.

Глазам горожан представилось помещение кабинета восточной редакции.

Секретарь редакции — парсис — работает за столиком. Кресло за большим письменным столом пустует. Входит чиновник туземной полиции. Увидев пустое кресло редактора, вопросительно обращается к парсису. Тот приглашает сесть, и сейчас же входит редактор газеты — англичанин.

Он окидывает взглядом посетителя и кабинет, его предостерегающе сухие глаза на мгновение останавливаются на толпе зрителей, как будто он видит береговое сборище и готов топнуть ногой...

Толпа бенаресского рынка так именно и поняла взгляд саиба с картины и немедленно колыхнулась.

— Морда! Морда! — загудел берег, сразу улавливая враждебную контрреволюционность саиба. Но открывшаяся дверь кабинета и появление новых лиц остановило волнение зрителей.

К редактору вошло двое мусульман-купцов, которых приветствовали и редактор, и сидвалла-полицейский, начавшие с ним дружный разговор.

Движением головы редактор велел оставить кабинет поднявшему на него глаза парсису.

Тот вышел.

— Совещаются! Совещаются! Морды! Банда сагибов!

Мусульмане убеждают редактора и сидвалла:

«Мы в пятницу не торгуем, и все должны закрывать торговлю».

Мелькнула внизу картины надпись, ее содержание пробежало в выкриках прочитавших ее грамотных зрителей.

Толпа еще теснее сгрудилась, напирая к самой реке, поверхность которой исчезла за картинами видения.

Совещание между тем быстро кончилось, мусульмане поднялись, сговорившись с редактором. Картина снова изменилась.

На ней показалась старинная мечеть. Почти возле ног зрителей легла площадь, и в нескольких шагах ступени входа в храм.

На пороге мечети по выходе с молитвы останавливаются и совещаются с группой единоверцев купцы-мусульмане. Англичанин-редактор, подошедший к храму, тоже что-то говорит. Собрание возбуждено оглядывает и грозит проходящей мимо группке индусов. Один грозит им кулаками. Англичанин злорадно наблюдает происходящее.

Толпа на берегу замерла и, схватив лицо англичанина, в свою очередь стала волноваться.

— Морды — ки хлакат!¹⁾ Долой морд!

Но опять картина переменилась, и толпа на мгновение успокоилась.

Развернулся рынок. Магометанские и индусские овощные лавки. Толпы покупателей. Чья-то заблудившаяся корова затесалась в толпу и возле магометанской лавчонки потянула пучок зелени.

Один магометанин-лавочник моментально бросил в корову камнем, другой схватил палку и, колотя ею животное, погнал корову по улице. Это заставило повыскакивать из лавок индусов, бросившихся на защиту коровы, являющейся для них священным животным. Покупатели сразу разбились на два лагеря и разразились угрожающей перебранкой.

— Животные — гау-кхана!²⁾ — кричит одна сторона.

— Собаки — сур-кхана!³⁾ — кричит другая сторона.

Группка магометан сбежалась возле одной лавки и, подстрекая друг друга, только ждет момента, чтобы броситься на индусов.

Толпа на берегу загудела, предупреждая мусульман на картине:

— Берегитесь! Берегитесь! Э-э! Морды обманывают!

Но видение рынка исчезло, на картине выпрыгнул переулочек. Индусы собрались возле ворот и что-то обсуждают, затем они закрывают лавки и идут к воинскому начальнику.

1) Ки хлакат — долой.

2) Гау-кхана — короведы.

3) Сур-кхана — свиноеды.

Тот встречает туземцев в большом бунгало вместе с редактором-фашистом. Редактор что-то подсказывает военному. Индусы просят защитить их от погрома, к которому приготовились магометане.

Воинский начальник отвечает:

«Мы не можем вмешиваться в ваши дела. Магометане соблюдают закон, не устраивают бунтов, и поэтому мы не можем их раздражать своим вмешательством. Ведите себя смирно, и погрома не будет»...

Он кивнул головой, чтобы просители уходили.

Индусы, выйдя из бунгало, совещаются. Они о чем-то упрощают старика торговца из своей среды. Тот, поколебавшись, соглашается.

Он едет в Симлу к великому учителю Индии махатме Ганди с просьбой заступиться. Но едет туда и редактор...

Картина показывает сцены в столице.

Ганди совещается со столичными руководителями магометан. С одним из них он направляется к вице-королю Индии. Оба представителя враждующих национальностей просят разрешения выехать им в Когат, где готовится резня, и устроить там собрание, чтобы убедить обе враждующие стороны не производить братоубийственного кровопролития.

Вице-король, у которого уже побывал редактор, отвечает отрицательно. Убеждения вождей враждующих национальностей не помогают.

Убитые отказом вожди народа уходят. Когда лавочник-делегат возвращается в Когат, магометане встречают его насмешками и бранью. А затем на улицах начинается резня.

Картина вдруг оборвалась. В толпе что-то произошло.

— Сипай! — воскликнул Марсельезец, действовавший натурографом. — Полиция! Прячь аппарат!

Действительно, на берегу началось смятение. До сих пор зрители базара, находясь под возбуждающим влиянием картины, не замечали, что творится вокруг.

Но вдруг начался шум, видение оборвалось, толпа услышала сзади себя крики, и тогда обернувшиеся лавочники, рабочие и посетители рынка увидели, что на них с тыла уже напали усмирители. Происходила горячка первых арестов.

Полицейские схватывали женщину, несущую какой-то узел с домашними вещами от соседки, и разбрасывали ее содержимое, тащили фокусника с ящиком для змей, лавочника, крикнувшего что-то оскорбительное, молодого брамина, только что посвященного в жреческий сан и несшего в свертке новые одежды, группу грузчиков-рабочих с тележкой, остановившихся возле берега, аскета с доскою в гвоздях, на которых тот занимался истязанием своей плоти.

Толпа, растерявшись и попробовав пробиться с берега, пришла в ярость, когда натолкнулась на верховых сипаев, загородивших дорогу, в свою очередь, со стороны рынка.

— Цокай! — шепнул Стремяков Марсельезцу, предлагая ему фотографировать происходящее.

— Цокаю, цокаю! — ответил тот.

Стремяков, не переставая выглядывать в амбразуру, переставил заряд в натурографе.

На берегу, между тем, перебранка превратилась в сопротивление, и в одном месте какого-то арестованного юношу вдруг начали рвать в одну сторону полицейские, в другую толпа.

Офицер, командовавший полицейской кавалерией, что-то закричал и двинул ее на толпу. Сипаи с мечами рванулись на людей.

Вдруг разъяренный женский возглас заставил остановиться и их, и наэлектризовал массу.

— Саттиаграх! Индуски! Сестры! Что нам смотреть? Пока перерубят? На землю!

Стремяков, наблюдавший, что разыгрывается у него перед глазами, увидел совершенно неожиданную для него картину.

В то время, как мужчины, словно по команде, оказались отодвинутыми вглубь толпы, в наружное кольцо рядов выскочили Кукумини, Лотика и несколько других женщин, которые тут же рухнули на землю прямо перед полицейскими и всадниками.

— Убитые? — подумал испуганно Стремяков.

Но нет, вслед за первой группой индусок последовали другие женщины. Они падали на землю, как рыба на сковороду, быстро в ряд одна возле другой, и через

минуту настоящая радуга их тел загородила все пространство перед солдатами.

— Го-го-го! Хиндустан ки Дже! Банде матрум! Дети родины! Ура! Ура! — раздался восторженный крик по адресу женщин и злорадный хохот по адресу одуроченных солдат.

Сипаи и полицейские растерянно остановились. Никто из них не смел под страхом величайшего позора перед всей страной совершить насилие над женщиной или тем более переступить через нее, когда она лежит. Это запрещалось всеми обычаями и религиозными верованиями населения.

Достаточно выдрессированные английским офицерством, чтобы производить убийство своих братьев, усмирители растерялись, пристыжено переглядываясь и крича друг на друга.

Однако, рисальдар-командир, больше знавший, чего от него хотят английские власти, чем желавший считаться с настроением толпы — только еще больше разгорячился и вышел из себя.

Он скомандовал эскадрону движение назад.

— Банде матрум! Ура! — взвыла снова толпа, думая, что солдаты уходят совсем. Но тотчас же ликование сменилось напряженным вниманием.

Отодвинувшиеся отряды взяли на прицел ружья...

— Разойдитесь! — крикнул чеканно-стройный, сухой, восточно-коричневый рисальдар-командир, взмахивая разгорячено нагайкой. — Разойдись! — еще раз крикнул он...

Никто не двигался.

— Пли!

Залп трепнул коротким оборванным кашлем в воздухе, и... десятки жертв, как подкошенные, рухнули на землю и навалились на женщин, цепляясь за соседей, стоявших возле них, хватаясь за камни.

— Ах! — вырвалось у толпы...

Разомкнулось кольцо толпы, дрогнувшей первым движением бегства.

В это время вокруг прозвучало откуда-то несколько ответных выстрелов по солдатам и двое из них свалились.

Офицер оглянулся и увидел группу дружинников-рабочих, под командой Бенарджи занявших позицию между лавочными палатками и решивших хотя бы напомнить о своем существовании. Толпа, почувствовавшая поддержку, воспрянула духом. Ее взвинтило, она бросилась, в свою очередь, на полицейских, отнимая у ближайших из них оружие и сбивая их с ног.

— Вперед! — скомандовал офицер, поворачивая отряд к проспекту лавчонок и намереваясь уничтожить дружинников.

Вдруг он остановился и весь вытянулся вперед, дернув под уздцы коня. И в ту же секунду обернувшаяся толпа также замерла и застыла на месте.

— Стой! — растерянно крикнул рисальдар отряду.

Сипаи и без того панически замерли на месте.

В полсотне шагов, мимо толпы, прямо на них неся эскадрон красноармейцев на бешено мчавшихся конях в остроконечных шлемах с большевистскими всемирно известными красными звездами. Они на всем скаку сверкали саблями и несли их тяжесть на головы отряда.

— Уй-ле-лем! Банде матрум! Ура! — взвыла, беснуясь и бросаясь на сипаев, толпа.

— Назад! — крикнул рисальдар, повернув коня и заворачивая с солдатами за угол в переулок. — Назад, Красная армия!

Пачка выстрелов грохнула сипаям вдогонку.

За первым отрядом красноармейской конницы показался другой.

Но вдруг эти отряды исчезли так же внезапно, как и появились. Позиции опустели. Блестела только поверхность Ганга. Толпа зрителей стала протирать глаза. Появление красной армии было также картиной неизвестных магов или волшебников, которые одним им известным способом производили чудеса видений, по произволу вызывая перед зрителями то врагов угнетенных, то их защитников.

Толпа поняла это и, потрясенная всем происшедшим, снова стала собираться, пытаясь дать себе отчет в том, чему она была свидетелем. Часть горожан стала хлопотать над жертвами, подхватывая раненых и убитых и быстро унося их.

Большинство, однако, собравшихся не думало успокаиваться. Толпа разбилась на несколько групп. Среди нее появились ораторы, лавки вдруг стали закрываться, и в толпе начали гудеть возгласы:

— Сварадж! Советы! Хартал! Советы!

Марсельезец, не переставший фотографировать движение людей на берегу, взглянул на Стремякова для того, чтобы определить, заметил ли он происшедшую перемену.

Стремяков обрадованно впился глазами в скопления толп и живо встрепнулся.

— Есть! — воскликнул он. — Наши зашевелились. Кукумини и Лотика командуют женщинами. Бенарджи со своими побежал в город. Пришли студенты... Депутат говорит что-то...

— Идем! — воскликнул Марсельезец, — Бенаресский комитет ничего не стоит, если сегодня здесь не выберут советы.

— Выберут! — решил Стремяков, — спрячем пластинки, перезарядим машины, и марш...

Ребята опустились от амбразуры, склонились к сумкам и начали переставлять заряды. Они провозились несколько минут.

Когда они поднялись, какой-то шум, раздавшийся на улице, привлек их внимание.

Стремяков снова вытянулся к амбразуре и, весь побледнев, отшатнулся от нее.

— Погром возле храма! — воскликнул он. — Скорее идем, иначе застукают и нас.

Марсельезец вслед за ним вскинул сумку, оба парня шагнули в коридор и вдруг полуизумленно, полуиспуганно остановились.

Перед ними из тени коридора выросла фигура величавой Кукумини.

Организаторша танцовщиц Кукумини по уговору с руководителями подпольного комитета революционеров вместе со всеми наличными силами организации вышла ко времени демонстрирования картин на рынок к берегу Ганга.

Здесь ее то и дело встречали и приветствовали по-други.

Кукумини в их среде пользовалась особой популярностью. Эта популярность началась с того момента, когда года три назад масса бенаресского населения, подстрекаемая лавочниками, браманами и муллами, возбужденными развалом семейных отношений, начала требовать выселения из города танцовщиц, баядерок и проституток.

Кукумини в это именно время впервые познакомилась с Пройдой, и хотя храмовых танцовщиц, каковой была нач-герл, требование обывателей не касалось, она все-таки под руководством своего случайного, но доверявшего ей русского знакомого-большевика сумела собрать сперва несколько собраний поруганных девушек, а потом организовала их конференцию.

В результате ряда решительных шагов, какие были приняты после этих собраний и конференции, у девушек остался тайный союз, руководившийся постоянно менявшимися членами комитета, но сохранившийся и до сих пор; кроме того, им удалось добиться отведения особой улицы в Бенаресе. Что касается до храмовых танцовщиц, то они сохранили свое положение независимой, а иногда и освященной традициями профессии. Теперь у Кукумини были и чисто революционные знакомства среди коммунистов и горожанок.

Встречаясь на берегу с этими своими знакомыми, Кукумини обменивалась с ними приветствиями и указывала место, где, по ее мнению, следовало ждать ее подругам того, что произойдет.

Когда толпы рынка увидели, как и вчера, надписи, а затем картину, и полились к берегу, Кукумини обособилась с группой подруг в тылу толп на одной из береговых гут¹⁾ и отсюда наблюдала за всем происходящим. К ней примкнула явившаяся также сюда и Лотика, а затем, естественно, присоединилось и около десятка женщин, вышедших зачем-нибудь на рынок.

Вся эта женская группа делилась впечатлениями от того, что она видела на картине, вместе со всей толпой женщин-сообщниц, они то кричали что-нибудь, то замирали.

Так было, пока не появилась полиция и сипаи.

Новот началось нападение. На глазах женщин стали избивать схваченного студента-индуса. Горожанки стали кричать. Вместо того, чтобы прекратить бессмысленное нападение, офицер пустил на толпу кавалерию.

Тогда Кукумини, Лотика и несколько других девушек загикали, отделились от толпы и бросились под лошадей.

Этот отчаянный маневр кончился сперва схваткой с дружинниками Барнеджи, а затем бегством эскадрона.

В толпе после этого появились организаторы и ораторы, как революционеры, так и решившиеся выступить с прямыми действиями против правительства националисты.

Толпа после этого разделилась, и главная ее часть пошла к тюрьме — освобождать заключенных, другая же часть направилась на объявленные в университете, здании суда и театре митинги. Дружина Барнеджи бросилась в здание полицейского управления, объявляя организацию добровольцев для обороны.

На берегу остались только наиболее консервативные лавочники, закрывавшие свои палатки и перетаскивавшие товары, несколько студентов, разговаривавших об аресте их товарища, и подозрительная кучка каких-то людей, собиравшихся возле харчевенки.

1) Гуты — ступенчатый спуск по уклону берега в Бенаресе.

Кукумини пора было уходить, она простилась с подругами и направилась через рынок к храму.

Вдруг группа людей, сговаривавшихся возле харчевенки, увидев, что студенты, кончив разговор, уходят, с гиканьем бросилась им вдогонку.

Раздалось несколько выстрелов, и один из студентов упал.

С харчевенки выскочила находившаяся там толпа полицейских и организованная ими группа громил.

— Ге-ге-ге! — раздалось по улицам рынка гиканье. — Бей гинду! Собак — гау-кхана! Они большевики! Забастовщики, разорители! Бей гинду!

Не разошедшиеся еще подруги Кукумини, увидев нападение, с криком — «Ой, морды!» — бросились врассыпную. Одну из них какой-то лавочник настиг, и женщина свалилась под ударом дубинки.

Толпа бросилась на палатки и начала их громить.

Кукумини, охваченная ужасом, перебежала уличку, по которой двигались громилы и, отчаявшись за свое спасение, притаилась за одной из рыночных будок.

Впереди толпы бежал, руководя, очевидно, ею, свирепый гоаниец-христианин.

Он указал на одну палатку.

И увидев, куда по его указанию бросилась толпа, Кукумини задрожала. Эта палатка была той, где работал всего несколько дней назад в качестве шлифовальщика Пройда. Сейчас там находился товарищ, перенявший ремесло Пройды, вследствие его отъезда.

Парсис был в палатке, его схватили и на глазах Кукумини начали рвать на куски.

Сосед-парсис, попробовав выскочить наружу, что-то отчаянно крикнул в защиту шлифовальщика.

Гоаниец заревел ему:

— Большевик! Бунтовщик! Агент-москвит! Мы знаем это! Уходи, пока жив!..

Толпа, соблазненная жадной наживы, ринулась громить соседнюю лавку ювелира, с которой сорвал дверь здоровый дикий извозчик.

Гоаниец закричал на банду:

— В храм! Там падучая змея нач-герл, которая скрывает большевиков и не дала сипаям разогнать бунт. Идемте, застанем ее в ее гнезде...

Несколько человек нерешительно остановились, рассовывая по карманам захваченные в лавке вещи, остальная банда рвалась в нее.

Гоаниец бросился на крайних, схватывая их и оттаскивая от лавки.

У Кукумини потемнело в глазах, и тысячи мыслей забегали в голове.

Вдруг она вспомнила, что по ее указанию в храме должны были скрываться показывавшие картины помощники Пройды.

Она живо представила себе, что будет с подростками, если их застигнут в пустом храме громилы.

Выглянув из своего убежища на толпу, Кукумини прыгнула сзади будки через улицу и с безумным волнением вбежала в храм.

Она не была уверена, что ее не видели.

Она бросилась к той плите, открывавшей ход в тайник, через которую вошли подростки. И только что она закрыла за собой плиту, как услышала, что толпа бежит к храму.

Тайника громилы не могли знать. Но на него могли напасть случайно.

Кукумини ринулась наверх по лестницам.

Через полминуты она была возле ребят и одновременно услышала гул криков внизу в помещении храма.

— За мной, скорее! — воскликнула она, схватывая за руки Марсельезца.

Услышав внизу буйное гиканье ворвавшихся людей, парни вздрогнули и беспрекословно повиновались девушке.

У Кукумини вспыхнула догадка о том, что бросившаяся спереди в храм толпа не увидит, как они выйдут тем боковым тайником, через который входила к ней Дадабай.

Спустившись с парнями вниз, Кукумини выглянула в амбразуру.

Действительно, здесь громил, морд и полицейских не было. Они штурмовали какую-то дверь в храме.

Кукумини подняла рычаг. Все трое преследуемых очутились вне храма и оглянулись.

— Бежим в университет, там наши, — сказала Кукумини.

Беглецы пересекли широкую улицу и, предоставив погромщикам выть от злости за неудачное нападение, быстро зашагали к тому месту, где должны были быть их товарищи.

Они уже подходили к университету, когда встретили ранее ушедшую с берегу Лотику с одним товарищем.

— А, — обрадовалась Лотика, — мы к вам, Кукумини. Бои должны идти на митинг показывать картины. Теперь митинги не кончатся, пока весь город не уверится, что больше в Индии не осталось ни одного английского чиновника. Но откуда вы бежали, что обезумели и задыхаетесь?

— У нас погром. Громят рынок. Напали на храм. Где Барнеджи или кто-нибудь из дружины?

— В университете есть дружинники. Скорее идемте, и они побегут туда...

Товарищи вошли в заполненное студентами, рабочими и жадно слушавшими оратора горожанами здание.

Кукумини, увидев одного из дружинников, сообщила ему о погроме. Тот бросился к товарищам.

Стремякова и Марсельезца, как только Лотика сказала организаторам митинга, что эти люди с машинами для картин, несколько человек подхватили и повели к трибуне, и ребята, не чувствуя под собой ног от того, что их уже начали признавать, переглядываясь и ликуя, стали извлекать из сумок свои аппараты.

Кукумини рассталась с ними и остановилась.

«А что же теперь делать?» — подумала она, соображая, что она лишилась приюта в храме и не знает, что с ней будет. Она примостилась было на одном из под-

оконников, чтобы посмотреть, что происходит, и обдумать свое положение.

Она недолго осматривалась. К ней подошла одна товарка по профессии и подала подруге письмо.

— Сегодня привезла из Бомбея это одна наша сестра от Дадабай Певучей. Заклинала сейчас же передать тебе, пока письмо не попало джасусам. Какое-то несчастье случилось с нашими братьями там, где Дадабай.

Кукумини молча открыла письмо и, прочитав несколько строк, как в столбняке, застыла.

Дадабай в письме сообщала:

«Дорогая сестра Кукумини! Вот уже два дня, как исчез неизвестно куда наш друг, русский большевик. Он, вероятно, схвачен, если не предполагать, что он скрылся, опасаясь прибывших сюда из-за моря сагибов дьявольской логи. Они понаехали с бесстыдной изменницей нашему делу Эча Биби, которая, вероятно, все им рассказала, уже сговорились со сбродом Санджиба и собираются что-то делать. Если ты будешь медлить и не скроешься куда-нибудь, то они и с тобой что-нибудь сделают. Я, товарищ Вагонетка, Сан-Ху, Бихари и Партаб-Синг не знаем, что делать. Комитет тут больше, чем в Бенаресе, но товарищам некогда обратить на нас внимание, потому что они захватывают фабрики и начали выбирать советы. Сюда прибыли военные корабли инглизменов, и все боятся, что они будут расстреливать Бомбей. Мы не знаем, что делать, и только ходим под охраной рабочих с митинга на митинг, показываем картины. Пожалуйста, сестра Кукумини, если ты еще жива и никто не трогал тебя, придумайте хоть вы с тем товарищем, который умеет делать так, чтобы трубы рассказывали народу правду о его жизни, что нам теперь делать. Будь счастлива, сестра, не попадайся проклятым мордам и скажи, что нам делать».

Кукумини горестно взмахнула руками и минуту беспомощно держала письмо в руке.

Потом она еще раз перечитала его, поддаваясь какому то решению, и наконец обернулась к подруге, сунув письмо в складки сари¹⁾.

1) Сари — женское одеяние, род накидки или плаща.

— Сестра Зора, спасибо тебе, что ты не опоздала передать письмо. Но попрошу еще об одном. Сходим к тебе, я у тебя переоденусь, а ты сходишь к сестре Лотике. Ей скажешь, что я уеду, и передай, чтобы она поддерживала дух в нашем союзе и делала все, что должна делать я. Пусть наши сестры ничего не боятся и помогают по-прежнему нашим братьям во всем, что нужно для окончания борьбы за освобождение народа. Пусть идут и в советы, и на собрания, и против солдат, и, как прежде, везде первыми выступают против угнетения. Я же скрываться не думаю, а только мне немедленно надо поехать, чтобы не допустить какого-нибудь несчастья там, где находится Дадабай. Нашим друзьям угрожают большие опасности...

— Но какие же опасности, сестра Кукумини, уже инглизмены разбегаются, куда только могут! В Каунпуре рабочие-судра освободили заключенных братьев, а в Амиратсаре большевики стали командовать солдатами и бьют солдат фаренги.

— О, сестра Зора, потрясены явные наши враги, а тайных мы еще и не знаем, где они. Я сейчас переоденусь и уйду, как будто я молилась в храме, а ты, сестра, пойдешь и скажешь обо всем подругам...

Зора, черная молоденькая девушка в серебряном поясе, печально посмотрела на Кукумини и опустила голову.

— Без тебя, как голубки без матери, останутся начгерл. Ты пандити, сестра! — сказала танцовщица. — Мы хотели тебя выбрать, чтобы ты говорила за нас в Совете...

Кукумини обняла на мгновение подругу.

— Зора! Выберите Лотику! Я разве с вами расстанусь? Я с вами никогда не расстанусь, хотя и за морем даже буду. Ты разве это не знаешь, Зора? Я возвращусь совсем скоро, а в это время мы уже будем свободны. И тогда мы отпразднуем нашу свободу. Перед всеми нашими братьями мы соберемся, выйдем на площадь перед ними и оттанцуем им все, что у нас есть на сердце, пусть смотрят, как мы радуемся народному счастью. И я, Зора, вместе с тобой и Дадабай певучей буду танцевать. А ты говоришь, как голубки без матери!

Девушки пришли в квартиру Зоры. Кукумини попросила подругу дать ей на время свое платье.

Кукумини оделась в доти и бурка¹⁾ женщины-магометанки, и через четверть часа была в большом магометанском дворе одной из главных улиц города.

Здесь помещалась конспиративная мастерская Таскаева, который под видом фотографа-парсиса и инженера кинематографии, с двумя помощниками-индусами заготавливал аппараты и размножал пластинки картин, ведя для видимости образ жизни независимого бенаресского интеллигента.

Кукумини застала Таскаева в приемной вместе с сотрудником какого-то английского журнала, который приобретал у фотографа виды венчальных, похоронных и тому подобных процессий.

Кукумини, увидев чужого человека и не обнаруживая своего знакомства с фотографом, сказала, что она желает сняться.

Таскаев позвонил и явившемуся помощнику-индусу отдал распоряжение провести посетительницу в павильон и приготовить для съемки аппарат.

Индус вышколено поклонился и движением руки пригласил Кукумини войти в открытую им дверь.

Она очутилась в большом павильоне фотографии с застекленными с трех сторон стенами.

Здесь индус, интеллигентный молодой человек, остановился и вопросительно поднял на девушку глаза. Он не мог узнать в бурка Кукумини, сообщницу по организации.

Кукумини излишне было ему открываться, хотя индус, местный горожанин, и был испытанным членом организации. Она сказала только.

— Я к Варис Бабу по делу...

— А... Тогда, пожалуйста, сюда...

И индус ввел танцовщицу в следующую маленькую комнату, которая была, очевидно, чем-то вроде кабинета Таскаева.

1) Доти — одеяние вроде юбки. Бурка — белый плащ, закрывающий женщину с головой так, что остается только отверстие для глаз.

Комната носила полу-европейский, полу-восточный характер. В ней был письменный стол, два стула, кресло и диван, но на полу находились и ковры.

Кукумини села к стене на ковер.

Через несколько минут вошел Варис Бабу — Таскаев.

Кукумини сбросила с головы бурка, и Таскаев, немедленно узнав девушку, подал ей руки, приподнял ее и указал на стул.

— Сюда никого не впускают, сестра Кукумини! Не закрывайтесь, и будьте, как дома.

Кукумини села, и Таскаев увидел, что сухие глаза девушки горят лихорадкой смертельной тревоги.

Девушка сжала руки и, подав Таскаеву письмо, поникла головой.

Пролетарий-изобретатель прочел письмо и изумленно возвратил его девушке.

— Да... вот что! Куда он мог деваться? — И карие глаза маленького техника ушли на несколько мгновений глубоко внутрь.

Это не помешало ему, хотя он, очевидно, совершенно не думал о том, о чем говорил, обратиться одновременно к Кукумини с тихим бесстрастным замечанием:

— Письмо сожгите...

Он задумчиво обхватил, сидя на стуле, собственное колено руками и в такт своим мыслям несколько раз притопнул другой ногой.

Кукумини ждала, что он скажет. Но ее успокаивало уже то, что закадычный друг Пройды ни на минуту не выразил опасения за судьбу товарища, как будто Пройда не мог быть кем-нибудь убит или схвачен и брошен в тюрьму.

Тем временем глаза уверенного в себе техника стали шире, зрачки из неведомой глубины молниеносно, как фонари, влетевшего в вокзал поезда, приблизились к Кукумини, и девушка увидела, что какая-то мысль пришла ему в голову.

Таскаев поднялся со стула и шагнул к девушке.

— Вы еще письма не сожгли? Вот хорошо! Дайте его мне на секундочку еще...

Кукумини не переставала держать письмо в руках. Она живо дала его товарищу.

Таскаев прочел в нем несколько строчек, задумчиво кивая сам себе головой, в том месте, где говорилось о военных судах и, возвращая письмо, снова повторил:

— Сожгите его... А вас, сестра Кукумини, я могу успокоить. Я не знаю, верна ли моя догадка, поэтому излагать ее не хочу, но я не сомневаюсь, что Пройда жив, от Бомбея едва ли он куда-нибудь далеко скрылся, что-нибудь он делает такое, что свалится всем, как снег на голову... Большевики — народ не таковский, чтобы чего-нибудь не наделать, даже если их из за угла кто-нибудь захочет садануть ножом...

Кукумини с оживленными, как и у Таскаева, глазами следила за возбуждавшимся техником.

— Но, если он еще жив, то его могут все одно убить! — возразила девушка.

— А, это дело другого рода! Убить могут каждую минуту. Если в самом деле приехала эта фашистская компания, которая охотилась уже за ним в Москве, то, значит, они чувят, где Пройда, и собираются если не съесть его живьем, то, по крайней мере, продырявить десятком пуль голову...

— Вот что, брат, делающий картины, — поднялась решительно Кукумини, — у вас есть, чем драться с мордами и полицией?

— Оружие? — спросил Таскаев. — Мы с самого начала имеем целый запас бомб и маузеров, чтобы при надобности отбиться от роты сипаев.

— Я еду в Бомбей. Может быть, Пройду еще можно выручить или спасти. Я буду его искать. Я все шайки морд уничтожу, но его найду. Дайте мне револьвер и денег немного... Я не могла пойти домой, потому что в храме Шивы меня искали погромщики, хотели убить. Дайте мне револьвер и скажите, как разыскать в Бомбее Бихари — моего брата, Дадабай и Комитет. Вы это знаете...

Таскаев с живым сочувствием к девушке, думавший о том, что может сделать Пройда и что происходит вообще в Бомбее, повернулся к стене комнаты, расписанной красочным орнаментом восточных рисунков и,

сделав несколько движений по этим рисункам, заставил открыться в стене большое углубление.

Он достал отсюда маузер.

Девушка довольным взглядом окинула оружие, образец которого она видала уже у Барнеджи и оглянувшись, ища, во что его завернуть.

Таскаев снял с вешалки в углу комнаты джутовую сумку и дал ее танцовщице. Затем он достал из письменного стола деньги, рассказал, как найти Бихари, и дал явку в бомбейский Комитет.

Кукумини взяла сумку и благодарно посмотрела на техника.

Таскаев с сочувственной улыбкой оглядел девушку и ободряюще предупредил:

— Большевички у нас тоже так делали. Вы героиня Индии, но смотрите, не попадитесь инглизменам...

Кукумини крепко пожала ему руку.

— Если я хоть что-нибудь сделаю, то пусть шпионы хватают меня. Но я прежде увижу всех товарищей и найду Пройду.

У нее от волнения показались на глазах слезы, и она быстро вышла.

Неслучайная встреча

За два дня перед тем, как Дадабай написала своей подруге письмо в Бенарес, к бомбейской пристани, почти одновременно, прибыло несколько пароходов. Большой товаро-пассажирский «Улем» отправился двенадцать дней тому назад из Константинополя и вошел в гавань позже всех других.

Только что остановился он у причального пункта восточно-транспортной компании «Бенгалика», и на него набросились, обступая пассажиров, носильщики, агенты гостиниц и продавцы туземных изделий, как возле его борта очутилось двое искавших друг друга мужчин.

Один из них, европейски одетый купец-индус, сошел с парохода, другой, явившийся его встретить парсис, был, очевидно, доверенным лицом индуса.

Он сделал распоряжения носильщикам, передав им квитанцию на багаж, ответил на несколько вопросов своего патрона и только что сделал жест, намереваясь нанять экипаж для отправления в город, как другая группа двух же мужчин — путешествующих англичан остановилась возле него и купца и обрадованно начала приветствовать туземных коммерсантов, как своих хороших знакомых.

Индусы-торговцы изменили свое намерение. Они отложили наем коляски, парсис пробежал к носильщикам, чтобы несколько видоизменить свои распоряжения вместо этого; когда он возвратился, все четверо мужчин прошли по берегу, по направлению к военной гавани, здесь взяли моторную лодку какого-то военного судна с двумя механиками и направились вдоль берега для прогулки.

Встретившиеся знакомые представляли собою: одна пара только что прибывших под видом купцов через Константинополь из Москвы — Тарканатру и встретившего его Пройду, другая — Граудина и Малабута. В моторной лодке находились брат убитого фашистами шофера, телеграфист-морьяк Джон Хейтон и его товарищ, наводчик-матрос Роберт Шотман.

Все встретившиеся товарищи довольно оглядели друг друга.

Отъехав несколько от города, механик остановил мотор, и тотчас вся группа собралась в центре лодки на сиденьях.

— Ну, — возгласил Пройда, узнавший со слов Граудина о том, что моряки связаны с большевиками общей целью и имеют сообщения к товарищам, — я товарища Тарканатру вызвал, потому что пора партии готовиться к переходу на легальное положение... Индия рвет пути империализма. Коммунистам надо стать во главе восстания.

— Я с Малабутом, — сообщил в свою очередь Граудин, — заехал сюда для того, чтобы предупредить Пройду и через него руководителей движения на Востоке, о готовящемся выступлении фашистов в Европе... В Индии революция — само собой, но Европа тоже накануне генеральных боев. Фашисты готовят

войну, рабочим ничего не останется больше делать, как только покончить с буржуазией...

Джон Хейтон указал взглядом на Роберта:

— Мы с товарищем Робертом очень рады, что мы получили возможность говорить сразу же перед штабом осведомленных и активных революционеров. Мы с Робертом представляем группу нелегальной организации матросов английской эскадры. Как только нам стало известно, что флагманский корабль нашей эскадры получил распоряжения принять участие в подавлении индусской революции, мы провели на трех крейсерах собрания организованных матросов и решили стрельбы по Бомбею и Калькутте не допускать... Наши группы есть на всех крейсерах, мы ведем и дальнейшую агитацию. Потихоньку из материалов на крейсерах мы заготавливаем бомбы, которые можем передать индусам. Но мы хотели бы, чтобы вы нам помогли сагитировать матросскую массу. У вас есть теперь чудесное средство агитации — натурографы. Если бы кто-нибудь из вас присоединился к нам, чтобы помочь организовать матросов, мы могли бы таких товарищей сейчас же взять с собою, спрятать на крейсерах их, и в течение нескольких дней возмутили бы всех моряков...

Тарканатра, для которого настроение английских матросов явилось неожиданностью, с волнением выслушал телеграфиста и затем возбужденно взглянул на Граудина.

— Конечно, нужно немедленно же кому-нибудь из нас решиться ехать... Ведь отказ матросов принять участие в подавлении Индии гарантирует победу революции... Это бомба! Это такая неожиданная поддержка, из-за которой пошатнется империализм во всем мире!

— Ну, что же, — заметил Граудин, — если дело обстоит так, значит, кому-нибудь надо остаться...

Тарканатра схватился руками за голову:

— Но такая же необходимость непосредственного присутствия кого-нибудь из нас заставляет нас подумывать об Амиратсаре... Я собирался ехать именно туда, потому что там рабочие, не дожидаясь революции,

приступили уже к выборам советов. Туда намеревается выехать вице-король, но я уже заранее получил просьбу приехать туда, помочь достать организации оружие и разрешить комитету произвести арест вице-короля, когда он приедет... Что нам сделать, чтобы везде управиться?..

Пройда, который не пропустил ни одного слова из каждой реплики и обдумывал положение, наконец, остановился на единственном выходе.

— Если революция, то, значит, революция, и успевать надо везде... Товарищ Тарканатра не может ни остаться для организации матросов, ни поехать в Амиратсар... Бенаресский и Бомбейский комитеты партии недавно приняли решение о срочном созыве партийной конференции, и она на этих днях откроется. Товарищ Тарканатра здесь необходим с его авторитетом. С другой стороны, и товарищ Граудин обязан кончить то, что он начал; доставить в Европу спасенного им француза и материалы, разоблачить фашистов, освещать обо всем коммунистов в Европе и Америке. Значит, могут законспирироваться среди английских товарищей только я и Малабут. Но нам при этом нельзя пропустить случая лишить удовольствия вице-короля совершить административное турне. Его арест вызовет возбуждение не меньше, чем переход на сторону революции английских моряков... Я и предлагаю: Граудин едет в Европу; Тарканатра нелегально пока остается в Бомбее, проводит конференцию и вообще смотрит в оба за происходящими событиями. Я и Малабут принимаем предложение товарищей-моряков. Нам Тарканатра присылает натурографы с пластинками, Граудин оставляет те снимки, какие есть у него. Я буду с матросами находиться вплоть до момента, когда потребуется их выступление. Что же касается Малабута, то он долго среди них задерживаться не должен, он свяжет их с каким-нибудь надежным товарищем, получит от них побольше бомб и оружия, транспортирует все это в Амиратсар и собственноручно повесит замок на тот вагон, в который посадят рабочие вице-короля.

— Правильно! — воскликнул Тарканатра.

— Правильно! — подтвердил Граудин.

— Согласен! — сказал, улыбаясь, Малабут.

На этом решении совещание и остановилось. Тарканатра и Граудин были доставлены вскоре на берег. Пройда же и Малабут встретились на моторе с одной шлюпкой, откуда подготовленные к приему гостей военные моряки передали для двух человек матросскую военную одежду, средства гримировки, и после этого Пройда исчез, успев после своего появления в Бомбее только установить связь с туземной организацией рабочих-коммунистов, и поручив им и своим помощникам слежку за Пит Графом и дружиной морд, которые получили в двух вагонах ящики пулеметов и теперь заговорщически суеились, разыскивая в городе место для установки засад и занимая на крышах позиции.

Для неотступного выслеживания каждого шага фашистов по указанию Бихари и Партаб-Синга, проникших под видом службы в самый штаб организации богача Санджиба, было назначено несколько рабочих-коммунистов: Дадабай с натурографом и получивший для этой цели полное снаряжение уличного водовоза ее отец Банким, душой и телом отдавшийся революционерам после того, как к нему пришел и поговорил с ним сидевший уже однажды в тюрьме чертежник железнодорожных мастерских Ниду Бабу.

Что касается до Вагонетки, то инициативный и деятельный парень нашел устроившегося в Бомбее Чекарева и занялся с ним агитацией, путешествуя по устраивающимся организацией для этого сходкам.

В этом занятии Вагонетка столкнулся с такой сознательностью и подготовкой рабочих к революции, какой от туземцев не ожидал не он один только.

У него в промежутке между сходками оказалось несколько свободных дней.

Наслушавшись от Банкима о непрекращающемся хартале индусов в деревне Бусуа-Матрум, Вагонетка предупредил Ниду Бабу о том, что хочет проникнуть туда, и с Ерккой двинулся в глубь провинции.

Ниду Бабу согласился на разведку ребят, и в свою очередь решил на другой день выехать туда на тонге с одним товарищем для того, чтобы узнать о твердости духа бойкотировавших англичан-общинников.

Пробравшись по грунтовым дорогам и переночевав в лесу возле одной деревушки, ребята оказались возле Бусуа.

Это был поселок индусской общины, состоявший из обнищавших земледельцев и большого количества разоряющихся ремесленников, связанных семейными отношениями со странствующими монахами и браминами.

Поселок отличался бедностью, но это не мешало населявшим его индусам держаться с такой сектантской замкнутостью и гордой независимостью, которая у всякого должна была отбивать охоту к каким бы то ни было расспросам и легкомыслию по отношению к общине.

Действительно, это была сектантская община одного из древнебраминистских толкований, воспитанная в независимости шовинистическими жрецами и националистическими монахами.

Но в эту деревню проникла и переплелась с сектантским умозрением новизна революционных отношений, которая не допускала чьего бы то ни было вмешательства в жизнь деревни, как будто деревня на тысячелетия хотела отгородиться от всего мира.

Когда Вагонетка и Чекарев очутились возле этого селения, они только теперь подумали, не слишком ли опрометчиво поступили они, решившись проникнуть в деревню и устроить здесь свой агитационный сеанс. Но отступить было поздно.

И вот, двое подозрительных парсистких боев-подростков в ланготти и отрепьях вошли в улицу деревни.

Сразу же они наткнулись на колодец возле древнего языческого храма.

Несколько женщин с кувшинами, болтавших возле колодца, удивленно смолкли, оглянув ребят, и взглядами проводили их за угол.

Вагонетка и Чекарев почувствовали, что они вызывают подозрение, и с падающим настроением прошли еще несколько шагов.

Они подошли к деревенской кузне. В деревянном сарае, сидя на земле перед горном и наковальней, работали кузнец и мальчишка.

Очутившись перед дверями кузни и увидев, что кузнец в грязном тюрбане и фартуке остановился на них подозрительным взглядом, Вагонетка решил попытаться исправить положение...

— Господин! Скажите, как нам идти в город.

Индус ничего не ответил, пренебрежительно махнул рукой влево, и ребята зашагали дальше.

Но они не заметили, что, как только они завернули снова за угол, за ними последовал, перелезая стены и перебегая дворы подручный кузнеца, волосатый и хитрый, как бесенок, мальчуган.

Ребята решили по другой улице возвратиться, направились к храму и здесь под одной из стен расположились, чтобы посоветоваться о дальнейшем.

Не спускавший с них глаз арапчонок приспособился за стеной во дворе этой же улицы. С вышедшим из дома индусом-судрой, в этом доме занимавшемся с семьей обработкой джута, он о чем-то пошептался.

Семья судры вышла и стала следить за ребятами.

Между тем Вагонетка и Чекарев, подавленные общей подозрительностью к ним, заспорили о том, что им дальше предпринять, и, разгорячившись, заговорили сперва по-английски, а потом и по-русски.

Они не заметили и того, как с окна капища производившая уборку индуска испуганно взглянула на них, выскочила из храма и, посмотрев на ребят, побежала во двор, откуда уже за ребятами следили две семьи судра.

— Бои-фаренги! — воскликнула женщина... Они говорят на языке сагибов. Их прислали джасусы!

К судра с ближайших домов повыскакивали соседи, кто-то позвал брамина, и вот поднявшиеся снова идти Вагонетка и Чекарев оказались вдруг окруженными толпой.

— Кто вы? — обратился к ребятам брамин по-тамильски.

Ребята отчаянно замотали головой, делая вид, что они не понимают жреца.

Толпа, не спускавшая с заморских бродяг глаз, раздраженно заговорила.

Двое индусов стали рассматривать выхваченные у них из рук аппараты.

— Не понимаете? — переспросил брамин. — Кто вы? — повторил он вопрос на индустани.

— Мы... мы с остров!.. — сделал Вагонетка вид, что он некоторые слова знает: — Наш папаша жемчуг ловил, в вода тонул. В Пуна наш родня... Мы хотим город Пуна...

Толпа заговорила еще громче и раздраженной.

— Подосланные! Подосланные! Кто их пустит с острова? Подослали фаренги!

— Да кто они? — спрашивали подбегавшие.

— Фаренги! Говорят, как сагибы, а делают вид, что не понимают.

— Переводчика надо...

Брамин оглянулся на толпу. Старшина общины, внимательно разглядывавший ребят, подошел и шепнул ему что-то.

Оба они внимательно оглядели Чекарева, брамин ощупал его сквозь отрепья рубашки, а старшина вдруг снял с головы белый тюрбан, поплевал на него и начал бешено тереть расплеванным местом ткани шею пионера.

Затем он оторвался и торжествующе указал на ткань толпе.

Она сделалась грязной от перешедшей на нее с шеи пионера краски...

— Подосланные! — вспыхнула толпа, затопав ногами и порываясь к мальчуганам.

Брамин и старшина остановили ее движением руки и повелительным взглядом.

— Выродки белых сагибов вас послали сюда для того, чтобы вы привели к нам из города солдат? Кто вы? — еще раз попытался спросить брамин. Старшина, увидев, что трепещущие ребята молчат, кивнул двум индусам-парням, и те, схватив под руки странствующих гастролеров, скомандовали:

— Айда!

Сопровождаемая толпой процессия двинулась в общинную избу старшины.

Ребят ввели в темную арестантскую конуру во дворе, заперли их здесь, и один парень остался их сторожить.

Толпа частью разошлась, частью осталась гудеть возле избы.

Брамин-жрец, овладев натурографами и пытаясь разгадать, что скрывается в картонных трубах, вызвал двух каких-то нищих-фанатиков, главаря националистического движения — земиндара, проживавшего возле деревни в имении, и общественного почтальона, знавшего английский язык в качестве переводчика. В Пуну поехал гонец за другим таинственным брамином тамошней, очевидно, более авторитетной общины.

Часа два готовились в избе эти сборы.

А тем временем ребята, брошенные в потемках, трепетали за свою судьбу.

Они ни понимали, какие подозрения возникли у фанатических жителей деревни. Но за кого бы их не принимали, улики их европейского происхождения были слишком несомненны, и весь вопрос заключался только в том, когда именно с ними покончат. Сделает же это городская полиция путем какой-нибудь расправы или прикончат их брамины прямо в деревне, это уже было не такую подробностью, которая могла внести в головы ребят успокоение.

Когда ребят втолкнули в темный сарай с земляным полом, и дверь закрылась, они полминуты растерянно дышали в потемках, сдерживая себя, чтобы не дать вырваться наружу внезапному горю, а затем стали тихо друг друга нащупывать.

— Ва!.. — чуть слышно позвал Чекарев.

— Ш-ш! — предостерег Вагонетка.

И, лапая возле себя руками, пионеры нашли друг друга.

— Они слышали, как мы говорили по-русски! — прошептал Вагонетка.

— Это ты осатанел и начал по-русски ругаться!.. — упрекнул Чекарев.

— Нет, по-русски это начал ты, а я ругался по-английски, — возразил Вагонетка.

— Не все одно! Ты и сейчас готов выпалить что-нибудь... Старше меня, а злишься, как на чужого...

Вагонетка крикнул. У него к глазам подступали слезы.

— Ну, Егор, давай не расстраивать один другого. Попались оба. За то, что я старше, со мной, может быть, скорей разделаются. Тебя еще могут закабалить куда-нибудь в дом к малолеткам. Если ты останешься живой, да придется опять увидеть товарищей, передай им, что я прошу простить за то, что не сумел поступить по-коммунистически...

Чекарев прижался к товарищу.

— Вагонеточка, товарищ, нас не убьют! Мы убежим как-нибудь! Давай только посмотрим, что они с нами хотят сделать... Давай сядем здесь и обнимемся!

Ребята опустили на землю и переплелись руками, сдерживая от волнения дыхание.

Они вздрагивали.

Между тем, в избе старшины собралось несколько индусов. Среди них был общинный почтальон-переводчик, который, не дождавшись, пока над боями начнется суд браминов, уже сбегал к сараю, чтобы посмотреть на пленников.

Это был подражавший своей одеждой европейцам дравид с малабарского берега, поддерживавший сношения с городом.

Он, узнав о происшествии, не только согласился быть переводчиком, но проявил и самостоятельный большой интерес к ребятам, расспрашивая всех о том, откуда они явились, что у них за трубы, как они объясняют свое появление.

Наконец, все были в сборе, и оставалось только приступить к допросу схваченных.

В это время в деревню прибыл и, узнав о случившемся, заспешил в общинную избу Ниду Бабу.

Чертежник-индус уже имел сношения с главарями деревни, посредничая в оказании деревенским бойкотистам помощи от рабочих.

Теперь, когда ему сказали, что схвачено двое подростков, революционер-гуземец, заподозрив неладное, немедленно же очутился в избе.

Здесь он застал всех, кто ему был нужен.

Старшина все еще продолжал держать в руках аппарат натурографа и то беспомощно ворочал его, то передавал браминам, делая с ними безуспешные до-

гадки о его загадочном назначении. Другая труба также ходила по рукам.

Ниду Бабу остановился возле старшины и брамина и живо стал расспрашивать их о случившемся.

Переводчик ткнулся было к беседовавшим, чтобы ввязаться в разговор. Ниду Бабу выразительно кивнул на него головой собеседникам браминам и старшине.

— Это же джасус! — предупредил он шепотом.

— О! — удивились брамины.

И один индус взял дравида за руку.

— Пойдем, брат, отсюда! Мы тебя позовем, когда надо будет.

Дравид хотел навязаться с просьбой оставить его, но индус колючим взглядом остановил его, и почтальон решил ретироваться.

Увидев натурографы, Ниду Бабу покачал головой и объяснил:

— Введите сюда боев, вы увидите, что это такое!

Он шепнул браминам:

— Вы губите боев, которых посылали мы к вам... Это большевики-бои! Они наши!.. Саибы за каждого из них по мешку рупий отдали бы, только чтобы изловить их.

Индусы и старшина с испуганным изумлением обступили Ниду, слушая его сообщения о боях с чудесными машинами, обличающими деяния саибов, а затем поспешили привести ребят.

Вызванные в избу, трепещущие Вагонетка и Чекарев остановились перед индусами и вдруг увидели Ниду Бабу.

Чертежник ободряюще кивнул ребятам головой и коротко сказал:

— Вас будут спрашивать, — говорите только правду. Эти люди вам зла не сделают.

Индусы и старшина сели на пол.

Ниду отдал ребятам аппараты.

— Покажите чудо-картину! Покажите, баранчуки! — обратился к ним старшина. — Так вы, значит, не от саибов пришли? Эх вы, русские бои!

У Вагонетки от радости закружилась голова, он взглянул на Ниду и, увидев подтверждающий кивок революционера, быстро заправил аппарат.

Затем он щелкнул его затворами.

В ту же секунду одна стена избы пропала, и на ней задвигались картины майенвильских событий.

— Собаки-саибы! Убийцы! — повскакивали индусы с пола, бросаясь с выхваченными кинжалами к картине и думая, что это видение настоящей действительности.

Но увидев, что первое явление картины сменилось новым, и убедившись в обманчивости видения, они успокоились и, не спуская глаз, стали ожидать развязки происходивших на их глазах сцен усмирения.

Когда демонстрация картины была окончена, старшина и индусы обступили ребят, радостно хлопая их по плечам и растроганно убеждая:

— Большевики, а молчали? Маленькие, а большевики? Саибам хотите капута? Э, бои! Э, фаренки! Теперь мы позовем всю деревню наших братьев. Покажите всем картину. Еще есть?..

Ниду Бабу стал совещаться со стариками. Сразу же о перемене в судьбе боев стало известно всей деревне, и жители потянулись в общинную избу.

Но теперь, обступая ребят и толкаясь возле них, ремесленники и райоты на них смотрели с уважением и проявляли все признаки раскаяния за свое подозрение к ним. Узнав, что бои — большевики, женщины прибежали в избу с лепешками и бобами. Кто-то притащил ласси — воды с молоком.

— Бои-большевики — наши! Бедный народ боев обижать никому не даст! Оставайтесь у нас, мы по очереди будем принимать и кормить баранчуков с картинками!

Вагонетка и Чекарев, осаждаемые любовным ухаживанием, оказались среди свертков с пищей и горшков с напитками. Арапчонок из кузни присоседился к ним и жадно рассматривал их, лопоча восклицания радости.

Ребята отзывались на вопросы, жевали хлеб, переглядывались и обмахивали с глаз слезы радости, благодаря Ниду за свое спасение. После сарая на такой прием они не рассчитывали.

Община задала ребятам работы на два дня, в течение которых они переставали показывать картины

только сваливаясь окончательно с ног, и когда нужно было пойти в какую-нибудь избу поесть.

На третий день, напутствуемые селением, они с Ниду уселись на тонгу, отправляясь в город.

Дравид-переводчик долго смотрел им вслед, когда они выезжали, а после того, как коляска скрылась, он взял у райота-мельника лошадь и куда-то также по-скакал. Он ехал в штаб дружинников Санджиба в Бомбее.

Враг разоблачен

Приезд Кукумини совпал с началом всеобщего возбуждения в народе.

Это возбуждение вызвали два обстоятельства. Во-первых, стало известно, что в Амиратсаре организованным советом рабочих и солдат арестован вице-король; во-вторых, несколько депутатов сделали национальному собранию заявление о том, что фашистская организация Санджиба подготавливает кровавую расправу над рабочими, вооружив свои банды, и произведла по городу расстановку пулеметов.

Тотчас же, не решавшееся до сих пор на революционные меры национальное собрание выделило специальную комиссию, которой поручило расследовать правильность заявления и, если оно подтвердится, объявить военное положение, и применением диктаторских мер обеспечить оборону населения и защиту революционного порядка.

Кукумини нашла Бихари в конторе складов транспортно-страхового общества Санджиба, где ее брат устроился в качестве кладовщика и приемщика грузов.

Бихари был взвинчен от возбуждения. Чога распахнута, а за поясом кафтана маузер и бомба.

Профессионал-заговорщик собирался идти в национальное собрание, когда в контору вошла девушка.

— Кукумини-диди! — воскликнул молодой человек, делая шаг от столика и приветственно падая перед девушкой на колени.

Кукумини подняла и обняла брата.

— Ты хочешь, сестра, отдохнуть, поесть или пови-
дать кого-нибудь? Тогда пойдем, у меня квартира
есть... Здесь я служу, а живу в другом месте.

— Ничего я не хочу, брат Бихари... Я приехала узнать о Пройде, русском большевике...

— А от кого ты хочешь это узнать?.. Наши все будут в национальном собрании...

— Пойдем в национальное собрание... Там что происходит сейчас?

— О, там сейчас взялись за ум, в конце концов, и решили действовать. Арабенда назначен в комиссию обороны. Вызвали Санджиба для допроса. Сделано секретное заявление, что морды установили в городе пулеметы. Партаб-Синг и Банким, отец Дадабай, будут давать показания. Партаб-Синг у Санджиба был телохранителем и все знает, а Банким по поручению комитета выслеживал под видом водовоза, как морды втаскивали ящики в дома и храмы, устанавливали их на чердаки. Дадабай привлекла отца на нашу сторону... Славный был у нее товарищ-бой, но убили его сегодня...

— Убили Вагонетку! Кто? — испуганно остановилась Кукумини.

— Морды, наверно. Он вечером был на митинге, неизвестно куда ушел, а утром сегодня нашли на улице. Перед своим концом морды показывают себя.

— Кто у них здесь распоряжается всем?

— Неизвестно. Думали, что Санджиб, но Санджиб так перетрусил, когда сюда прибыло национальное собрание, что объявил пост и только в храм и показывался. А его дружинами кто-то собирается действовать. И вот начали...

Кукумини, молча, углубилась в собственные мысли. Она думала о судьбе Пройды, о том, какие события могут еще произойти, если морд немедленно не разгромят.

Бихари продолжал сестру информировать:

— Сейчас комиссия следствие снимет и морд разгромит, если не будут английские крейсера и не станут громить город из пушек. А если с кораблей начнут стрелять, то национальное собрание уедет в Амиратсар... Не знаю, что тогда будет. Но я с двумя товарищами поеду в Бенарес. Там командует мордами один авара¹⁾-гоаниец с острова. Он напал на нас в храме, ко-

1) «Авара» — босяк.

гда я скрывался с товарищами у тебя, и если бы не китай-большевик зарезал бы и меня... Я хочу с ним расчитаться.

— А он какой? — вдруг спросила девушка, — большой, с бородой, злые глаза и лоб в морщинах?

— Да, христианин большой и злой, как бешеная собака. Где ты его видела?

Кукумини вспомнился главарь погромщиков, напавших на шлифовальщика и увлекавший банду к розыску ее убежища.

Она рассказала брату о том, что произошло в Бенаресе.

Бихари сжал кулаки и поднятой для клятвенного обещания самому себе рукой погрозил далекому врагу.

Молодые люди пришли в национальное собрание, к которому, как и они, спешили группы возбужденных тревожными слухами граждан.

Перед самым зданием суда они увидели толпу рабочих, массу разнообразного городского населения, слона Санджиба с башенкой на спине, несколько тонг, колясок и пару автомобилей.

Сходившая по лестнице Дадабай увидела Кукумини и с радостным восклицаньем бросилась к подруге.

— Кукумини-сестра, приехала! Идем скорей наверх, тут Первин и Петряк. Там увидишь Тарканатра из Москвы и Арабенду, начальника революционного ополчения. Скорей!

Действительно, Петряк и Первин явились из своих странствований по Индо-Китаю в Бомбей.

Но явились не только они.

Около часа назад сошел с парохода, повидался с Санджибом и явился в здание национального собрания Бурсон.

Он был с Пит Графом. Оба сподвижника немедленно уединились с четырьмя индусами, из которых два были реакционными депутатами национального собрания и два других — организаторами фашистских союзов.

Бурсон был мрачен. Путем опроса Санджиба он узнал, что дружины бездействовали, если не считать

случайного убийства нескольких человек, и в их числе подростка, относительно которого сообщница фашистов Эча Биби сообщила, что это русский бой, присланный большевиками для работы с их сумасшедшей техникой агитации картинами. Явившись в законодательное собрание для того, чтобы выяснить, на кого из депутатов может опереться контрреволюция, он был огорошен сообщением о том, что только что уполномоченная специальная комиссия вызывает несколько человек на допрос для проверки заявления о подготовке фашистами пулеметных засад.

— На что же вы надеетесь больше? — рассвирепел фашистский главарь, когда ему поведал о положении дел правая рука Санджиба, владелец нескольких увеселительных заведений в городе, дравид с малабарского берега, вместе с Пит Графом руководивший теперь дружинами морд. — Вы не понимаете, что если вы сейчас же ничего не предпримете, то через полчаса объявят военное положение, перережут вас всех, как зайцев, и тогда делайте, что хотите. Чего вы ждете, что не устроили еще ни одной бани бунтовщикам?

У Бурсона было основание, чтобы свирепствовать. Матерый фашист, приехав в Бомбей, кроме всего прочего, узнал, что прошумевшее было около двух недель назад сенсационное сообщение о гибели парламентской комиссии, собиравшей материал о восстании в Индо-Китае, оказалось ложным.

Перед французским парламентом вдруг предстал считавшийся утонувшим с другими членами комиссии, но спасенный большевиками Дюваль и начал разоблачения.

Мало этого, коммунисты всех стран вдруг повсеместно стали демонстрировать картины самого восстания в Индо-Китае, картины набора и отправки индусов в Индо-Китай, производившиеся агентами английского правительства.

Создалась обстановка, весьма реально предвещавшая начало новой войны.

Если бы Бурсон еще знал, что и другие тайны фашистов уже известны центру революционных сил пролетариата, он не усомнился бы в приближавшейся ги-

бели фашизма и породившего его общественного строя.

Но с него было достаточно и того, что он уже знал. Нужно было какой бы то ни было ценой спасти положение, и он обратился к «мордам».

В один голос Пит Граф и его туземные сообщники попытались успокоить властного главара заговора.

— Ничего большевики еще не сделали и не могут сделать. Крейсера в полсотне миль от берега, только ждут распоряжений правительства... Пусть попробует кто-нибудь самоуправствовать, и город будет разгромлен!

Бурсон с убийственным презрением оглядел своих собеседников.

— Крейсера? Вы знаете, что на сделанный по радио губернатором запрос с одного крейсера ответили, что комитет крейсера, арестовавший своих офицеров, считает преступлением выступить против населения?

У сообщников Бурсона при этих словах чуть не подкосились ноги. Они остолбенело поглядели друг на друга и смолкли.

Бурсон, искоса проследив эффект действия своего сообщения на заговорщиков, приступил к дальнейшим расспросам и распоряжениям.

— Известно ли комиссии оборонщиков или большевикам, где именно расставлены пулеметы и заняты нами позиции?

— Этого никто не знает, — ответил гоаниец. — Комиссия оборонщиков должна вызвать на допрос двух большевиков для того, чтобы выяснить от них, что именно им известно, и знают ли они, где расставлены пулеметы.

— Кто эти большевики?

— Один водовоз райот Банким и другой изменник, под видом телохранителя поступивший недавно к Санджибу и сообщающий обо всем большевикам.

— Знает он из присутствующих кого-нибудь?

— Никого...

— Послали уже за ним для допроса?

— Вероятно, нет...

Бурсон сжал губы.

— Сейчас же надо послать нашего человека, который должен привести его, как будто бы на допрос в комиссию к нам прежде, чем его позвали оборонщики. Пусть он перед нами развяжет язык...

Бурсон обернулся к индусам-депутатам и гоанийцу.

— Вы трое разыграете заседание комиссии и следствие. Сядете за стол. Я с мистером Пит Графом будем наблюдать здесь же, в стороне, за допросом под видом посетителей. Роберт Сунта должен сейчас же послать за этим предателем, доставить его сюда и собрать в харчевне Санджиба дружину. Через час мы приступим к ликвидации большевиков, если они что-нибудь не выкинут раньше. Как зовут доносчика, которого мы будем допрашивать?

— Партаб-Синг.

— Давайте его.

Сообщники Бурсона, почувствовав в сагибе-заговорщике властного распорядителя, настроились на воинственный лад и засуетились.

Гаониец поспешил, чтобы послать за Сингом, двое индусов стали приводить в порядок стол и стулья той комнаты, в которой они находились, один туземец-депутат пошел принести бумаги, портфель и прибор, чтобы придать комнате внушительно казенный вид.

Бурсону и Пит Графу доставили одежду, в которой они приняли вид демократических европейских преподавателей из какой-нибудь школы, очутившихся в стенах национального собрания так же, как здесь оказывались, шумели, гудели, совещались и что-то делали сотни других лиц, ничего общего с депутатским званием не имеющих.

Незадолго перед тем, как в стенах национального собрания произошло это фашистское совещание, к большому двору Санджиба подошел молодой человек-депутат, в котором нельзя было не узнать друга Арабенды Ашутоса.

Индус-большевик остановился возле ворот двора, соображая, как легче всего найти того, кого он искал.

Он уже хотел было направиться в дешевую закусочную возле главного дома, как вдруг увидел фигуру китайца в синей рубашке, который спешил перенести в

закусочную из помещения во дворе ком теста для изготовления в харчевенке лепешек.

Ашуттош поднял камешек и бросил его под ноги китайцу.

Тот поднял голову, увидел Ашуттоша, оглянулся, закивал головой и быстро исчез в закуской.

Через полминуты он опять появился во дворе и, еще раз оглянувшись, подошел к депутату.

— Мне нужно Партаб-Синга, Сан-Ху, — обратился к нему Ашуттош, где он?

Китаец кивнул на главный дом.

— Там... тежурка.

— А... Ну, ладно... Скажите ему сейчас же от меня, что мы заявление о подготовке пулеметов фашистами в национальное собрание передали. Депутаты спохватились. Назначена комиссия, которая проверит заявление и организует оборону. Партаб-Синг будет скоро вызван в комиссию на допрос. Пусть идет и все расскажет комиссии...

— Моя слушай. Шибко скоро скажу, Ашуттош Бабу.

— Обязательно...

Вслед затем индус-революционер поспешил уйти, довольный, что никто не видел, как он приходил в фашистское гнездо, куда удалось с целью разоблачения «морд» проникнуть в харчевню Сан-Ху и в качестве одного из телохранителей Санджиба Партаб-Сингу, принявшему на себя личину фашистского дружинника.

Сан-Ху немедленно выбрал минуту, чтобы передать угрюмо настроенному Партаб-Сингу сообщение Ашуттоша.

Тот молчаливо выслушал предупреждение о том, что его вызовут.

Действительно, не прошло и часа, как из национального собрания явился сикх-рассыльный и, передав письменное распоряжение, потребовал, чтобы Партаб-Синг следовал за ним.

Партаб-Синг посмотрел на явившегося человека в феске и изумленно спросил:

— Как за вами? Я найду национальное собрание сам...

Сикх спрятал глаза и с навязчивой настойчивостью повторил:

— Нет, вас требуют немедленно по важному делу, о котором вы знаете лучше меня, и я без вас не должен возвращаться.

Юноше показалось, что рассыльный при этом блеснул глазами так, будто он знает больше, чем это ему полагается.

Он оглядел его подозрительно, но сикх стоял в безразлично спокойной выжидательной позе.

Партаб-Синг решил идти с ним.

Они вышли со двора. Национальное собрание помещалось в здании суда в другой части города, поэтому он, выйдя за черту узких туземных улочек и очутившись на одном из более современных проспектов города, предложил сикху сесть в вагон трамвая, на что тот охотно согласился, и, таким образом, они прибыли к зданию суда.

Здесь, перед помещением национального собрания гудел целый квартал от оживленного движения толп народа и различного рода экипажей.

К национальному собранию явились делегации райотов и рабочих. Но сюда же стремились боявшиеся событий реакционные брамины, земиндары и раджи. На улице толпы угадывали возможный ход событий и затевали перебранку с представителями знати, являющейся в собрание. Когда показалось несколько человек полисменов, попытавшихся по традиции устанавливать порядок, их немедленно прогнали с улицы, и тут же толпа снарядила новую делегацию просить распоряжения собрания о сложении старой полицией ее обязанностей.

Партаб-Синг поднялся в здание суда. По дороге он увидел Бихари, переглянувшись с ним, но, однако, не подав вида, что знает его, увидел двух или трех знакомых членов комитета партии, с которыми также не обнаружил своего знакомства неуместным приветствием, и к удивлению, ему показалось, будто в фигуре остановившейся женщины он узнал Кукумини.

Партаб-Синг знал, что главные силы революционеров беспрестанно присутствуют в самом помещении

национального собрания, не исключая и руководителя боевой рабочей группы Бихари, но он не ожидал увидеть здесь и его сестру.

Ему, однако, в качестве телохранителя Санджиба нельзя было подавать вида, что он кого бы то ни было из них знает. Вслед за рассыльным он вошел в одну из комнат собрания.

Здесь находилось за столом с бумагами и прибором трое чиновных по виду индусов, одному из которых посыльный что-то сказал, указав на Синга, тут же оставил помещение.

Каких-то два других человека сидели, углубившись над бумагами спиной к двери, у окна.

Немедленно же сидевшие за столом индусы приступили к допросу Партаб-Синга.

— Вами, в числе других лиц, подписано заявление о том, что компрадор английско-индусского банка раджа Санджиб вместе с английским штабом учредил фашистские контрреволюционные дружины, подготовляет расправу над горожанами, получил для этого в свое распоряжение пулеметы и устроил засады в городе. Откуда вам это известно?..

Партаб-Синг не заметил, как в него впились глазами не только два индуса, сидевших за столом, но и те лица, которые сидели возле окна. Ему не могло прийти в голову, что кто-нибудь мог отважиться на провокационную мистификацию.

— Мне и нескольким моим друзьям стало известно, что в Индии ведет контрреволюционную деятельность уполномоченный “Икс-Ложи”, член совета фашистов некто Бурсон. С этого времени мы начали за ними следить. Мы установили его связь с “Икс-Ложей” и раджей Санджибом. Затем мы перехватили переписку.

— Кто такие ваши друзья?

Партаб-Синг секунду колебался.

— Это, ведь, не имеет значения для комиссии.

— А... Они находятся в Бомбее?

— Частью в Бомбее, частью в Бенаресе и других городах.

— Нам необходимо знать имена, по крайней мере, нескольких из них для того, чтобы комиссия знала насколько серьезно сообщение, выдвигаемое вами...

— Я могу назвать вам имя русского большевика, который открыл замыслы фашистов, еще находясь в Москве; оттуда он стал следить за неким Пит Графом и попал на след Бурсона. Это партийный деятель большевиков Пройда. Он раскрыл план фашистов. Затем в нашем деле принимали участие несколько танцовщиц, организованных бенаресской девадами Кукумини. Можно считать, что без помощи этого нашего товарища мы ничего не могли бы сделать. Затем, к нам присоединились некоторые спасшиеся от Бурсона майенвильские революционеры. Помогали нам партийные комитеты и в Бенаресе, и в Бомбее, и в каждом городе.

По мере того, как Партаб-Синг делал свои сообщения, допрашивавшие его переглянулись, и их как будто что-то передернуло. Люди, сидевшие в стороне от стола, поднялись и сделали непроизвольное движение в сторону Синга.

Один из допрашивавших быстрым взглядом остановил их и, не давая опомниться юноше, снова задал быстрый вопрос.

— Скажите нам еще одну вещь: вам и вашим друзьям известно, где находятся засады, как размещены пулеметы и кем они охраняются? Могли бы вы, если бы это понадобилось, сейчас пойти с добровольцами-оборонщиками для того, чтобы снять эти засады? Или вы самого главного не знаете?

— Нет, мне и одному китайцу удалось устроиться на службу к Санджибу. Кроме того, фашистов выслеживал один водовоз, член нашей организации. Поэтому мы имели возможность не только проследить установку каждого пулемета, но и сфотографировать все, что делали при этом фашисты. Фотографии и планы расположения пулеметов мы передали в комитет партии, и они вам их покажут, если вы их запросите и дадите гарантию, что примете против банд Санджиба меры.

— Все! — почти не скрывая нервного волнения, заявил допрашивавший. — Вы можете идти, пока.

Партаб-Синг повернулся, удивляясь безрезультатности столь важного допроса и, взглянув мимолетно еще раз в сторону тех людей, которые от окна наблюдали за допросом, вдруг уловил — как один из них по-

пытался быстро наклониться к полу, чтобы скрыть свое лицо и выражение глаз, а другой совершенно от-
вернулся к окну. Страшное знакомство с обоими неиз-
вестными заставили его вздрогнуть.

— Кто это?

Партаб-Синг ошеломленно провел вокруг себя гла-
зами и, наткнувшись взглядом на искаженные расте-
рянностью физиономию лиц тех, которые допрашива-
ли его, вдруг понял все. Он сделался жертвой самого
дерзкого обмана врагов, мысль о близости которых ему
ни на секунду не пришла в голову. В двух людях он
узнал вдруг Пит Графа и Бурсона — заклятых пресле-
дователей революционного движения.

Прежде чем опомнился юноша, вся пятерка нахо-
дившихся в помещении фашистов, поняв, что их ми-
стификация разоблачена, сбросили вдруг сдержан-
ность официальных лиц, за которых они выдавали се-
бя, и схватились со своих мест.

— Идемте, — крикнул один из них, — скорее к дру-
жинам, чтобы спасти, что можно.

— Бандит большевистский, чтобы не опередил еще
нас!

Партаб-Синг, бросившийся было к дверям, натолк-
нулся на чью-то фигуру. Железо кинжала воткнулось
ему в грудь, прожигая ткани тела. Какая-то рука от-
бросила его, и он упал.

Фашисты выскочили.

Дадабай, проходившая по коридору, увидела про-
бежавшие фигуры, узнала реакционных депутатов и
заподозрила недоброе.

Она ахнула, метнулась за ними и, завидев Кукуми-
ни и Бихари, знакомившихся с новыми товарищами,
указала на лестницу.

— Кукумини! Бихари! Фашисты сейчас выскочили
из комнаты.

— Из какой?

— Идемте.

Вся группа бросилась к комнате, где только что
произошла драма. Бихари открыл дверь, все увидели
смертельно раненого Синга.

Кукумини бросилась к несчастному.

— Партаб!.. Дайте воды, товарищи!

На минуту юноша пришел в себя. Он увидел Кукумини.

— Сестра, братья... фашисты Пит Граф, Бурсон и еще какие-то побежали к дружинам стрелять из пулеметов. Пока не поздно, помешайте им... Скорее, скорее!

— Товарищи со мной! — крикнул Бихари. Кукумини-диди, скажешь товарищам, куда я ушел...

Кукумини кивнула головой. Она пыталась хлопотать возле Синга. Но юноша умирал.

— Сестричка, я умираю. Не давайте пулеметы. Пит Граф, Бурсон побежали... Я не могу... Пройда все сделает, скажите скорее Пройде... Я сам пойду...

Он рванулся и со стоном начал вытягиваться.

— Брат Партаб, уже сказала... Брат Партаб, пулеметы будут у нас... Бихари уже раньше получил распоряжение от комиссии и послал добровольцев к пулеметам. Мы поймали фашистов. Не волнуйся, брат Партаб.

Партаб-Синг смолк. Кукумини увидела, что он мертв и поднялась.

Девушка тоскливо оглянулась и вышла в коридор, а затем выглянула в окно. Здесь она услышала отдаленную стрельбу, а затем увидела, как масса рабочих торопливыми группами стала уходить со своими вожаками, готовя оружие и стремясь к месту стрельбы.

Кукумини тогда вспомнила о своем револьвере и направилась к дому Санджиба.

Организация и стихия

За полчаса перед убийством Партаб-Синга в одной из комнат того же здания, где фашисты мистифицировали индуса-революционера, под председательством Арабенды заседал действительный штаб обороны национального собрания.

Сюда явился прибывший около недели назад и принявший участие в созванной коммунистами партийной конференции Тарканатра.

Вождь коммунистов уже выяснил обстановку, в которой должны были разыгаться решающие исход ре-

волюции события, добился на совещании определения линии коммунистических организаций и пришел прямо к Арабенде.

В комиссии спорили.

Один из членов ее штаба, представитель, делегированный солдатами кантомета в национальное собрание, сообщил, что белые солдаты и часть сипаев готовы поддерживать национальное собрание, но разлагаются вследствие боязни крейсеров. Появления военных судов к берегу можно было ожидать с минуты на минуту, и тогда восстанию грозил немедленный разгром.

Представители штаба, жаждавшие скорейшей ликвидации остатков сил контрреволюции, но парализованные опасностью со стороны моря, сослались на эту опасность и Тарканатре. Они терялись в способах предотвращения угрозы.

Тарканатра повернулся к Арабенде.

— Если вы не будете действовать, вас скорее разгромят или нет?

— Скорее...

— Так чего же вам ждать тогда? Для того, чтобы обезвредить английские пушки на крейсерах, арестуйте немедленно и заприте под замок всех английских фабрикантов и чиновников в виде заложников. Обезоружьте фашистов, разошлите немедленно радио о ваших мерах, и английские рабочие скажут: «Руки прочь от Индии!» Тогда и крейсера — постоят, постоят, да и уйдут ни с чем...

Арабенда переглянулся с членами комиссии. Те удовлетворенно кивнули головой. Один из них позвал Ашутоша.

— Арестовывать всех, начиная с губернатора и кончая буржуазными путешественниками! Идите.

После этого перед наполненными комнату комиссии депутатами, начальником добровольцев и руководителями революционных групп, явившимися ожидать распоряжений, предстал Бихари с сообщениями о том, где находятся притоны и позиции фашистов.

Но комиссии уже было не до изучения подробностей заговора.

Бихари в сопровождении группы революционеров вышел, имея на руках приказ приступить к разоружению дружин морд.

Он на мгновение только остановился, встретив Кукумини, чтобы сказать девушке, куда он отправляется.

В это время напуганная выскочившими заговорщиками Дадабай позвала товарищей на помощь в комнату, где погиб Партаб-Синг.

Кукумини и несколько человек бросились наверх, а Бихари махнул рукой товарищам и ринулся на улицу. Здесь группа боевиков натолкнулась на толпу, почувствовавшую, что что-то у депутатов готовится и ждавшую развития событий.

Бихари остановился, увидел рабочие одежды и коротко сообщил хлынувшей к нему толпе:

— Морды расставили пулеметы... Для того, чтобы из крейсеров не стреляли, приказано всю буржуазию, губернатора и чиновников-инглизменов арестовать заложниками, а у морд отобрать оружие и вооружиться нам, пролетариату! Довольно глумился над Индией каждый сагиб! Товарищи-рабочие, идемте, повытаскиваем у морд из гнезд пулеметы. Я и эти товарищи знают, где они их приготовили!

— Ура! — ожили собравшиеся, заражаясь возбуждением боевиков и рассортировавшимися группами устремляясь в разные стороны со своими вожаками.

— Ура! Банде матрум! Капут сагибам! Долой буржуазию!

Площадь опустела.

Петряк с Первин и Дадабай, к которым присоединился Нур Иляш с бомбой и револьвером, столкнувшись на лестнице по дороге из комнаты штаба, одновременно почти закричали друг другу:

— Сан-Ху, товарищи, его убьют морды!

— Скорее к нему!

Все трое выскочили на улицу. Грохот выстрелов, донесшийся с ближайших кварталов, и пустота площади заставили их на мгновение остановиться.

Какой-то автомобиль одиноко выскочил из-за угла с пассажиром в английском пробковом шлеме и стал приближаться, направляясь, очевидно, к берегу.

— Э! Труболет какой-то удирает на пароход... Не пускать! Стой!

Нур Иляш, блеснув револьвером, бухнул заряд навстречу машине и взмахнул бомбой.

— Стой, брошу бомбу!

Машина остановилась и шофер-индус, соскочив с нее, бросился в одну сторону, англичанин-седок — в другую.

— На машину! — скомандовал Петряк. — Предупредим Сан-Ху, а потом доставим автомобиль товарищу Тарканатре, чтобы он смотрел за коммунистами, да не дал вернуться буржуйам. Айда!

Компания расположилась в автомобиле, и Петряк пустил машину в переулок.

Однако, им не суждено было далеко проехать на ней.

Только прокатила машина, обогнув переулок, пару кварталов, как очутилась на месте одной из схваток обороны с мордами.

Дружинники-рабочие остановили машину. Не помогло, что Петряк сделал из платка красный флажок.

— Дайте нам машину перевезти пулемет...

— Товарищи, нам надо предупредить одного товарища, он у Санджиба жил, следил за мордами. Его убьют там!

— Туда все одно не проедете. Там пожар, горит дом Санджиба и драка! Нам надо поставить пулемет и спешить на помощь. Фашисты солдат вывели.

Действительно, Бурсону и Пит Графу, которые лучше, чем кто бы то ни был другой, знали безнадежность положения контрреволюционеров, удалось проникнуть в кантомент, принудить несколько офицеров, и те вывели сипаев самого воинственного племени, гурков, против рабочих. Бой с ними происходил возле вокзала, куда спешили теперь дружинники обороны по мере того, как они вооружались, с боя отбирая у отстреливавшихся и потерявшихся морд пулеметы.

Компания Петряка, увидев, что возле вокзала дело начало принимать неожиданный оборот, грозя поражением восстания, отдали автомобиль и изменили собственный маршрут. Только Нур Иляш, увидев пу-

лемет, бросился к нему, обнял его, как любовницу, и, изменяя компании друзей, покатил с ним в бой.

Тем временем Кукумини шла по направлению к дому Санджиба. Со всех сторон по городу девушка слышала стрельбу.

Уже в двухстах шагах от здания национального собрания ей попалась группа рабочих, уносившая на руках раненых товарищей. Обогнавший Кукумини депутат на ходу крикнул, обращаясь к группе:

— Товарищи, где дерутся?

— Мы на берегу. Другие отнимают пулеметы в центре... Морды гонят наших с вокзала.

Кукумини направилась в центр. Завернув за угол, она услышала выстрелы с той стороны, где находилась городская водокачка.

Кукумини прибавила шагу и сейчас же увидела несколько вооруженных дружинников. Они обстреливали водокачку, из которой начинал трещать пулемет, как только кто-либо из дружинников-рабочих высовывал нос из-за угла.

— Стойте, госпожа, идти нельзя, убьют! — остановил ее один дружинник. — Не устраивайте провокации...

Кукумини остановилась.

— Мне нужен ваш начальник, брат Бихари, здесь он?

— Бихари? Ему некогда, он пошел в обход этого дома, чтобы выгнать оттуда морд. Уходите лучше, а то и вас убьют...

И дружинник пальнул в чердачное окно водокачки.

Кукумини оглянулась на других рабочих, поглощенных стрельбой; хотела повернуть в обход, но в это время из ворот двора, возле которых стоял дружинник, показалась фигура в синей рубаше и феске. Выглянувший мелькнул взглядом по девушке и тотчас же раскрыл ворота шире.

— Кукумини! Кукумини, ронти! Мы — Сан-Ху... Пошел сестра сюты. Тут не упьют. Сюты притет Пихари...

Кукумини немедленно узнала китайца и, не зная, что ей делать, шагнула во двор. Китаец немедленно же закрыл ворота.

Здесь Кукумини увидела, что делает во дворе возле места боя китаец.

Оказалось, что беспечный и неуловимый хатбе, как только в городе раздались первые выстрелы схваток, решил ретироваться из дома Санджиба, но, уходя, поджег предварительно владения фашиста и каким-то чудом ухитрился взять в плен несколько дружинников Санджиба, которых он привел к Бихари.

Тот велел их запереть, пока шла схватка из-за владения пулеметом на водокачке, и соединил их с двумя пленниками, схваченными, в свою очередь, дружинниками самого Бихари.

Сан-Ху было поручено их охранять.

Он их и охранял.

В небольшом дворе какого-то водовоза, где не видно было ни одной души, кроме китайца, прямо на земле лежали связанными несколько человек.

Сан-Ху, с большим старинным мушкетом, перебегал от одного своего пленника к другому, как только из них кто-нибудь шевелился и, приподняв над связанными ружье, трогательно убеждал беспокойных:

— Ну! Ми пальшевой москвит... витал? Стрилить типе хочу... Стрилить? Стрилить?

И дуло ружья от живота наклонившегося китайца упиралось в грудь пленника.

Охотников, серьезно желавших быть расстрелянными, не было, и Сан-Ху бежал к другому связанному.

Но это занятие показалось ему, наконец, скучным, в то время, когда за стеной шла стрельба, и он выглянул, чтобы испросить разрешение расстрелять пленников, а самому идти на подмогу дерущимся, когда вдруг увидел Кукумини.

Он думал, что девушка и выручит его.

Но Кукумини была подавлена собственными мыслями.

— Эти люди какие-нибудь дела Санджиба знают? — спросила она китайца.

— Отин знает... Он ходил с полковником Бурсон сюты. Все знает про морты...

— Брат Сан-Ху, скажите Бихари... Пусть он допросит про Пройду. Кто скажет, где Пройда, пусть отпустит его, только чтобы разыскать русского брата...

— Скажу, сестра Кукумини. Мы найдем Проита...

Кукумини решила идти к вокзалу. Она открыла ворота и увидела, что дружинники вдруг ринулись к водочке. На ее крышу, сзади, ухитрились взобраться двое повстанцев и брошенными сверху в окно бомбами взорвали засевших там нескольких фашистов. Еще один пулемет был отвоеван.

Кукумини безучастно взглянула на вторгающихся в башню дружинников и, снова минуя места боев, встречаясь с переправляющими раненых товарищами, пошла по улицам.

Около вокзала она натолкнулась на более оживленные, чем в центре, кварталы. Здесь раненых заносили прямо в ближайшие дворы. Местами под воротами стояли любопытные, живо толковавшие о том, что повстанцев разобьют.

Кукумини прошла еще полквартала, сделала поворот за угол и здесь остановилась, соображая, как ей найти Ашутша.

Вдруг поблизости где-то частая перестрелка сразу как-то прекратилась, раздался торжествующий крик, и в тоже мгновение мимо Кукумини один за другим начали пробегать необычные для улиц в этот день фигуры сагибов-европейцев.

Через полминуты пальба снова началась. Одна пуля ударилась в стену возле девушки. Затем показались отступающие повстанцы.

Кукумини взглянула на разбегавшихся в панике любопытных. В числе последних она увидела отбившуюся от товарищей Дадабай.

Заметила и та подругу, и тут же бросилась к девушке. Засвиставшие пули скосили несколько убегающих.

Дадабай схватила Кукумини за руку и со слезами повлекла ее с собой.

— Скорей, сестра, убьют!..

Девушки пробежали два квартала.

— Что случилось? — спросила Кукумини, остановившись под воротами в переулке, где погони не было.

— Ой, Кукумини, какое же несчастье!.. Сипаи-гурки изменили нам уже с утра, стали действовать с мордами и побили половину нашей обороны. А сейчас заня-

ли вокзал, освободили заложников и пойдут на берег. Как только на кораблях сагибы узнают, что губернатор и заложники на свободе, национальное собрание разгонят, и все пропало... Я не знаю, где Первин и Петряк... Где ты будешь, Кукумини, я с ними прибегу к тебе?..

— Я пойду к берегу... Слушай, девочка Дадабай Певучая, ничего не бойся, потому что Индия — не один этот вокзал. Иди к черному самоцвету Первин, если увидишь Ашутоса или Арабенду, скажи им: пусть они помнят про Пройду. Так и неизвестно, где он. Пусть же они не только бьют врагов, но также и товарища ищут. Иди...

Кукумини пошла на берег. Она понимала, что положение сделалось отчаянным. Об этом свидетельствовала начавшаяся паника. Но почему-то ей казалось, что революционеры все-таки победят.

Она вышла на пристань за полверсты от места, куда стекались повстанцы. Здесь были группки судачащих горожан и береговиков. Проехал броневик. Пробежала группа людей с красными крестами к месту контор пароходных компаний.

Кукумини пошла следом за ними. Она у себя под доти до сих пор держала револьвер и думала все о том же, как ей найти исчезнувшего русского друга.

Вдруг, взглянув на съезжившуюся фигуру девушки, сидевшей и пристально смотревшей в бухту со ступенек набережной, она чуть не вскрикнула от полуиспуга и ненависти.

Она увидела Эча Биби...

Как раз в это время не спускавшая глаз с нескольких приближавшихся лодок Эча Биби порывисто поднялась и с произвольной радостью воскликнула:

— Матросы едут!

В ту же секунду она обернулась и вдруг встретилась глазами с Кукумини.

Невольно она спустилась ниже на ступеньку. И еще ниже, пока не очутилась у самой воды.

Кукумини с режущими огнями в глазах, как Немезида, приближалась по сходням ступеней к изменнице нач-герл.

Она обнажила револьвер.

— Сядь! — указала она сообщнице фашистов на камень ступеней.

Эча Биби съежилась и села, прижавшись к камню основания набережной.

— Какие матросы едут?

Ненависть и страх сковали Эча Биби. Она стиснула зубы.

— Матросы инглизмены, если хочешь перед смертью знать... За ними поехал Пит Граф... Я ждала его... Убей меня... Но они сейчас подъедут уничтожать ваш большевистский майдан и тогда берегись, Кукумини. Узнаешь, как с большевиками якшаться... Не одна я умру...

Кукумини с тоской взглянула на лодки и то место пристани, где уже начинался бой и затрещали выстрелы.

Полдюжины лодок спешили и приближались прямо к месту, где находились девушки.

— Хорошо, Эча Биби... Я умру, но я была честной нач-герл и не изменила ни своим товаркам, ни народу. Я служила большевикам, и вместе со всеми большевиками народ прославит и меня нач-герл невенчанную. А твою память родной народ затопчет вместе с прахом своих угнетателей... Молись, Эча Биби, сейчас с лодок соскочат твои друзья...

Эча Биби молчала и затравленно смотрела на мстительницу, с надеждой поглядывая на приближавшихся пловцов.

Кукумини оглянулась и, увидев устремленные с ближайшей лодки на нее и Эча Биби глаза подплывавших матросов, спустила курок; грохнул выстрел.

В тоже мгновение с лодки раздался любимо-громкий, знакомый танцовщице голос:

— Кукумини!

Кукумини вскинула глаза от убитой и простерла к лодке руки:

— Пройда!

Да, это был большевик-рабочий. Он с товарищами, получив сведения о том, что происходит на берегу, наскоро собрал с Хейтоном команду добровольцев в полторы сотни человек матросов, решившихся прийти

на помощь бомбейским революционерам; вооружился с ними винтовками и вот прибыл.

— Кто это? — наклонились матросы над Эча Биби...

Пройда оглянул труп.

— Да, ведь, это — Эча Биби? А мы схватили ее любовника. Это неизменная сообщница фашиста, которого мы схватили в море, — объяснил он матросам. — Предавала вместе с ним все на свете...

— Собаке собачья смерть! — столкнул один из матросов труп в воду, — пускай плывет!

К берегу, увидев лодки, стали сбегаться любопытные.

Пройда кивнул на них головой и указал на то место, где гремела стрельба.

— Ну, товарищи, нам надо спешить. С какой стороны наши? — спросил он Кукумини.

Вспыхнувшая и еле сдерживавшая слезы радости Кукумини указала:

— С этой стороны. От вокзала наступают сипаи-гурки и морды. Наших разбили и освободили заложников. Бой только здесь.

— Их много?

— Человек пятьсот...

Пройда перекинулся быстрым советом с Хейтоном и другими товарищами.

— Ну, вот что, Кукумини: скоренько пройдите к нашим. Сообщите им, чтобы они продержались еще полчаса. Скажите, что мы приехали. Мы же со стороны вокзала грянем, как снег, на голову фашистам, с тылу. Через час от них останется мокро. А затем мы все встретимся где-нибудь в национальном собрании. Бегите! Рота, стройся!

Кукумини, не чувствуя от радости под собою ног, с маузером в руке побежала.

Моряки сделали левой, и скорым шагом, марш-марш направились в тыл не ожидавшим их врагам.

Эпилог

Прошло около месяца. Из бомбейского порта отходил пароход торгового флота СССР. Он был украшен знаменами и флагами, и процессии бомбейского населения с оркестрами, плакатами и шумно хлопающими при взрывах петардами вышли, чтобы ликующей музыкой интернационала и приветственными кликами напутствовать его отплытие.

На корабле отправлялась первая легальная делегация индусских коммунистов в Москву, ехавших с предложением об открытии предстоящего конгресса Коминтерна в Бомбее.

Но с этим же пароходом возвращались в Советскую Россию и участники «Батальона всех за всех».

Не все они ехали обратно. Несколько ребят пало в борьбе с угнетателями Индии. Но большинство ребят уцелело. Все они получили, в процессе борьбы индийских масс с империализмом, в качестве неуловимых и невидимых пособников этой массы, такую революционную закалку и духовную устойчивость, что дальнейшая жизнь представлялась им поприщем для богатырских подвигов и применения сил человеческого духа.

Петрякехал с решившей навсегда разделить его судьбу своей неизменной спутницей — Первин. Пройдя и Таскаев сообща ухаживали за красавицей-танцовщицей — Кукумини невенчанной. Остальные ребята составляли дружную и шумную артель, то распевавшую родные разученные песни московских комсомольцев, то «водивших слона» по палубе, то высыпавших, когда пароход входил в бухту.

Стремяков получил возможность снова надеть на себя европейское платье, и часто останавливался сам

на себе взглядом, удивляясь, как мало он теперь походит на того слепца — туземного оборвыша в ланготти, за которого он должен был выдвигать себя в течение нескольких месяцев.

В пути пассажиры парохода получали сообщения о развитии революционного движения в Европе.

В Англии отпадение ее главнейшей колонии немедленно же вызвало расстройство финансовой системы и панику среди буржуазных политических партий. С другой стороны, агитация распространившимися натурографами в рабочих массах вскрывала пролетариату одну за другой картину насилий фашистов, правительства и его органов.

Раскачались рабочие и на Западе. Им уже стали известны замыслы “Икс-Ложи”, роль миллиардеров в борьбе с большевизмом, намерение спровоцировать войну.

Капиталистический мир содрогался. Пассажиры советского парохода наблюдали это и рвались скорее, скорее в Москву.

А в одной из изолированных комнат парохода сидел одинокий пленник пассажиров — Бурсон, он оказался русским белогвардейцем, офицером Лакмус-Родченко, и отряд вез его в советскую страну для предания суду.

Пароход шел днем и ночью, и с каждым новым десятком миль приближался к границам советской земли.

ИРИНА КУНИНА

**ДУГЛАС ТВЕД,
ЖИЗНЬ И ДОСТИЖЕНИЯ**

Авантюрный роман

Ирина Кунина
ДУГЛАС ТВЕД, ЖИЗНЬ И ДОСТИЖЕНИЯ
М.: Земля и Фабрика, 1926 г.

Б И Б Л И О Т Е К А П Р И К Л Ю Ч Е Н И Й

ИРИНА КУНИНА

ДУГЛАС ТВЕД
ЖИЗНЬ и ДОСТИЖЕНИЯ

З Е М Л Я и Ф А Б Р И К А

ЛЕНИНГРАД—МОСКВА

Книга набрана и отпечатана
в 1-й типографии Централь-
ного Издательства Народов
С. С. С. Р. Москва, Николь-
ская, 10, в количестве 5000
экземпл. Главлит № 45.354.

1925

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Меня всегда возмущало, что женщины, пишущие авантюрные романы, выбирают себе мужские псевдонимы. Обиженный и возмущенный таким бесцеремонным обращением с нами, я решил подписать свой роман женским именем. Если у меня найдутся последователи среди мужчин, то мы легко отучим женщин-литераторов от этого компрометирующего приема.

Несколько слов о самом романе. Я знаю, что у него больше недостатков, чем достоинств. Мысль о написании его у меня появилась после прочтения книги мистера Форда „Моя жизнь и достижения“. Преимущество моей книги перед Фордовской в том, что моя—полнее. Моя книга охватывает не только жизнь и достижения мистера Дугласа Тведа, но и его смерть. Мистер Форд не сумел придумать финал для своей книги, поэтому она носит несколько незаконченный характер.

Автор.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

ДУГЛАС ТВЕД И ЕГО ПРИЯТЕЛЬНИЦА

Читатель знает, что представляет собой Бродвей в Нью-Йорке после двенадцати часов ночи. Если не каждому довелось побывать там, то почти каждый видел Бродвей в кино-фильмах, — подлинно американских или в американском лубке, искусно сделанном в кинематографической Европе. Все помнят тысячи автомобилей, эти звезды кричащих реклам, этих строгих джентльмэнов, как две капли воды похожих на Вильсона, в полицейских мундирах, в белых перчатках, с белыми палками в руках. Все помнят эти бары, джаз-банды, фокс-тротты и танго.

У одного из таких баров на Бродвее, перед неустанно вертящейся дверью выстроилась цепью светлячков шеренга элегантных автомобилей. В баре маленькие столики притаились в снежной белизне, под большими цветными зонтиками настольных ламп. Рьяный джаз-банд выбивает модный шимми-фокс-тротт. На снеге скатертей, через стекло бутылок светится кровь дорогих вин.

Внезапно замирает движение в зале, застывают пары, кельнеры бросаются к входным дверям. В зал влезают подозрительные суб'екты, неумело скрывающие свою причастность к полицейскому агентству, и суетливо занимают столики вокруг свободной ложи-ниши с вензелем «Д. Т.».

В дверях появляется дама со спутником. Невысокого роста, в черном шелковом платье, плотно облегающем маленькую стройную фигуру. Серые глаза прищурены, высокомерен взгляд под маленькой черной шелковой шляпкой. Национальность ее и возраст опреде-

лить трудно — ей не меньше 24-х и не больше 30-ти, она, может быть, француженка или русская, но она не американка.

Спутник ее — высокий худой мужчина, не моложе 55-ти лет. Лицо потрепано и брезгливо, левая бровь изогнута моноклем, правая нога разбита подагрой.

Они прошли, не оглядываясь, в нишу с вензелем «Д. Т.». За ними влетели прекрасно одетые молодые люди с бегающими глазами под стеклами круглых очков. Маленькие записные книжки в руках, вечные перья в верхних боковых карманах пиджаков и суетливая рассеянность в глазах придают им явно репортерский вид. Неистовый джаз-банд первый прервал молчание, заиграв модную, в Америке и за океаном, песенку «шимми-фокс-Твед», подхваченную фокстротирующими парами:

*Все может Дуглас Твед,
Источник счастья и бед.
Пусть танцует Европа под лязг костей,
Пусть льет на скатерть снегов
Потоки крови рабов.
А мы проливаем на снег скатертей
Вина его погребов.
Налейте чаши сполна,
И осушите до дна,
Пусть задохнется в огне пожарищ
Заокеанский свет.
Джаз-банд чеканит фокс-тротт
Тягуче скрипка поет.
Ночь промелькнет в хмельном угаре.
Да здравствует Дуглас Твед!*

Кельнер, получивший заказ в нише с вензелем Д. Т., немедленно интервьюируется репортерами. Че-

рез несколько мгновений все агентства принимают по радио сообщение о меню Дугласа Тведа и его спутницы Ирэн Клан (это они):

«Мистер Дуглас Твед посетил бар «Паризиен на Бродвее. К ужину заказано: салат — Твед, бульон á la Твед, ростбиф — Твед, мусс á la Твед, фрукты и шампанское — фруктовых садов Тведа в Ницце».

Специальный репортер наспех зарисовывает костюмы Ирэн Клан и Тведа. Через несколько мгновений все салоны дамских и мужских мод изучают переданные по радио рисунки их костюмов.

«На мисс Ирэн Клан надето черное шелковое платье и т. д. У мистера Тведа галстух отодвинут на три четверти сантиметра вправо».

Через час все дэнди Бродвея и 5-й Авеню с сантиметром в руках отклоняют свои галстухи вправо. Все леди, обладающие домашними радио-приемниками, устраивают своим мужьям предварительные истерики. Истерики через час (с математической точностью) должны закончиться согласием на копирование туалета Ирэн Клан кино-стар-Твед-фильм.

ГЛАВА II

О ТВЕДЕ И МЕМУАРАХ МИЛЛИАРДЕРОВ

Мистер Дуглас Твед — президент Твед-Концерна. Занят 14 часов в сутки. 4 часа посвящает личной жизни, $5\frac{1}{2}$ час. — спит, полчаса туалет — 15 мин. утром и столько же вечером. Собственно, свободен мистер Твед только $5\frac{1}{2}$ час. сна — часы, отданные личной жизни — совмещение приятного с полезным для него, мистера Тведа, и для процветания его концерна. 14 часов трудового дня распределены таким образом: 13 часов — разъезды, заседания, банки, правления всех видов. обществ, фабрики и т. д.; 1 час — работа дома — доклады секретарей, приемы, проекты, заседания.

Доклады секретарей происходят по всем правилам американских кино-миллиардеров. 30 джентльменов в ослепительных рубашках, столько же модных галстуков, приглаженных голов, роговых очков, шестьдесят резинок, подтягивающих рукава выше локтя, тридцать пиджаков на стульях около письменных столов. В шестидесяти руках разнородные предметы: записные книжки, доклады, планы, проекты, отчеты, счета, расчеты. Все виды существующих письменных знаков, всеми существующими способами воспроизведены на чистые листы бумаги. В кабинете мистера Тведа — 31-й, вернее, первый секретарь, в функции которого включаются обязанности всех 30-ти секретарей, плюс самостоятельные — высшего порядка.

Кабинет мистера Тведа — огромная комната. В ней находятся: шесть стенографисток, шесть машинисток, шесть машинок новейшей системы (марка Д. Т. патент и год выпуска), два радио-приемника, один радио-отправитель, письменный стол с тремя настольными

телефонами и старинной чернильницей, служившей когда-то Марии Терезии в качестве украшения старинного сэкрэтэра. На чернильнице—перо, которым писал Вольтер. На всех остальных предметах — скромное фабричное клеймо «Д. Т. А. С. Ш.» (Дуглас Твед. Американские Соединенные Штаты). Мистер Твед не любит старинных вещей, — в отличие от аристократов и выскочек военного времени, он честно признает их неудобными и несовременными. («Перо, которым писал Вольтер, не следует ценить больше, чем то перо, которым подписывает Твед»)... Чернильница Марии-Терезии оказалась случайно на письменном столе новейшей конструкции: она подарена Тведу разорившимся эрц-герцогом Австрии в знак признательности за ссуду в 200.000 дол. Сердцу Тведа дороже скромное фабричное клеймо «Д. Т. А. С. Ш.».

Из четырех часов, предназначенных для личной жизни, мистер Дуглас Твед уделяет больше половины времени мемуарам и мисс Ирэн Клан, — (кино-стар-Твед-фильм — патент и год).

Мемуары миллиардеров — последняя мода. Модники уверяют, что она появилась даже позднее мужских пальто с клапанами, тех пальто, которые закрывают ботинки почти целиком. Даже позднее модных дамских платьев, которые открывают колени и парчовые подвязки выше колен. Мемуары миллиардеров — один из видов общей мемуарной эпидемии, первоисточником которой был русский генерал. Мистер Дуглас Твед—американский миллиардер, он твердо знает, что для всего в жизни есть штамп: для Форда и Тведа — один, для газетчика — другой, для кино-актера — третий, для бизнесмена — четвертый. Мистер Твед—штампованный американский миллиардер, по соответствующему штампу написаны его мемуары. Для

того, чтобы не цитировать результаты творческих усилий мистера Тведа, автор предлагает читателю ознакомиться с мемуарами миллиардеров, переведенными на русский язык (например: Форд); «Моя жизнь и мои достижения» — назвал Форд свою книгу. Твед, взяв ее в руки, брезгливо поморщился: «Форд — выскочка. Как вульгарно и самонадеянно это название!» Свои мемуары Твед озаглавил: «О себе. Дуглас Твед. Нью-Йорк».

ГЛАВА III

О ЖИЗНИ ТВЕДА И О СКУДОСТИ ФАНТАЗИИ АВТОРА

Чем стал Твед, читатель знает. Разве не достаточно, что фабричное клеймо или марка концерна Твед обозначена почти на всех предметах, которые американец, европеец или азиат держат в руках. На всех бритвах, перьях, машинах, автомобилях, тракторах, зажигалках, револьверах, вязанных кальсонах, подтяжках и карандашах где-нибудь скромно притаились пять букв: Д. Т. А. С. Ш. Ближайшая задача автора рассказать читателю о том, чем был Твед, если читатель извинит автора за то, что этот рассказ не будет оригинален. Рассказ о жизни первого миллиардера был несомненно занятен, все остальные так похожи на первый, что ни один из рассказов о жизни миллиардера нельзя отнести за счет оригинального творчества автора.

Джон Твед — отец Дугласа — умер 55-ти лет от роду, оставив: дом без хлеба, жену без денег, сына без штанишек. Почему редкий экземпляр необеспеченного американца оказался отцом Дугласа, автору неизвестно, так же как и то, почему Джон Твед так поздно озаботился пополнением человеческого рода. К моменту смерти отца Дугласу исполнилось 8 лет. Оставшись без хлеба, без отца и без штанишек, Дуглас Твед по примеру всех хороших нью-иоркских мальчишек начал продавать газеты. 14-ти лет он был гордым обладателем 120 дол. наличного капитала, одной пары длинных брюк и свидетельства об окончании вечерней низшей школы. 15-ти — был штатным. рассыльным в конторе той газеты, с которой бегал по улицам Н.-Йорка от 8 до 15. 16-ти — поступил в контору темного

дельца. Патрон Дугласа, подобно всем темным дельцам, был скуп, холост и смертен. Подобно всем темным дельцам, он любил своего честного клерка за аккуратность и любовь к матери. Наследство, которое холостой, скупой и смертный патрон оставил Дугласу, состояло: из 10.000 дол. наличного капитала, квартиры из четырех комнат в 21-м этаже восточного квартала и четырех поношенных костюмов из добротного материала. Кроме того, патрон оставил Дугласу обширную клиентуру, привыкшую к фантастическим процентам. В четырех комнатах 21-го этажа поселилась миссис Реджина Твед с сыном, которому было уже 20 лет. Дуглас начал привыкать к обращению «мистер» и к взиманию фантастических процентов с клиентуры патрона. Портной из соседнего дома пригнал за небольшую цену к фигуре Дугласа Тведа все четыре костюма патрона из добротного материала. В свободное, от своих мирных занятий, время «мистер» (пока еще в кавычках) Твед мечтал о таком обычном для мальчиков-газетчиков скачке в издательское кресло. Запах типографской краски нелегко забывается, а утром из типографии газеты так незабываемо пахнут.

26-ти лет от роду Твед купил типографию и начал издавать газету, продолжая выгодное дело, завещанное выгодным патроном. Газета Тведа была в истории газетного дела одним из редких экземпляров легкого и приятного чтения. В ней писали о землетрясении в России (Мессина?), о признаках близкого несомненно-го светопрествавления, о жене депутата Керинга, к которой в отсутствие господина депутата приходит его секретарь. О многих забавных вещах, которые выкрикивают молодые Дугласы Тведы на улицах Нью-Йорка. Что касается политического кредо этого листка, то можно безошибочно утверждать, что он был так легкий,

что колебался при самом легком политическом ветерке.

К 30-ти годам Твед прибавил к 10000 наследства 1.472.380 дол. К этому времени он уже был членом правления 3-х банков и акционером нескольких обществ.

От того времени до начала нашего повествования прошло 23 года, в течение которых мистер Дуглас Твед стал президентом и основателем самого большого в мире концерна. В концерн входят: автомобильные фабрики, (конкуренция не одержана Фордом), разработки чилийской селитры, калифорнийские золотые россыпи, фабрики Ледовитого океана, пароходные компании, кино-фабрики, текстильный синдикат, заводы велосипедов и сельско-хоз. машин. ДЕВИЗ ТВЕДА — концентрированная промышленность и улучшение положения рабочих сил. О том, какие меры мистер Твед принимает в этом направлении, автор расскажет позднее.

ГЛАВА IV

АРАНИЯ

На Востоке, где точно — не знает никто, располагалась Арания. Арания — это маленькое восточное княжество, растрепанное, неряшливое, грязное и пряное, как восточные женщины. На географической карте Европы Арания, подобно восточной женщине, носит чадру.

В Арании есть хан. У хана долги государственные и личные, гарем, наложницы, непорядки в народе, два ад'ютанта и полное отсутствие как финансового, так и правительственного гения. Имя у хана, приличествующее его положению и древности рода: Сеид-Абдул-Назир-Хан, зовут его.

Долги хана образовались от затянувшейся шутки Европы, которая началась в 1914 году и неожиданно для всех задела также Аранию.

Наложницы хана — последние представительницы большого света и полусвета далекой северной империи. Непорядки в народе — явление для хана совершенно необъяснимое, а ад'ютанты — наследие прогнившей от старости, погибшей от гнилости эпохи.

Первый ад'ютант — Олег Беляев — начальник свиты его величества самодержца всероссийского, генерал-ад'ютант, кавалер всех орденов от Льва и Солнца до первой степени Георгия, председатель особой комиссии по искоренению иудаизма, автор 112 томов мемуаров и книги «Россия будущего».

Второй ад'ютант Сеида — турецкий генерал Джахид-Бей, славный сподвижник Абдул-Гамида, увековеченный историками империалистических держав за свое-

временную сдачу Трапезунда. Джахид-Бей пополнил ряды писателей-милитаристов книгой — «Будущее полумесяца».

Резиденция хана представляет собой развалины с мраморной облицовкой, сохранившие следы прошлого великолепия. К началу нашего повествования, Сеид-Абдул-Назир-Хан собирается отправиться со своими ад'ютантами в кругосветное путешествие в поисках выхода из критического положения, в котором находится княжество.

ГЛАВА V

БЕРЛИН

По улицам Берлина, как и прежде, снуют автомобили, экипажи, автобусы, такси, переполнены кафе и кондитерские, чисто подметены улицы и пестрят кино-афиши. Берлин все тот же, циркулем и треугольником выстроенный, город. Очереди у хлебных лавок, тысячи безработных на улицах, поношенная лакированная обувь на газетчиках, громкая русская речь в ресторанах — вот все внешние признаки, говорящие за то, что действие происходит после великой войны. Перед большим зданием американского Красного Креста имени Дугласа Тведа толпятся сотни людей в ожидании пайка. Паек получает только тот, чей род восходит к Рюрику или Карлу 1-му. Дар американского миллиардера состоит из банки конденсированного молока (марка Д. Т. А. О. Ш.), евангелия о-ва христианской молодежи, одной пары непарных бумажных носков и одной фланелевой пижамы на двоих.

В Берлине есть еще два дома, играющие немаловажную роль. Первый из них — большой серый дом с плакатом на дверях, возвещающим — «Межрабпом». Internationale Arbeiter-Hilfe. Там тоже толпятся сотни людей в ожидании пайка, планомерно и аккуратно распределяемого голодающим рабочим в этом гниющем, чисто подметенном, смятенном городе.

Второе здание тоже серое, выкрашенное в защитную краску серых берлинских домов. Перед зданием толпятся автомобили, такси, котелки и цилиндры,

пролетки и серые кэпи. Над колоннами портала высечено: «Биржа».

В большом зале суетится толпа народа у поставленной на возвышении грифельной доски. На доске — цифры и биржевые знаки.

Взгляды всех попеременно — на доску, на часы, в записные книжки, снова на доску, опять в записные книжки, снова на часы. Над цифрами и знаками неумолимое: Твед — 8.800, Крупп — 1.220, Веллерсдорф — 900. А ниже все акции, составлявшие некогда капиталы многих миллионов людей. Вырываются стоны, заглушенные биржевой сутолокой, беспомощно опускаются руки, в глазах азарт сменяется отчаянием. То же самое происходит в эти дни на биржах Парижа, Нью-Йорка, Рима, Копенгагена, Вены, Константинополя, и в городах на Балканах.

Сеид-Абдул-Назир-Хан уже несколько дней со своими ад'ютантами в Берлине. Оказались почти неосуществимыми планы о приведении в порядок дел разоренного княжества, возникшие в Арании. Ясно одно, в Берлине даже самый знатный иностранец может добиться только визы на выезд, и то, за очень высокую цену. Сегодня Сеид составил новый план: побывать в «Винтергартене», в «Скала», купить билет в конторе Америкэн-Дуглас-Твед-Лайн, отпустить ад'ютантов, содержание которых не по средствам.

А в скромном кафе на Кантштрассе решаются политические вопросы, когда-то волновавшие мир. В настоящий момент они волнуют двух представителей того мира: ад'ютантов Сеида — Олега Беляева и Джахид-Бея. «Честные враги», а ныне «друзья по несчастью» решают вопрос о вождельных проливах Турции. Олег Беляев считает неуместными притязания Джахида: «Помилуйте, давно-ли его славный тезка

приколотил к вратам Царьграда русский щит?!» Джахид-Бей возмущен: «Экселанс забывает, что Айя-София давно сменила ненавистный ей византийский крест на полумесяц и звезду».

Сухость этого принципиального политического спора увлажняет «Ein echter russische Schnaps». Джахид-Бей, не без удовольствия, забыл для этого запреты Корана. Сегодня оба друга закончили свои послужные списки, но не падают духом. «Военная интервенция, Российская империя, старая Турция, великие князья в Париже и т.-д. — можно ли наряду с этим думать о завтрашнем обеде?!»

А в тот же вечер в баре на Курфюрстендам монаршие колени затекают от двух воздушных очаровательных Амалий, — можно ли тут думать о престиже и делах королевства!

ГЛАВА VI

О ЗВЕЗДЕ, ПОМЕРКШЕЙ В СПБ И ЗАСИЯВШЕЙ В НЬЮ-ИОРКЕ

Беспощадным голубым светом залили юпитеры ателье Твед-фильм. Суется плотники и операторы. Нервно посматривают на часы режиссер и помощники, напряженными руками переводят механики рычаги ослепительных голубых солнц.

Съемка уже началась, а мисс Клан, как всегда, заставляет себя ждать. В уборной мисс Клан три горничных мечутся взапуски, помогая своей госпоже. У большого зеркала «стар» лениво накладывает грим. Если бы читатель мог поймать хоть один из взглядов ее серых глаз или одну из ее улыбок, он бы сразу понял, что мисс Клан стоит того, что делает для нее мистер Твед.

Через несколько минут мисс Клан, скучая, поворачивает свое лицо во всех направлениях, указанных режиссером, помощниками, оператором. От стар требуют очень мало, гораздо меньше, чем от оператора, помощников, режиссера, сценариста, лаборатории. Снимают отдельные сцены боевика «Страшный сон султана», написанного сценаристом Магоком. К участию в этом фильме привлекаются лица бывших императорских фамилий. Специальные уполномоченные Твед-фильм командированы для этой цели в Европу. Мисс не считает возможным поручить ответственные роли коронованных героев актерам-профессионалам с кабацкими манерами.

Ирэн Клан — псевдоним кино-стар. Настоящее ее имя — Ирина Александровна Логинская. Петербуженка, смолянка, наследница 60.000 десятин в Рязанской гу-

бернии. На Рождестве в 1916 году Ирина Александровна ездила на Фронт к мужу. По возвращении она узнала... То, что узнала Ирина Александровна, знаем мы все; но Ирина Логинская, столбовая, смолянка, — она не могла простить. Было мобилизовано все «дворянское мужество» для того, чтобы, стиснув зубы, молчать и негодовать только в присутствии княжны Лизетт и бедного Коки Васильчикова, которые так хорошо ее понимали. Все, наконец, можно простить: и грязь в коридорах Смольного, и разорванные портреты их величеств, и солдат в девичьих дортуарах, но 60.000 десятин в Рязанской губернии, милую, славную, старую «Логоновку» — никогда, ни за что. С этими тяжелыми мыслями, с ненавистью, покинула Ирина Александровна Логинская Петроград и уехала на Кубань к мужу. Вместе с мужем она пережила все «мытарства» последних дней «спасительницы России» доброармии. После грязных Армавиров, Ставрополей, Екатеринодаров, ей показался великолепным даже грязный греческий квартал в Константинополе. В этом городе открытое ею кафе похоронило последние бриллианты чистой воды и тысячные соболя. Затем она открыла комиссионный магазин и через два месяца уехала в Берлин, продав сданные ей на комиссию вещи. В Берлине она служила кельнершей в кафе и снималась в толпе на кино-фабрике. В Берлине она разошлась с мужем, молодым полковником гвардии, и, в поисках счастья, за год переменила трех русских полковников гвардии и двух немецких банковских чиновников.

Мистер Дуглас Твед, приехав в Берлин на неделю, зашел в кафе, в котором служила Логинская. За чашкой кофе, взятого из ее рук, мистер Твед поймал взгляд ее серых глаз и одну из ее улыбок. Через неделю Америкэн-Дуглас-Твед-Лайн увозил на одном из

своих транс-атлантиков Ирину Логинскую с мистером Тведом в Нью-Йорк.

Теперь мисс Ирэн Клан — законодательница мод, владелица лучшего в мире лимузина с маркой Д. Т., пайщица кино-фабрики Твед-фильм, обитательница особняка на 5-м Авеню, героиня 15 боевиков, заснятых специально для нее, приятельница председателя лиги Ку-Клукс-Клана (отсюда псевдоним), инициаторша учреждения анонимной компании по постройке океанского туннеля. Кроме того, мисс Ирэн Клан получает годовой доход с акций калифорнийских золотых россыпей. - Теперь мисс Ирэн Клан очень редко дарит ласковые взгляды серых глаз и обольстительные улыбки, и даже мистеру Тведу они каждый раз стоят очень дорого.

ГЛАВА VII

АМЕРИКЭН ДУГЛАС ТВЕД ЛАЙН

«Америкэн Дуглас Твед Лайн» — кричит пестрая надпись на корме гигантского транс-атлантика. Сотни таких же пароходов отправляются каждый год из Нью-Йорка в Гамбург, из Гамбурга в Нью-Йорк. На пароходе мистера Тведа такой же трюм и кочегарка, как и на других, не менее комфортабельных транс-атлантиках. На палубе — неизменные шезлонги с миллиардерами, миллиардеры с неизменными сигарами и биржевыми бюллетенями, джаз-банд и шимми-фоксы, французские духи и коктэйли. Снуют негры-грумы с чернильными кляксами вместо рук и лиц на ослепительной белизне костюмов. Прогуливаются сухие, вытянутые рамоли, поправляют монокли, гнусавет друг другу приветствия, жалуются на ишиас, очень сдержанно спорят о политике. С шелестом океанских волн сливается шелест биржевых бюллетеней, с запахом французских духов — пряный аромат долларов. К черному кофе с ванилью подается ассортимент ликеров, зеленее Атлантики, в хрустале рюмок, прозрачнее намеков и мыслей тех, кто заполнил верхнюю палубу.

И трюм, и кочегарка на пароходе Тведа такие же, как на всех конкурирующих пароходах.

В кочегарке у печей и котлов лица горят, как осенние закаты; руки, грязнее огородной земли, подбрасывают уголь, чиркают спичками около прокуренных трубок, перелистывают газеты. С шелестом океанских волн сливается шелест газет, пахнущих машинным

маслом, вымазанных сажей и керосином. Приветствуют друг друга короткими, шершавыми, отрывистыми словами; горячо спорят, делая резкие движения. Обмениваются впечатлениями о Европе. Только к черному кофе не подают ликеров зеленее Атлантики.

Старый матрос Гурдон — старый скептик (кажется, скептицизм этого человека родился до него) читает «Правду», полученную из Москвы. Гурдон знает русский язык, — он два года жил в России. Он потягивает трубку и иногда, отрываясь от газеты, высказывает мучающую мысль. Вот и сейчас, сжав кулаки, он сказал товарищам у печей и котлов:

— Я бросился бы вниз в эти волны, по которым плаваю двадцатый год, если бы перестал верить, что мы сумеем, правдой, которую мы крикнем им из кочегарки, заставить замолчать их джаз-банды. От нас зависит приблизить час, когда наши сапоги сотрут следы их узких ботинок, исчертивших фокс-троттами верхнюю палубу.

В одной из кают первого класса, скучая, перелистывает французский роман Сеид-Абдул-Назир-Хан. Надоела эта неудавшаяся поездка. В Берлине истрачены последние деньги. Подписан вексель под чудовищные проценты. Ад'ютанты отпущены. Последняя надежда — Америка, эта страна эксцентрических выскочек и несметных богатств. Страна, в которой ни один человек не может конкурировать в древности рода даже с Сеидовым слугой.

ГЛАВА VIII

СТАР ЗАНИМАЕТСЯ ДЕЛАМИ

Уже в четыре часа мисс Клан начала нервничать. Выразилось это в том, что она стала ежеминутно поглядывать на маленькие бриллиантовые часики на левой руке, раздраженно вызывать горничную без всякой надобности и, не отдав распоряжения, усылать ее обратно, раскрывать и закрывать французский роман, много курить. Словом, мисс Ирэн Клан нервничала, как все знаменитые кино-стар, как все просто капризные женщины, как все существа нежной и хрупкой природы, обреченные волей судьбы на бездействие.

Состояние мисс Клан было вызвано нетерпением в ожидании приезда директора Твед-фильм мистера Чендлера. Чендлер сообщил ей по телефону, что в 4 ч. 45 мин. Будет у нее. Надо выяснить вопрос об исполнителе роли султана в сценарии Магока.

В 4 ч. 45 мин. горничная подала мисс Клан визитную карточку мистера Чендлера.

В 4 ч. 47 мин. происходил следующий разговор:

— Я слушаю вас, мистер Чендлер.

— Мисс, наш уполномоченный на обратном пути из Берлина передал мне с парохода по радио следующее.

Чендлер вынул из портфеля аккуратный лист бумаги и подал его мисс Клан.

Это было радио-сообщение с транс-атлантика Дугласа Тведа:

«На пароходе полу-инкогнито разоренный восточный король. (Уполномоченный слаб в титулах). Кажется, подойдет к роли султана. При сем радио-снимок.

Решение мисс сообщите немедленно. Укажите условия. Симон Райд — уполномоченный Твед-фильм».

Мисс изучила лицо Сеида ровно в пять минут, а это не слишком долго для столь важного вопроса. Мисс осталась очень довольна. Через минуту в трубку настольного аппарата бросала:

«Алло. Мистер Магок! У аппарата Клан. Султан найден. В семь у меня к обеду».

«Алло. Мистер Вист! Султана везет Симон Райд. В семь к обеду у меня».

Чендлеру деловито пожала руку, деловито уронила: «Вы будете в семь! За сообщение благодарю».

В семь часов в большой столовой мисс Ирэн Клан обсуждался вопрос о Сеиде. Решилась судьба последнего монарха, ведущего свой род от самого Магомета. За обедом присутствовали: мистер Твед, Чендлер — директор Твед-фильм, первый секретарь мистера Тведа, Аллан Вист — король американских репортеров, сценарист Магок, председатель лиги Ку-Клукс-Клана мистер Блек и, конечно, сама мисс Клан.

Через несколько часов Симон Райд принял радио-сообщение на пароходе Тведа:

«П р и в е з и т е , п о д х о д и т , у с л о в и я п о с о г л а ш е н и ю , Ч е н д л е р».

ГЛАВА IX

МАЛЕНЬКАЯ ТАЙНА КИНО-СТАР

У мисс Клан есть маленькая тайна. Если бы участником этой тайны не был сам мистер Аллан Вист — король американских репортеров, читатель, несомненно, узнал бы о ней раньше. Мистер Аллан Вист не такой репортер, чтобы упускать тайны кино-стар, да еще любовницы мистера Тведа.

Но так как у Виста нет конкурентов среди репортеров, — у мисс Ирэн Клан сохранилась маленькая тайна.

В 11 часов, когда мисс осталась после обеда одна и сменила обеденный туалет на шелковую, совсем прозрачную пижаму, пришел Вист.

Собственно Вист был и за обедом, но за обедом были, кроме Виста, и Твед, и Чендлер, и Блек, и Магок.

В 11 часов был только Вист. Когда мисс вместо обеденного или вечернего туалета одета в шелковую пижаму, и когда мисс, по сведениям, полученным Тведом, занята, или, действительно, занят сам Твед...

Виста принимают не в той большой столовой, в которой решали вопрос о Сеиде, и даже не в маленьком кабинете, чистейший Амбир.

Когда мисс в шелковой пижаме одна, Виста принимают в спальне Людовика XIV, принадлежащей мисс Клан.

Вист — американский репортер. Он носит прекрасно сшитые костюмы от лучших портных, круглые черепаховые очки, при фраке сменяющиеся моноклем, на губах у Виста всегда усмешка.

У Виста, собственно, три усмешки: самая постоянная — первая — скептическая, вторая — почтительная, третья — дерзкая.

Распределяются усмешки так: первая во всех случаях, при всех обстоятельствах (когда нет поблизости Тведа — это единственный человек, которого ценит Вист), вторая — читатель понимает — только для Тведа и то при Тведе, а третья — для мисс.

Вот эту третью улыбку Виста мисс Клан очень любит.

Правда, король американских репортеров знает, что эта усмешка неуместна при Тведе: дерзкой усмешкой не дарят любовницу, когда ее делят с самим Дугласом Тведом.

В 11 часов, когда кино-стар принимает Аллана Виста в спальне Людовика XIV, решаются все вопросы, интересующие короля американских репортеров.

В этот вечер Вист долго говорил на все те темы, которые не смел обсуждать за обедом, но мисс, которая горячо любит Виста, сумела вовремя стереть поцелуем появившуюся на его лице дерзкую усмешку.

ГЛАВА X

ОБРАЗЕЦ ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ РЕПОРТЕРОВ

Прошло три дня с тех пор, как Сеид-Абдул-Назир-Хан прибыл в Нью-Йорк. Три дня от первой заметки, сообщающей об его приезде и любезном согласии, данном им на исполнение роли султана.

Инкогнито Назир-Хана еще на пароходе было расшифровано каким-то юрким джентльмэном, который осторожно, как хрустальную вазу, привез его в Нью-Йорк. Сеид не жалеет о расшифровании инкогнито (Сеид об этом мечтал). Сеид один из последних властелинов, которые ведут свой род от самого Магомета. В этом мире остались только властелины, ведущие счет долларам, нагроможденным на первый, заработанный продажей газет. Сеид отвык от почетных встреч, а в Нью-Йорке его встретили с истинно-царскими почестями.

Он занимает прекрасные комнаты в лучшем отеле на Бродвее, обедает у мисс Клан, проводит вечера (вернее, ночи) с мисс Клан и ее друзьями в прекрасном кабаре на том же Бродвее. Мог ли Сеид жалеть о расшифрованном инкогнито?!

Вчера Сеида интервьюировал король американских репортеров Аллан Вист, тот самый, который принят в доме самой мисс Клан.

Этот репортер чрезвычайно понравился Сеиду. Добродушный, чудаковатый, кажется даже глуповатый, но очень милый человек — этот Вист.

Сеид охотно продлил вчерашнюю беседу за черным кофе с ванилью и с ликерами зеленее Атлантики.

Говорил почти один Вист.

Вист: «Мажестэ говорит, что Арания находится в соседстве с Турцией? Мажестэ изволили упомянуть о нефтяном источнике в Арании. А концессия нефтяная?! Блестящая возможность поправить дела королевства. Недостаток нефти? Пустяки, надо только начать разработки. Все эти княжества, там (где там, Вист не знает, поэтому делает широкий жест рукой) легко обращаются в рог изобилия. Капитал для этого нужен, всего в каких-нибудь несколько миллиардов долларов. Мажестэ мог бы сделать выгодную сделку: продать Аранию. Это так просто: продать Аранию! Весь мир с ума сошел в поисках нефти. Американец охотно выбросит несколько миллиардов только за намек на возможность нефтяных разработок».

Вист не только прекрасный репортер, но и хорошо воспитанный, светский человек, поэтому он не утомляет Сеида этим интервью, он легко перескакивает с одной темы на другую. Он говорит о Нью-Йорке, о мисс Клан, о Твед-фильм, о сценарии Магока, о многих других забавных вещах.

Мажестэ, т.-е. Сеиду, по мнению Виста, должен понравиться Нью-Йорк. Когда Мажестэ освоится, он не захочет уезжать из Нью-Йорка. Тогда пусть Мажестэ подумает о том, что ему сказал Вист о продаже Арании. Это случайная, но, несомненно, блестящая мысль. Кстати, мисс Клан охотно посодействует Сеиду в этом. Мисс — все может. Мисс диктует все, что хочет, мистеру Тведу, Твед — биржам, биржи — игрокам, и т. д.

Сеиду показалось, что в результате даже выходило, что Клан диктует все, что хочет, миру.

Автор не знает, зачем добивается Вист продажи Арании. Вист человек азартный, игрок неплохой, ре-

портер еще лучший, автор же молод и скромн: ходы людей, подобных Висту, для него — загадка.

Но автор знает, к чему все это привело и с чего началось, а этого вполне достаточно.

ГЛАВА XI

ОБ ОДНОМ ИЗ МНОГИХ КОНТРАКТОВ

Джек Вилькерс — рабочий. Он уже почти полгода работает на фабрике сельско-хозяйственных машин Дугласа Тведа. Джек Вилькерс — квалифицированный токарь, отличный мастер, прекрасный товарищ, отменный семьянин этот Джек. У него есть жена, немного ворчливая, но покладистая, трое ребятишек, жужжащих, как шмели, мать жены и 12-ти летний брат Джим. Год назад Джек Вилькерс потерял место на фабрике сельско-хозяйственных машин Креслинга, которая закрылась, не выдержав конкуренции с Тведом. Два месяца спустя для жены, бабушки, 12-ти летнего Джима, для троих ребятишек и для самого Джека Вилькерса настали скверные времена. Новую работу оказалось нелегко найти.

Квартирный хозяин приставал с требованием квартирной платы, а продавать уже было нечего.

Каждый член семьи Джека Вилькерса по-своему переносил тяжелое время. Жена перестала ворчать и понуро блуждала по квартире, все чаще прикрикивая на детей. Бабушка судорожно и непрестанно штопала носки, словно собираясь накормить ими семью. 12-летний Джим начал приучать семью к скверным отметкам, получаемым в школе. Сам Джек Вилькерс угрюмо дымил трубкой, неустанно бегая по всем газетным объявлениям И только ребятишки, все трое, одинаково реагировали на происходящее: сначала они повысили количество шалостей, потом участвовали капризы и настойчивые требования и, наконец, при-

тихли, не обращая внимания даже на незаслуженные окрики матери. Иногда заходили к Вилькерсу товарищи по несчастью, отпущенные вместе с ним с фабрики Креслинга. Тогда Вилькерс начинал шутить о том, что, умерев с голоду, они окажутся соседями по братской могиле, что вместе голодать легче, и что такие тяжелые времена — несомненный признак близкого благополучия. В конце третьего месяца, Джек, дымя трубой, прочел в газете объявление фабрики сельскохозяйственных машин Твед-Концерна.

Через час в огромной конторе фабрики был заключен контракт между токарем-специалистом Джеком Вилькерсом, с одной стороны, и директором фабрики, с другой. А через 24 часа Джек получил аванс, оговоренный по контракту, и ордер на кредитование в магазине готового платья текстильного синдиката Твед-Концерна. Семья Джека Вилькерса приделась, и с легким сердцем переехала на новую казенную квартиру. Какое счастье, когда квартира не стоит ни одного цента, когда ты знаешь, что на каждую твою получку не набросится, как ворон на падаль, квартирный хозяин, требуя платы. Джек Вилькерс доволен, почти счастлив.

В первую минуту, когда Джек слышал блестящие условия, предложенные ему фабрикой, он подумал, что попал в ловушку. Но это только в первую минуту и только потому, что Джек Вилькерс два месяца голодал с женой, матерью, братом, тремя ребятишками. После двух тяжелых месяцев человек всегда становится скептиком, если не на всю жизнь, то не меньше чем на два года. Но Джек Вилькерс — хороший семьянин, прекрасный мастер, — он знает, что лучше какая-нибудь работа, чем никакой, а скептицизм Джека Вилькерса совсем рассеялся после подписания контракта. Блестящий контракт: на 6-ти месячный срок с казенным

помещением, с кредитом на одежду, со всеми льготами, предоставляемыми рабочим Твед-Концерна. Несколько месяцев безработицы не только заставили семью голодать, но и оставили без лишней рубашки, и совсем без обуви. Скудные запасы гардероба каждый день покидали свои насиженные места в шкафу, уходя на базар, уступали место картофелю на столе. Читатель видит, что Джек Вилькерс никогда не мог ожидать, что его шутка о близком благополучии так скоро, так легко и быстро превратится в действительность.

Г Л А В А XII

О РАСЧЕТНОЙ КНИЖКЕ И НЕБЛАГОДАРНОМ РАБОЧЕМ

В тот же день, когда семья Вилькерса поселилась в новой квартире, Джек стал на работу, а жена засуетилась у изразцовой плиты казенной квартиры. Бабушка перенесла место штопки чулок в новую кухню, Джим принес к первому обеду хорошую отметку из школы, ребятишки затопали по двору в новых ботиночках, и снова зажужжали, как шмели.

На полке слева у плиты, между тазом для варенья и бельевым котлом, жена Вилькерса хранила коленкорovou книжечку с аккуратной четырехугольной этикеткой, с надписью:

«Книжка № 1.217.471 рабочего Джека Вилькерса — Твед-Концерн, № расчетной книжки 7.371.202 — продуктовый магазин для рабочих Твед-Концерна».

В первую субботу Джек Вилькерс принес домой: расчетную книжку №7.371.202, вновь обретенный скептицизм и один доллар восемь центов. Свежий расчет на первой свежей странице книжки, породивший скептицизм Джека, пояснял: заработок—18 долларов, вычеты—7 долларов по счетной книжке продуктового магазина № 1.217.471, 5 долларов в счет рабочего кредитования, 3 доллара за квартиру и отопление, один доллар и девяносто два цента за освещение и газ.

Скептицизм Джека услужливо об'яснил ему выгоду того, что сделал для него Твед-Концерн с расчетной и счетной книжкой и рабочим кредитованием. Один

доллар и восемь центов даже для скромных требований Джека и его семьи — немного.

Джек — хороший семьянин и прекрасный товарищ: он любит пойти иногда с женой в кино или театр, с детьми — в цирк, а с товарищами — в кабачок «Доброй вдовы» выпить два-три виски в спорах о предстоящих выборах. Кроме того, Джек покупал трубочный табак, выписывал газеты, посылал 10 долларов в месяц своей матери, — для всего этого у Джека оставалось — 1 доллар и 8 центов в неделю.

Придя в субботу из конторы домой, Джек обедал, ни с кем не разговаривая и угрюмо читая газету. В восемь ушел в кабачок «Доброй вдовы», где в дни, когда нужно было решать особо важные вопросы, собирались рабочие фабрик Креслинга и Тведа и других.

ГЛАВА XIII

КАБАЧОК «ДОБРОЙ ВДОВЫ» И ФЕШЕНЕБЕЛЬНЫЙ БАР НА БРОДВЕЕ

В кабачке «Доброй вдовы» Джек застал всех своих друзей, даже тех, кто не был завсегдатаем кабачка. И Билля Магдона, который не пьет больше одного виски, и Сима Морриса, который неохотно оставляет свою молодую жену одну. Были здесь и Джон Фингор, и Тэд Кертон, активные работники группы левого крыла, давно променявшие и виски, и биллиард, и «Добрую вдову» на политику. И много еще других товарищей Джека, одновременно с ним поступивших на завод Тведа. В кабачке «Доброй вдовы» нет незнакомых, там все знают друг друга.

Среди всех выделяется высокий молодой рабочий, который оживленно беседует с несколькими товарищами, сохраняя при этом очень спокойное, почти веселое выражение лица. Это Том Ринкен, один из лучших специалистов завода Тведа.

В этот вечер в кабачке «Доброй вдовы» оживленно и горячо спорили, непрестанно дымили трубками. Разговоры и споры вертелись вокруг условий новой работы, расчетных и счетных книжек, контрактов и кредитов. Тэд Кертон, активный работник группы левого крыла, даже попробовал устроить митинг.

Собственно, автору неизвестны намерения Кертона. Тэд Кертон ударил кулаком по столу, и все замолчали. Когда Кертон, Фингор, или Ринкен ударяют кулаками по столу, всегда воцаряется тишина. Все знают, что это не такие люди, чтобы зря стучать кулаками по столу, и

все слушают с напряженным вниманием. Итак, ударив кулаком по столу, Кертон заговорил:

«Не буду, не смею упрекать вас в наивности, я был так же наивен, как и вы, когда пошел на условия, предложенные мне фабрикой. Мы часто делаем глупости, потому что этого требуют наши пустые желудки, а у пустого желудка всегда диктаторский тон. Группа, поступившая от Креслинга, попала в еще худшую ловушку: фабрика нуждалась в квалифицированных мастерах, не искала и не выписывала их, потому что все знали, что ими же подготовленный крах Креслинга — неминуем. Вам дали возможность продать и износить последние тряпки, несколько месяцев поголодать с вашими семьями, чтобы разговаривать не с вами, а с вашими пустыми желудками».

Когда замолчал Тэд Кертон, заговорил Том Ринкен. Он ограничился всего несколькими словами, упрекнул товарищей в том, что они находят удовлетворение в жалобах и праздных разговорах. Не считают ли товарищи, что именно сейчас следует поднять голову и заставить считаться с собой, а не ждать и разговаривать, ежевечерне увеличивая количество виски и ненужных слов?

Это был один из самых шумных вечеров в кабачке «Доброй вдовы».

А в кабаке на Бродвее результат интервью с Сеидом послужил первым тостом в большой компании — в нише с вензелем «Д. Т.»

Через час чек на миллион долларов, подписанный Дугласом Тведом и врученный Сеиду, решил судьбу последнего монарха, который знал счет колен, отделяющих его от самого Магомета.

Все произошло очень просто: интервью с Сеидом появилось в газетах Нью-Йорка, и все поняли, что Се-

ид-Абдул-Назир-Хан продает Аранию, что в Арании имеются нефтяные источники, и что голова монарха так же пуста, как его казна. Американцы знают, что с такими данными нелегко обогатиться.

Одновременно со всеми нью-йоркскими жителями узнал об этом Сеид-Абдул-Назир-Хан. Реагировал так: сначала не понял, затем удивился, подумал об Арании, сосчитал еще раз колена, восходящие от него к Магомету и, наконец, вздохнул.

В результате, Сеид решил: Арания — разорена, Нью-Йорк — хороший город, мисс Клан — удивительная женщина, бар на Бродвее — отличное заведение, а Твед-фильм хорошо платит, Через полчаса Сеиду начало казаться, что нефти в Арании достаточно, чтобы начать разработку. Эти чудачки американцы начинают разработки даже там, где никто о нефти не обмолвился. Олег Беляев уверял Сеида, что местность Арании похожа на окрестности Баку.

Таким образом, в один вечер в баре на Бродвее решилась судьба Сеида, а в кабачке «Доброй вдовы» решались судьбы всех последних властелинов Европы, Америки и Азии. В дыму прокуренных трубок, в оживленных спорах и бурном негодовании выискивались способы свержения тех, кто знал счет ступеней, восходящих к Магомету, и тех, кто знал счет миллиардов долларов, нагроможденных на первый, заработанный продажей газет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

А. О. О. К. (Американск. Восточное нефтяное общество)

American Orient Oil С^о

15-го июня во всех газетах мира жирным шрифтом (с подробностями в тексте) появилось:

**ВЫПУСК АКЦИЙ НОВЫХ НЕФТЯНЫХ ИСТОЧНИКОВ
В КОРОЛЕВСТВЕ АРАНИЯ**

А в тексте сообщалось, что 50% учредительских акций приобретены «концерном Твед». Президентом нового акционерного общества выбран мистер Дуглас Твед. В счет дивиденда при подписке на сумму не менее 20.000 долларов выдается аванс в размере десяти процентов с годового дивиденда.

Все крупнейшие экономисты мира поместили статьи, предсказывающие огромную будущность новому обществу.

Кулуары бирж стали походить на потревоженный муравейник.

Взгляды людей в котелках, цилиндрах, шляпах, фуражках и кепи устремлены только на окошечки с раздвижными матовыми стеклами и свежей надписью: «А. О. О. К.».

На улицах, в трамваях, в театрах, в поездах, в парикмахерских, в ресторанах и в приемных врачей — разговоры только о новом о-ве нефти.

Экспедиции заготовления ценных бумаг не успевают выпустить к сроку заказы на акции А. О. О. К. Под-

писчикам выдаются временные сертификаты на акции. Банки, ведущие подписку на АООК, увеличили вдвойне штат служащих. Закладываются последние голубые бриллианты, розовые жемчуга, седые соболя и голубые лисицы, реализуются за бесценок все другие акции, некогда составлявшие капиталы их владельцев.

«Мистер Феллер, король нефти, после пятого бюллетеня, в котором на первом месте стояли акции АО-ОК'а, сошел с ума.

Почувствовав признаки близкого помешательства, мистер Феллер сделал последнее усилие ослабевшего разума и написал две важных бумаги: в первой он завещал при жизни своей дочери миссис Эллен Феллер все свое имущество. К деловому тексту бумаги он сделал грустную лирическую приписку:

«Эллен, молись богу, которому молился твой отец, — этот бог гневен, но милостив и справедлив. Этот бог Нефть. Твой несчастный отец Рокк Феллер. Нью-Йорк».

Во второй бумаге он оставлял своему управляющему распоряжение об ассигновании на постройку храма богу нефти 15 миллионов долларов.

Написав деловые письма, мистер Феллер тихо сошел с ума. Это был верный, честный слуга гневного бога нефти.

С одной знатной леди в Англии произошел трагический случай. Леди горячо любила своего единственного сына, который к началу «АООК'ской горячки» отбывал военную службу в артиллерии. Леди была не только знатна, но и богата, поэтому могла позволить себе роскошь горячо любить сына. Для удовлетворения своих материнских инстинктов, леди предприняла поездку в Лондон. Леди считала необходимым перевод сына в один из полков гвардии его величества, и решила хлопотать об этом у военного министра. Леди до

этой поездки в Лондон жила 10 лет безвыездно в своем родовом замке в Шотландии. Приехав в Лондон, несчастная мать заболела острым приступом АООК'ской горячки и забыла о цели приезда в Лондон. Семь дней провела она в жару этой страшной болезни. Семь дней продолжалась продажа родового замка и приобретение на всю сумму, вырученную от продажи, акций АООК"а.

Когда леди закончила это неожиданное дело, она вспомнила о цели приезда в Лондон, грустно вздохнула, вынула из чемодана фотографический портрет сына, а из сумочки кружевной платочек с короной о семи зубцах. Затем леди приложила портрет сына к высокомерному рту английской аристократки, а кружевной платочек к выцветшим прозрачным глазам, еще раз вздохнула и поехала к министру.

Леди принял секретарь министра, который, выслушав ее просьбу, закрепленную ссылкой на общих знаковых, почтительно ответил:

— Я боюсь, миледи, что господин министр не сможет уделить вам достаточно внимания, у господина министра неприятности, г-н министр разорен, и тяжело болен заокеанской лихорадкой. Миледи слышала о ней, она называется АООК. Если бы миледи могла помочь г-ну министру, министр, в свою очередь, сделал бы все возможное для нее.

Секретарь позволил себе даже воззвать к национальной гордости леди, которая не должна допустить до падения английского кабинета.

Леди возмущенно вскочила. Так не вскакивал еще ни один из носителей гордого имени Маклейн-Рут, ни один за время существования этого знатного рода. Леди посмотрела на секретаря, как может посмотреть только одна из Маклейн-Рутов, у которой родовой за-

мок дотянул до АООК, а кружевной платок не отвечает назначению из-за слишком больших зубцов короны. Леди резко отчеканила:

— Если бы сегодня пал английский парламент, то и тогда, я, Маклейн-Рут, не дала бы этой взятки.

Леди знает, что министры в Англии берут взятки не хуже чинов русской полиции, но такой наглости никто не позволил бы себе. Видно, наглость в этом мире растет не менее стремительно, чем цена АООК'ских акций. Взятку этими акциями леди не даст даже во имя любви к сыну.

И леди ушла, величественная и возмущенная, с осанкой, свойственной только матери последнего Маклейн-Рута.

Дома леди снова поцеловала портрет сына, этого бедного «литль бэби» в артиллерийском мундире, а в кружевной платочек с короной о семи зубцах выцветшие глаза английской аристократки уронили горячие слезы, на какие способна только несчастная горячо любящая мать.

Автор рассказал читателю о двух, из длинного ряда, несчастных случаях АООК'ской горячки, о мистере Феллере и об одной несчастной матери. Было много и комических случаев. Автор сам был свидетелем одного из них. Один нервный субъект в Берлине попросил у кондуктора в автобусе вместо билета одну акцию АООК с пересадкой на Кантштрассе.

Читатель видит, что случилось на свете после 15-го июня, когда заголовки газет впервые заговорили об АООК.

ГЛАВА II

НОВЫЙ ФЛАГ В АРАНИИ

В первые дни золотого сентября заметался под небом Арании новый государственный флаг. Яркие, как аранийские закаты, краски нового флага еще выигрышнее кажутся от темного золота вышитых букв А. О. О. К. Резиденция хана ничем не отличается от самых фешенебельных отелей Америки и Европы. Это прекрасно оборудованное здание, этот элегантный нарядный сад, дорожки ровные, как самая точная линейка, мраморный фонтан, с мириадами холодных брызг всех цветов солнечного спектра и, наконец, элегантные иностранцы с их модами и обычаями. Читатель не узнал бы резиденции Сеида в фешенебельном отеле, названном «АООК».

Арания изменилась, ожила, принарядилась, засуетилась. Арания — муравейник: она движется, хлопочет, работает с утра до вечера и с вечера до утра. Отель «АООК» населен группой иностранцев, которые не замечают, как отлетают листки календаря в сутолоке и утомительной деловитости жизни в Арании.

Утром — поездка на лошадях в горы, около полудня теннис, после тенниса крокет, гольф, поло, чтение почты, в шесть дансинг на террасе отеля, после обеда — импровизированное кабаре и снова дансинг, ночью — прогулка на моторных лодках. «Бедные иностранцы» не успевают отдохнуть и выспаться в этой ужасной стране. И все это не просто забавные развлечения — это самая утомительная работа из всех начатых, с их приездом, в Арании. В промежутках между этими занятиями, усталые обитатели отеля «АООК» должны

бесконечное число раз соответствующим образом переодеться, принять надлежащую пищу и успеть перевести дыхание. «Несчастливые иностранцы» не раз, подойдя к какой-нибудь группе рабочих, вслух жалеют о невозможности поменяться с ними ролями. (Автор просит верить, что не слышал ни одного подобного желания со стороны рабочих).

Арания суетится, хлопочет, движется и работает. Арания — муравейник. Утром, когда элегантная кавалькада из отеля «АООК» отправляется в горы, в Арании уже кипит рабочий день. Тысячи рабочих буравят, грохочут, строят, разрушают, воздвигают, возят, пилят, рубят, делая Аранию шумной и суетливой.

В Арании нашлись пригодные местные рабочие силы, которые оказались значительно дешевле американцев. Сотни инженеров, архитекторов, врачей, и горняков наблюдают за работами. Первые — за техническими, вторые — за строительными, третьи — за изысканиями лечебных источников в этой стране преизобилия, четвертые — за исследованием почвы и подготовкой нефтяных разработок. В часы обеда и ужина Арания отдыхает, и гости — в резиденции Сеида, и тысячи вокруг резиденции.

В шесть часов медный гонг в отеле напоминает обитателям о часе обеда. «Несчастливые иностранцы» пятый раз меняют костюмы и встречаются на большой террасе у обеденного стола. В этот день ожидают мисс Клан, которая известила о дне приезда каблограммой с пути. Мисс не встречают, так как она не сообщила о часе прибытия яхты. Обед запаздывает, и «несчастливые иностранцы» вынуждены продлить утомительную деятельность «трудового» дня: фокс-тоттом, поккером, перелистыванием журналов, газет и биржевых бюллетеней, оживленными разговорами.

В шесть час. пятьдесят две минуты, когда публика на террасе уже подходила к столу, за кипарисовой стеной сада раздался всем знакомый, особенный гудок лучшего в мире лимузина с маркой «Д. Т. А. С. Ш.». Обед снова отложен, все вышли встречать владелицу лимузина.

В скромном кожаном пальто, с такой же шапочкой на голове, в узких кожаных перчатках (тончайшая копия шофферских) Ирэн Клан наряднее и привлекательнее всех дам в дорогих обеденных туалетах. Ирэн Клан деловито пожала руки присутствующим, а ласковый взгляд серых глаз остановился только на одном счастливце. Это был один из пионеров Арании — король американских репортеров, мистер Аллан Вист.

ГЛАВА III

НЕПОНЯТНЫЙ ШАГ ДУГЛАСА ТВЕДА

Сегодня в кабинете мистера Тведа всего один секретарь — «первый». У первого секретаря в руках всего один доклад, вернее, это отчет о работе в Арании, о нефтяных акциях Феллера, которые перешли во владение его дочери миссис Эллен Феллер.

Мистер Твед бегло знакомится с содержанием доклада и задерживается на вопросе об акциях Феллера, считая его наиболее важным. Мистер Твед предлагает первому секретарю обдумать способ приобретения именных акций Феллера.

Не считает ли господин секретарь необходимым присутствие одного из агентов Тведа вблизи мисс Феллер, для изыскания этого способа?

Мистер Твед находит, что для этой роли подходит только Аллан Вист. Кстати, его присутствие в Нью-Йорке нужнее, чем в Арании.

Первый секретарь отклоняет последнюю мысль Тведа, так скромно, и так, вместе с тем, категорически, что Твед удивленно взглядывает на него. В глазах Тведа зрачки начинают принимать Форму еле уловимого вопросительного знака.

Первый секретарь очень скромно, с корректным многоточием высказывает Тведу свои догадки относительно влюбленности Виста в мисс Клан. Влюбленный, по мнению первого секретаря, плохой исполнитель.

Мистер Твед и его первый секретарь всегда понимают друг друга с полуслова, понимают намек и даже

еще невысказанную мысль. Поэтому, мистер Твед невзначай уронил:

— Тогда решите сами. Вопрос об именных акциях Феллера предоставляю на ваше усмотрение, но они должны быть в наших руках в самый кратчайший срок. Мисс Клан прошу напомнить о необходимости продолжать с'емки. Чендлер недоволен, так как контракты артистов кончаются через месяц. Приготовьте мне отчет сумм, затраченных на мисс Клан и цифру годового дохода мисс.

ГЛАВА IV

ТЕОСОФИЯ И НЕФТЬ

После трагической истории с мистером Рокком Феллером; его дочь Эллен стала при его жизни единственной наследницей. Миссис Феллер — тридцатипятилетняя, истерическая, взбалмошная женщина. Она была три года замужем за австрийским офицером, который, несмотря на свою непосредственную материальную зависимость от жены, к концу третьего года супружества предпочел пулю браунинга — нефти тестя и теософии жены. Миссис Феллер занимается теософией и спиритизмом, мечтает о спасении души и ведет точный счет своим перевоплощениям на протяжении трех веков.

После трагического случая с отцом миссис Эллен Феллер уехала в Давос для поправления здоровья. Автор берет на себя смелость утверждать, что клиника, в которой нашел успокоение мистер Феллер, была бы для его дочери полезнее, чем санаторий Давоса. Миссис Эллен не просила совета у автора этой грустной повести, поэтому уехала в Давос. В настоящий момент миссис Феллер сидит в кресле на террасе лучшего санатория и мечтательно смотрит на синие снега Альп и такие же лица туристов. Рядом с ее креслом на маленьком столике лежит газета с заметкой, обведенной синим карандашом. Текст этой заметки гласит:

«Письмо миссис Феллер в редакцию нашей газеты.

Господин редактор, не откажите поместить на страницах Вашей уважаемой газеты мое открытое письмо.

— Всем известно, что лорд Карнарвон начал несколько лет тому назад раскопки гробницы великого фараона Тутанкамон.

В настоящий момент, когда раскопки — святое дело лорда — завершились, считаю своевременным опубликовать мою тайну: в первом перевоплощении я была семнадцать лет подряд женой великого фараона.

Эллен Феллер. Давос.»

Через несколько дней после того, как читатель впервые увидел миссис Феллер, в ее жизни произошло невероятное событие. В 11 час. утра, когда миссис была занята первым завтраком, ей подали радиотелеграмму. Миссис прочла ее и без чувств откинулась к спинке кресла. Компаньонка забежала с флаконами нашатырного спирта и одеколона, с холодной водой и уксусом, и миссис через несколько минут пришла в нормальное состояние. Прочла вторично телеграмму и протянула ее компаньонке. Если бы компаньонка миссис Феллер не обладала крепким здоровьем наемных людей, с ней несомненно произошло бы тоже самое. В радио-телеграмме сообщалось:

«В первом перевоплощении был Тутанкамоном. Привет вновь обретенной супруге. Выехал в Давос.

Джон Смит-Тутанкамон. Фараон египетский. Нью-Йорк».

Для миссис Феллер настали томительные дни ожидания. Она нервничала, беспокойно оглядывала каждого вновь приезжающего, одними глазами спрашивала: «Это ты?». Не получив ответа, уходила к себе в комнату и забывалась над книгами Анни Безант и Ру-

дольфа Штейнера. Они приподняли для нее, верующей, завесу времени, и только они могли дать ответ.

20-го октября, когда вера миссис начала уже колебаться, горничная подала ей визитную карточку Джона Смита Тутанкамона из Нью-Йорка.

Миссис сделала нечеловеческое усилие воли (фамильное), напудрила нос, поправила прическу, побрызгалась духами, смочила виски одеколоном, вздохнула и сказала: «войдите».

Вошел Джон Смит. Этот человек, по мнению автора, за три тысячи лет, несомненно, успел утратить сходство со своим первообразом. Полнеющий, чисто выбритый, типичный американец, типичный «бизинес-мэн». Крупным деловым шагом он подошел к миссис, и вопреки американским привычкам, неумело, и по-деловому — сосредоточенно, поцеловал обе руки миссис. Затем мистер Джон Смит вздохнул и, еле сдержав радость встречи после столь долгой разлуки, проговорил:

— Как я счастлив, миссис.

Грустно улыбнулся, посмотрел пристально на миссис, и добавил:

— Я знал, что вновь обрету вас.

Джону Смит-Тутанкамону ответил без слов вдохновенный, влажный, проникновенный взгляд миссис, который умел видеть то, что делалось за спущенной для других завесой времен.

Через час фараон беседовал со своей супругой, словно не было разлуки в три тысячи лет. Они говорили о настоящем и далеком прошлом, о том, что незнакомо невеждам, не читавшим Анни Безант и Рудольфа Штейнера.

Мистер Смит-Тутанкамон высказал глубокую мысль:

«Какое счастье, миссис, что мы возродились в Новом Свете — Америка единственная страна, которая стоит не ниже нашей древней родины».

Мистер Смит почтительно говорил своей супруге: «миссис» и «вы», и еще почтительнее сообщил, что поселился в соседнем отеле. Миссис Феллер в восторге от мистера Смита: «Тутанкамон мог воплотиться только в такого джентльмена, как Джон Смит».

Анни Безант и Рудольф Штейнер — настольные книги миссис Феллер — отныне — ее евангелие.

ГЛАВА V

О ВЕРНОСТИ ЛЮБЯЩИХ СЕРДЕЦ В НАЗИДАНИЕ ВЛЮБЛЕННЫМ

Джон Смит уже две недели в Давосе. Бродит с миссис по Альпам, бегают на лыжах, говорит о Египте, слушает чтение книг по теософии, ругает современность и уговаривает миссис переселиться в Египет. Они уже называют друг друга: «Эллен и Джон», но сохраняя всю утонченную почтительность обращения. Джон Смит переехал в санаторий, в котором живет миссис, обедает на ее половине, а деловым письмам уделяет не более получаса в день. Смит и миссис Феллер занимаются не только теософией, — много интереса проявляют они к АООК'ской горячке, которая очень занимает Смита. Смит так увлекся наблюдением над этим страшным видом заболевания, что сам решил приобрести акции АООК. Миссис, в свою очередь, решила подчеркнуть свое доверие и уважение к супругу приобретением этих акций. Когда миссис начала разговор на эту тему с мистером Смитом, он обрадовался и поддержал ее. Смит считает очень выгодным делом обмен именных акций отца Эллен Феллер (совершенно обесцененных) на акции АООК'а. Эти замечательные акции поднимаются, как пивная пена.

Не менее видное место в разговорах Эллен и Джона Смита занимает вопрос о переселении в Египет.

В конце третьей недели пребывания Смита в Давосе, миссис попросила его помочь ей произвести обмен ее акций на АООК, с доплатой разницы в цене. Какой-то чужак американец из соседнего отеля пошел на эту сделку, чем еще усилил разговоры об его ненормальной чужаковатости.

Через неделю мистера Смита вызвали в Нью-Йорк. Джон Смит устроил семейный совет с Эллен Феллер, и было решено, что он выедет в Нью-Йорк, а миссис Феллер — в Египет, предварительно ликвидировав свои дела в Америке. В Египте миссис посвятит себя всецело теософии и подготовит переезд мистера Смита-Тутанкамона. Перед выездом Смита из Давоса, миссис с его помощью написала все деловые письма в связи с принятым ими решением.

В распоряжениях, посланных управляющему, Эллен писала о необходимости ликвидировать ее дела в кратчайший срок, о сохранении ее акций АООК и о следующем распределении процентов с наличного капитала: одну часть процентов выдавать на содержание отца в самых лучших условиях, другую — высылать ей в Египет. Суммы, которые образуются от ликвидации всех предприятий и имущества, тоже разделить на две части: 1-ю внести от ее имени в теософское общество имени Анни Безант, а 2-ю в «Общество по раскопкам египетских гробниц». (Автор просит верить, что Эллен Феллер отдала последнее распоряжение отнюдь не с тайным желанием помочь обществу раскопать еще одного Джона Смита-Тутанкамона).

Через несколько дней Эллен Феллер уехала со своей компаньонкой в Египет, а мистер Смит, проводив супругу, вернулся для ликвидации дел в Нью-Йорк.

При расставании мистер Смит сказал «супруге» дрогнувшим голосом прочувствованные слова:

— О, Эллен, наши сердца не могут бояться разлуки в несколько недель — они нашли друг друга после разлуки в три тысячи лет.

Через день после их отъезда из Давоса, уехал и чуждак-американец, в силу ненормальности своей согласившийся обменять с небольшой доплатой со стороны

миссис акции Феллер на АООК. Этот чудак направлялся в Нью-Йорк; на пароходе он и Смит оказались попутчиками.

Через неделю после вторичной горестной разлуки с «супругой», Джон Смит сделал очередной доклад мистеру Дугласу Тведу. Досадная рассеянность: автор забыл сказать, что Джон Смит исполняет обязанности первого секретаря у мистера Дугласа Тведа.

В день приезда мистер Смит присоединил к своему небольшому наличному капиталу полмиллиона долларов — подарок патрона за удачно проведенное дело. В тот же день он снова приступил к обязанностям первого секретаря, без грусти расставшись с царственным духом фараона Тутанкамона.

ГЛАВА VI

О СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТИ КИНО-СТАР

В разговоре, который произошел между Смитом и Тведом до отъезда Смита в Давос, была обронена Тведом одна фраза, касавшаяся мисс Клан. Фраза эта имела чрезвычайно важное значение для последующих событий. Значение этой фразы было похоже на роль хлебных очередей в политических переворотах. (Есть политики, которые считают эту роль очень значительной).

Итак, незначительная фраза, уроненная Тведом, претворилась в каблограмму. Каблограмма была составлена Смитом (первым секретарем) и послана мисс Клан в Аранию. В руках мисс каблограмма превратилась в хлебную карточку, после чего последовал естественный ход исторических событий.

Мисс Клан вызвала горничную Китти и сказала ей несколько слов. Китти аккуратно уложила эти слова в коробочку под завитой пышной прической и вынесла их из комнаты мисс.

Китти побежала по длинным ковровым коридорам отеля «АООК» и остановилась перед дверью с карточкой мистера Виста. Постучала, подхватила «войдите» и вошла с аккуратно донесенной посылкой мисс.

В качалке две руки держат газету, две утренние туфли выражают скуку, два глаза выглядывают из-за круглых очков и газеты. Китти знает, что все это принадлежит мистеру Висту, что за всем этим скрывается Вист. Китти передает посылку мисс по назначению и выходит.

Вист складывает газету, меняет утренние туфли на белые замшевые полуботинки, а скучающую усмешку — на вызывающую с оттенком недовольства.

Через минуту Вист входит в комнату Клан со словами:

— Дорогая, видимо, цель вашего пребывания в Арании — мешать мне даже прочесть утреннюю газету.

Лицо мисс, описавшее 180° от зеркала к вошедшему, грустно говорило: «У меня и без твоей пилюли горло высохло от негодования».

— Бэби — сказала мисс, — прочтите это.

Мисс протянула Висту скомканный клочок бумаги, передававший ей пожелание Тведа, сформулированное Смитом и подписанное директором кино-фабрики Чендлером.

Вист прочел вслух:

«Ваше пребывание в Арании вредит делу. Контракты актеров кончаются через месяц. В случае вашего отказа начать немедленно с' емки, вынужден пригласить другую актрису на вашу роль.

Чендлер».

Вист затаился сигарой, подтянул на лице недовольную улыбку, а на белых фланелевых брюках — коленную складку, и сказал:

— Что же вы намерены делать, дорогая?

В ответ «дорогая» выбросила такое количество планов и проектов, что жизни самого Мафусаила не хватило бы для их выполнения.

Аллан Вист повторил свой вопрос: «Что же вы думаете делать, дорогая?» Тогда мисс прибегнула к тому выходу, который в настоящий момент нашла наиболее

выполнимым. Мисс села в кресло и заплакала. Вист нахмурился и задал вопрос в еще более сухой и деловой форме:

— Вы находите, что ваши слезы — лучший выход из положения?

Мисс продолжала плакать, не находя ничего более подходящего. Вист нервно зашагал по комнате. Он ходил крупными шагами по комнате, от выхода в коридор до выхода на балкон, в сосредоточенных поисках выхода из положения. Внезапно он остановился перед креслом, в котором мисс осушала черные (от ресниц) жемчужины слез.

— Знаю, нашел, — сказал Вист. — Перестаньте плакать и постарайтесь быть внимательной. Ведь вы не для того звали меня, чтобы я отсчитывал вам валериановые капли или давал нюхать английскую соль!

На этот вопрос, законченный восклицательным знаком, мисс ничего не ответила. Через минуту мисс горячо и неожиданно выкрикнула:

— Говори, Бэби, ты знаешь, что у меня никого, кроме тебя, нет.

Вист еле заметно усмехнулся этим словам, зная даже лично некоторых своих современников, близких мисс Клан.

Результат совещания Виста с мисс Клан заключался в следующем принятом решении: ясно, что для Тведа их отношения каким-то образом перестали быть тайной. Значит, к отношениям с Тведом у мисс Клан возврата нет, для этого Твед слишком горд. Вист недостаточно богат, чтобы позволить себе роскошь быть единственным любовником мисс Клан. Поэтому мисс Клан сообщит мистеру Тведу о своем решении соединить свою жизнь с Вистом — королем американских репортеров. Для полной ликвидации взаимоотношений Тве-

да и мисс Клан, последняя требует от него ликвидационную сумму в размере 1.000.000 долларов. Эта сумма в то же время оплачивает содействие Виста АООК'-скому блефу. Мисс Клан ставит в известность мистера Дугласа Тведа, что АООК'-ская компания настолько шатка, насколько прочен в прессе мистер Вист.

Соответствующее решение было в деловой форме передано Тведу по радио. А через несколько часов был получен ответ, приведший «счастливых любовников» в полное недоумение.

«Наличными суммами не располагаю. Предлагаю на сумму в 1.000.000 дол. акций АООК. Другие условия не приму. По сводкам аранийских инженеров, разработки превзойдут все ожидания. Мистера Виста не обязываю к содействию АООК'-ской компании в прессе. Желаю счастья. Дальнейшие переговоры, равно как и решение, через Смита.

Дуглас Твед».

Даже сам Вист не мог придумать ничего лучшего, чем согласиться на эти условия. Даже сам Вист считал необходимым пойти на условия Тведа, ввиду невозможности выработать другие.

Через неделю Гранд-Ориент-Экспресс увозил в Париж мисс Ирэн Клан, любовницу американского репортера, кино-артистку, и мистера Аллана Виста, американского репортера.

У них элегантные чемоданы, довольные лица, 1.000.000 дол. в акциях АООК, бриллианты мисс и изобретательность мистера.

Словом: мисс счастлива, а мистер почти доволен.

ГЛАВА VII

ТОМ РИНКЕН

Кто такой Том Ринкен, не знает никто.

О нем знают только то, что видят. Видят, что Том высок, сероглаз, красив, трудолюбив и приветлив. Все решили, что Том силен, хотя никто не испытал силы его мускулов. Все считают его приветливым, хотя Том улыбается очень редко, а говорит мало и односложно. Том прекрасно знает английский язык, но все почему-то убеждены, что Том иностранец. О том, какой он национальности, не знает никто, равно как и о том, есть ли у него родные и где они. О том, что Ринкен прекрасный мастер и трудолюбив, как пчела, знают все, и товарищи, и начальство.

Работает он на велосипедной фабрике Твед-концерна. «Отличный мастер этот Ринкен и, кажется, единственный надежный», — говорит о нем начальство. — «Побольше бы таких, как Ринкен, и мы сошли бы с мертвой точки» — говорят товарищи.

Том занимает маленькую комнатку у вдовы Чельмерс. Соседи его: слева — мисс Сарра Бреннигам, продащица из большого Конфексион, справа — студент консерватории с изводящей скрипкой. И мисс Сарра, и скрипач, и вдова Чельмерс — несмотря на близкое соседство и необъятное любопытство, знают о Томе не больше других. Сарра Бреннигам знает, что он ей нравится, и что все ее взгляды а la Пола Негри предназначены для него. Скрипач знает, что он единственный из всех окружающих, ни разу не проклинавший его скрипку. Вдова Чельмерс знает, что Том Ринкен —

единственный жилец, вносящий квартирную плату в срок.

Никто не знает, как попал Том Ринкен на завод Твед-концерна. В одно прекрасное утро у одного из станков увидели Тома в первый раз. Все дружелюбно пожали его руку, закорузлую не меньше, чем их собственные, и привыкли к нему. Том бывает, подобно другим, у «Доброй вдовы», пьет не больше тех, кто пьет мало, говорит и спорит не меньше тех, кто это проделывает в довольно большом масштабе. Правда, в этом пункте Том не похож на остальных, потому что, в отличие от других, — всегда сдержан, добродушен на вид и односложен. У Тома много друзей и еще больше единомышленников.

ГЛАВА VIII

АМБИЦИИ ВДОВЫ ЧЕЛЬМЕРС И «ДУРАК ПЛЕ- МЯННИК»

«В 11 часов собрание на обычном месте».

Эти несколько слов тихонько скользнули в уши тех, кому надлежит знать об этом. В одно, другое, в третье ухо. Кажется, нет ошибки? Все уши принимают эти слова с внешним, привычным спокойствием, а обладатель их не меняет выражения лица.

Одна пара ушей все же чуть-чуть наострилась. Выражение лица обладателя этих ушей еле заметно изменилось: левый угол рта усмехнулся, правый глаз сам себе подмигнул, одна бровь многозначительно поднялась кверху.

У вдовы Чельмерс есть племянник — бездельник Дикк. Собственно, Дикк не всю жизнь был бездельником. По окончании школы, на Дикка возлагались теткой большие надежды. Вдова Чельмерс, затратив на ученье Дикка некоторую сумму денег, отнюдь не считала, что ее деньги вложены в плохое или ненадежное предприятие. Вдова Чельмерс осталась после смерти мужа: с тремя комнатами для сдачи в наем, с амбициями, с племянником-сиротой и с коммерческой заправкой натуры. Поэтому, деньги, затраченные на ученье Дикка, должны были дать проценты в виде диплома. Диплом должен был дать тетке Дикка некоторую материальную выгоду и очень большую — моральную. Тетка Чельмерс, будучи много лет во вражде с соседкой, предполагала превратить диплом в носовой платок, утерев им соседке нос. В отношении этой

соседки все остальные способы выражения презрения были уже применены.

Дикк вылетел уже из средней школы, разрушив все надежды тетки и прибавив козырь против нее соседке.

Отношение вдовы Чельмерс к неблагодарному племяннику очень испортилось. Именование «моего племянника-студента»: заменилось коротким «Дикком-дураком». «Дикк-дурак» по целым дням читал детективные романы или валялся на диване в комнате скрипача, под аккомпанимент скрипки хвастая своими громкими победами над женщинами высшего общества. По вечерам Дикк приставал к Сарре Бреннигам, считая эту победу одной из наименее легких. Уши, в которые нечаянно залезли слова о собрании, принадлежали именно Дикку. Как он реагировал на это, читатель знает.

Вечером, примерно, около семи часов, Дикк проскочил через кухню к выходной двери. Вдова, занятая приготовлением ужина, не забыла напутствовать его коротко, но поучительно:

— Не приходи поздно, дурак.

Дикк галантно поклонился тетке, сделав шляпой жест, достойный Бреммеля. Затем Дикк быстро и деловито зашагал по узким улицам фабричного района в сторону центра.

Выйдя из кухни теткиного дома, Дикк почти бегом прошел фабричный район и вышел в центр. Через полчаса Дикк сидел в кресле в большом удобном кабинете мистера Блэка. Блэк высок, худ и неприветливо резок.

Дикк развалился в кресле, как старый знакомый, которому все позволено. Этот «дурак Дикк» поразительно непринужденно и небрежно разговаривает с присутствующими в кабинете Блэка.

Среднего роста, элегантный юноша, с породистым лицом и иностранным акцентом оживленно говорит о чем-то Дикку. Дикк говорит с юношей запросто и называет его «князем», пренебрежительно перебивая его.

Кроме князя, Дикка и Блэка, в комнате находятся еще несколько человек, которые иногда подают короткие реплики. Беседа продолжается около часа. Первый встает Дикк, пожимает руку мистера Блэка и роняет в сторону остальных:

— Если вы не хотите опоздать — торопитесь. Эти дьяволы соберутся точно в 11.

ГЛАВА IX

ДУГЛАС ТВЕД У ТИХОЙ ПРИСТАНИ

В большой круглой столовой, у круглого стола мистер Дуглас Твед — за первым завтраком. На серебряном подносе рядом с его прибором лежит свежая утренняя почта. На маленькой тарелочке — свежие утренние сэндвичи. В чашке благоухает светлый, почти золотой, кофе, а напротив, в кресле, молодая женщина, тоже светлая, почти золотая.

Молли, зовут новую фаворитку Тведа. Просто Молли, — маленькая танцовщица из большого бара. Молли не похожа на мисс Ирэн Клан, поэтому она скромно заняла две комнаты в особняке Тведа. Молли не занимается государственными делами, не следит за биржей и не мечтает об океанском туннеле. Она даже не законодательница мод и не имеет собственного лимузина. Молли играет по несколько часов в день с шумливым зеленым попугаем или сидит у зеркала, примеряя новые туалеты и драгоценности. Мистер Твед доволен, — он понял, что для делового человека Молли удобнее, чем мисс Ирэн Клан. Тведу кажется, что только теперь он счастлив.

Вошла горничная Мэри и прервала молчание и благодушную сосредоточенность «счастливых любовников». Мэри зашуршала черным шелком юбки, накрахмаленным передником и почтительно сообщила:

— Мистер, господин секретарь ждет вас в кабинете.

Твед быстрым глотком выпивает кофе, коротким кивком головы благодарит Молли и уходит в кабинет.

Первый секретарь—мистер Смит всегда сразу приступает к делу, за это его Твед высоко ценит.

— Мистер, вокруг Аранийской компании начались дискредитирующие разговоры и быстро растущее недоверие. Причины выяснить не удастся. В финансовых кругах начинается паника.

Твед спокойно, словно он ожидал услышать от Смита именно это, коротко отрезал:

— Ликвидировать.

Смит удивленно и пристально посмотрел на Тведа.

— Что ликвидировать, недоверие? — Смит впервые не понял Тведа. Твед еле заметно улыбнулся.

— Нет, конечно, АООК. Завтра я официально выступлю из общества, а вы найдете причину для объяснения моего ухода.

Смит удивлен своей недогадливостью. «Фараон Тутанкамон» недаром скупал акции Феллера по всем ими созданным ценам, самыми невероятными способами. Смит уходит, извинившись за то, что в праздник потревожил мистера Тведа. Дуглас Твед, спокойный, как всегда бесстрашный, возвращается в столовую к благоухающим кофе и Молли.

На минуту промелькнул образ мисс Клан, Виста, вспомнилось все связанное с акциями АООК и с миллионом долларов.

Тведу впервые стало почти весело.

ГЛАВА X

ОНИ УНЕСЛИ НОГИ И ЗЛОБУ, НЕ ВЫЯСНИВ
ТРЕТЬЕГО ПУНКТА

— Все здесь?

— Все — отвечает каждый из собравшихся, хотя объяснить, все ли, можно только путем переключки, которую устроить не рискуют.

Открывает собрание Тэд Кэртон, этот бессменный председатель всех собраний.

— Товарищи, мы должны сегодня утвердить день стачки. Требования наши таковы: мы должны добиться изменения условий в следующих пунктах:

Пункт 1-й. Добиться того, чтобы вычеты на погашение полученных кредитований не производились в таком курьерском темпе.

Пункт 2-й. Вопрос о кредитовании. Вещи, полученные нами по кредитованию при подписании договора, рассчитаны благотворительствующей нас дирекцией, на носку не более полугода. Таким образом, при расторжении или окончании договора, рабочий покидает фабрику, в лучшем случае, в том виде, в котором подписал контракт. Иными словами — всем вам ясно, что, уйдя из концерн-Тведа, мы остаемся без единого цента в кармане и без рубашки на теле.

Пункт 3-й. (Тэд раскуривает трубку и начинает высказывать свои соображения относительно третьего пункта). Третий пункт, товарищи, — вопрос о штрафованиях, которые фабрика производит в огромных размерах, по всякому поводу. Все мы...

Из темноты, неизвестно откуда, раздается выстрел.

Джон Фингор, крепко и зло выругавшись, грузным тюком падает на землю. Остальные пытаются бежать. Ответный выстрел, и снова ругательство, крепкое и злое.

В темноте парка, темного, сырого парка фабричного поселка — несколько выстрелов, стон, свалка. Кто-то, забыв все меры предосторожности, крикнул:

— Оставь этих дьяволов, Дикк. Бегите.

Другой голос ответил:

— Кто-то из них выстрелил. Откуда у этой сволочи оружие?

Третий прошипел:

— Одна гадина замертво.

Те, к которым относились все эти слова, унесли ноги и злобу, не выяснив третьего пункта.

Джон Фингор застонал и открыл глаза. Темнота огромного сырого поселочного парка низко нависла над ним. В глазах приливы и отливы, как сознание в ноющей от раны голове. В голове лоскутьями, лохмотьями мысль: третий пункт. О чем говорил Кэртон? Тэд начал: все мы... Или нет, о чем он говорил? Он кончил словами: все мы... Кто стрелял? Неужели это только снился голос бездельника Дикка, Чельмерсова племянника. Нет, Джон готов утверждать, что кто-то даже назвал имя этого шалопая Дикка. Кто-то сказал совсем близко, почти над самым ухом, что-то про негодеев, имеющих оружие?

Над Джоном, как во сне, совсем издалека, но очень реально раздался чей-то голос: «Джон, ты сильно ранен. Ты можешь идти, опираясь на меня?» Джон напрягается, открывает глаза неестественно широко. В горле у Джона пересохло, в глазах, как в сознании — приливы и отливы.

И рассмотрев близко склонившееся над ним лицо, Джон широкой гримасой улыбается говорившему. Из горла с хрипом вырываются слова:

— Ринкен, я не узнал тебя. Это хорошо, что ты пришел за мной, мне одному не дойти.

Ринкен помогает Фингору встать, почти на себе долакивает его до скамейки.

На сырой скамейке поселочного парка Ринкен рассказал Джону:

— Это я стрелял в этих подлецов. Я был уверен, что они разбегутся. Я просил наших разойтись по домам. У меня, у единственного, оружие всегда при себе. Я прятался за теми большими деревьями и ждал, пока эти негодяи будут далеко. За товарищей не беспокойся, они все успели скрыться. Пойдем, если ты пришел в себя.

Джон может идти, ведь не думает Том Ринкен, что Джон Фингор так слаб, что из-за пустой ссадины на голове ему откажутся служить ноги.

Грузно, всем телом опираясь на Тома, Джон Фингор плетется в фабричный поселок темными, сырыми аллеями огромного поселочного парка.

ГЛАВА XI

АООК В АГОНИИ

Через несколько дней после разговора, который произошел в квартире Тведа между ним и Смитом, случилось событие, потрясшее всю Европу и Америку.

Во всех газетах тем самым жирным шрифтом, который впервые возвестил об учреждении АООК'ской компании...

Тем самым жирным шрифтом, которым были озаглавлены статьи крупнейших экономистов мира, воспевших АООК...

Тем самым шрифтом, который возвестил о сумасшествии мистера Феллера, об ассигновании на постройку храма богу нефти и о переселении его дочери, «супруги Тутанкамона», в Египет...

Тем самым жирным шрифтом, с подробностями в тексте, появилось во всех газетах мира сообщение «об уходе мистера Дугласа Тведа из правления общества АООК, в виду его полного разочарования в возможности разработок в Арании и заслуженного недоверия к Аранийской компании.

Нашлись дерзкие люди, которые начали утверждать, что вся Аранийская компания — Тведовская спекуляция. Правда, никто не решился говорить об этом слишком громко.

Нашлись и такие, которые начали открыто утверждать, что уход Тведа и статья по поводу его ухода стоят в тесной связи со злым намерением обесценить акции АООК'а и сконцентрировать все акции у себя. Нашлись...

Словом, нашлось много людей, которые могли что-то находить и что-то пытаться объяснить себе и дру-

гим. Эти люди были из числа тех, кто на этом не потерял ничего, кто за всей АООК'ской кампанией наблюдал со стороны. Весь заинтересованный финансовый мир буквально сошел с ума. Вся Европа и вся Америка стали походить на большой сумасшедший дом. Одни плакали, другие — надеялись, третьи — стрелялись, предвидя страшный конец после статьи и ухода Тведа.

На следующий день появились первые биржевые бюллетени, подтвердившие крах АООК'а. Вслед за этим, все способы самоубийств и все виды бурного и мимолетного сумасшествия нашли применение.

Для характеристики того, что случилось, автор расскажет читателю хотя бы о тех, с кем познакомил его в этой повести.

Мистер Феллер, находящийся на излечении в санатории для душевно-больных, до слабого разума которого доходят только разговоры о нефти, неожиданно и быстро начал поправляться.

Леди Маклейн-Рут, продавшая родовой замок в Шотландии, ушла в монастырь, разочаровавшись в своем финансовом гении.

Весельчак, который попросил у кондуктора автобуса одну акцию АООК'а вместо билета, с горя поступил в германскую охранку.

Автор не решается утомить читателя перечислением всех видов несчастий, возраставших с каждым днем, после статьи Тведа, послужившей началом конца Америкэн-Ориент-Оиль-Компани.

ГЛАВА XII

О ЗВЕЗДЕ, ПОМЕРКШЕЙ НАВСЕГДА

Имел место еще один важный случай, о котором автор расскажет вкратце.

В Карлтон-Отель в Париже в кресле рыдает мисс Ирэн Клан. Снова, как тогда, в Арании, нервно ходит по комнате король американских репортеров мистер Вист. Забыв все прирожденное джентльмэнство, всю горячую привязанность, забыв все преимущества силы и пола, мистер Вист бросает в сторону мисс Клан короткие, оскорбительные обвинения:

— Вы не должны были порывать с Тведом. Вы знаете, что вы для меня предмет роскоши, о котором я не только не мечтал, но и не хотел мечтать. Во всем обвиняю вас. Расплачивайтесь сами за последствия вашей идиотской сентиментальности. Меня, дорогая, оставьте одного. Я не желаю погубить еще и карьеру свою из-за вас. Устраивайте вашу жизнь, как можете и как хотите.

Мистер Вист сказал именно так: «идиотская сентиментальность». Бедная мисс Клан, меньше всего ее можно обвинить в сентиментальности. Мисс Клан плачет от безысходности горя, от потери такого дорогого и незаменимого любовника, как мистер... Дуглас Твед.

С Тведом все утеряно, и бриллианты, и положение, и состояние. Мисс Клан очень несчастна, у нее нет ни одного цента наличного капитала, ни одного знакомого, который бы ей мог посочувствовать, и никакой специальности, которую бы она могла применить, как способ для добывания жизненных средств.

Мистер Вист очень зол, этот идиотский крах произошел раньше, чем он успел умножить свой капитал в 1.000.000 долларов, или, по крайней мере, реализовать эти пресловутые акции.

Дуглас Твед очень доволен: его имя осталось незапятнанным в финансовом мире, а его финансовый гений мог только упрочиться благодаря его предусмотрительному уходу из правления общества.

Стаечный комитет фабричного поселка Концерн-Твед озабочен поисками момента для решительных выступлений. Они решили использовать паническую сумятицу, происходящую так далеко от них, но отразившуюся на поселке в усилении репрессий по отношению к рабочим.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МИСС ЧЕЛЬМЕРС СДАЕТ КОМНАТУ СКРИПАЧА

— Здесь живет миссис Чельмерс?

Этот вопрос задала самой миссис Чельмерс хорошенькая молодая женщина. Среднего роста, скромно, но элегантно одетая, лет 27—28.

Миссис Чельмерс утвердительно кивнула головой, вытерла руки о передник, который вслед за этим сняла и положила на табурет около плиты.

— Вы насчет комнаты?

Утвердительный кивок в ответ:

— Да, меня направила к вам моя сослуживица, мисс Сарра Бреннигам. Вы еще не сдали?

Миссис Чельмерс приветливо пригласила молодую женщину войти.

Через несколько минут комнату скрипача заняла мисс Дженни Уоллш. Полный пансион, стирка, уборка — все за 12 долларов в неделю.

Мисс Дженни и вдова Чельмерс остались очень довольны заключенной сделкой. Для Дженни — 12 долларов не слишком большие деньги — она лучший живой манекэн в том самом конфексион, в котором служит Сарра Бреннигам. Заработок мисс Дженни колеблется от 15 до 25 долларов в неделю.

В тот же вечер Дженни Уоллш, весело напевая, раскладывала свои вещи в маленьком шкафу в своем новом жилище. Сарра Бреннигам помогала ей, хотя распаковка скромного гардероба мисс Дженни не требует двух пар рук.

Том Ринкен, придя вечером домой, столкнулся с новой соседкой в маленьком коридорчике и весело

улыбнулся ей. Дженни скосила в сторону Тома нежный взгляд серых глаз и улыбнулась обольстительной, нежной улыбкой.

Прошло несколько дней с тех пор, как Дженни Уоллш поселилась у вдовы Чельмерс. По утрам мисс Дженни уходит вместе с Саррой Бреннигам на службу, по вечерам напевает фокс-тrotты или читает книги.

— Удивительная девушка эта Уоллш, она не умеет даже заштопать чулок или изжарить яичницу, словно какая-нибудь знатная леди, — рассказывает миссис Чельмерс соседкам.

Жизнь в поселке кажется мисс Уоллш невыносимо скучной. Мисс давно сбежала бы из этой проклятой дыры, если бы это позволил ее скромный заработок. К концу третьей недели мисс нашла, что ее сосед Том Ринкен — единственное отрадное явление в однообразии ее существования.

Развлечения, которыми довольствуется Сарра Бреннигам, у мисс Дженни вызывают брезгливую гримасу.

Вслед за открытием привлекательности Тома Ринкена, Дженни приняла серьезное решение атаковать его. План атаки, выработанный Дженни, не оказался хитроумнее или дипломатичнее всех планов, составляемых всеми мисс и мистрисс, скупающими в поселках и центрах.

Случай для более близкого знакомства с Томом представился через несколько дней. Том Ринкен дымил вечной трубкой с обглоданным мундштуком, сидя на скамейке перед домом вдовы Чельмерс. Дженни, выглянув в окно своей комнаты, сразу заметила огонек Томиной трубки, его широкую спину и сырую темноту поселка. Через две минуты Дженни, сидя рядом с Томом, говорила ему что-то наивное и древнее, как лю-

бовь. Том, получивший в мыслях Дженни кличку «красивого тюленя», односложно отвечал ей.

Когда Том собрался уходить, ссылаясь на встречу с друзьями, Дженни внезапно горячим сургучом намазанных кирпичных губ запечатала рот Тома Ринкена.

Том не перестал из-за этого ежевечерне спорить, бывать у «Доброй вдовы», горячо устраивать летучие митинги и не начал манкировать работой. Том Ринкен не такой человек, чтобы из-за красивых намазанных кирпичных губ в корне изменять убеждения, привычки или порядок дня.

ГЛАВА II

О НЕПРИСТУПНОСТИ «КРАСИВОГО ТЮЛЕНЯ»

Хотя Дженни Уоллш и почувствовала обиду от холодности Тома Ринкена и злилась на себя за то, что ее вспышка зашла так далеко, все же в его присутствии она чувствовала себя странно взволнованной. Ей положительно начинал нравиться этот молчаливый человек, он так не похож на всех тех, с кем ей приходилось встречаться. Он казался таким искренним и простым, и, все же, в нем таилась какая-то загадочность.

Однажды, возвратившись домой несколько позже, чем обычно, Дженни издала заметила несколько маленьких красных огоньков трубок около дома вдовы Чельмерс. Подойдя ближе к дому, и все еще не различая в темноте тех, кто курил трубки, она услышала страстную и пламенно-негодующую речь Тома Ринкена. Дженни остановилась в нескольких шагах от говоривших, отнюдь не собираясь подслушивать чужие разговоры, для этого она была достаточно хорошо воспитана. Она просто не могла отказать себе в невинном удовольствии послушать, как говорит человек, который ей нравится, не вникая в смысл его слов.

Собственно, Дженни не пыталась вникать в смысл только потому, что раз навсегда решила, что смысл всего того, что говорят люди в этом районе, всегда и во всякое время совершенно одинаков. Это заметила Дженни уже в первые дни своего пребывания в доме вдовы Чельмерс.

До ее ушей отчетливо долетела одна фраза, смысл которой был так прост и понятен, что вникать в него не пришлось даже Дженни Уоллш.

— Решитесь, и вы увидите, что мы нуждаемся только в сильных вожаках, которые толкнули бы нас на решительные шаги.

До сознания Дженни, прежде всего, долетело то, что эти слова сказал Том Ринкен.

В размышлении об услышанном Дженни Уоллш вышла из темноты, и легкой кокетливой походкой прошла мимо пяти красных огоньков трубок, встреченная короткими, но приветливыми поклонами.

Все дальнейшее разыгралось в течение двух вечеров.

В эти два вечера произошли два разговора, участницей которых была Дженни Уоллш.

ГЛАВА III

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

Говоря о вещах немалой важности, автор считает необходимым подробно описать этот вечер, хотя он ничем не отличался, по крайней мере, внешне от остальных трехсот шестидесяти четырех вечеров в году в жизни поселка. Вечер как вечер — и темнота, и месяц на ущербе, и та же сырость на скамейке перед домом вдовы Чельмерс, и так же шелестят огромные деревья паутиной тумана затянутого поселочного парка.

На сырой скамейке перед домом вдовы, Дженни Уолли пытается втянуть Тома Ринкена в разговор, который, по ее мнению, должен служить образцом откровенности и искренности для любящих сердец.

Прежде всего, Дженни решила вызвать Тома на откровенность. Правда, она уже несколько раз пыталась узнать от него что-нибудь об его прежней жизни, но всегда безуспешно. В этот вечер Дженни говорила совсем по-новому. Она незаметно, но твердо взяла тон заговорщика, или, по меньшей мере, человека, посвященного в дела и разговоры людей в поселке.

— Как вы думаете, Том, у нас возможна революция?

Том затянулся трубочным дымом и с еле уловимым удивлением ответил вопросом же:

— А вы считаете, что она была бы своевременной сейчас?

Дженни не ответила на слова Тома, Дженни просто продолжала какую-то свою, начатую мысль:

— Я не понимаю, и никогда не пойму, почему вы все сводите ваши яркие отвлеченные лозунги и поня-

тия, без которых любая революция превратилась бы в насилие или грязную бойню, к очень низким, маленьким и весьма конкретным мелочам, как вопросы прибавочной стоимости, кредитов, штрафований, количеству часов рабочего дня?

Том ничего не ответил. Совсем не потому, что не считал возможным отвечать на очаровательный лепет Дженни Уоллш. Том знал, что многие люди, у которых нет таких, смягчающих вину обстоятельств, как красивые глаза, горячий рот и обольстительная улыбка, говорят и думают не умнее, чем Дженни Уоллш. Том Ринкен ответил неожиданно и невпопад:

— Я давно собираюсь спросить у вас, мисс Дженни, какая из моих особенностей заставляет вас уделять мне больше внимания, чем я этого стою? Мне все время кажется, что здесь произошла какая-то ошибка, и вы принимаете меня за кого-то, достойного вашего внимания.

Пусть то, что сказал Том Ринкен, было весьма наивно, пусть даже наивнее того, что сказала Дженни о революции, пусть даже просто не любезно, но Дженни осталась очень довольна. Ей положительно все больше нравился этот «красивый тюлень». Дженни решила, что Том, любя ее, боится, что близок час, когда великолепная Дженни Уоллш, скучая, отвернет от него свое капризное, красивое лицо. И так как Дженни Уоллш — просто красивое, избалованное успехом существо, то, согласно традициям всех существ этого типа, она ответила на объяснение в любви раньше, чем его услышала.

Дженни приблизила к сухим, сжатым губам Тома свой горячий, нежный рот и тихо сказала:

— Я люблю вас, Том.

Что особенного и что нового в том, что сказала Дженни?! Ничего!

Но то, что произошло, было и особенно, и ново, и совсем непонятно.

Том встал, чуть-чуть потянулся, чтобы расправить широкую усталую спину, и сказал:

— Не нужно всего этого, мисс Дженни, мы совсем не подходим друг к другу, все это может закончиться очень грустно или для вас, или для меня, а я не хотел бы ни того, ни другого.

После этих слов, Том взял руку Дженни, белую и неподвижную на темных складках платья, пожал ее коротко и дружески, и ушел, дымя трубкой.

Вот это случилось в первый вечер, когда месяц был на ущербе, когда, паутиной тумана затянутый, шелестел огромный поселочный парк, и сырой была скамейка около дома вдовы Чельмерс.

ГЛАВА IV

ПРОКЛЯТАЯ ДЫРА

Очень редки перемены в этой «проклятой дыре», в поселке. Утром, во всех домах всегда, кроме праздников, одновременно звонят будильники. Вслед за будильниками, оглушают ревом заводские гудки, и тяжело скрипят черными железными челюстями заводские ворота. Черные, безобразно разинутые зевы проглатывают тысячи одинаковых человеческих фигур. Тысячи сгорбленных спин и усталых голов, — часть опущенных, часть вскинутых, с упрямством и вызовом.

Как прежде, как всегда, как было до АООК'а и после его краха, шлифуют, полируют, точат и пилят по десять часов в сутки, час, другой проводят с семьей, а остаток времени до сна, остаток очень небольшой — горько, злобно и неистово негодуют.

Вопросы, вызывающие негодование, возрастают с каждым днем, они умножаются пропорционально капиталам господ директоров и владельцев. Эти господа наглеют с каждым днем, с каждым днем становятся все беззастенчивее. Рабочие высказали свои категорические требования об ослаблении темпа вычетов по кредитованию — к первой же получке этот темп усилили.

С каждым днем появлялись все новые придирки и возрастали поводы для штрафований рабочих. Можно было подумать, посмотрев в расчетную книжку любого рабочего, что смысл всей его жизни заключается в наивном, озорном желании совершить какую-нибудь провинность перед дирекцией и заплатить за это львиной долей своего заработка.

Они дошли до того, что, несмотря на контракты, заключенные с рабочими, они снизили ставки полуквалифицированным мастерам. Мало того, многих мастеров выше средней квалификации приравнивали к последней группе.

Ни жалобы в союз, ни переговоры с дирекцией не приводили ни к чему.

Рабочим начало казаться, что систематическая, вечная травля против них перешла в твердое решение — разом сжить их всех с земли.

Положение вещей становилось невыносимым. Зачинщики и запевалы, в лице Фингора, Кертона, Вилькерса, а больше всех Ринкена, намеренно полезли в столкновение с верхами.

Терпение рабочих стало похоже на цветной надувной шарик, раздутый неосторожным ребенком до предела, и они поплатились за свою неосторожность — «неразумные дети».

ГЛАВА V

ВТОРОЙ ВЕЧЕР

На следующий день, после вечернего разговора между Дженни Уоллш и Томом Ринкеном, мисс Дженни, как обычно, ушла утром на службу.

В большом Конфексион на большой улице, мисс восемь часов без усталости примеряла на себе и на других все существующие модели элегантных модных платьев.

— Мадам, вот этот туалет, обратите внимание, он получен сегодня утром из Парижа. Самый последний крик! Выполнен Мэзон де Реюисси по рисунку лучшего ученика знаменитого Бакста.

Эти и еще много других похожих слов повторяла Дженни Уоллш в сотый раз в течение дня.

И думала: «Я никогда не прощу этого «этому тюленю». Может быть, было бы честнее, если бы я поставила в известность кого следует, обо всем том, что эти типы замышляют. В конце концов, интересы этих мужиков ни в какой степени меня не касаются».

Быйдя из большого Конфексион, на большой улице, в восемь часов вечера, мисс Дженни Уоллш не села в автобус, который каждый вечер увозит ее в поселок, а подождав такси, негромко сказала ему:

— 100. Нассау Стрит.

Через полчаса, мисс позвонила в звонок на двери, украшенной дощечкой с надписью: «Мистер Эдуард Блэк — доктор прав».

Что делала мисс Дженни Уоллш у мистера Блэка, откуда они знакомы, и знакомы ли вообще, автор не

знает, равно как и того, о чем говорили они в течение полутора часов.

По лицу мисс нельзя было судить о том, довольна ли сама мисс Дженни своим визитом к мистеру Блэку.

Она, легкая и как всегда кокетливая, спускалась по лестнице дома № 100 по Нассау Стрит. Так же легко и кокетливо вошла в ожидающий такси, и, быстро оглянувшись по сторонам, захлопнула дверцу.

Такси довез мисс Дженни Уоллш до автобуса, который каждый день возит мисс Дженни и мисс Сарру Бреннигам в поселок из Конфексион и в Конфексион из поселка.

Наступил второй знаменательный вечер, о котором автор упоминал во второй главе.

Вечер, как вечер. Та же темнота, и парк, и огоньки трубок, и широкие усталые спины на сырых скамейках перед домами, и месяц на ущербе, и такое же ущербленное терпение рабочих, что сильно чувствовалось в возмущенных словах, рожденных в огне и пепле неугасающих трубок.

Все то же самое. Только мисс Дженни Уоллш вернулась домой на три часа позже, чем обычно, и прошла в свою комнату. Проходя через кухню, мисс кивнула головой вдове Чельмерс и сказала:

— Миссис Чельмерс, не готовьте мне ужин, я закусила у друзей в городе.

Это было потому, что мисс Дженни Уоллш обиделась на холодность Тома Ринкена.

ГЛАВА VI

А В ПОСЕЛКЕ...

Безработица и возмущение работающих принимали угрожающие размеры. Было нестерпимо видеть измывательства над теми, кому посчастливилось быть на работе, и голод несчастливцев, дымящих трубками, бегающих по газетным объявлениям и тщетно подбадривающих семьи.

Эти люди, работавшие неутомимо и неустанно с самого раннего детства, до того счастливого дня, когда смерть протягивала им руку, предлагая самый радикальный из всех видов отдыха и успокоения, эти люди не боялись работы. Работать же в тех условиях, в которых приходилось работать им, было непосильно.

Они жили в самом центре вулкана, они уже слышали подземные толчки, и каждый из них хорошо знал, что каждую минуту этот вулкан содрогнется и выбросит лаву и пламя, — сотрет и с корнем вывернет все, даже самое прочное, далеко вокруг себя.

Митинги давно утратили свой первоначальный вид. Перестали стесняться и говорить шепотом, перестали выискивать отдаленные места для собраний, перестали, давясь, глотать обиды и молчать.

Все, словно сговорившись, одновременно загудели, запротестовали, заволновались.

Весь поселок разбился на две группы. Одни, состоящие из старых рьяных вожаков, организовали на каждом заводе группы, которые совместно с ними выработали план ближайших действий; другие, менее терпеливые, громко и открыто начали требовать не-

медленного выступления, именуя его «решительным и последним боем».

Авторитет Ринкена оказал влияние на решение вопроса. Этот человек, будучи совершенно чужим и пришлым среди людей поселка, как-то сумел завоевать незыблемость и некрушимость своего авторитета.

План действий, выработанный Томом, не исключал возможности применения плана второй группы «не-терпеливых», но, для начала, скорее примыкал к первой группе. Это отнюдь не было соглашением между двумя враждующими группами, потому что не было враждующих групп в поселке. Потому что и первые, и вторые хотели одного и того же — и первые, и вторые считали, что стрелки часов на всех заводах показывают приближение решительной минуты, а заводские гудки выбрасывают с ревом:

— Пора!

Вот это «пора» с минуты на минуту должно было вылиться в действие.

Была и третья группа. Эта группа в своих предложениях расходилась и с первой, и со второй. Раньше с ней считались. В эту группу входили многие старейшие вожаки и старожилы поселка. Старик Хопкинс, один из наиболее авторитетных рабочих, старый металлист, стоял во главе этой третьей группы. Старик Хопкинс с горечью решил в эти дни, что молодежь сошла с ума, и что к добру не может привести затеянное ими.

Автор считает нужным точно передать то, что проповедывала третья группа.

Итак, старик Хопкинс, и с ним еще много стариков и молодых, пытались убедить всех, что выступление, намеченное ими, — несвоевременно, и что нет такого положения, из которого нельзя было бы найти мирный

или даже почти полубовный выход. Вначале им возражали, указывая на сотни неудачных примеров, на безуспешность всех попыток, на возрастающее насилие над рабочими — в ответ на все мирные и категорические требования рабочих. Но это было вначале.

Потом все поняли, что возражать старику Хопкинсу так же неуместно и бесполезно, как поступать согласно его предложениям и планам.

Таким образом, в поселке образовались две активные группы, которые нашли общий язык и выработали общий план, и одна группа — третья, стоящая в стороне, которая решила не принимать участия в подготовке активного выступления.

Г Л А В А VII

ЗАСЕДАНИЕ У МИСТЕРА ЭДВАРДА БЛЭКА

В 11 часов вечера мистер Эдвард Блэк лично открыл двери черной лестницы «дураку Дикку».

Через пять минут после прихода Дикка пришли еще трое, которые дружески пожали руки Дикка и мистера Блэка. По той же черной лестнице, через несколько минут прошли через кухню, в кабинет Блэка остальные четверо, которых нетерпеливо ждали собравшиеся, поглядывая на часы.

Теперь весь комитет в сборе, и мистер Блэк, достав из библиотечного шкафа бутылку абсента и стаканы, объявил заседание открытым.

Пока мистер Блэк делал доклад о положении вещей, заставившем его собрать экстренное собрание, бутылка абсента перешла в восемь стаканов, стоявших перед членами комитета, а мысли всех восьми побежали вдогонку, с трудом поспевая за мыслями господина председателя. Мистер Блэк бросил взгляд на стол, на пустые стаканы, в мутнеющие взгляды своих друзей, и сделал минутную паузу, в течение которой он успел открыть шкаф и поставить на стол еще две бутылки, затем он залпом выпил маленький стакан абсента и продолжил прерванный доклад.

Он рассказал собравшимся о визите мисс Дженни Уоллш, о каких-то новых директивах в связи с «новыми безобразиями, подготавливаемыми этими свиньями», и о необходимости принятия самых решительных мер.

Мистер Блэк предложил друзьям не выискивать новые способы и меры «воздействия», в виду чрезвычай-

чайной неожиданности и спешности вопроса. Мистер Блэк считает, что все старые «меры» в этом случае должны быть только усилены.

Кто-то вставил дельное замечание, по-видимому, весьма по существу вопроса, так как все собравшиеся поддержали его:

— Мистер Блэк, не думаете ли вы, что мы будем рисковать своею жизнью в этой «грандиозной катавасии», на тех же условиях. Но таких дураков мало.

Что таких дураков действительно мало, доказал «дурак Дикк», который встал и категорически заявил, что это обойдется в два раза дороже, причем половина денег (он сказал гонорара) должна быть уплачена в виде аванса.

Мистер Эдвард Блэк выслушал обоих оппонентов со вниманием и только улыбнулся чуть-чуть иронически, потягивая абсент и попыхивая одновременно сигарой. Затем он возразил, сохраняя ироническую улыбочку, и разбавив свой первоначальный тон некоторым количеством небрежности:

— Друзья мои, прежде, чем что бы то ни было возражать, вы могли бы спросить меня обо всем. Вы, кажется, знаете, что ваши интересы я охраняю горячее, чем собственные. Мы с вами еще ни разу не ссорились, и вряд ли кто-нибудь из вас может на меня пожаловаться. — Итак, все это я знаю и все предусмотрел. Что «катавасия» будет крупнее обычных — мне известно, как и то, что вы не согласитесь работать на тех же условиях в деле, в котором нужна большая осторожность, огромное напряжение, неменьший риск и математическая точность.

В заключение, могу вам сообщить, что ваш гонорар в этом деле в три раза превышает предыдущие — деньги у меня на руках.

После доклада и прений сторон, после трех бутылок абсента и поощрительных обещаний Блэка, в мирной беседе, был выработан комитетом план действий

В первую очередь решили попробовать опираться на оппозицию забастовщиков во главе с Хопкинсом и его единомышленниками; во-вторых, было предложено мистером Блэком сделать все возможное для ликвидации существования гнусного зачинщика Тома Ринкена, похожего на подарок далеких, но весьма опасных Советов. И в заключение, настоятельно потребовал не брезговать весьма испытанным и полезным способом «ликвидации полисмэнов».

— Несколько слов для раз'яснения этгсго способа — для новичка, — сказал мистер Блэк, обращаясь к высокому бледному юноше, мрачно кутившему надушенную папиросу. — Делается это так: выбирается место наибольшего скопища этих свиней, и нашими же силами увеличивается волнение среди них; затем в разгаре суматохи и шума (это нетрудно сделать, принимая во внимание то, что они шумят и галдят там, где их больше чем один человек), вы стреляете в одного из ближайших полисмэнов, оставаясь в толпе. Поняли?

Принимая во внимание то обстоятельство, что мистер Блэк об'яснил очень понятно и общедоступно, все утвердительно кивнули головами.

После этого мистер Эдвард Блэк поднялся первым и сказал собравшимся последние слова в этот вечер:

— Друзья мои, у нас начинаются горячие дни лихорадочной работы, всем нам следует отдохнуть и выспаться.

Через несколько минут мистер Блэк безмолвно закрывал двери за своими друзьями, горячо пожимая руку каждого из них.

ГЛАВА VIII

«СТРАШНЫЙ СОН СУЛТАНА»

Почти одновременно с началом волнений в поселке и с заседанием, состоявшимся у мистера Блэка, на всех улицах Нью-Йорка появилось следующее объявление:

«Требуется четыре тысячи человек, предпочтительно восточного типа, для участия в массовых сценах фильма — «Страшный сон султана». Условия хорошие. Явка — «Твед-фильм». День с'емки — воскресенье, 17-го августа. Записанные на с'емку должны явиться в день с'емки на кинофабрику Твед-фильм, в 9 часов утра».

Цветные листки объявления появились всюду, куда только могла дотянуться рука, чтобы их наклеить. Уже к концу первой недели после появления этого объявления список принятых на с'емку состоял из трех тысяч фамилий и такого же количества имен собственных.

Было бы смело утверждать, что записывались только те счастливыцы, которые могли похвастать восточными профилями. Записывались все те, кто жадно читает все объявления, извещающие о каких бы то ни было возможностях заработка.

Сюда входили и все безработные актеры, обивающие пороги актерской биржи и антрепренерских кабинетов, все голодающие эмигранты-студенты, чахлые и унылые от изобилия пыли на учебниках и улицах

большого города, все безработные, озлобленные и голодные рабочие из поселка Твед-концерна и других поселков, собирающие уличные окурки для набивания погасших трубок и искусственные минутные возбуждения для поддержания поникшей бодрости в себе и в своих семьях.

Таким образом, к концу первой недели, после появления объявления, список записанных на с'емку состоял из трех тысяч человек всех существующих национальностей и родов занятий.

Это должна была быть последняя, самая серьезная массовая с'емка первого фильма с участием последнего подлинного властелина востока Сеид-Абдул-Назир-Хана.

За несколько дней до с'емки все технические приготовления были закончены. Готовы все восточные костюмы воинов и бунтарей, на местах — гримеры и костюмеры, спететировано задание, приготовлены десятки рупоров для режиссеров и помощников, заказаны автомобили для доставки статистов к месту с'емки и автомобили для актеров, дирекции и гостей.

В четверг последний раз репетировали задание. Не так легко втолковать ответственные сцены людям, большинство которых никогда не видело об'ектива кино-аппарата.

В сотый раз повторяют помощники задание:

Батальны сцены, толпы раз'яренных воинов и бунтарей должны приступом взять дворец. Смести и уничтожить все на своем пути и убить султана. Освободить товарищей, заключенных султаном в темницы.

Снова повторяется это «сложное задание» давно уже все уразумевшим статистам.

Отдельно репетируют с теми, чей восточный тип не нуждается в применении искусства гримеров, кого неопасно поставить на передний план.

Вечером, в кабачке «Доброй вдовы» голодные, безработные кино-статисты из поселка рассказывали собравшимся товарищам о воскресной с'емке, о репетициях, костюмах. Все оживленно слушали, — одни незлобиво и дружески подтрунивали, другие возмущенно говорили о положении рабочих, вынужденных браться за самую неподходящую работу.

В стороне, немного поодаль от других, Том Ринкен беседовал с одним из счастливцев, попавших на с'емку:

— Вы говорите, Чарльз, что наших достаточно?!

Чарльз утвердительно кивнул головой и тихо спросил:

— Товарищ Ринкен, считаете ли вы необходимым посвятить всех в ваш план?

Ринкен отрицательно кивнул головой и поднялся из-за стола.

ГЛАВА IX

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ

За заводским поселком широко раскинулся огромный заброшенный пустырь. Он завален исковерканными консервными банками, бревнами, ржавым железом и сломанными рельсами.

Этот пустырь избрал режиссер Твед-фильм для массовых сцен фильма «Страшный сон султана».

Пять недель преображали огромный поселочный пустырь. Лучшие художники и архитекторы Нью-Йорка с помощью нескольких сот рабочих рук воздвигали дворец для султана Сеид-Абдула-Назир-Хана. К концу пятой недели в середине пустыря высился великолепный кино-дворец в кино-восточном стиле. С цветными стеклами, террасами, персидскими коврами, искусственным парком, мраморными фонтанами, кипарисами и пальмами в кадках, со всеми существующими видами пряных, вычурных стилизованных растений.

Пока возмущенно и горячо негодовали в поселке, в сотый раз репетировали задание в Твед-фильм, за абсентом совещались у Блэка, чинно потягивали черный кофе с дорогими ликерами и умножали миллионы — старые Тведы, а молодые выкрикивали на перекрестках нью-йоркских улиц лживые газетные новости, — сотни рабочих рук превратили, «по щучьему велению», пустырь около заводского поселка в сказочный кино-Багдад.

ГЛАВА X

ЗАБАСТОВКА

В один из дней раскатился клич: «Бастовать». Те, кто бросили этот клич, знали, что он докатится даже до самых отдаленных домов поселка.

И сразу, внезапно, как в сказке, все переменялось.

Поселок стал другим. Праздничным, гудящим, вызывающим, молодым и дерзким. Сгорбленный и понурый, как спина рабочего, он превратился в олицетворенный вызов.

На заводах остановились ремни, перестали скрежещать напильники и ворчать печи, замерли колеса, колесики, молотки, прекратился назойливый свистящий шепот машин.

Воздух поселка разрезали крики протеста, ненависти и возмущения, кто-то затянул старую рабочую песню, — все подтянули:

*Близок час, заглушит их джаз-банды
Мощный рев заводских гудков,
Испытают бродвейские франты
Тяжесть наших оков.*

*В этот час на дворцовых обломках
Мы воздвигнем дворцы труда.
Грянут песни победные громко,
Пятикрылая вспыхнет звезда.*

Люди, работавшие с самого раннего детства, — привыкли думать, что отдых и покой им предоставит только смерть.

Эти люди пели сегодня дерзко и вызывающе. Кажется еще вчера, в этой «проклятой дыре» пел тот, кто напивался с горя или отчаяния. А сегодня пели все, пьяные от сознания, что сделан первый шаг на пути к Новому.

Первым засуетился заведывающий конторой. По всем телефонным проводам полетело начальническое «алло» и приказание.

От заведывающего конторой к директору фабрики, от директора к первому секретарю — Смиту, от Смита — к Тведу, от Тведа к Блэку, от Блэка к его друзьям, к полицейским агентам, к военным силам, на всякий случай, чтобы были готовы. «Алло, алло, алло».

Шестой этап — полиция швырнула гневное «алло» в лицо поселку:

— Алло, сволочи, по домам, прекратить безобразие.

Это «алло» осталось без ответа. Никто, ни один человек не обратил на него внимания.

Дальше случилось то, что всегда бывает в таких случаях, как было до АООК и после его краха, до Тведа и при нем.

Случилось — неоригинальное и не новое, как жизнеописание любого миллиардера.

Полицейские свистки и дубинки, ругань, автомобили, агенты, сыщики, выстрелы — неизвестно откуда и непонятно куда. Толпы рабочих, вынесшие утром на узкие улочки поселка песни близкой победы, с трудом подтянутую бодрость и чахлую веру в себя, изголодавшуюся вместе с ними, — эти толпы начали через несколько часов заметно редеть.

Одних загнали в дома белые палки неуязвимых «Вильсонов» в полицейских мундирах, других загнали слезы жен и матерей, третьих втянули под крыши маленькие уроженцы поселка, упрямо дергавшие штани-

ну внизу у самой ступни, жалко и монотонно всхлипывающие.

Толпа редела от того, что «выстрелы неизвестно откуда и куда» попадали чаще всего в рабочих. Не один и не два — снопами подкошенные падали на землю поселка, влажную от вечной сырости, в'евшейся в нее не меньше, чем в легкие рабочих и их семей, влажную от пота рабочих и слез их жен, детей и матерей.

Друзья мистера Эдварда Блэка, поощренные тройным размером гонорара и желанием проявить себя в таком «большом деле», работали на славу. Один меткий выстрел из толпы рабочих попал в полисмэна, не менее всех остальных похожего на Вильсона.

Это был сигнал. Друзья мистера Эдварда Блэка, агенты, сыщики, полиция, дубинки, винтовки, револьверы и даже копыта лошадей — все это разом ринулось и обрушилось на рабочих с жадной мести за «безвременно погибшего товарища». Все это вынесли на себе сторбленные понурые спины, всего только несколько часов тому назад впервые выпрямившиеся с надеждой, с верой в себя и победу. Они не сдались.

Жизнь каждого из них расценивается ими не дешевле, чем жизнь «Вильсонов», одетых в полицейские мундиры.

Пусть давят их спины годы голода и тяжелого труда, пусть скачут через них копыта полицейских холеных лошадей, пусть пытаются выпрямить их белые дубинки полисмэнов, пусть щелкают затворы винтовок, браунинги и маузеры, — громко пропетые песни победы стоят всего этого.

Последнее «алло», брошенное в трубку телефонного аппарата начальника военных частей, сделало свое маленькое, но важное дело. Военные части «на всякий случай» прибыли в поселок.

А вечером, когда оказалось, что испробованы все способы воздействия, изобретенные представителями цивилизации для низших слоев человеческого общества — для рабочих, когда пришлось убедиться, что рабочие тоже умеют драться как «львы», стало ясно, что сегодня победа благосклоннее к тем, кто звал ее с утра словами старых, дерзких и вечно новых песен.

Вечером весь поселок окунулся в непроглядную темноту: выключили газ и электричество. По улицам зашныряли автомобили с чинами полиции, поплыли огни карманных и автомобильных фонарей. А в домах горели свечи и выкрикивались возмущенные пылающие слова.

Так продолжалось всю ночь, — ныряли огни и выплывали в сыром мраке поселка, мерцали и потухали свечи в домах забастовщиков. До рассвета раздавались выстрелы; в маленьких домиках, потонувших в темноте, вздрагивали: «Стреляют». И бодрились: «А может быть, в воздух, может быть, только пугают дьяволы, собачьи сыны».

На рассвете, когда воздух прокололи первые горящие стрелы, брошенные солнцем, страшные вести забегали по поселку: «Несколько вожаков арестованы, много раненых и убитых».

Небо над поселком, бесстрастное, как полицейские на перекрестках, на рассвете стало светлым и холодным, а гнев поселка — бурлящим и пламенным.

ГЛАВА XI

ПОСЛЕДНЯЯ КИНО - С'ЕМКА

Бросив «алло» в телефонный аппарат президиума полиции, мистер Дуглас Твед, президент Твед-Концерна, закурил гаванскую сигару и продолжил прерванное заседание. Когда заседание окончилось, Твед, оставшись наедине с первым секретарем, сказал:

— Никаких соглашений с забастовщиками, никаких уступок с нашей стороны. Их заставят уступить.

Уже прощаясь с мистером Смитом, он добавил:

— Напомните Чендлеру о том, что я и мои гости будем точно к началу с'емки. Распорядитесь, чтобы все в верхней башенке было готово к приему гостей. Я думаю, с'емка должна быть очень эффектной.

Это была действительно очень эффектная с'емка.

С самого раннего утра подвозили к пустырю грузовики и легковые машины уже загримированных и одетых в восточные костюмы статистов.

В 9 час. утра начали с'емку. Два десятка операторов, столько же помощников, 4.000 актеров и один огромный, необычайно яркий юпитер, подвешенный к синему фону, раскинутому над пустырем.

Первая команда вылетела из двух десятков рупоров у ртов 20 помощников: «Начинаем».

В верхней, остроконечной башенке кино-дворца, элегантная компания за легким завтраком с интересом следит за с'емкой. Здесь и Твед, и Молли, и несколько деловых друзей мистера Тведа и три блестящих кино-стар.

По задней лесенке дворца, подвешенной там, где даже стена оставлена некрашенной, быстро, спотыкаясь и задыхаясь от усталости, взбегают мисс Денни Уоллш.

На первой площадке на секунду задерживается, чтобы перевести дыхание. Резкий голос кричит ей: «Слушайте, вы, посторонним вход воспрещается». Дженни Уоллш нахмурила брови и высокомерно уронила: «Передайте мистеру Тведу, что мисс Ирэн Клан хочет его видеть». Недоверчивый косой взгляд, брошенный в сторону мисс Дженни, относился к ее скромному, почти бедному костюму и к ее необыкновенно-разгоряченному лицу. Дженни не заметила его; назвав свое настоящее имя, она почувствовала себя снова: законодательницей мод, владелицей лучшего в мире лимузина с маркой Д. Т. А. С. Ш., пайщицей кино-фабрики Твед-фильм, обитательницей особняка на 5-м Авеню, героиней 15 боевиков, заснятых специально для нее, приятельницей мистера Блэка, главы Ку-Клукс-Клана (отсюда псевдоним), инициаторшей учреждения анонимной компании по постройке океанского туннеля, владелицей несметного количества акций самых сильных обществ.

Через пять минут, Дуглас Твед, испуганный, почти потрясенный, задал мисс Ирэн Клан — Дженни Уоллш, внешне сухой вопрос: «Вы меня хотели видеть, я вам нужен?». Ирэн Клан с достоинством ответила: «Да, мне сказали, что вы здесь, я телефонировала к вам домой. Мне необходимо переговорить с вами сейчас же по очень важному делу, без посторонних».

Голос Ирэн Клан дрожал и срывался, а выражение лица было холодно, высокомерно, почти презрительно. Твед предложил руку мисс Клан, и они прошли в одну из закрытых комнат кино-дворца.

Сказочный дворец — шедевр декоративного киноискусства — вздрагивал всем своим пестрым деревянным телом от рьяной исполнительности четырех тысяч статистов. Крики ожесточенных загримированных

воинов и бунтарей тонут в рупорных командах помощников.

4.000-ная толпа статистов вошла в азарт. Их подхлестывал самый страшный из бичей, кричал в ухо самый гневный из режиссеров — Голод. И они действительно храбро, почти с азартом дрались, ломились в ворота кино-дворца Сеид-Абдул-Назир-Хана.

Команда: «Врывайтесь в парк, ломитесь в ворота». Снова всем телом вздрогнул пестрый, декоративный шедевр.

На маленьком низком ковровом диване, Дженни Уоллш — Ирэн Клан быстро и возбужденно заговорила:

— Мистер, я все эти месяцы жила в вашем поселке, я нуждалась, я служу живым манекэном в Конфексион на Бродвее, в этом магазине я прежде не заказала бы ни одного носового платка из-за рыночной общедоступности их вкусов. Я знаю всех зачинщиков и главарей забастовки. Я слышала, что демонстранты собираются двинуться из поселка сюда. Они горят гневом и возмущением. Вызовите сюда полицию и войска. Я решила предупредить вас, несмотря на то, что вы виновник всех моих мытарств, вы разорили меня, и все-таки я не могу предать вас.

Мисс Дженни Уоллш почти задыхалась от волнения, она была почти в трансе. Взгляд Тведа и его ответ ошеломили ее. Мистер Дуглас Твед, президент Твед-концерна, галантно поклонился и со свойственной ему холодностью и выдержкой, почти небрежно, ответил:

— Благодарю вас, мисс, демонстрантов сумеют успокоить без нашего участия. Мы можем спокойно продолжить прерванный завтрак, наблюдая за с'емкой, которая очень интересна. Я был бы счастлив, если бы вы не отказали мне в удовольствии — присоединиться к нашей компании. Мне жаль, что только пьяное хулиганство моих рабочих привело вас снова ко мне.

Мисс Ирэн Клан, изумленная спокойствием Тведа, молча, почти машинально, приняла его руку и прошла с ним наверх в башенку, где оживленно беседовали о с'емке, пили вина в прозрачных хрустальных стаканах, смотрели на пустырь через цветные, граненые, все окрашивающие стекла кино-дворца.

ГЛАВА XII

СМЕРТЬ ТОМА РИНКЕНА

Когда небо, темное, как жизнь рабочего, стало на рассвете светлым, холодным и бесстрастным, как полицейские на перекрестках нью-йоркских улиц, горячие стрелы солнца и страшные вести о ночных бесчинствах зажгли поселок.

На улицы вышли все — ни одного человека не осталось под крышами благоустроенных рабочих домиков.

Том Ринкен, бесстрашный, сильный и гневный, сумел вывести из домиков даже тех, кто вчера еще категорически утверждал, что выступление несвоевременно. Он первый затянул последние слова их песни:

*«В этот час на дворцовых обломках
Мы воздвигнем дворцы Труда!»*

С пустыря долетали крики ожесточенных воинов и бунтарей, рупорные команды помощников. За поселком, на пустыре, ценой одного дня относительного благополучия, разрушали кино-дворцы их голодные товарищи.

А в поселке одним метким выстрелом был убит Том Ринкен. Чужой, — неизвестно откуда пришедший, сильный, неустрашимый вожак, отличный товарищ, лучший мастер Том Ринкен неуклюже и смешно дрыгнул ногами и упал, крикнув какие-то, никем не услышанные, слова. Распластанный на вечно сырой земле поселка с пулей в животе, отлитой его же товарищами, в луже крови, пролитой за них, Том Ринкен, уже похолодевший, звал еще горячее к протесту!

Кто-то крикнул:

— К Тведу! Он ответит за смерть Тома Ринкена!

С разных сторон посыпалось:

— Твед на с'емке! Он смотрит, как разрушают кино-дворцы, потому что не знает, что его собственный дворец сегодня постигнет та же участь! К Тведу на пустырь!

Сквозь винтовки, дубинки, сквозь ряды полисменов и солдат, под пулями и низко нависшей бранью, — толпы рабочих, уже не обороняясь, а наступая, двинулись на пустырь.

На пустыре бушуют воины и бунтари. Уже полетели в сторону и растоптаны великолепные ворота Сеидова кино-дворца...

«Дальше. Вперед. Ближе к дворцу. Врывайтесь во дворец» — снова вылетело одновременно из двух десятков рупоров.

Из-за задней некрашеной стены великолепного кино-дворца, с разных сторон прорвались на пустырь толпы рабочих из поселка.

Слились, смешались! Это уже не толпы, это черная туча — толпа, неровная, сплошная гряда человеческих голов.

Уже близко зарево знамен, заслонивших собой небо, уже отчетливо слышны слова их песен, заглушившие рупорные команды постановщиков этой эффектной с'емки.

Никто, ни внизу, ни наверху — в цветной острой башенке, еще ничего не понял, когда толпа из поселка вошла в толпу загримированных воинов и бунтарей.

Первые поняли те, кто под гримом в восточных вычурных костюмах разрушал кино-дворец ценой одного дня относительного благополучия. Все эти люди, у которых под восточными костюмами урчали голодные

желудки, первые поняли все и сразу присоединились к черной туче-толпе, надвинувшейся из поселка.

Все вместе, темной неудержимой лавой обрушились на кино-дворец жалкого властелина — Сеида и всесильного Дугласа Тведа.

Разве поможет, что кричат, надрываясь, режиссер и помощники?! Разве нужна команда людям, пришедшим смести, стереть и уничтожить?!

Командуют теми, кто пришел с наклоненной головой!

В рабочих блузах, в восточных хламидах, в измятых кеппи и в пестрых чалмах ринулись на кино-дворец участники этой небывалой с'емки.

Их подхлестывал гнев и возмущение, годы голода и насилий. Их вожак, чужой, пришлый, распластанный в луже запекшейся крови, еще настойчивее и горячее толкал вперед.

По мраморным ступеням и персидским коврам через кадки с кипарисами и пальмами, через опрокинутые юпитеры с огромными буквами Д. Т. А. С. Ш., они ворвались в высокую башенку.

Там, еще беззаботно, ничего не понимая, пили ликеры и курили пряные дорогие сигары...

Еще Молли кокетливо играла длинным белым нарциссом и бросала ревнивые взгляды в сторону Тведа и Клан.

Еще Ирэн Клан рассказывала Тведу о своих мытарствах, а деловые друзья Тведа развлекали дам анекдотами...

Они ворвались с башенку, гневные, как правосудие, и через минуту на персидский ковер из раскроенного черепа Дугласа Тведа хлынула густая темная кровь, похожая на ту, которую отдал Том Ринкен вечно сырой земле изнуренного поселка.

Через четверть часа валялись в пыли картон, дерево, фанера, мрамор, кипарисы в кадках, цветные стекла, персидские ковры и стилизованные растения.

К чорту сметен и стерт кино-дворец последнего властелина, который знал счет ступеней, отделявших его от самого Магомета.

Растоптан великолепный шедевр декоративного искусства, выстроенный на деньги властелина, знавшего счет миллионов, нагроможденных на первый доллар, заработанный продажей газет.

Их погребли обломки ими же воздвигнутых дворцов.

Высоко подвешенный к синему фону над пустырем ярко сверкает одинокий Юпитер.

ВЕНИАМИН ТРОЯНОВ

(ИВАНЫЧ)

ПЕРВАЯ СХВАТКА

(ИЗ ЗАПИСОК ПЕКАРЯ ЛИСИЧКИНА)

Авантюрная повесть

«Первая схватка: (Из записок пекаря Лисичкина)»
(М., 1922 г.)

Печатается по изданию:

Троянов В. И. Первая схватка. Сост. и подг. текста А. А. Степанова (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Т. XXXI). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 157 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLXXXV).

ЖИЗНЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

ПЕРВАЯ СХВАТКА.

(На записок пекаря Лисичкина).

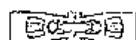
Текст ИВАНЫЧА.

МОСКВА.
ГИНОЦКВЕРИИ.
1922.

МИР

РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

I СЛЕД ШПИОНА

Итак, у нас в красном штабе был шпион!..

Сомнения не оставалось никакого. Подряд, в течение десяти дней, проваливались один за другим придуманные нами сюрпризы белым.

Предполагалось захватить белогвардейский транспорт около деревни Листвяны, взорвать железнодорожный мост в тылу белых через реку Каменку и, наконец, захватить в плен штаб 6-го белогвардейского кавалерийского отряда.

Все эти три операции должны были быть выполнены без всякого риска, наверняка, так как заранее были учтены все условия.

И вдруг — все провалилось!..

Я сидел у себя в кабинете, когда мне были поданы последние сводки — наши и белогвардейские.

Из сводок я увидел, что красные партизаны т. Щеткина нарвались при налете на штаб 6-го отряда на засаду и все поголовно были уничтожены.

Таково было сообщение последней белогвардейской сводки, которые мы вообще получали так же регулярно, как и сами белые.

У нас дело разведки, я могу с гордостью сознаться, в этом отношении было поставлено прекрасно.

Я вертел в руках листок сводки, прочитывал ее раз за разом, стараясь понять что-нибудь между строк, найти какие-нибудь новые слова, объяснение нашей неудачи.

Знаменательны были слова:

«Как и следовало ожидать...»

Все три операции, в том числе и план тов. Щеткина, выработывались и обдумывались только командармом т. Петровым, мною — членом Ревсовета армии и начальником штаба тов. Хозовым. Кроме нас троих, в эти планы, конечно, посвящался поочередно тот предводитель отряда партизан, на которого возлагалось непосредственное выполнение операции. Причем каждый из них знал только о своем деле.

И вдруг — слова:

«Как и следовало ожидать...»

Значит, даже главный штаб белых знал заранее о наших операциях, заранее известил штаб 6-го отряда, и начальство транспорта, и охрану моста, и там заранее были устроены засады!..

Черт возьми!.. Вся дальнейшая наша боевая работа будет сведена к нулю. У нас в штабе оказался шпион!

Кто же? Каким образом он получает такие секретнейшие сведения? Как он их передает? Каким образом так быстро попадают наши секреты в главный штаб белых?..

Прежде всего, у меня явилась догадка, не включились ли белые в наш провод. Ведь это часто практиковалось и у нас, и у них.

Но это не могло быть. Только о первой операции с транспортом была дана соответствующая телеграмма нашему начдиву, против фронта которого и должно было быть отбитие транспорта. Об этом необходимо было его информировать, чтобы он был наготове. Но эта телефонограмма была зашифрована секретнейшим шифром, известным в штабе дивизии только двум товарищам — начдиву и начштаба дивизии.

О второй и третьей операции никому никаких сообщений не давалось.

Кроме нас троих и начальника партии, решительно никто не знал. Я отбросил всю текущую переписку, доставки, телеграммы, сидел, курил и думал.

II НЕРАЗРЕШИМАЯ ЗАДАЧА

Кто же шпион? Кто?..

Мысленно перебирал состав нашего штаба. Достал было анкеты всех сотрудников штаба. Они были у меня всегда под рукой в ящике письменного стола.

Состав нашего штаба: тов. Петров. Мой начальник и мой старый друг и товарищ по партии, бывший путиловский рабочий, отбывавший при царизме каторгу и ссылку, один из виднейших работников в революции, в настоящее время — командарм, краснознаменец — гроза и жуть всех белогвардейских генералов. От одного имени тов. Петрова у золотопогонников душа убегала в пятки.

Второй — я, Лисичкин. Старый большевик-пекарь, еще мальчишкой, учеником пекарни, я ушел в революцию, в 1905 году дрался на баррикадах, эмигрировал, работал пекарем за границей — в Константинополе, в Париже и в Лондоне и только с 17 года возвратился в Россию, принявшись с жаром за революционную работу. Недавно я был мобилизован партией и назначен сюда членом Ревсовета армии.

Третий — тов. Хозов. Наш начальник штаба. Еще молодой сравнительно человек, лет 26–27. Бывший прапорщик, но имеющий огромный революционный стаж. Он в 17 году определенно встал на сторону пролетариата, был первым красным комендантом одного из крупных городов на юге, затем там же, на южном фронте, арестовал весь офицерский съезд, за что и был

приговорен к смерти, скрылся, будучи разыскиваем офицерским союзом, бежал, был опознан, арестован, ждал расстрела, снова бежал, жил в подполье до октября 17 года, а затем, в ноябре, дрался во главе значительного отряда красногвардейцев, им же самим сформированного. Со своим отрядом он взял несколько городов и организовал в них первую власть советов. Назначенный к нам начальником штаба, он сразу рекомендовал себя лояльнейшим и преданнейшим работником революции. Он был дорог нам, как стратег-самородок.

Затем шли остальные сотрудники штаба.

Я хотел было еще раз проштудировать их анкеты, но бросил. Это было бы совершенно бесцельно.

Знали только мы трое.

Я окончательно стал в тупик.

Знали только мы трое!..

Проклятые строки — «как и следовало ожидать»!

Эх я, простота! Я даже привскочил. Не у нас в штабе, а в штабе белых, в их главном штабе надо искать начало нитей от шпионского клубка. Да! Там и только там! Достаточно узнать, как они получают наши секретнейшие сведения, а затем можно будет выяснить, кто им дает этот материал, кто шпион.

III

К БЕЛЫМ В ГОСТИ

Решено. Я должен отправиться к белым. Только я, и никто другой. Слишком неотвратима, слишком очевидна та огромная опасность, которая грозит нашему делу. Шпион! Шпион — в самом сердце, мозгу красного штаба!

Я встал и направился в кабинет к тов. Петрову.

Мы столкнулись с ним в дверях. Он шел ко мне.

Я показал ему белогвардейскую сводку. Говорить с ним мне пришлось недолго.

— Знаешь, Вася, — сказал он, — я не Пинкертон, не Шерлок Холмс. Мое дело бить белых, бить и бить. Ты первым открыл шпиона. Ты член Ревсовета. Тебе и книги в руки. Действуй в интересах революции и никаких. Одобряю и соглашаюсь заранее.

Никаких приказов о моем отъезде решено было не отдавать, никого не извещать в интересах конспирации.

— Я буду тебя ждать, — говорил Петров, — когда сделаешь все, приедешь, доложишь. Вот и баста! Закуривай!.. Когда едешь?..

— Сегодня... Сейчас... Как и каким образом — покажут обстоятельства. Главное — еду! До свиданья!

— До свиданья, братишка! Счастливо!

Мы поцеловались. Я вышел из штаба.

Всякому, знакомому с положением дел на гражданской войне, хорошо известно, что перейти боевой фронт, — перебраться с одной воюющей стороны на другую, забраться в чужой тыл не представляет особых затруднений. Гражданский фронт не есть непрерывная линия окопов, укреплений, застав. Только в боевых местах, главное, по коммуникационным линиям, вдоль железнодорожного полотна, вдоль больших судоходных рек имеются заслоны, смычки, фронты. Отдаляясь от фронта вправо или влево, вы всегда можете попасть в такую местность, где нет ни той, ни другой воюющей стороны. В эти «нейтральные» местности являются поочередно то белые, то красные, иногда уходят далее, иногда остаются здесь в виду стратегической важности, иногда здесь возникает новый фронт, а иногда и сами жители не знают, «чи они красные, чи они белые»!..

Я, осведомленный одинаково с расположением наших и белогвардейских частей, знал, что севернее нас верст приблизительно на 200 попадают деревушки, где ни красных, ни белых нет. Туда я думал и направиться, а оттуда пробраться в штаб белых. От этих деревушек было около 40 верст до ст. «Омулево» — крайнего пункта железнодорожной линии, находящейся в зоне белых и ведущей в гор. Тайгинск, где и был штаб действующей против нас белой армии.

Я мог бы, конечно, направиться прямо через оба фронта и, конечно, меня пропустили бы наши заставы и <я> мог бы сразу очутиться у белых. Но не решился.

Не потому, что это было более рискованно. Я тут выигрывал во времени, но потому, что здесь меня знала в лицо красноармейская масса и появление мое на передовой линии, а затем и переход через заставу вызвал бы наверняка разговоры среди товарищей красноармейцев. Эти разговоры смогли бы дойти случайно до населения. От них — до белых.

Я пришел домой, тщательно обдумал первоначальные шаги, собрал, что считал необходимым... а через полчаса штабной «Мерседес» мчал меня на север по отличному шоссе. Шофером был мой старый приятель-механик, с которым мы давно жили душа в душу и который не раз спасал меня во всех случаях боевой жизни. В нем я был уверен, как в самом себе, но и он знал только, что меня надо довести до определенного пункта и потом ему надлежало возвратиться в штаб и быть немым, как рыба...

Ровно через 48 часов после получения в штабе белогвардейской сводки к ст. «Омулево» подошел солдатик-инвалид на костыле... Вместо левой руки у него болтался пустой рукав с приколотым на нем замусоленным Георгием.

Инвалид побродил по станции, узнал, когда уходит поезд в Тайгинск и подсел к группе кондукторов, которые с сундучками вышли принимать поезд.

Когда подали состав, инвалид явился к коменданту станции и, предъявив свои документы, получил разрешение сесть на поезд.

В документах было сказано, что калека-инвалид, возвратившийся из германского плена, пробирается к себе на родину, в город Тайгинск.

У инвалида оказались деньжонки и обер-кондуктор милостиво разрешил ему сесть в служебное отделение.

Инвалид расщедрился на бутылку монопольки и был принят бригадой, как родной. Только из себя был не очень разговорчив: «Еду, мол!.. Кого-то найду дома? Шесть лет не был!»

Однако, за компанию стаканчик пропустил...

IV У «ПЕКАРЕЙ»

Я приехал в Тайгинск рано утром. Светало. Расспросив, как пройти на главную улицу, я тихо заковылял.

Идти, конечно, было очень трудно; с одной стороны, непривычный костыль, с другой стороны погнутая в коленке нога с подвязанной культяпкой.

Все эти принадлежности я приобрел в нейтральной местности у калеки-пастуха, дав ему компенсацию в виде старой николаевской рублевки, которой он был несказанно доволен.

— Милостыню, что ли, подстреливать хочешь? — спросил меня любопытный старикашка.

— Угадал, дедушка! Хочу походить, пособирать. Калеке-то скорей подадут!

Старый Георгиевский крест я нашел как-то в избе, еще давно, и он все время валялся у меня. Теперь, нацепив его, я еще крепче законспирировал себя инвалидом мировой войны.

Я знал, что в Тайгинске существовала до сих пор наша не проваленная организация еще с 17 года. Центром организации являлась пекарня на главной улице города, пекарями и хозяином которой были наши товарищи-коммунисты. Из этой пекарни шли красные щупальца по всей белогвардейской округе. Здесь собирались все сведения, составлялись листовки, отсюда шли прокламации. О существовании красной организации в Тайгинске, конечно, знали все — прокламации нет-нет да появлялись в стенах города. Власти искали гнездо большевиков, но найти не могли. Тайну пекарни знали немногие даже из нас, партийных. Я лично узнал о пекарне только от нашего начальника Особого отдела, который как-то в докладе упомянул об этом в связи с побегом из белогвардейской тюрьмы нашего разведчика.

Сам я в Тайгинске не бывал никогда, и потому мне приходилось спрашивать дорогу.

Дошел. Вот вывеска пекарни! Наконец-то я среди своих!..

Но выработанная привычка к конспирации сразу заставила взять себя в руки с того самого момента, как я очутился на враждебной мне почве. Я сразу подобрался, заставил себя почувствовать калекой, согнулся и тихо постучал в дверь пекарни.

Ведь я не знал наверняка, встречу ли там своих. Может быть, уже был провал.

Отворил дверь. Там уже шла работа. Пекарня была полна работающих пекарей. Я пошел и попросил калачика калеке-инвалиду.

— Подожди, братишка, пока не готовы! Отдохни, покури!..

Я присел. На меня за работой никто не обращал внимания. Закурив собачью ножку, я присматривался к пекарям.

Вдруг я чуть не закричал от радости. Петька Мазепа! Петька, мой старый миляга-друг еще по петербургской пекарне. Еще мальчишкой мы дразнили его «Мазепой». Он стоял теперь у печи и фехтовал подсадком так, как самый опытный фехтовальщик.

Еще секунда и я бы его окликнул. Но опять благо-разумие взяло верх. Надо выждать. Вот Петька отставил подсадок и направился к выходу. Поравнялся со мной.

— Милый, — бросил я, — мне бы до ветру! Проводи, родимый!

— Пойдем, кавалер, пойдем!

Когда мы очутились на дворе, когда я, внимательно оглядевшись, убедился, что мы совершенно одни — я тихо бросил ему:

— Петька! Мазепа! Помнишь литовский трактир?

Он присел, хлопнул себя по ляжкам и заорал:

— Дружище!..

Но тут я бросил костыль и единственной свободной рукой зажал ему рот, а затем, потеряв равновесие, покатился на землю.

— Ну и история с географией!.. — бормотал он, поднимая меня, а я наставительно ему названивал:

— Не ори, Мазепа!..

— Ну и Васька, и Пинкертон! Что отмочил?!

Напомнил он мне мою старую мальчишескую кличку, которой меня дразнили в детстве в пекарне, когда я постоянно таскал с собой книжки этих романов и однажды запек целую страницу Пинкертона в ка-

лач... После этого мальчики меня прозвали Пинкертоном.

— Брось! Где говорить-то будем?

— Знай. Слушай да запоминай! Записывать долго!.. Возьмешь сейчас у нас горячий калач: и для видимости да и к чаю с дороги пригодится. Потом пойдешь по этой главной улице. Отсюда налево, да по левой стороне. Увидишь большой дом, № 23 — запомни. Войдешь во двор. Там в полуподвале будет дворницкая. Постучись. Выглянет такой седенький старичок. Скажи ему: «Я к барину Ивану Ефремовичу». Поведет он тебя наверх к самому купцу Ивану Ефремовичу. Высокий, белобрысый такой. Пробор до затылка и морда бритая. Если знакомого в нем не опознаешь — скажи, что ты «пекарь». Этот самый Иван Ефремович — наш как есть. Через полчаса и я там буду. Понял?

— Готово! Давай калач-то!

— Эх ты, ковыляга, иди уж!

V

НЕ ГЛАЗ, А ЗОЛОТО

Отыскать 23-й дом, найти седенького старичка-дворника и попросить его проводить к Ивану Ефремовичу не доставило мне много труда, зато я измучился со своей култыпкой, взбираясь по лестнице на второй этаж.

— Что, кавалер, чай, не привык еще с костылем-то?

— Привык-то привык, дедушка, да больно расхворался. Совсем ходить не могу...

— Наш барин Иван Ахремыч посочувствует... Он всем помощь оказывает, кого в больницу, кому деньгами. Сколько к нему народу приходит. Хотя и по заграницам жил, но простыми не гнушается. Вот недав-

но гошпиталь на свой счет оборудовал. Тоже благодарность от начальства получил...

Я слушал и мотал на ус. Добрались на второй этаж. Пошли на кухню. В дверях нас встретила кухарка, женщина лет сорока.

— Вы к барину Ивану Ефремовичу?

Опытное мое ухо сразу уловило интеллигентские нотки, но очень, очень незаметные.

— Да. Доложите. Лично к Ивану Ефремовичу...

Старик, сдав меня, отправился в дворницкую. Кухарка ушла с докладом. Я сел в ожидании на скамейку...

— Просят вас обождать!.. Он только что встает... Не налить ли вам чашку... — она внимательно взглянула на меня... — кофе? Может быть, вы устали?

— Приятно иметь дело с умным человеком, — пробормотал я и, смотря ей прямо в глаза, отчеканил: — Да, товарищ, я бы с удовольствием выпил стакан кофе!

— Я сразу почувствовала, что вы «пекарь»! Здравствуйте, товарищ! — Протянув мне руку, она прибавила: — Будьте спокойны: здесь все свои, — и я, и Иван Ефремович, и лакей, и кучер, и дворник.

Чем я мог ей ответить, как не крепким товарищеским пожатием?

— Берите ваш костыль. Я проведу вас в кабинет.

И я зашагал по апартаментам одного из самых шикарных особняков города Тайгинска. Единственная «вольная» нога моя утопала в мягком пушистом ковре.

Пока все шло прекрасно. Но вот мысль, которая сразу навязалась и засверлила мой мозг: «Как это так? Я пробыл „инвалидом“ больше суток, меня видели сотни людей и ни у кого не явилось ни малейшего сомнения в моем инвалидном естестве, — и вот теперь в одну секунду эта женщина, этот товарищ, сразу раскрыла весь мой маскарад».

— Простите, товарищ, — обратился я к ней, — вы понимаете, что этот вопрос не простое любопытство, этот вопрос для меня чрезвычайно важный, — как вы открыли, что я не инвалид, а «пекарь»? Что меня выдало?

Она остановилась, проходя через гостиную.

— Я вам сейчас продемонстрирую. Посмотрите на себя в зеркало, да всмотритесь повнимательней. Ну, — видите?

— Ничего решительно не вижу! Лицо как лицо, обросшее бородой!

— Плохо смотрите! Видите значки от пенсне? Вы носили всю жизнь пенсне и только недавно сняли. Инвалиды пенсне не носят, а партийные работники сплошь да рядом.

Я посмотрел.

Она была права: два красных, едва заметных шрама красовались у меня по бокам переносицы.

— Вот так конспирация!.. — пробормотал я.

— Сейчас выйдет товарищ Иван Ефремович. Я вас проведу в комнату, где вы будете, как дома. Он придет туда же.

Она подняла портьеру, открыла незаметную маленькую дверь и пригласила меня следовать за собой.

VI

В КРАСНОМ ТАЙНИКЕ

Я вошел и осмотрелся.

Простая обстановка этой комнаты была полной противоположностью всему остальному дому. Стол, покрытый клеенкой. Простые клеенчатые кресла, ручной мойник, шкаф и кровать.

— Здесь, товарищ, сможете отдохнуть, как хотите. Это самое безопасное место в городе Тайгинске для каждого коммуниста. Я сейчас принесу вам кофе.

Отдохнуть!.. Я меньше всего думал об отдыхе!.. Дорога был каждая минута...

Когда я отпустил ремни на прикрученной ноге, то к своему ужасу почувствовал, что нога совершенно онемела. Неужели вместо работы мне придется действительно отдыхать и лечить ногу?..

— Вы ко мне, товарищ? Здравствуйте!..

Занятый своей ногой, я так и не слышал, как в комнату вошли.

Я оглянулся.

Сегодняшний день был для меня, очевидно, днем сюрпризов. Перед мной стоял товарищ Ефремыч, мой сожитель по комнате в Париже еще в 16 году. Он жил эмигрантом, учился в Высшей Школе, а я бегал печь хлеба в одну булочную на Монмартре. Не раз кормил его своими произведениями.

Мы расцеловались и... перешли прямо к делу. Ведь мы встретились не для воспоминаний...

— Ну, рассказывайте, в чем дело? Откуда и зачем вы к нам пожаловали? — спросил меня Ефремыч так просто, как будто мы расстались с ним вчера.

— Я приехал сюда, товарищ Ефремыч, чтобы сделать вам всем здешним коммунистам хороший нагоняй за вашу работу, верней, за пробелы в вашей работе, — полушутливо, полусерьезно заявил я.

— Не понимаю! объясните точней, в чем наша вина, в чем ошибка?

— Ошибка ваша, то есть всех вас, здешних товарищей-коммунистов, в том, что вы, действуя во всех отношениях выше похвал, развив изумительно работу, сохраняя полную конспирацию и войдя в курс всех бе-

логвардейских не только выступлений, но даже и замыслов, — проморгали одно важнейшее явление. От вас и от вашей организации мы вправе требовать большего, и требуем.

— Точнее, дорогой товарищ!

— Точнее? Кратко: у нас в штабе Красной армии завелся шпион, который уже недели две как дает сведения сюда, в главный штаб белых, и вы, стоящие в курсе всего того, что делается в штабе белых, вы до сих пор не узнали — от кого, каким образом и какие сведения даются из штаба нашей армии в здешний белогвардейский штаб.

— А вы сами чего смотрите?

В комнату вошел «Мазепа»... Товарищ «кухарка» принесла нам горячий кофе и завтрак...

Через полчаса нами был выработан дальнейший план...

VII

АРЕСТОВАНА, А АРЕСТОВАННОЙ НЕТ!

Около 6 часов вечера того же дня генерал-майор Попелло-Давыдов, начальник штаба белогвардейского фронта, сидел у себя в вагоне, стучал кулаком по столу и орал так, что даже часовые, находившиеся снаружи вагона, подтягивались и старались стоять смирно...

Перед генералом стоял, вытянувшись, словно проглотивши красный штык, выхоленный, с вытаращенными глазами офицер-адъютант.

— Нет! Черт вас позадави! До чего додуматься? Аррестовать без моего разрешения! Аррестовать без моего приказа! Вы, поручик, узнавали, кто ее смел аррестовать?... Узнали?!..

— Так точно, ваше высокопревосходительство!.. То есть, никак нет-с! Не узнавал! То есть узнавал, но не узнал!..

— Что вы там еще бормочете? Узнавал!.. Не узнал!.. Говорите толком!.. А еще офицер! Кто ее посмел арестовать? Что это за дурацкая записка? Вы читали ее?..

Он схватил со стола скомканную записку и подал ее адъютанту.

— Читайте еще раз, да вслух!

— *«Его высокопревосходительству, начальнику штаба генерал-майору Попелло-Давыдову.*

Ваше высокопревосходительство, меня сейчас арестовало его благородие с контрразведки. Очень прошу ваше высокопревосходительство застоять меня, так как вы знаете, что я совсем невинна. Известная вам Лукерья Пуговкина, проводница вашего вагона № 4711»...

— Ну-с? Что вы скажете? Три часа тому назад она пошла за свечами. Вы тогда изволили где-то бегать!.. Да-с! А я читал газету. Да-с! Проходит час — ее нет! Другой — ее нет!.. Мне надо ехать в город и я не могу оставить вагон! И вас нет! Жду и вдруг какой-то болван приходит и дает эту дурацкую записку. Пока ее прочел, и его черти куда-то утащили! И спросить не у кого! Вы говорите, узнавали? Что узнавали?

— Согласно вашего приказа, звонил к начальнику контрразведки и передал приказание вашего высокопревосходительства освободить арестованную Пуговкину.

— Ну, а он?

— Он навел справки и сказал, что никакой Пуговкиной арестовано не было.

— Черт знает! Не может быть! У них у всех затылки не так затесаны! Арестовать без моего разрешения и потерять арестованную! Черт!.. Фу!.. Устал... Поручик, немедленно, сейчас же, сию минуту вызвать начальника контрразведки... Арестовать без моего разрешения!.. Мерзавцы!..

Прибывший к генералу начальник контрразведки ничем не мог успокоить его высокопревосходительство. Наоборот, еще более взбесил его, доложив, что не только Пуговкиной, но и вообще никакой девушки-проводницы в районе вокзала арестовано не было. Куда девалась Пуговкина — он совершенно не знал.

Отдышавшись и выпив несколько рюмок коньяку, генерал отдал приказ адъютанту затребовать срочно другого проводника.

— Но только проводника, а то проводницу они еще раз украдут. Дьяволы! А чтобы Лукерья Пуговки на мне была разыскана! Слышите, ротмистр? Может идти, без Пуговкиной не смейте показываться. Какая же это, черт подери, разведка, когда у начальника штаба среди бела дня пропадает проводник и разведка не может ничего узнать?

Начальник разведки печально протрезвонил шпорами и вышел. Адъютант стал писать требование на проводника...

VIII

КУДА НИ КИНЬ — ВСЕ КЛИН!

А около генеральского вагона мотался какой-то рабочий, видимо, слесарь из депо, с ящиком и инструментами. Он постукивал колеса соседних вагонов молотком, что-то завинчивал, перестукивал по буксам... Часовые не обращали на него внимания, так как из генеральского вагона шел непрерывный вопль и часовые боялись повернуться.

Слесарь перешел к вагону насупротив генеральского и стал подтягивать буксы.

Из окна вагона выглянул адъютант.

— Эй ты, братец! Вон тот, в блузе! Поди-ка сюда!

Рабочий оставил буксы и приблизился к окну.

— Ты из депо?

— Так точно, ваше благородие. Из депа слесарь. Вот буксы проверяю.

— Нарядчика, что заведует проводниками, знаешь?

— Так точно, знаю. Вижу на работе каждый день.

— Вот, отдай ему записку, да живо! Чтоб сегодня же, смотри, — не позднее вечера был прислан проводник его превосходительству.

Рабочий взял от адъютанта записку, собрал свои инструменты и зашагал в депо.

В конторе у нарядчика, распределявшего проводников, рабочий оглянулся и, убедившись, что в конторе ни души, кроме самого нарядчика, нет, подошел к столу и тихо сказал:

— Товарищ Соскин! Вот записка начальника штаба. Необходимо сейчас же отправить туда проводника, то есть не проводника, а только дать наряд и листок с фамилией и проводниковской книжкой. Туда в вагон должен отправиться с этими документами один из наших. Вам же придется быть начеку. Коли проводник наш провалится, вы должны сделать так, чтобы вы сами по возможности остались чистым. В крайнем случае, и вам придется отсюда давать ходу.

— Есть! — ответил Соскин, к слову сказать, бывший матрос со знаменитой «Авроры». — Проводников у меня налицо ни одного. Одни поразбежались, другие в командировках. Человек пять в больнице. Я вам дам наряд на имя, — он посмотрел в книгу нарядов, — на имя Василия Курносова. Он как раз недавно отправился, вернее, переправился на родину, в Москву. Наверное, уже там, в Советской России. Я выпишу наряд на его имя. Его никто почти здесь не знал. Только по книге числился. Если выйдет провал, и меня спросят, то я

скажу, что послал Курносова, а кто такой Курносов — это не мое дело. Проводник и проводник!..

IX КУДА ПОДЕВАЛАСЬ ПУГОВКИНА

Когда около часа дня Лукерья Пуговкина направлялась к дежурному по станции за свечами для генеральского вагона, к ней подошел молодой, симпатичный такой офицер и очень вежливо спросил:

— Красавица, ты не проводница вагона № 4711?

Лукерья сказала, что да, проводница, вот иду, дескать, за свечами.

— Как фамилия и имя?

— Мое-то? Лукерья, а по фамилии Пуговкина.

Офицер посмотрел в какую-то бумажку и уже серьезно так сказал:

— Пуговкина, тебя надо арестовать! Я из контрразведки. Ты только не бойся. Вот, уже ревешь? Тебе ничего не будет. Хочешь, напиши записку своему генералу. Я сейчас же отошлю ее, а он распорядится тебя освободить. Это, наверное, контрразведка напутала и написала бумажку тебя арестовать. Ну, вот что! Пиши записку. Брось реветь!

Пуговкина, всхлипывая, нацарапала записку, а офицер взял эту записку, подозвал стрелочника из будки и строго так приказал немедленно отнести эту записку самому генералу. Теперь Пуговкина немного успокоилась. Генерал ее в обиду не даст. Как взяли, мол, так и отпустят. Только зря проканителют.

Около товарных пакгаузов стоял автомобиль, там еще сидел какой-то в военной форме. Офицер вежливенько посадил Пуговкину рядом с собой, и автомо-

биль помчался, только не в город, а куда-то по большаку.

Пуговкина забеспокоилась.

— Куда вы меня везете, ваше благородие?

— Главное, товарищ Пуговкина, успокойтесь. С вами ничего худого не сделают!..

Пуговкина индо вся обмерла: как это, сам господин офицер и назвал ее товарищем! Господи, мать святая Богородица: «Товарищ Пуговкина!» У белых таперича за слово «товарищ» шомполами до смерти шкуру спускают, а тут ее, Лукерью Пуговкину, сам господин офицер товарищем назвал. Ну и дела! Лукерья совсем растерялась.

Недолго ехал автомобиль, только очень быстро. При переезде железнодорожной линии у шлагбаума машина остановилась. У переезда стояла будка.

— Товарищ Пуговкина, слезайте, приехали!

Пуговкина, ни жива, ни мертва, слезла и покорно пошла вместе с двумя офицерами в будку.

Вошла, а там еще один сидит — третий. Сидит да улыбается. Как увидала Лукерья, что смеются, так ей сразу на душе легче стало.

X ПО-ХОРОШЕМУ

— Садитесь, товарищ!

Лукерья села.

— Слушайте внимательно. Отвечайте всю правду. Нам нужно, чтобы вы совсем больше не показывались никуда, ни в городе, ни на вокзале. Чтобы от вас и след простыл. У вас родные есть?

— Есть. Мать-старуха да братишка лет 15-ти, в деревне хозяйствуют.

— Далеко отсюда?

— Да отсюда по железной дороге ехать верст тридцать на станцию Калиновскую, а оттуда версты три пешком.

— Вот что, товарищ Пуговкина. Можете ли вы нам дать честное слово пролетария, рабочего человека, что отсюда прямо отправитесь домой и ни на вокзале, ни в городе, а тем более, в генеральский вагон не покажетесь? Должен вас предупредить, что так нужно. Понимаете? Нужно тем, кто сейчас ведет борьбу со всеми здешними генералами да барами. Понимаете? Вы газеты читаете? Прокламации на станции видели? Знаете, что рабочие и крестьяне хотят прогнать всю эту белую шатию?

— А потом как же? Как же я обратно к генералу покажусь?

— А вам и показываться не надо. Живите, да живите в деревне. Недолго еще здесь белым царствовать. Мы их отсюда живо прогоним. А как прогоним, так и живите тогда безо всякого страха. Захотите — опять вас проводником устроим, а то в совет депутаткой выберем.

Лукерья совсем свободно вздохнула.

— Согласна я! Конечно, согласна! Ежели, значит, мне около вагонов оставаться нельзя, так вы все равно меня прикончить за всяко просто могли бы. А раз похорошему говорите — верю и честное слово даю, что в вагон не возвращусь. Будет! Надоело там мне все до смерти! Обниматься всякий лезет. А как пьяные, так не приведи Бог! В купе лезут, да и сам генерал тоже. Мало к нему паскуд приходит! Согласна я! Пишите!..

— Да тут и писать нечего! Согласна и спасибо! Вот и все. А теперь отвечайте на вопросы вот этого товарища.

Лукерья обернулась ко мне.

— Товарищ Лукерья, давно вы в генеральском вагоне?

— Всего с месяц, как из уборщиц перевели. Прежде вагоны мыла.

— В чем ваши обязанности?

— Летом только за вагоном смотреть, подметаю, да вот куда пошлют. Да только это редко бывает. Вот за свечьми ходила.

— Кто прислуживает генералу? Денщики есть?

— Нет. Своего денщика генерал к жене отослал. Утром кофе ему с вокзала приносит официант. Обедать часа в два в собрание ездит. Машину подают. Ужинает когда в вагоне, ежели выпивку у себя устраивает, а то, почитай, все больше у самого главнокомандующего торчит, там и лопают.

— А как он проводит день? Что делает? Когда встает?

— Встает часов в одиннадцать утра. Потом с докладами приходят разные. В час сам с докладом идет. В два обедать едут. С 3-х до 5-ти отдыхают. С 5-ти адъютанту дела диктует, а потом в карты или пить. Ну, это уж не до определенного часа. Когда и до утра. Вот и все...

— Вы в лицо всех знаете, кто у него бывает?

— Да почитай, всех!..

— Вот, видите эту фотографию?..

Я показал ей большую группу всего главного штаба. Фотография эта была поднесена Ивану Ефремовичу самим генералом при открытии госпиталя, который Иван Ефремович, как богатый купец, оборудовал на свои средства для раненых солдат... Между прочим, факт создания госпиталя страшно увеличил популярность Ивана Ефремовича среди белогвардейских властей.

— Вы здесь на фотографии узнаете, кого знаете?

— Вот это сам генерал-главнокомандующий. Вот начальник штаба — мой, значит. Вот адъютант. Вот начальник разведки. Вот по артиллерийской части. Вот анжинерный генерал. Вот интендант...

Я перенумеровал все физиономии этой «симпатичной» компании и записал их фамилии на обратной стороне фотографии.

— А где генерал держит бумаги и документы?

— Да почитай, все на столе да в ящике. А иногда просто и на диванах и на стульях. Не опасается!.. Я прибираю, мету вагон, так часто вижу. Надписи совершенно секретные, все равно так лежат. Прежде в ящики запирались, да генерал ключ потерял спяну, а второй так сделать и не успели, потому все открыто.

— А у вас какие ключи с собой есть?

— Вот ключ от вагона, да еще вот мой ключик от сундучка.

— А у вас в вагоне какие-нибудь вещи остались?

— Да всего ничего! Чайник да чашка, да полотенце, да хлеб, а остальное все, что на мне. Да у меня и не было ничего. Вот, что на себе — встала да пошла. Чистая пролетария!..

— Вот что, товарищ Пуговкина, скажите откровенно: денег вам не надо? Вы по-товарищески!..

— Нет, господа-товарищи, от вас денег мне брать негоже, хотя, по правде, у меня в купе за диванной спинкой рублей сто засунуты, ну, да Бог с ними, у меня рублей пять с собой есть! До дому доберусь, а там мне не надо!

— Мы сейчас дадим вам денег, сколько нужно вам на первое время, а с теми деньгами, что в вагоне, — каюк, пусть уж пропадают, некогда с ними возиться...

XI

ОДНО СПЛОШНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ...

Девять часов вечера...

— Как твоя фамилия? — благодушно спросил генерал Попелло-Давыдов вновь присланного к нему проводника.

— Василий Курносов, ваше превосходительство! — отвечал ему я.

— Что же это ты, братец, такой измазанный, как черт из пекла? Хотя бы ты сажу с морды смыл, на ночь даже страшно с тобой говорить! Ишь ты, какой мазилка, весь в угле да в машинном масле!

— Сейчас только из депа, выше высокопревосходительство, спешил. Нарядчик говорит — бегим духом, чтобы сразу — одна нога здесь, другая там!

— Ага. Гм-гм. Хорошо. Сразу, говоришь — по военному...

— Так точно, ваше высокопревосходительство!

— Давно в проводниках?

— Недавно, ваше высокопревосходительство! Все в депе работал...

— А до депо что делал?

— Пекарем был, ваше высокопревосходительство!

— Пекарем?!

— Пекарем, так точно-с! Булки пек, баранки, торты, печенья разные.

— Пекарем!.. Вот и отлично! И пирожки, значит, печь можешь?

— Могим за всяко просто, ваше высокопревосходительство!

— Да ты, братец, не проводник, а одно сплошное удовольствие! Ну, ступай! Да, забыл! На тебе денег.

Завтра мне булку горячую подашь, а то из буфета черт знает что присылают!..

Я сбегал за кипятком, заварил чая и стал благодумствовать...

В вагоне было тихо. Так прошло около часа.

Кто-то постучал в вагонную дверь...

XII ОБО МНЕ ЗНАЮТ!

Я пошел отворять и пропустил какого-то, видимо, иностранца в морской форме. Он был чем-то взволнован, потому что быстро пробежал мимо меня к генералу. Я постарался внимательно взглянуть ему в физиономию, но не успел закрепить в своей памяти черты его лица...

Громкий разговор заставил меня прислушаться...

Дверь моего купе была приотворена.

Разговор шел на французском языке.

Как эмигрант, живший в Париже около 3-х лет, я, конечно, хорошо понимал по-французски и слышал последующий разговор почти весь до одного слова.

— Генерал, — сказал гость, — неприятная новость! В голубятне поджог!

— Что вы говорите? Когда? Что сгорело?

— Пострадало несколько голубей-почтальонов. Около половины всей стаи. Сгорела сама станция. Остальных голубей успели вынести. Я приказал доставить их прямо к себе в комнату.

— Сейчас же распорядитесь восстановить вышку и оборудовать голубятню!..

— Все будет сделано. Я уже распорядился.

— Вы уверены, что это поджог?

— Умышленный?.. Нет! Загорелось внизу под голубятней у кучеров. Видимо, какая-то пьяная каналья курила и заронила огонь в сено.

— Фу! Слава Богу! Лучше не производить никакого следствия, чтобы не предавать огласке существование голубятни.

— Все-таки я думаю станцию перенести к себе и сделать ее в том же доме, где я теперь живу. Вы знаете, генерал, я переехал теперь на дачу. Милости просим! Живу в имении. Во дворце одного местного купца. В верстах 8-ми от города. Совершенно случайно меня с ним познакомили. Я ему жаловался, что недоволен городской квартирой и он предложил мне свою дачу. Я уже дня три как переехал, и теперь думаю и голубей и, конечно, все остальное перебросить туда же. Там гораздо безопаснее. Хозяин живет сам в городе.

— Я согласен, — сказал генерал. — Перевозите все и я к вам приеду в гости. Не хотите ли ликера или коньяка? Пойдите, я позову проводника. Он откупорит еще одну бутылку. Эй, ты, как тебя, проводник, забыл, как тебя зовут! Да, пекарь! Эй ты, пекарь! Буду звать тебя пекарем. Ну, пекарь, открой-ка нам еще бутылочку.

Я стал возиться около бутылки, стоя около них.

— Да, — продолжал гость по-французски, — я вам принес последнюю почту из штаба большевиков. Есть новости. К нам едет оттуда какой-то коммунист. Тут сказано его фамилия.

Он потянулся за бумажником.

— Что? — вскричал генерал.

— Что? — чуть было не закричал я и крепко стиснул бутылку в руках.

Мне пришлось сделать невероятное усилие, чтобы взять себя в руки. Необходимо было действовать стре-

мительно, молниеносно и в то же время обдумывая каждый жест, каждое движение.

Я сделал вид, что у меня сломался штопор, и побегал в свое купе...

Среди необходимых предметов, захваченных мною в генеральский вагон, было несколько сонных порошков, которые по моему требованию тов. Ефремыч заказал и получил от нашего же доктора.

Открыв бутылку, я всыпал в вино один из порошков и через несколько секунд уже спокойно ставил бутылку на стол.

В это время генерал и его гость рассматривали какой-то небольшой клочок бумаги и не обращали на меня ни малейшего внимания.

Я, в свою очередь, тоже задерживался около стола, переставляя посуду, и тоже старательно изучал внешний вид документа, чтоб потом мне было легче его найти.

По виду это был сравнительно плотный блестящий белый прямоугольник размерами в игральную карту. Что там было написано, мне не удалось рассмотреть. Я ушел к себе, но, конечно, слышал весь дальнейший разговор, который продолжался по-французски.

— М-да. Зачем сюда едет этот Лисичкин? Как вы думаете, мусье? Интересно разузнать. Ваше здоровье!..

— Мерси! Совершенно не понимаю, генерал. Я вчера, когда проявил документ, сейчас же сообщил об этом предполагаемом визите начальнику контрразведки, чтобы он ожидал гостя. Но не знаю, что из этого выйдет. Оказывается, что в контрразведке нет ни фотографии Лисичкина, ни его примет. Я вчера же послал запрос туда, чтобы мне сообщили приметы Лисичкина или, лучше, прислали его фотографию.

— А если не пришлют? Позвольте вам еще рюмашку!..

— Мерси! Обойдемся! В контрразведке есть много старых агентов петроградской охраны и жандармских чинов. Наверное, кто-нибудь да знает Лисичкина в лицо. Он видный большевик. Мне это передавал сам начальник контрразведки. Мерси, это уже третья!

— Прошу! Что за счеты? Да, кстати, насчет фотографии. А когда вы покажете мне свои парижские коллекции? А здесь вы делали подобного рода снимочки, среди местных, так сказать, красавиц? — и генерал заржал, как застоялый жеребец.

— Как же, как же, генерал! И здесь снята мной целая коллекция, настоящий цветник! Милости просим! Приезжайте ко мне на дачу. Продемонстрирую с удовольствием!..

Я перестал вслушиваться в разговор, тем более что он становился все тише и тише.

Очевидно, порошки оправдывали свое назначение.

Единственно, теперь я боялся, что кто-нибудь войдет в вагон. Я вышел, затворил обе наружные двери вагона на ключ и заложил запасные задвижки. Если постучатся сейчас — скверно. Если позднее, то как-нибудь вывернусь...

XIII

ПОЧЕРК КОМАНДАРМА

Когда я возвратился в коридор, в салоне у генерала была полная тишина. Я нарочно шел, громко стуча сапогами.

Занавески обыкновенно в салон-вагонах всегда опущены. Это своего рода правило вагонов всех важных персон.

Снаружи ничего не было видно, что делается внутри вагона и потому я действовал без всякой боязни, что за мной могут наблюдать...

В салоне и генерал и гость уже спали. Один, откинувшись на диван, другой — свесившись с кресла. Генерал храпел густым басом, а французишка издавал легкий свист и причмокивал губами.

Прежде всего я взял со стола бутылку. В ней осталось около половины жидкости. Я вылил все до капли в уборную. Взял другую, нераспечатанную бутылку той же марки из корзины, стоявшей под письменным столом (генерал, очевидно, был человек запасливый и имел походный погребок), тоже откупорил, вылил и из нее больше половины в раковину, несколько капель пустил в первую бутылку, бросил первую бутылку на столе, а вторую с остатками вина поставил на стол.

Затем я приступил к выполнению своей основной задачи. Обежал глазами стол.

Роковой листок лежал тут же, залитый вином...

Я подошел и, не беря его в руки, наклонившись, всмотрелся... Первый раз за всю свою жизнь я почувствовал, что у меня галлюцинация. Я так сжал руками свои виски, что чуть не потерял сознание от боли...

Рука командарма, рука товарища Петрова!..

Его почерк я узнал бы среди тысячи, миллионов почерков.

И этим почерком была написана предательская записка:

«18-го — четверг — Сегодня мой помощник т. Лисичкин отправился в гор. Тайгинск в штаб белогвардейского фронта».

Я впился глазами в белый квадратик. Размер документа — размер игровой карты. Плотность — картон или толстая бумага. Вид с блестящей поверхностью... Да это фотография!..

Фотографический снимок!.. Это не оригинал!

Вихрь мыслей, предположений, решений, планов закружился в моем мозгу.

Взять?.. Оставить?..

Да разве фотография с чего-нибудь есть доказательство? Разве нельзя снять фотографию с фальшивого почерка?.. Знаменитое дело Дрейфуса...¹⁾

Но раздумье — гибель всего дела. Довольно! Решено! Оставляю этот документ на столе. Буду искать еще.

Я побежал к письменному столу. Горы наваленных бумаг. Ни один ящик не заперт на ключ.

Быстро, но не изменяя положения ни одной бумажки, я просматривал кипы документов. Названия мелькали перед глазами. Вот конверт с пометкой:

«Сводки красного штаба».

Наши сводки!..

Беру конверт, вынимаю бумаги. Целая колода карт-фотографий, как две капли воды похожих на роковой документ, лежащий на столе...

Да. Здесь все. И о «транспорте», и о «покушении на мост», и извещение об операции тов. Щеткина...

И вот последний документ, документ, послуживший причиной гибели тов. Щеткина, я решил взять.

Достаточно будет мне и одного этого документа.

Исчезновение одной бумажки из такой кипы, безусловно, будет незаметно.

Если проверка — ясен вопрос: почему взята одна? Если брали бы — взяли бы все. А одна, одна просто могла затеряться, быть заложена в другой конверт. Тем более, что все фотографии не перенумерованы. Наверное, и описи нет. По крайней мере, здесь ее не было.

1) Много лет назад французская военщина обвинила гражданина Дрейфуса в шпионаже. Вместо самого документа, рукописи, была представлена фотография с подделанного почерка, а оригинала, конечно, не было (Прим. авт.).

XIV

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

Я вынул роковой документ, запрятал его, а остальное сложил в конверт и сунул на прежнее место в самый нижний ящик стола.

Пошел к себе в купе... Опустился на диван.

...Два раза в жизни испытывал я страх смерти, два раза был в секундах от казни, но и тогда, я отлично это помню, не переживал такого ужаса, как в эти мгновения.

Где же то, что называется правдой?

Тов. Петров, краснознаменец, старый партийный работник — предатель революции!..

Как и кому я должен теперь сообщить об этом? Сообщить необходимо немедленно, каждую секунду его работа несет гибель делу Великой Революции. Неужели каждая буква, написанная им, несет новые потоки крови рабочих и крестьян, которые слепо верят каждому слову своего командира, слову, взгляду, жесту?

А что, если тов. Петров не виновен?

А если нельзя будет доказать его виновность? Ведь фотография — не доказательство! Она не может служить поводом, чтобы сказать ему приговор:

— Предатель!..

Нет, нет и нет! Надо искать! Искать еще. Надо до мельчайших подробностей выяснить все дело и только тогда сказать, объявить, обнародовать...

Предатель или не предатель?

Этот документ будет первым камнем большого здания, которое или задавит тов. Петрова, или будет построено не для него.

В руках у меня отправная точка. Генеральский вагон больше мне не нужен. Мне в нем делать больше нечего.

Надо вести расследование дальше... Но...

Как уйти отсюда?

Бежать? То есть можно даже не бежать, а уйти. Собрать свой проводниковский сундучок, отворить дверь и спокойно и бесследно потеряться во мраке ночи.

Нет! Нельзя! Уйди я сию минуту, сейчас, при такой ситуации, то белые сразу догадаются, что что-то неладно...

Сон. Исчезновение проводника. Сопоставят факты.

Пришел, опоил сонным зельем. Так, наверное, ему было нужно. Что-то, очевидно, делал в то время, когда вредные ему лица спали, а затем скрылся, боясь ответственности.

Будут тщательно осматривать салон. Проверять и просматривать все документы. Могут обнаружить и исчезновение одного документа. Может явиться подозрение... и вот здесь, наверное, последует извещение предателя, извещение того, от кого они получают красные секреты.

Результат — предатель скроется безнаказанно и не обнаруженный...

Нет. Уходить рано.

Я остаюсь. Остаюсь пока! До завтра, до послезавтра. Когда пройдет первая горячка, скажусь больным и уйду в госпиталь...

А там...

Там снова за работу, за свое расследование...

XV

У БЕЛЫХ В ЛАПАХ

Я прилег и задремал. Усталость давала себя чувствовать. Где-то стучат. Сильнее, сильнее. Барабанят в наружную дверь. Просыпаюсь. Иду отворять.

В вагон вваливается пьяная компания.

— Что ты, мерзавец, пьян, как стелька? Стучались целый час!..

— Что тебе, уши заложило, дубина этакая?

Вся свора набросилась на меня с безобразной руганью...

Хорошенько не проснувшись, я не понимал, в чем дело и что-то буркнул в ответ...

— Как? Разговаривать еще? Скот! — кто-то злобно толкнул меня кулаком в лицо...

Я, не думая о последствиях, что есть силы хватил стиснутым в руке вагонным ключом первого от меня стоявшего в дверях вагона белогвардейца. Он кувыркнулся с подножки вагона и шлепнулся о землю.

Трое, стоявшие рядом со мной, схватили меня сзади и стали наносить удары...

— Пойдите! Пойдите! Пустите! Я его сейчас застрелю, как собаку, — лез в вагон с окровавленной мордой мой «крестник».

— Нет! Это уже оставьте!.. — схватил его, как потом оказалось, генеральский адъютант... — Стрелять, застрелить... Подождите! Это еще успеют с ним проделать завтра! А сейчас это уже глупо. Во-первых, стрельба, ночью, в генеральском вагоне! Рядом вагон главнокомандующего. Вы понимаете? Затем, конечно, и наш взбесится. Расстрелять, не доложив ему? Без его распоряжения? А потом, подумайте: пачкать вагон кровью этого прохвоста! Отдайте револьвер. Завтра все разберем. А пока его надо куда-нибудь посадить. Не вызывать же ночью патруль к генеральскому вагону из-за пьяной драки...

Вносились предложения, куда меня посадить, чтобы я не мог скрыться.

Сюда, в уборную!..

Нет, в отопление! В отоплении нет окна!..

Я очутился в совершенно темном отделении, где стояла только угольная печь. Снаружи меня заперли задвижкой, шпингалетом.

XVI В ОЖИДАНИИ РАССТРЕЛА

Только пробыв здесь несколько минут, я стал приходить в себя. Стал мыслить логически.

Этот глупый случай вдребезги разбивал весь задуманный мною план. Вся моя работа сводилась к нулю. Я должен был погибнуть и предатель оставался безнаказанным. Продолжал вредить.

Смерть? Смерть. Для меня, много раз сознательно рисковавшего своей жизнью, смерть была только концом работы, концом моей борьбы за то, чем я жил, ради чего боролся, что считал единственной целью жизни...

Борьба за счастье и за свободу трудовых мозолистых рук...

И вот теперь конец жизни, конец борьбы...

Я даже не успел добиться намеченной мною лично цели!..

Предатель остается необнаруженным!

Предатель будет продолжать вредить!

Предательство останется неотомщенным!

А завтра, завтра я доставлю всей этой белой сволочи огромное удовольствие. Будет устроена комедия суда, будет с хохотом вынесен приговор.

Неужели дать им возможность восторжествовать лишний раз?

Нет...

В моих руках есть средство лишить их этой радости.

Надо только мне самому решиться. Решиться предупредить их. Здесь же, сейчас.

Браунинг в потайном кармане всегда со мной.

Я потянулся за ним. Там же я нащупал и злосчастную бумагу — документ.

К черту минутную слабость духа! Я революционер. Я человек идеи. Человек долга.

Наш девиз — борьба и борьба до конца!

Могу ли я уничтожить всякую возможность сохранить, передать документ кому-нибудь из своих? Ведь мои товарищи завтра же узнают о моем аресте. Завтра же, без сомнения, приложат все старания войти со мной в контакт.

И тогда я передам им этот документ. Пусть другой продолжит мое дело. Пусть белые за удовольствие натешиться моей казнью заплатят хорошую цену.

Заплатят все-таки разоблачением своего наемника, заплатят все-таки лишением себя ценных услуг предателя!..

Сна не было. Мозг усиленно работал. Придумывал разные комбинации. При каких обстоятельствах придется завтра передавать записку относительно продолжения дела? Что писать в этой записке? Какие упомянуть обнаруженные факты? Как передать документ?

Без суда, значит, не расстреляют. А суд — это значит, в моем распоряжении до расстрела минимум 24 часа.

За это время можно сделать многое...

У меня опять начинаются галлюцинации. По стене мелькнул светлый кусок.

Луна! Откуда это?

Я взглянул вверх...

XVII ПОБЕГ

Среди пассажирских вагонов по российским линиям ходило и ходит до сих пор много особого вида вагонов старой конструкции с пристройкой вдоль крыши. Вагон показывает вид, как будто бы он с гребнем, с какой-нибудь нашлепкой.

И этом продольном гребне вагона проделаны узкие окна...

В этом салон-вагоне, оказывается, такая же надстройка, и вот в отделении, где я нахожусь, проходит кусок этой надстройки с крышей, в стенах надстройки с обеих сторон окна, узкие, продолговатые...

Я смерил глазами пролет окна.

А ведь, наверное, у вагона, да и вдоль всего состава генеральского поезда стоят часовые. Полезу — увидят. Рискну.

Весь окровавленный и изодранный концами недовыбитых стекол, я выдрался на крышу вагона.

Действительно — по обеим сторонам вагона мерно ходили часовые.

Когда набежало облако, нашла тень, я пополз по крыше...

Спустился по гармонии, соединяющей вагоны состава. Нырнул под вагон и огляделся. Один из часовых стоял от меня очень близко. Шагах в двадцати...

Вдруг он определенно направился в мою сторону... Ближе, ближе... Стал почти рядом с колесом, под осью которого я лежал.

— Свой, товарищ! Не бойтесь, — услышал я тихий голос... — Ползите под всем составом. У последних вагонов часовых нетути. Вылазьте и свободно идите к семафору. За мостом в лесочке машина стоит. Еще с

вечера стояла. Там по очереди дежурят наши. Только, товарищ, можете ли ползти? Коли не в силах — тогда лежите. Что-нибудь сообразим...

— Поползу, товарищ! Спасибо!

— Счастливо!..

XVIII НА «ДАЧЕ»

— Вы знаете, кто он такой?

— Мне рекомендовал его французский атташе. Говорит, что он один из побочных сыновей султана Абдул-Гамида... А может быть, и врет. Знаю только, что он страшно богат. Учился в Париже. Прекрасно говорит по-французски. Оригинал. Любит, как он говорит, поболтаться по свету. Сюда приехал только за тем, чтобы вместе с нашей армией войти в Москву. Правда — недурная фантазия? Сделать для этого тысячи верст. Только, говорит, за тем и приехал. Теперь ему в городе надоело, и он захотел отдохнуть от всей суматохи у меня в имении. Вот я и привез его сюда. Вы не в претензии, что я нарушил ваше отшельничество?

— Помилуйте, я очень доволен.

На пятые сутки со дня выезда из своего штаба, часов в 11 утра, то есть спустя восемь часов, как я выдрался из генеральского вагона, я занял комнату рядом с французом, которого опоил этой ночью снотворным порошком.

В загородном доме товарища Ефремыча.

С тов. Ефремычем я условился, что он привезет все необходимое для наблюдения к 6-ти часам вечера.

После завтрака, около часа дня, товарищ Ефремыч вместе с французом умчались в город, а я стал знако-

миться с расположением своего нового местопребывания.

Прислуга, между прочим, здесь была вся «нейтральная», кроме, конечно, камердинера-француза, союзника своего хозяина, но относительно него мы с товарищем Ефремычем условились.

Старый огромный дом, дворец. Парк. Конюшни. Усадьбы.

Недурно жил батюшка товарища Ефремыча. Думали старики, что его сын отдаст задарма, подарит с радостью делу революции все то, что деды и отцы скопили трудом праведным и неправедным?

Посмотрел расположение комнат. Их было так много, что я и считать бросил. Да число их было мне неважно.

На всякий случай изучил их общий план расположения.

Все сосредоточивалось для меня только в четырех комнатах: столовой, гостиной и спальнях моей и французовой.

По расположению этих комнат выходило так, что моя комната по отношению к остальным являлась центральной.

Наружная стена моей комнаты с балконом и двумя окнами выходила в парк. Вторая внутренняя глухая граничила с комнатой француза. В третьей стене была дверь в большую столовую. Четвертая же, опять глухая, отделяла от меня гостиную.

Инструменты у меня были в ручном саквояже. Слуховые и наблюдательные аппараты должен был к 6-ти часам дня привезти товарищ Ефремыч.

Я, конечно, слезил и на чердак, тщательно осмотрел его, определил по глазомеру место потолков над моей комнатой и над комнатой француза.

Ползая по накату на чердаке, я наткнулся на целый склад старой рухляди, а может быть, и старинных ценностей, картин, ковров, оружия... Не удержался и извлек оттуда старинный турецкий кинжал — маленький ятаган. Он всегда мог при случае мне пригодиться, тем более что этого оружия у меня пока не было...

В 7 часов вечера уехал обратно в город товарищ Ефремыч, доставив мне все необходимое для моей дальнейшей работы. Он даже задержался минут на тридцать против назначенного срока ввиду того, что не успели доделать ключа от комнаты француза по poslanному мной восковому слепку. Теперь и этот ключ был у меня в руках.

В 9-м часу прикатил с каким-то гостем и сам француз.

Они прошли прямо в гостиную.

Взглянув в отверстие, проделанное в стене, я стал сверяться с имевшимися у меня фотографиями местных шишек.

Установив, что приезжий был сам начальник контрразведки белогвардейского фронта, я стал слушать их разговор.

XIX ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

Беседа велась на русском языке. Очевидно, ротмистр, начальник контрразведки, по-французски не понимал ни бельмеса.

Француз говорил по-русски очень плохо, с сильным акцентом, коверкая русские слова...

Хотя они говорили о всяких пакостях, но мне волей-неволей пришлось их слушать, не упуская ни одного слова...

Довели речь до женских «примет»...

— ...Кстати, мсье, вы получили от красных сведения о приметах Лисичкина? Я уже поставил на ноги всю разведку. Жду его скорого прибытия.

— А разве вы уверены, что его пока еще нет здесь?

— Не имею ни малейшего сомнения. Он выехал к нам 18, по вашим данным, сегодня 22-ое, пятый день. Раньше недели ему не добраться. А если как-нибудь окружным путем, через глубокий тыл, так проедет и все дней десять, двенадцать...

— Вы правы. У вас точный расчет. Раньше быть он не может. Разве только, что прилетел на аэроплане. Но это фантазия!..

— Аэроплан не иголка, мсье. Опустится где-нибудь, — сразу станет известно окружному населению и, конечно, нам. Мы его и сцапаем... Хоп!..

— Сцапать, не зная примет, затруднительно. Сегодня получил оттуда почту — о Лисичкине пока ни слова, ни фотографии, ни примет. Наверное, со следующей оказией, дня через два-три получу. А у вас, ротмистр, в управлении не раздобыли его примет?

— Пока тоже ничего утешительного. Правда, оказался один старый петроградский агент. Когда я в приказе объявил о необходимости доставления примет Лисичкина, этот молодец лично явился ко мне с докладом и заявил, что хорошо знает Лисичкина в лицо. Он уверял, что видел Лисичкина, когда тот с балкона дворца Кшесинской говорил речи. Но я ему не верю. Убежден, что врет. Хотел просто выудить малую толику на дополнительные расходы. Пьяница, сукин сын!

— Подождите, ротмистр, два-три дня. Я уверен, что получу оттуда подробные сведения. Может быть, случайно в дороге погиб голубь, тогда будет ответ на второй запрос.

— А как вы узнаете, что голубь погиб и сведения не дошли? Как это можно проверить гибель голубя?

— Гибнет голубь — это неважно. Все застраховано. Вы удивлены, ротмистр? Очень просто: и от нас и от туда каждый очередной голубь несет почту, всегда два негатива-сообщения, настоящее и предыдущее. Каждый раз два. Понимаете? Например, сегодня я посылаю фразу:

«Будьте на страже. Предполагается операция».
№ 19.

Прошлой почтой я извещал за № 18:

«Пересланы документы. Распорядитесь».

Посылается два сразу и № 18, и № 19.

Пропал № 17 — его получают вторично с № 18.

Пропал № 18 — его получают вторично с № 19 и так далее.

— А если голубя по дороге перехватят? Подстрелят или он сам сядет, не долетев до места? Попадет в сети? Обнаружат трубочки с негативами?

— И это застраховано. Они не проявлены. Понимаете: не проявлены. Только сделаны, — снят снимок. Всякий, обнаруживший у голубя трубочку с почтой, будет открывать ее, без сомнения, при свете солнечном или искусственном. Откроет, а там уже все пропало! Свет попал и конец! Только тот, кому предназначена почта, как знающий секрет, будет открывать трубочку при красном свете в темной комнате.

— Потому-то вы, мсье, и посылаете негативы-фотографии, а не подлинные документы?

— Это, конечно, одно основание. Другое — это, что негатив вообще удобнее исписанной бумаги. На миниатюрной пленке можно снять любой большой документ, а потом при помощи волшебного фонаря увеличить до каких угодно размеров. Третье — самое глав-

ное, что даже при обнаружении документа-фотографии нельзя установить, кто являлся автором документа. Ведь <это> только фотография... Итак, разглядывая, при помощи волшебного фонаря, увеличенный документ, мы можем рассмотреть мельчайшую точку лучше, чем в микроскоп, тем более, что бумага обыкновенная и мнется и сыреет. Пленка — никогда...

...Сильный объектив с приспособлением снимает спичечную коробку на расстоянии 10 метров, так что все буквы затем можно рассмотреть, пропустив пленку через волшебный фонарь. Только такие аппараты очень редки... Ну, однако, как говорит ваша русская пословица: «Басня соловьев не кушает...» Уже пора! Мы пойдем ужинать!.. Да, кстати, ротмистр, я вас сейчас познакомлю с интереснейшим человеком. Знатный турок, говорят, сын султана. Путешествует по всему свету. Теперь приехал сюда, известен нашему атташе. Приятель здешнего негоцианта-хозяина. Вы, конечно, о нем слыхали?

— Да, да, конечно, слыхал. Как же! Помню! Говорили. Все хотел познакомиться. Искал случая...

Я невольно улыбнулся у себя в комнате. Начальнику контрразведки, видно, было стыдно остаться в дураках и сознаться, что он не знает о прибытии в город сына султана, хотя, быть может, и побочного или незаконного, кто их там разберет!..

Я решил оставить их в круглых дураках и окончательно забить им баки.

Сейчас ужин. Мгновение... и от слухового аппарата не осталось никаких следов. Все было замаскировано. Я лежал на диване и читал книгу...

В комнату постучались. Раздался голос француза:

— Простите, князь. К вам можно?

— Будьте любезны! Входите! Дверь не заперта.

Француз вошел в комнату.

— Не хотите ли поужинать вместе, князь? У меня гость...

— А я немного задремал. С удовольствием! Я сейчас, только освежу лицо одеколоном.

Я взялся за флакон. Француз вышел и столовую...

— Вы, мсье, так блестяще организовали дело в смысле помощи моей работе по контрразведке, что я уверен, что проклятый Лисичкин не вывернется из моих рук, если только осмелится появиться где-нибудь в сфере моей контрразведки...

Я стоял в дверях столовой и, окинув взглядом комнату и присутствующих, внимательно стал смотреть на ротмистра.

XX

«ЗАБИВАЮ БАКИ»

Прошло несколько секунд немой сцены. Я не сводил с ротмистра глаз и, радостно улыбаясь, шел к нему, раскрыв свои руки, как для объятий...

Француз смотрел на нас, вылупив глаза, а ротмистр сделал совершенно дурацкую морду...

— Дорогой друг! — заговорил я по-турецки, затем перешел на французский. — Какими судьбами? Ты здесь? Давно? Ну, — поцелуемся!

Я сделал ротмистру полное «турецкое» приветствие, и, будучи уверен, что ни один из них в жизни не видал никаких турецко-мусульманских приветствий, не стеснял своей фантазии в этом направлении.

Только подойдя к нему вплотную и прикоснувшись к нему, я сказал по-французски же:

— Неужели я ошибся? Какое поразительное сходство! Но, очевидно, вам незнакомы черты моего лица?

Значит, и я тоже не имел чести быть знакомым с вами раньше? Но я клянусь бородой Аллаха и всеми гуриями Магометова рая, что вы похожи на моего друга шейха Уль-Расида, сына султана Мароккского, как одно и то же лицо. Мы с ним охотились в Белуджистане...

Ротмистр, очевидно, хотя и совершенно не понимал смысла моих слов, но делал чрезвычайно сладкую улыбку. Выражение его хари стоит у меня перед глазами и до сих пор, когда я пишу эти строки.

Снова несколько мгновений паузы...

Прервал ее француз:

— Князь, очевидно, принял вас за своего хорошего близкого друга, — по-русски сказал он ротмистру, а затем, уже обращаясь ко мне, по-французски спросил меня, могу ли я говорить с ротмистром на его родном языке.

Я кивнул головой и ломаным русским языком бросил:

— Понимаю все. Немного говорю, но вообще очень не люблю этот ужасный язык.

Началась церемония знакомства.

Француз назвал меня ротмистру по-русски, а его мне представил по-французски.

Я пробормотал несколько слов по-турецки, а затем продолжал по-французски:

— Очень, очень извиняюсь, но все-таки я не могу без волнения видеть черты вашего лица, полковник. Они так много напоминают мне хорошего из моей прежней дружбы к похожему на вас человеку. Для того, чтобы показать вам, как дороги мне черты вашего лица, я сейчас же попрошу вас принять от меня скромный подарок... Я сейчас вернусь, а вас, — обратился я к французам, — прошу подробно перевести этому прекрасному господину все, что я сказал здесь и

прошу предупредить его, чтобы он не смел и думать отказываться от того пустячного подарка, который я ему сейчас преподнесу. Пусть он знает, что этот подарок, эту вещь я несколько лет тому назад получил от человека, похожего на него — моего дорогого друга в горах Белуджистана.

Я важно отправился в свою спальню и, промедлив там несколько минут, вынес в столовую найденный мною на чердаке кинжал и с опять-таки церемонным поклоном «по-турецки», держа подарок почему-то на согнутых ладонях, поднес его ротмистру.

Ротмистр, выслушав перед этим от француза полный перевод моего предисловия, боялся от восторга дышать...

Я снова зафранцузил.

— Пусть этот кинжал будет для вас памятью, как был памятью мне о моем друге. Теперь мы кунаки. Пусть это мое стремительное желание одарить его, — сказал я, обращаясь уже к французу, — не покажется вам странным. У нас в Турции есть обычай одаривать всех друзей, которые нам очень понравились. Хотя бы встреченных и в первый раз...

— Прошу, князь! — пододвинул мне стул француз...

Ротмистр все еще стоял, как статуя, теперь уже с кинжалом в руках. Очевидно, не знал, куда его деть.

Я продолжал смотреть на него приветливыми радостными глазами, но абсолютно не говорил ему ни слова, чтобы вывести его из дурацкого положения «стояния с кинжалом».

На помощь ему пришел француз и усадил его за стол, положив кинжал рядом с прибором.

Начался ужин и, конечно, с выпивкой.

Ввиду того, что в этот вечер в вино не было подсыпано никаких пакостей, мы досидели ужин благополучно и никто не заснул.

Ротмистр надрался до положения риз и только присутствие высокого гостя, то есть меня, заставляло его держаться с фасоном.

Ввиду того, что разговор за ужином велся только на темы, не входящие в круг моих заданий, и не имел никакого отношения к моей основной задаче, я приводить его не буду.

Итак, все шло мирно, тихо, как в хорошем доме.

Несколько раз француз и ротмистр закидывали удочку насчет желательности приглашения женского пола, но я обходил эти намеки или молчанием, или заявлением, что эту ночь я хочу спокойно поспать и ни на какие авантюры с женским полом не согласен.

К концу ужина француз и ротмистр определенно решили ехать в город к женщинам. Был вытребован из штаба автомобиль.

Повторяю, что все шло тихо, мирно. К концу ужина француз заметил, что давно не видит своего соотечественника-камердинера. Спросив у разносившего блюда лакея-русского, что с его слугой случилось, он услышал ответ:

— Так что Леон заболел. Животом мается. При гостях сказать неудобно. Блюет его... Часов с 9-ти схватило...

— Ик!.. Уж не холера ли? — сфантазировал спяну ротмистр.

Француз схватился, как подстреленный.

— Что? Холера? Это страшно заразительно! Разве есть случаи?

— Единичные. Хотя и молниеносные, — мычал успокаивающе ротмистр.

Я хотя и знал, что холера здесь ни при чем, что Леон, проблевавшись, завтра же будет опять здоров, не захотел вмешиваться в чужие дела и лезть со своими советами и предположениями.

В результате на пришедшей уже машине бедняга Леон был отправлен во 2-м часу ночи в больницу, а для гуляк был выслан другой автомобиль, на котором двое горе контрразведчиков укатили в город на разведку по женской части...

XXI ВТОРОЙ ОБЫСК

Пробило 2 часа. Как и в генеральском вагоне, я временно стал полным хозяином. Даже в комнату соседа-француза я получил свободный доступ при помощи привезенных товарищем Ефремычем ключей.

Полезно всегда иметь воск для слепка замочной скважины, так как по слепку можно очень быстро выточить любой ключ. Это правило я знал, хотя был пекарь, а не слесарь.

В комнате у француза меня ждала «нечаянная радость»... Конечно, не икона, а... огромная связка ключей от письменного стола, оставленная вместе с карманной цепью...

Француз, доставая гостю свои парижские коллекции, сунул ключ в замок ящика, хотел сделать все побыстрее, ключ заел и он, отцепив от брюк цепочку со связкой ключей, ушел в гостиную, затем перешел в столовую, а затем уехал в город...

А ключи остались висеть у стола и, конечно, очень облегчили всю мою дальнейшую работу.

Желая оставаться правоверным турком даже наедине с самим собою, я вошел в комнату француза, сняв предварительно в своей спальне ботинки, а у самого входа французской спальни я сменил даже носки, надев совершенно новые, не бывшие в употреблении.

Ни на полу, ни на ковре чужой комнаты не должно было остаться ни пылинки.

Мне никто не мешал работать.

В 7-м часу утра я окончил осмотр всего того, что мне было интересно. Комната была обследована так, что лучше нельзя. Больше делать здесь мне было нечего.

Забрав все то, что впоследствии могло пригодиться и иметь какой-нибудь значение для моей дальнейшей работы, я вышел, запер дверь и только тогда вспомнил, что я почти не ложился спать ровно двое суток, то есть с момента моего приезда в Тайгинск.

Забывье-сон в генеральской вагоне и часа полтора отдыха в доме у товарища Ефремыча, конечно, не шли в счет.

Я принял душ и лег спать.

Разбудил меня стук в дверь. Товарищ Ефремыч просил разрешения войти.

— Дверь не заперта. Входите, — сказал я намеренно громко, — я давно уже проснулся и просто не хочу вставать. Лежу. Все равно делать нечего...

Товарищ Ефремыч, входя в комнату, громко поздоровался со мной и, не хлопывая дверь, тихо бросил:

— Вы не в претензии, что я вас разбудил?

— Спасибо! — Я пожал ему руку. — Конечно. Правильно. Я не мог пересилить сна и, если бы не вы, то я проспал бы не столько, сколько должен был бы проспать человек, легший во 2-м часу ночи.

— Да. В нашей жизни, жизни неустанной борьбы, бессонные ночи подряд по несколько суток — чепуха, вещь, не стоящая внимания.

Затем снова, намеренно громко он продолжал:

— Так вы поедете?

— Конечно, еду с удовольствием.

— Помните. Сегодня в час дня. Вместе приезжайте. До свиданья.

Он протянул мне руку. В моей руке осталась записка. Он вышел.

В столовой слышался кашель и отфыркивание француза. Тот, очевидно, вместо утреннего кофе отпи-
вался сельтерской...

Я развернул записку:

«Я, вы и француз сегодня завтракаем в „Эльдорадо“ (лучший ресторан в городе). Время — час дня. Форма одежды парадная. Француз пригласил меня и вас. Видно, хочет отплатить торжественным завтраком мне за любезность и гостеприимство, вам в знак особого расположения к вашей персоне. Наверное, будет и кто-нибудь из высших военчинов. Прибудьте вместо с французом на его машине. Кстати, сообщаю: Леон здоров уже сегодня, но его еще дня два подержат. Я говорил с докторами. Если нужно, то можно и дольше. Пусть полечится. Это ему не вредно. В городе уже есть слухи о розысках Лисичкина. Будьте осторожны...»

XXII

ОПОЗНАН ШПИКОМ

— Виноват, господин, разрешите предложить вам пройти в контору...

Сказано по-русски.

— Что нужно этому болвану?.. — был французский вопрос.

— Я, именем закона, еще раз прошу вас пройти со мной в контору, в противном случае я вызову стражу. Вас выведут силой.

— Что это, дурак или сумасшедший? Что ему надо? Скажите ему, что я вовсе не желаю с ним разговари-
вать.

— Послушайте. Вы обращаетесь не по адресу, — обратился мой сосед по столу, француз, к подошедшему ко мне типу. Я сразу, конечно, почувствовал в нем сыщика.

— Что вам нужно? — продолжал говорить француз. — Князь никуда не пойдет и не желает вовсе с вами беседовать! Князь мой гость! Мы приехали сюда завтракать...

— А я все-таки прошу вас, и в последний раз, следовать мной в контору, иначе я арестую вас в зале!

— Меня это страшно бесит! — продолжал я француз.

— Эта каналья мешает нам завтракать и портит мне аппетит. Очевидно, в этой стране такие порядки! Переведите ему, что я отправлюсь с ним, только не в контору, а к начальнику контрразведки, а вы, конечно, не откажете воспользоваться воспользоваться вашей машиной?

— Конечно! Пожалуйста! Я обязательно поеду с вами сам! Князь сейчас же поедет с вами лично к начальнику контрразведки, — упокоил француз агента.

Как только начальник контрразведки увидел меня, приведенного к нему в кабинет, он вскочил, пригласил меня сесть, лично подав стул, и, узнав, в чем дело, начал ругать агента самой отборной руганью.

Бешенству ротмистра не было пределов.

Агент твердо стоял на своем и определенно уверял и клялся всеми святыми, что я сам Лисичкин, что в сходстве не может быть никакого сомнения...

Я молчал и, откинувшись в кресле и сложив руки, смотрел на эту сцену, выражая своим видом крайнее негодование.

Француз, в свою очередь, кричал, что если князя не отпустят с извинением сию же секунду, то он лично поедет по всем иностранным миссиям и потребует его освобождения.

В результате агент был с позором выгнан вон, а мы уже все втроем поехали продолжать завтрак...

За завтраком я усиленно напирал на свой арест.

— Ваш агент, полковник, уверяет, что я похож на какого-то Лисичкина... Что это — бандит или анархист? Я до сих пор был лучшего мнения о своей физиономии. В Монте-Карло меня все принимали за короля Альфонса и как-то раз портье-швейцар подал мне телеграмму на королевское имя. Когда через несколько дней я был представлен его величеству, то он очень смеялся и, подведя меня к зеркалу, сказал: «Вы подверглись бы большой опасности, если б захотели обыкновенным смертным, как все, путешествовать по Испании. За вами обязательно бы охотились анархисты». Недурное положеньеице! А, полковник? В Мадриде за мной охотятся анархисты, как на короля. А в Тайгинске меня арестовывают, как бандита или анархиста! Как вам нравится такая комбинация?..

Ротмистр и француз успокаивали меня, как могли.

— Я решил все-таки, господа, немедленно уехать из России. У вас не очень безопасно. Хорошо, что вы, полковник, знаете меня лично, знаете своих друзей. Всегда, через посредство любой миссии, вы можете установить мою личность, в крайнем случае, по радио запросить Стамбул. Около вас я в безопасности, но в любом другом месте... достаточно будет уверения какого-нибудь другого болвана, что я какой-то Висичкин или Мисичкин и меня — цап! Я решил ехать и потому прошу вас, полковник, хотя бы на эти дни приставить ко мне агента, а то меня будут приводить к вам каждый раз, когда и попадусь на глаза любому из ваших секретных агентов. Ведь им, наверное, розданы карточки разыскиваемого анархиста или бандита!..

Ротмистр и француз очень мило улыбались, когда один переводил другому мою просьбу.

Я всю предыдущую речь говорил, конечно, по-французски.

XXIII ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Заявив о своем быстром отъезде, я делал это не ради красного словца и не ради окончательного запутывания начальника контрразведки.

Я решил ехать обратно к себе еще с момента окончания осмотра комнаты француза.

Почти все данные у меня были уже в руках.

Определить, кто предатель, я уже мог там, у себя на месте. Но мне хотелось еще один-два вечера понаблюдать за французом, чтобы у себя в штабе меньше тратить времени на обследование и отрываться от своей прямой работы.

Если француз даст мне еще несколько данных, я, приехав, смогу сказать сразу, кто предатель...

Установив связь командарма или кого другого с глубиной почтой, можно будет даже вызвать по проводу Москву.

К столику подошел товарищ Ефремыч...

— Тысячу извинений — запоздал! Был у себя в новом госпитале. Открывали новый корпус для хирургических больных. На открытии присутствовал его высокопревосходительство лично и высказал мне благодарность...

Француз представил товарища Ефремыча начальнику контрразведки...

— А вот ваш друг князь хочет уезжать и все из-за моих агентов, — сказал товарищу Ефремычу рот-

мистр. — Уговорите его отменить свое решение. Даю слово, что его больше беспокоить не будут.

— В чем дело? Ничего не понимаю! Разве вы хотите уезжать? Вы пробыли у нас всего лишь две недели.

— Да! Для меня Тайгинск потерял весь свой интерес, а жить на даче долго, конечно, не имеет смысла. Меня уже тянет в Европу.

Француз передал товарищу Ефремычу о моем аресте.

Он от души смеялся, особенно когда ротмистр добавил, что он обязательно прогонит со службы дурака-агента.

— Итак, — обратился я к Ефремычу, — дорогой друг, прошу вас устроить мне купе до Приморска; оттуда я сяду на какой-нибудь иностранный пароход...

— Да это очень трудно сделать! — отвечал он. — Все места в скором поезде расписаны чуть ли не на месяц вперед.

Ротмистр обещал свое содействие устроить мне купе в одном из следующих поездов.

Я, конечно, благодарил его.

...Завтрак кончился. Мы стали прощаться.

Француз и ротмистр поехали к начальнику штаба, а я и товарищ Ефремыч пошли пешком по главной улице...

Товарищ Ефремыч свою машину отпустил домой.

— Вы, значит, едете обратно?

— Все закончено почти. Могу ехать хоть завтра. Напрасно вы отпустили машину, я бы хотел поскорее попасть домой. Не надо оставлять француза в доме одного. Ведь я преднамеренно не запер комнату на ключ. Француз стоял в столовой и должен был видеть это. Хотя он будет знать, что я не считаю нужным запирасть комнату, но все-таки... возвратившись, может влезть

туда. Нельзя давать ему ни одного шанса — намек на подозрение...

— Будьте спокойны! Когда вас везли в контрразведку, от меня сейчас же пошла машина на дачу отвезти газеты, почту, а кстати и печника, который должен был осмотреть в вашей комнате печи. Машина пришла обратно, а печник исправляет печи... до вашего возвращения. Он парень очень толковый.

— Правильно!

— Как же иначе! Я не ожидал, что с вашим арестом выйдет такой фарс...

А когда я подробно рассказал товарищу Ефремычу сцену в кабинете, он хохотал так, что даже прохожие обратили на нас внимание.

Мы дошли до его дома и прошли в официальную его часть, роскошную гостиную...

— Ротмистр может вам помешать со своей медвежьей услугой — достать купе. Вам придется проехаться до Приморска...

— Ничего подобного! Я потеряю зря только минут пятнадцать. Войду в купе. После второго звонка, когда останусь один, переоденусь носильщиком и после, на тихом ходу, спрыгну на другую сторону от перрона. Хватятся меня не раньше, <чем> через несколько станций, когда обнаружат мой багаж в купе. Отсюда можно дать будет вслед телеграмму, что отстал от поезда...

А через час я уже ехал в загородный дом.

XXIV

НОВЫЕ ДАННЫЕ...

В своей комнате я встретил товарища печника и он, сдав мне всю мою «музыку» в полной сохранности и пожелав мне успеха, распрощался и побрел обратно в город...

Через несколько минут к дому подъехал француз с каким-то военным. Он провел его к себе в комнату.

— На этот раз я к вам по делу. Через час еду с докладом к Верховному. У нас маленькая неприятность. На севере прорыв фронта.

Я узнал по голосу и по наружности самого начальника штаба — генерала, в вагоне которого я был проводником прошлую ночь...

— Надо вам, мсье, сейчас же дать сведения для пересылки туда, нашему агенту, в штабе красных.

— Весь внимание, — сказал француз и запер комнату на ключ.

Я весь был внимание.

— Завтра от нас полетит в тыл красных князь Багратион, офицер. Он повезет туда прокламации, деньги и подробные планы действия. Нам сегодня необходимо только об этом известить кого следует.

— Для этого прикажете воспользоваться голубиной почтой?

— Да! Конечно! Надо установить постоянную связь при помощи нашего агента между нами и штабом Гаца, который в тылу красных организует зеленых. Мы еще регулярно с ним не связаны. Вот вам набросок. Прочтите. Вы разбираете мою руку?

— «В деревне Горки — лесничий Гац. Отправляйтесь к нему, покажите этот документ. Предложите услуги

по оборудованию через вас связи. Пароль — Династия», — прочел француз вслух.

— Между прочим, теперь Гац связан с Центральным Комитетом эсеров и Союзом Возрождения. С нашим паролем отправляются к нему только немногие, самые надежные... Да, между прочим, вы сегодня что-то говорили мне насчет какого-то ареста. В чем дело?

Француз подробно рассказал генералу случай со мной, назвав меня сыном султана.

Генерал изволил смеяться.

— Да! Опять этот Лисичкин!.. Представьте, мой адъютант уверяет, что проводник — агент Лисичкина, что проводник хотел нас усыпить, чтобы после пустить Лисичкина в вагон...

— Зачем же Лисичкину ваш вагон? Адъютант этого не объяснял?..

— Объяснял. Говорит — хотел, наверное, достать в связи с прорывом оперативные планы. Уверял, что мы были усыплены. Только его, говорил, приход спас нас от неприятностей. Проводник обязательно бы позднее пустил Лисичкина...

— Какой фантазер!

— Да, он у меня Шерлок Холмс! Все только этим и бредит. Вы не поверите, что он проделал...

— Что, генерал?

— Обе бутылки, и пустую и с остатками вина — возил на исследование к знакомому доктору лично в семь часов утра...

— Ну, и что же?

— Оскандалился вконец! Сам признался, что в вине ничего не нашли. Я ему посоветовал, чтобы он больше службой занимался, а свои фантазии бросил. Все равно из него, как из котлеты пулю, Шерлока Холмса не сделаешь.

— Лисичкин... Лисичкин... Я удивляюсь, почему его там до сих пор не ликвидировали. Помните, когда пришла сводка с его характеристикой, вы тогда же послали распоряжение его убрать? — говорил француз.

При этих словах я вспомнил, что действительно среди документов была характеристика меня, как опытного и крайне необходимого помощника. Характеристика была написана тоже рукой командарма, но я ее не взял, не взял также в комнате француза и оригинала с приказом меня ликвидировать. Я не хотел при будущем разборе дела касаться своей работы и зря напоминать о своей личности...

— А вы, мсье, и в этой почте пошлите второе категорическое приказание ликвидировать Лисичкина в случае его обратного возвращения и припишите так: «Неужели вы не надеетесь на свои данные?»

— Ха-ха-ха! Это подействует! Но прибавьте, чтобы все было выполнено без малейшего риска.

— Я сейчас же напишу текст. Вы разрешите прочесть? Может быть, вы внесете какие-либо изменения: «Во что бы то ни стало ликвидируйте Лисичкина в случае обратного приезда. Себя берегите безусловно. Необходимы и ценны. Неужели не надеетесь на свои данные». Так и отправлю два документа.

— Теперь все, я еду, — сказал генерал, — надо сделать доклад Верховному, а потом всю ночь готовить бумаги князю Багратиону. Вылетает завтра утром. Будет сделано все совершенно секретно. О его отъезде знаете только вы, я и он сам. Только трое. Уже дано распоряжение в эскадрилью, чтобы был готов аппарат. Князь Багратион приедет туда один, на автомобиле с бумагами.

— Князь Багратион? Я его совершенно не знаю.

— Мой племянник. Только вчера он приехал из-за границы. Отчаянная голова! Упросил, чтобы я дал ему

самое интересное поручение. Уговорил. Тем более, что здесь его никто совершенно не знает. Сделать все посредством его — полнейшая конспирация. Да и посудите, что у нас, в самом деле, за чертовая контрразведка! Только вы и выручаете. Кругом шпионы, черт их возьми! Любой рабочий, любой солдат, любой проводник — все продадут и выдадут, ни в одном человеке нет уверенности. Я нарочно племянника никуда не выпускаю. А то опять какая-нибудь каналья разнохает.

— Он поедет завтра в отряд? Там у меня есть приятели-летчики, французы. Я к ним недавно ездил в Киньково...

— Теперь уже отряд перевели. Он находится на станции Ланская, там лучше аэродром, а главное, до самого отряда шоссе. Удобно для автомобилей. Ну, до свиданья! Я еду. До завтра!

Генерал стал искать свои перчатки и фуражку.

XXV

ГЕНЕРАЛА ЗНАКОМЯТ С «ЛИСИЧКИНЫМ»

Пока француз возился с ключом у двери, я уже сидел в дальнем углу столовой и читал газеты.

Когда в столовую вошли генерал с французом, я встал и поклонился...

— Вот вам, генерал, и сам Лисичкин.

— Что? Лисичкин?! — опешил генерал.

— Ха-ха-ха! Сам Лисичкин, — засмеялся француз, — или, вернее, его двойник. Это, генерал, тот князь, который сегодня был арестован контрразведкой, как Лисичкин. Позвольте вас представить!

— Ох уже эта контрразведка, — вздохнул генерал. — Вот она у меня где, проклятая, сидит!

Я пробормотал что-то по-турецки.

— Он турок, но говорит и по-французски.

— Ах. Очень приятно! Так вы Лисичкин? Ха-ха-ха! Ну, я спешу! До свиданья!

Мы обменялись рукопожатиями. Француз пошел провожать генерала до автомобиля...

Кто-кто, а уж я завтра полечу к своим. Это наверняка. Надо только сначала предупредить товарища Ефремыча. Придется просить по телефону машину. Я взялся за трубку аппарата, который стоял тут же, в столовой.

— Ну, князь, я очень рад быть вам полезным, — сказал француз, возвращаясь в столовую.

Я держал пока руку на аппарате.

— Чем, мсье?

— Вы сегодня же можете ехать. Один американский лейтенант едет сегодня в Приморск. У него отдельных два купе в международном вагоне. Я уже с ним говорил. У него едет целая компания. И он, конечно, оказался рад еще одному такому очаровательному спутнику...

— Очень вам благодарен!

Я сделал вид, что страшно обрадован.

— Это меня так устраивает!.. Когда отходит поезд?..

— Сегодня в 10 вечера. Ваш спутник-лейтенант придет ко мне часов в 9. Я должен буду передать ему письма за границу и уже отсюда мы отправимся вместе на вокзал. Меня известит по телефону с вокзала комендант станции о точном времени отхода поезда.

Он подошел к столу, позвонил и велел подавать чай.

Я взялся за трубку и вызвал квартиру товарища Ефремыча.

— Алло! Кто? Да. Вы? Наш общий друг мсье устроил мне место в купе. Я в восторге. Сегодня же еду. Хотел

бы заехать к вам проститься и поблагодарить вас за вашу любезность, за гостеприимство. Вы сейчас будете дома? Если можно, пришлите мне ваш авто. Да!.. забыл. Я спешу. Если я поеду к вам, я не успею собрать свой багаж. Пришлите человека. Жду. До свиданья!..

А теперь выпьем за компанию с французом чаю...

Когда я возвратился от товарища Ефремыча, француз с каким-то морским офицером собирались уезжать. Из моей комнаты вышел человек и доложил, что мой багаж весь собран.

Велели выносить вещи. Товарищ Ефремыч обещался быть на вокзале.

XXVI ПОД ОТКОС!

Поезд тронулся. Мы с американцем стали разбирать свои вещи. Завязался разговор на французском языке.

— Расскажите подробно, князь, что это сегодня с вами произошло? Я слышал об этом в городе, а вот сейчас ротмистр снова подтвердил, что с вами вышел какой-то казус.

Я подробно передал картину ареста. Из-за сходства с каким-то бандитом.

Лейтенант хохотал.

— Вообще я не вижу здесь ничего путного. Каждому здравомыслящему иностранцу ясно, что у них, то есть у наших союзников, ничего хорошего не выйдет. Посудите: ведь они окружены людьми, в которых ни в ком нельзя быть уверенным, главное, в солдатах. Разве это солдаты? Я не говорю уже о рабочих и мужиках. Те только и ждут прихода красных. Я сам американец, но я хорошо говорю и понимаю по-русски. Я слышал часто разговоры среди населения.

— Ну и что же? Я мало знаю, так как по-русски почти ничего не разбираю.

— Все ругают власти и ждут красных. За положение власти я не дам ни одного фартинга. Это лично я. Но есть фантазеры даже из одной со мной нации и одного класса, которые верят в это пропащее дело.

— Я удивляюсь всему тому, что вы говорите. Неужели это так?

— Конечно, так! Положение властей здесь ненадежное и я уверен, что красные знают о здешнем развале. И вот, повторяю, есть фантазеры, которые верят белой армии, белой власти... Я знал многих таких психопатов. Знаю даже, что одна молоденькая американка, дочь миллиардера, мисс Дудль...

Послышался стук в дверь. Ввалились все остальные лейтенанты.

Черт бы их подрал!..

Начался картеж.

Переодеться, чтобы удобнее затем удрать, нельзя было и думать.

Сплавить их тоже не представлялось возможным...

Шел второй час ночи.

Я стал одеваться. Вынул дорожную кепку и одел пальто. Все необходимое было, конечно, со мной.

— Вы куда, мистер?

Ко мне обратился кто-то из играющих...

— Хочу пройти в конец поезда — вагон-ресторан. Хочу есть. Разбужу буфетчика и прикажу мне приготовить что-нибудь холодное.

— Олл-райт!..

Пусть подождут. С какой-нибудь станции дам телеграмму, что отстал. Попрошу сохранить вещи, догоню, мол, к отходу парохода.

Когда я подходил к концу поезда и вступил на площадку, отделяющую последний вагон, раздался страшный треск...

Площадка вылетела у меня из-под ног и я почувствовал, что теряю сознание!

— Приехали! Слезай!

XXVII НА ВОЛОСКЕ!

Когда я пришел в себя — я огляделся.

От луны было светло, как днем.

Я лежал в какой-то канаве с водой около высоченной насыпи. Рядом неслись крики и стоны. Слышалась стрельба.

Сразу стало все ясно...

Скорый поезд потерпел основательнейшее крушение.

Только два последних вагона были похожи на что-то.

Одни из них валялся на насыпи боком, другой, перевернутый колесами вверх, распластался под откосом.

Далее — картина полного разрушения. Видны были груды щеп.

Я уцелел только потому, что открытая площадка, очевидно, сыграла роль трамплина.

При первом страшном толчке она подбросила меня, как мяч, и я этим избег того, что меня не сплющило между вагонами...

Я попробовал пошевелиться. Конечности действуют... Ощупался. Нигде крови нет... Попробовал встать; немного кружится голова и трясутся ноги.

— А ну-ка, барин! Выкладывай монету! Може, и пистолет хороший имеешь? Пригодится!..

Свои. Партизаны. Под откос поезд спустили — сообразил я. Новое дело. Как быть?

Открыться им? А вдруг если кто-нибудь из оставшихся в живых рядом со мною пассажиров узнает меня, беседующего с партизанами? Опять неудобно. В городе Тайгинске узнают, что я принят был партизанами, как свой. Туда давать нельзя ни малейшего шанса. Пока надо себя не выдавать.

Я бросил партизанам несколько слов по-французски. Они захохотали.

— Иностранный гость, значит! Ну, нам все единственно. Разоблачайся, милый.

Я пробовал было отговариваться, но меня схватили. Стали обыскивать.

Нашли пакет с моими документами — мое сокровище. Отобрали.

Находят револьвер.

— Эге, братцы, да это офицер! Вишь — браунинг. Офицер! Ну, тогда шабаш, ваше благородие.

Двое партизан направили на меня винтовки.

— Ну-ка, Митрич, отведем-ка его к сторонке. Там сподручнее. Здесь ему мокро лежать будет. Чай, простудится.

Что делать? Сказать им, открыться — рядом видимо лежат раненные пассажиры.

Решил им повиноваться. Сделал вид, что согласен, идем, мол.

Повели, наставив винтовки в спину.

Отвели шагов на сорок. Остановились.

— Ну, раздевайся, ваше благородие, господин иностранный офицер. Не лазай другой раз белым на подмогу. Не мешайся в чужую кашу.

— Будя, — сказал я. — Брось, братишка! Я свой. Только не орите больно. Я переодетый. Я не белогвардейский иностранец...

Ребята опешили...

— Ишь ты! Сразу по-нашему заговорил! Чего ты мелешь? Не офицер, говоришь? А свой? А по-французски лопочешь? Врешь, брат!

— Да постой, постой, — перебил его второй. — Может быть, взаправду. Чего зря патроны портить? Поведем его к матросу. Тот живо разберет.

Когда мы остались один на один с матросом, оказавшимся предводителем партизан, я ему сказал:

— Даю вам слово революционера, что я здесь по важнейшему революционному делу и что мой маскарад действительно вынужденный.

— Ладно! Попробую вам поверить, что вы переодетый коммунист. Но как вы можете это доказать? Вы в Тайгинске наших никого не знаете?

Я посмотрел на него в упор и отчеканил:

— Кого-нибудь из «пекарей»?

— Есть! Братва! Давай поцелуемся... Эй, товарищи, столкнувались! Ступайте к поезду да смотрите, чтобы об этом окромя вас да меня никто! Понимаете? Ни одна душа! А тебе, товарищ, чем сейчас помощь требуется?

— Сколько верст до Тайгинска?

— По шоссе напрямую — шестьдесят.

— Лошади у вас верховые есть?

— Для тебя, братва, да не найдется! Свою отдам...

XXVIII

ЕЩЕ ЗАМЕНА

На окраине города Тайгинска, рано утром, недалеко от заставы, в пустынном переулке остановился закрытый автомобиль. Очевидно, что-то испортилось в машине. Несколько мальчишек подбежали было побли-

же, но механик и его помощник, возившиеся у коробки мотора, так шуганули мальков, что они все рассыпались по сторонам и больше не лезли...

Несколько времени спустя из города мимо заставы промчался по шоссе другой открытый военный автомобиль. В нем сидел шофер и один пассажир, видимо, военный.

У застопорившегося автомобиля шоферы, видимо, добились в конце концов толку. Он запыхтел, задрожал. Шоферы быстро вскочили на свои места, автомобиль двинулся с места и, усиливая ход, помчался тоже в сторону от города по шоссе вслед первому.

У верстового столба с цифрой «13» военный автомобиль что-то скисовал, закапризничал, а потом и совсем остановился...

— Что там еще случилось?

— Не могу знать, ваше высокородие. Сейчас посмотрю — слезу.

Солдат-шофер курбетом выкатился из-за руля и нырнул к мотору.

— Ну что? Надолго застопорились?

— Одним духом, ваше скородие.

— Поскорее, братец! Живо сделаешь — хорошо на чай получишь.

Послышался гудок. Нагоняла сзади какая-то машина.

Офицер встал в автомобиле и поднял обе руки вверх...

Международный автомобильный сигнал:

«Стоп! Дай помощь».

Второй закрытый автомобиль подъехал к военному вплотную рядом.

— Господа, нельзя ли просить вас помочь моему шоферу?

— С удовольствием! Сейчас все оборудуем.

Из закрытого автомобиля сначала вышли два механика. Подошли к солдату-шоферу, затем...

Не успел офицер оглянуться, как был схвачен сзади тремя неизвестными.

— Что вы делаете? Как вы смее? Да вы знаете, кто я? — заорал он, стараясь вытащить браунинг, но уже было поздно.

— Что делаем? Помогаем! Не смеемся! А кто вы — знаем прекрасно.

Когда шофера военного автомобиля связывали два механика из закрытой машины, он бормотал им:

— Не очень, черти, старайтесь! Ишь, разыгрались!

— Ничего, товарищ, потерпи! Завтра все равно вчистую отделаешься. К себе в Орловскую губернию поедешь. Потерпи, миляга! На папироску — затягивайся.

— Не зубоскальте, черти! Теперь опять развязывайте. Готово с князем-то...

Офицера действительно во время этого разговора уже успели раздеть и втащили его в закрытый автомобиль, напав на него какую-то хламиду.

Через час после этого происшествия, с аэродрома около станции Ланской в неизвестном направлении вылетел самый лучший аппарат эскадрильи. На нем, кроме пилота-летчика — сзади сидел, очевидно, наблюдатель...

А солдат-шофер Митюха, который привозил офицера, временно оставил машину на дворе отряда и пошел разыскивать своего земляка, друга закадычного Сашку Беспалого, тоже орловца.

— Ну, Саш, прощай! Кому в деревню кланяться?
— Да что ты, паря?
— Сегодня, брат, приеду, сдам машину и айда в Орловскую губернию! Пропадайте вы здесь пропадом! Будя с офицерами валандаться! В Рабоче-Крестьянскую Рассею поеду. Прощай, брат!..

XXIX

«ЕВТИХИЙ БЕНЕВОЛЕНСКИЙ»

Часа в два дня около городской психиатрической больницы остановилась простая деревенская телега, запряженная парой лошадей.

На телеге сидели человека четыре.

Один из них, старичок, видимо, псаломщик или дьякон, пошел в контору и спросил главного врача.

— Буйного привез. Сынишка сбрендил. На людей бросаться стал. О, Господи! Себя разными званьями называет. А окоlesiцу какую несет, что не приведи Бог! Летать, говорит, по небу хочу! Ну и грехи! Мать убивается дома. Ревья ревет. Ведь единственный! Семинарию окончил. Думали, попом будет, а он на вот, аки Навуходоносор, взбесился. Волосы на себе выдирает, так мы его обрили. Связывали да обрили! Начисто и голову и бороду, и усы и брови. Все под окно. Под мышками хотели брить, чтобы не выдирал волосья и себя не терзал, да бросили — возня! Дерется больно!..

Дьячковского сына прямо принесли в приемную. Вне очереди. Лопотал он — не приведи Бог, а ругался — ужаси!..

Доктор велел надеть ему смирительную рубашку и привязать к стулу, а затем перевести в отдельную комнату. Когда больного перенесли туда, главный доктор и все, как есть, ушли.

С больным остался молодой врач, ассистент с простецким, скуластым лицом.

— Послушайте, князь, что я вам скажу! Не орите хоть несколько минут.

Больной сразу стих и стал слушать, сделав удивленное, вполне осмысленное лицо.

— Князь, вы в сумасшедшем доме! Вы понимаете это?

— Да, конечно! Я не дурак и ясно вижу, где я!..

— Тогда продолжаю вопросы. Вы когда-нибудь сидели в сумасшедшем доме?

— Никогда! Клянусь вам!..

— Охотно верю, но очень жаль!

— Почему жаль?

— Потому что знали бы здешние порядки.

— Не знаю и знать не хочу!..

— Теперь вам придется узнать. Слушайте. Сообщу вкратце. Во-первых, раз вы душевнобольной, то что бы вы ни говорили, ни писали — все это ваш больной бред. Все это будет вноситься лишь в вашу историю болезни. Во-вторых, все ваши письма, записки, дневники будут передаваться только мне и пришиваться к вашему больничному листу. Поняли?

— Черт знает! Это невероятно!

— Невероятно, а факт. Поняли?..

— Понял...

— Далее условия такие: будете орать, ругаться или драться, переведут в буйное. Будете паинькой — оставлю в тихом. Разницу вы узнаете, пробыв в этом доме час. Далее уже на выбор. Если будете называть себя вполне нормально сыном дьякона, студентом семинарии Евтихием Беневоленским, то можете считаться выздоравливающим, к вам будут допущены ваши родственники, а если будете величать себя князем, графом

или императором, то положение ваше в смысле психики будет угрожающим и вас придется долго лечить.

— А если буду считаться выздоравливающим, то сколько времени вы меня продержите?

— Самый разумный вопрос! Вот видите, как я успокаиваю даже самых буйных, между прочим, это моя специальность...

— Хороша специальность!..

— Да. Какая есть!.. Итак, продолжаю. Вас, как выздоравливающего, мы можем отдать отцу на поруки месяцев через шесть, а может, немножко раньше.

— Это же безобразие, издевательство!..

— Не орите, так как буйного мы будем держать гораздо дольше. Ну, до свиданья! Пока я вас отправлю в тихое отделение.

Затем доктор наклонился к больному и очень тихо сказал:

— А что лучше, быть застреленным в упор в затылок и валяться на шоссе или переждать несколько времени в сумасшедшем доме? Ручаюсь вам, что в тот самый день, когда войдут сюда красные, вы будете свободны, и я первым буду хлопотать, чтобы считать вас лояльным к Советской власти. Да... забыл! Как ваше имя и фамилия?

— Евтихий Беневоленский... — проскрипел сквозь зубы больной.

— Да нет, не это, а другое, как вы себя в бреду называли. Князь... граф...

— Князь Багратион-Мухранский!..

— Ну вот, видите, какая ерундистика! Я, например, прекрасно знаю, что князь Багратион-Мухранский сегодня в 10 часов по приказанию начальника штаба фронта генерала Попелло-Давыдова, своего дяди, на аэроплане улетел к красным и уже, наверное, там. А вы в бреду уверяете, что вы он. Вы мебель не ломайте!..

XXX «КНЯЗЬ» И ПОРУЧИК

А я сидел в аэроплане, как в санях, и был спокоен, как в корзинке. И теперь еще вспоминаю... знатно летел. Да что, в самом деле, было волноваться? Для генеральского племянника, да еще князя, дерьмовую машину не дадут, да и пилота-растяпу не посадят!..

Наверняка, самый лучший материал предоставили, и весь маршрут с местом посадки обмозговали — лети да посвистывай!..

Посмотрел я на часики, спасибо товарищу Ефремычу, свои на память подарил — браслетку.

Третий час в пути... Наверное, скоро приземляться будем.

Так и вышло...

Летели, летели еще немного и действительно чувствую — спускаемся...

Ура! Теперь, значит, наверняка у своих! На советской рабоче-крестьянской территории!..

И в двух естествах:

Его светлость князь Багратион-Мухранский, он же член Реввоенсовета Красной армии тов. Лисичкин!..

Ну и переплет!..

Спустились благополучно. Только товарищ Лисичкин немножко лоб стукнул, а князь Багратион-Мухранский мурлеткой перекладину изволил задеть...

А теперь за дело: учиним пилоту допрос. Начнем по-благородному.

— Позвольте вас, поручик, от души поблагодарить за благополучную доставку.

— Я только исполнял приказание, князь!

Мы пожали друг другу руки.

Я посмотрел при этом ему прямо в глаза.

Наверное, парень хороший. Главное, деляга. Свою специальность знает. Да-а, дела...

— Я бы хотел вас спросить, поручик... Объясните мне, где мы находимся, где ближайшее селение? Вам это, наверное, известно. Мне передавал дядя, генерал Давыдов, что маршрут будет выработан самим начальником отряда и вами, как лучшим летчиком всего отряда.

— Так точно, князь. Я хорошо знаю эту местность, так как часто делал в тылу у красных глубокие разведки.

— Укажите на плане, приблизительно, место нашего спуска.

— Извольте смотреть. Вот Тайгинск, откуда мы вылетели. Вот Красень, где стоит штаб армии большевиков. Вот Омулево, крайний пункт нашей железнодорожной линии. Эти три точки дают треугольник. По линии Красень-Омулево мы и находимся, конечно, в зоне красных. От Красеня верст двадцать. От ближайшей деревушки верст восемь. Здесь самое глухое место. Я раз даже здесь спланировал. Мотор испортился. Починил мотор, снова поднялся и никто даже и не подозревал.

— Какие были даны инструкции лично вам?

— Доставить вас приблизительно в эту территорию. В случае благополучного спуска вступить в ваше полное распоряжение, аппарат испортить, взорвать. Там под сиденьем есть заряд. Если вы не найдете нужным иметь от меня помощь, то мне приказано постараться перебраться обратно к себе. Явившись в отряд, сделать подробный доклад только начальнику отряда. А остальным объявить, что мы потерпели аварию во время глубокой разведки в тылу красных, что вы, князь, погибли, а я спасся.

— А вам известно, зачем я сюда прибыл?

— Совершенно не известно! Но я, конечно, догадываюсь.

— Ах, да! Какой я предложил вам нелепый вопрос!.. Вы правы. Догадаться очень просто.

— Конечно. Вы прибыли, чтобы переодетым пробраться в красный штаб и получить оперативные планы путем опроса или путем осмотра, так сказать, для разведки.

— Послушайте. Да вы читали мое предписание? — закричал я, сделав удивленное лицо.

— Ничего подобного! Честное слово! Я только логически мыслил.

— Приятно иметь дело с умным человеком!..

Я пожал ему руку с особой подчеркнутостью.

— Вы, поручик, откуда родом?

— Я? Из Иваново-Вознесенска. Из-под Москвы. Посад там такой есть. Фабрики.

— Где получали образование? Я разумею военное...

— Я сын рабочего. Отец родился крестьянином. Когда я кончил уездное училище, уехал учиться в Москву. В Комиссаровское техническое училище. Пошел по технической специальности. Был мобилизован в германскую войну в авиационную роту. Нижним чином. За боевые отличия получил офицерские погоны, Георгия и все ордена до Владимира включительно. Еще на германском фронте сбил 12 самолетов.

— Ваши родители живы?

— Когда уезжал, все живы были. А теперь не знаю. Четыре года не был.

— Когда же вы к ним, то есть к нам, — я улыбнулся, — к белым попали?

— Еще в 17 году в начале уехал в Приморск принимать самолеты из-за границы да так и остался. Потом пробраться в Москву было нельзя.

- А вам бы хотелось обратно к ним?
- То есть куда, к белым?
- Нет. К красным, тьфу, я хотел сказать, к своим родным!..
- Станный вопрос, князь!
- Так, значит, очень хочется?
- Да, если бы не служба!..
- Что же вам мешает именно теперь?
- Как что? Я снова должен служить!
- Кому?
- Как кому? Белым!..
- Зачем белым, когда вам хочется в Москву, к родным?
- Не понимаю вас?
- Почему вы не можете поехать в Москву повидать родных, именно теперь?
- Это невозможно!..
- Почему?
- Потому что я белый!
- Осторожнее! Теперь нам белыми себя называть нельзя. Мы красные. Поезжайте-ка лучше в Москву.
- Как в Москву?!
- Очень просто. Вы доставили меня. Вы в моем распоряжении. Я даю вам приказ ехать в Москву. Разрешаю заехать в Иваново-Вознесенск к родным. Сам я останусь здесь выполнять принятую на себя задачу согласно своего долга.
- Я поеду... А как же быть с документами? У меня никаких нет!..
- Я вам дам. У меня есть и для себя, дядя дал на всякий случай и для вас. Ну, согласны? Идет?..
- Один вопрос, князь! Что я должен делать в Москве? Когда я должен возвратиться?
- Я вам дам адрес, по которому вы явитесь в Москву, а затем вы получите там от меня дальнейшие распоряжения.

— Идет, князь!

— Бросьте! Что за «князь»? Теперь и вы и я товарищи! Одним словом «князь» вы можете погубить и себя, и меня, подведете под пулю. Вот вам документы на имя проводника вагона Василия Курносова.

— Я Василий Курносов?

— Да. Пока!.. Вы с этим документом явитесь к красным. Пройдете в штаб армии и спросите члена Ревсовета тов. Лисичкина. Предъявите ему документ и скажете, что вы бежали от белых, что вы проводник вагона. Я буду вертеться около штаба, собирать сведения. Мы еще там с вами увидимся.

Мы вдвоем стали с ним переодеваться и через несколько минут обратились в двух простых красноармейцев.

— Аэроплан мы портить не будем. Взрывать — будоражить население. Еще сюда прибегут. Черт с ним!.. — в виде приказа бросил я.

— Вы правы, князь, то есть товарищ. Зачем добро портить? По правде, мне даже жалко его взрывать. Пусть уж кто другой! Аппарат замечательный! У меня на него рука не поднимется...

Товарищ Василий Курносов попер пешком к красным, ко мне.

XXXI **У ГАЦА**

А я, оставшись наедине и сделав маленькое изменение в своей физиономии, покатиł на паре в деревню Горки...

Лошадей мне представил комендант этапа в ближайшей деревне.

Когда тов. Курносов ушел, я отправился в ближайшую деревню по направлению, противоположному

прямой дороге к Красеню и, узнав, что там, то есть в деревне, стоит этапный комендант, отправился к нему.

Коменданту я сказал, что на поляне видел аэроплан. Он сейчас же послал туда своих ребятишек-красноармейцев для охраны, а мне за это дал лошадей и фамилии не спросил.

— Езжай, товарищ! Куда хошь на рабоче-крестьянских! А за аэроплан тебе благодарность!..

А я ему:

— Не на чем по пустякам-то!..

Пока лошадей запрягали, я пошел в пустую избу и произвел полную ревизию всех переданных мне дядушкой-генералом посылок. Что нужно, положил обратно — заделал, что требовалось себе — на память взял.

— Вас куда везти, товарищ комиссар?

— Меня-то? Да в Горки! Только я пока, братишка, не комиссар, а красноармеец.

— В Горки, значит, к лесничему насчет леса? Туда много народу за последнее время ездют!

— Заворачивай к лесничему!..

— Угадал, значит?

— Угадал, старик! Вот тебе лошадам на овес!

— Премного спасибо! Чай, недолго будете? Может, подождать? Я все равно кормить буду.

— Подожди, пожалуй, а там видно будет...

Принял меня лесничий Гац нельзя лучше. Не знал, куда и посадить, чем угостить.

А я говорил с ним, словно блевотину жевал.

Противно было.

Скрипучий такой. Чиновник старый. Гадина, одно слово.

Передал ему документы, и письма, и посылки.

— Вы разрешите, ваше сиятельство...

— Товарищ Гац, еще и еще прошу вас называть меня товарищем, а не сиятельством. Надо привыкать к конспирации!..

— Хи-хи-хи, товарищ. Ну, знаете, у меня язык не поворачивается князя товарищем назвать.

— А вы поверните!..

— Один вопрос, ваше... товарищ. Вы долго изволите у меня пробывать? Между прочим, забыл вам сказать: ко мне сегодня прибыл самый секретнейший деятель. Ну, да от вас секретов нет. Вы сами изволите быть наисекретнейшим!..

— Кто еще такой секретный? Наверное, обыкновенный доброволец-офицер?

— Офицер-то офицер, но не просто доброволец, а агент по установлению связи нашей с Тайгинском. Он из красного штаба сводки достает и пересылает в Тайгинск.

— Вот как!..

— Верно! Он специально ко мне и прислан.

— Мне пока это совершенно неинтересно. У меня есть другие задачи. Больше у вас ничего не будет такого, где мое присутствие необходимо?

— Послезавтра назначен съезд организаторов и начальников боевых дружин, которые будут действовать в тылу красных.

— Ну, тогда и я приеду...

— Как хотите! Это всецело зависит от вас. Когда же вы изволите уехать?

— Сейчас же уеду. Мне надо еще к вечеру в двух местах побывать.

— Не смею задерживать. Откушать не откажете?

— Нет. Не хочется. Я уже подзаправился в деревне!

— Нет-нет, ваше сиятельство, виноват... товарищ! Без хлеба-соли не отпущу. И компаньона пригласим.

Пойду распоряжусь насчет закусончика. А вы пока с другим нашим деятелем познакомьтесь. А вот и сам он, легок на помине.

В дверях кабинета стоял очень молодой, почти мальчик, офицер, конечно, без погон, но во френче и галифе. Волосы гладко расчесаны, на пробор. Гац нас познакомил.

— Поручик Гессе! Князь Багратион-Мухранский!..
Лесничий убежал по хозяйству.

Пауза.

— Вы, поручик, наверное, иностранец?

— Да.

— Я тоже недавно из Парижа. Сегодня, только что.

— Знаю. Я случайно был в той комнате, в соседней, и слышал, князь, весь ваш разговор с нашим дорогим хозяином...

— Скажите, каким образом вы добываете сведения из штаба красных? Это очень любопытно!

— К сожалению, князь, извиняюсь! Часть своей работы я решительно скрываю от всех. Я одиночка... то есть, я хотел сказать, одиночный работник. Откровенно скажу, мне было очень неприятно, когда Гац выдал даже вам мою тайну. Вы сознаете, что для нашей работы тайна необходима?

Я сделал вид, что сконфузился и, протянув руки, крепко пожал его руку. Рука была совсем маленькая, как у женщины.

— Вы, князь, конечно, говорите по-французски?

— Безусловно!..

Он перешел на французский язык и стал расспрашивать меня о жизни в Париже...

XXXII

ОПЯТЬ У СВОИХ

«Открыт я или не открыт?» — думал я всю дорогу...

Подъезжая к штабу, я разгримировался.

Велел вести себя прямо в штаб...

Прошел в кабинет командарма товарища Петрова.

Народу у него было много, очевидно, шло какое-то экстренное заседание.

Я подошел к нему и негромко отрапортовал о прибытии, а затем отправился к себе в кабинет.

Приказал немедленно принести пишущую машинку и никого не впускать, хотя бы даже самого наркомвоена.

Потом взял трубку, вызвал начальника особого отдела армии тов. Васильева и пригласил его к себе.

— Через полчаса буду, — бросил он в трубку.

— А меня тут совсем бумагами завалили! Почему-то и этот пакет ко мне попал в общую кучу. Вот растяпы-то! Читайте, кому он написан-то: «Начальнику Особого отдела в собственные руки»! Накось, читайте, а я своим делом заниматься буду!

Почитал, почитал, пересмотрел все, что я ему заготовил. Так взволновался, что аж вскочил да по комнате забегал.

— Товарищ Лисичкин! Да это нечто феноменальное! Полный отчет о существующем белогвардейском заговоре! Списки, явки, пароли, оперативный план...

— Чай, брехня?

— Какое брехня! Этого всего из головы не выдумаешь: такие подробности. Вы только послушайте...

— А что мне слушать!.. У меня у самого голова от своего вертится. Потом, когда проверите да ликвидируете, тогда и доложите. А кто донесение подписал?

— Анонимное. Подписано: «С товарищеским приветом скромный коммунист. Партбилет №».

— Писал, значит, казначей, неизвестно чей. Дура черт, какой скромный! Жалко, я не читал пакетика. Я б за него подписался...

Начальник Особого отдела ушел, от радости даже не попрощался.

Только он из двери, как дежурный с докладом:

— К вам, товарищ, Василий Курносов просится!.. А мне делов и так по горло...

С ним у нас разговор короткий был.

— Здравствуйте, товарищ Курносов!

— Здрррр... кня-я-язь...

— Что это вы, товарищ, дрожите, как овечий хвост? Ну и летчик! Не похоже, что вы 12 аэропланов сбили!

XXXIII ПО ГОРЯЧЕМУ СЛЕДУ

На чердаке дома, где жил командарм товарищ Петров, я был в первый раз, и хоть фонарь электрический у меня был первосортный, а другой под левым глазом я все-таки подсадил, не уберегся.

Обследовал весь чердак. Никаких явлений человеческих не обнаружил, только над комнатой товарища Петрова валялись какие-то тряпки. Вроде как бы постель.

Пробрался в сторону над хозяйским потолком.

Осмотрел трубу, борова, ходы. Выбрал, как говорят светские дамы, уютный уголок и залег. Конечно, не спать собрался!..

Было одиннадцать часов вечера...

Главное, чтоб не чихать. Пылища чертовая!..

Ну, Лисичкин, держись!

Открыт или не открыт?..

Вот появилась снизу по лестнице какая-то тень в женских очертаниях. Взошла на чердак. Зашуршала земля в стороне над командармом...

Затем снова стало все тихо. Спать, наверное, легла...

Щелкнула какая-то пружинка.

Затем опять стало все тихо.

Потом опять щелк да щелк, и так раза четыре...

...Мне бы, дураку, раньше, чем в Тайгинск ехать, сразу потолок да чердак обследовать да ночку просидеть!..

Да кто же это знал, та кую махинацию?..

Эх ты, «Пинкертон»! А кто бы тогда начальнику Особого отдела интересный пакетец передал?..

Вот и выходит: ежели прешь — при подробно, до конца. Через три ступеньки не перепрыгивай.

...Известная мне, а другим, не знаю, тень с чердака. По лестнице. Да с опаской. А я... через слуховое окно. Да кубарем. В траву!..

Из-за угла дома смотрю, идет к огороду. Я, крадучись, за ней. На благородной дистанции. А то, пожалуй, за кавалера примет.

Вижу — к бане идет...

Я браунинг ощупал да за ней.

Взошла. Я у двери приостановился. Где-то наверху голубки воркуют.

Я к окну — завешено.

Опять к двери. Ну, была не была. Напором!..

Фонарчиком ее лицо и осветил.

— Здравствуйте, — говорю, — глухонемая красавица!

Да свет-то и потушил.

— О! Вы? Лисичкин?..

Фонарчик щеколдой потушила да бросила.

А я ее за ручки белые — цоп!..

— Не беспокойтесь, поручик Гессе, — говорю по-французски. Это я — князь Багратион-Мухранский, только Лисичкиным загримировался, чтобы посмотреть, как мисс Дудль работает...

Она аж зубками заскрипела... Поднялась у нас возня.

Она револьвер высвободить хочет, а я не даю.

Надоела браунингу такая игра, — он штука серьезная. Возьми да и выпали!

Моя партнерша защищаться перестала. Вытянулась и вздрагивать начала.

Засветил фонарь... Смотрю.

Она левой рукой за грудь держится, а с левой груди кровь фонтаном хлещет...

— Доигралась!..

Хотя такую паскуду и следовало ликвидировать, да очень хотелось ее живьем взять...

Раз пуля под левый сосок попала, где ж тут живой быть?..

С двумя фонарями я живо всю баньку до подробности осмотрел. Все тут, как тут. Вся лаборатория налицо и голубки на крыше воркуют.

Взял я с собой фотографический аппарат, как есть неразряженный, да письмоцо ее, видимо, собственно-ручное, неоконченное. Да и марш домой.

Завтра утром разберемся...

XXXIV

КЛУБОК РАСПУТАН

Итак, все, значит, как по-писаному...

Прежде около штаба да и вообще в местах нашей стоянки я ее не замечал никогда. А как штаб в город Красень переехал, так она сразу на сцену выплыла...

Не то нас поджидала, не то, нечего греха таить, может быть, необнаруженная работала...

Ну, а тут городишка всего с кукиш.

Как ни загримируйся, все равно человек, как есть...

А человек — значит, вопрос:

Что он, к чему?

Так и здесь вышло:

Всякий видел. Девушка молоденькая, нищая, глухонемая...

Калека — голова трясется, руки-ноги дрожат.

Ходила она по городку всюду и в штабной столовой бывала — там ей товарищи кусочки давали...

Возьмет, как рванет, и жрать...

Как будто зверь голодный.

Наверное, и по квартирам сотрудников штабных ходила, кусочки выпрашивала. Мычит, как не дать!..

Никто на нее внимания не обращал. Не опасался.

А мне, не знаю почему — это существо странным, да, странным показалось.

А потом и забыл...

Время свободного не только часа — секунды нет. Где уже тут фантазию рассупонивать!..

Так и началось...

Когда я в первый раз следы шпиона обнаружил да нас троих перебрал. Так и позадумался.

А что если... под окном... али как еще...

Она если... Ну, скажем, она. Как передает? Почему так быстро? Через кого?

Значит, еще кто-нибудь около нее вертится.

Как поймать? Следить?

Она, наверное, штука тонкая. Заметит, что ей интересуются кто-нибудь... Сейчас концы в воду, да драла, а если сразу схватить, допрашивать — немая и конец...

Главное, у меня в штабе — руки текущей работой накрепко прикручены.

Значит, для всей освещенности надо было мне из сферы ее кругозора незаметно удалиться.

Из середины клубка другой кончик постараться вытащить да по нему и до свободного конца добраться.

С тем и поехал.

Первое данное — голуби. Быстрота сообщения. Может, и глухонемая.

Второе данное — рука командарма. Всю почву изпод ног выбила. Глухонемую забыл. Фотография. В сомнение вошел. Не командарм, а кто-то другой.

Третье данное — дырочная фотография. Кто-то с потолка записки командарма на пластинку крал. Опять глухонемая.

Четвертое данное — «неужели вы не надеетесь на свои данные?». Вплотную к глухонемой подобрался. Хорошенькая, стерва, была! Предлагали ей меня женской красотой обольстить да во время ласк укокошить, вроде как Далила Самсона.

Пятое данное — «поручик Гессе». Как ни гримируйся, а глаза да переносица, да лоб. Сразу глухонемую в личности вспомнил. Здесь и решил, что глухонемой на чердаке над командармом жить не подозрительно.

Шестое данное — американка, мисс Дудль... Окончательно меня укрепило, что она одиночкой работает. Другому бы, не американцу, никогда такую комбинацию одному не создать. И голуби, и фотография, и грим, и комедия, что калека...

Сложить все вместе и писать черным по белому:

«Глухонемая, она же поручик Гессе, она же мисс Дудль, через потолок, провертев там дыры, снимает усовершенствованным фотографическим аппаратом записки, которые ведет командарм для себя, как воспоминание, берет эти негативы, свертывает непроявленными в трубочку и с голубями посылает к белым».

Вот и вся отмычка!

Мое дело разузнать, расследовать, а результаты соответствующему работнику передать. Начальнику особого отдела. Так я и сделаю завтра утром.

XXXV

КОНЕЦ ЛИ?

— Извиняюсь, товарищ Лисичкин! Я решил вас разбудить. — Около меня стоял командарм тов. Петров. — Сейчас вас вызывали к прямому проводу. Я подходил сам вместо вас, не хотел вас с дороги беспокоить. Сообщаю вам новость. Вам придется сегодня же ехать в Москву...

Я протер глаза. Было пять часов дня.

— Здорово, однако, я продрых, — пробормотал я и начал приводить свои мысли в порядок. Сейчас же надо было отправиться и произвести осмотр вчерашнего места происшествия...

— Вы знаете, товарищ Лисичкин, — продолжал Петров, ходя по комнате и ожидая, пока я встану, — у нас на дворе чуть свет пожар был... Баня сгорела... Как языком слизнуло. Не успели сбежаться, как одни кирпичи остались. Как спичка сгорела. Я думал, вас разбудили. Наши дома-то рядом.

Я мигом проснулся. Значит, полная ликвидация с уничтожением «вещественных доказательств»... Не

придется, видно, начальнику особого отдела дополнительный доклад писать.

И вот теперь у меня явился вопрос: сообщать ли об этом командарму, и я сразу ответил себе:

«Нет, никоим образом! Зачем зря человека задним числом расстраивать?»

Петров меня совсем не расспрашивал о результатах поездки.

Но только, наверное, по другой причине. «Съездил, — думал он, — парень впустую, теперь и сознаться неловко, что время зря потратил. Что в неделю путевого успеешь сделать? До белых, видно, не добрался, не только там следствие вести!..»

Так я ему ни слова не сказал и уехал в Москву.

Глухонемая как в воду канула. И следов не нашли...

А мы как начали на этом фронте нажаривать да белых колошматить, так до самого Приморска догнали и к морю притиснули...

Плывите, мол, коль есть на чем!..

ОБ АВТОРЕ

Вениамин Иванович Троянов (?-1929?) — драматург, прозаик. Анархист. Учился в Московском университете. В 1912 г. написал насыщенную автобиографическими мотивами пьесу «Хризантема: (Сказка старого студента)», не без успеха поставленную на сцене в московском Охотничьем клубе и вышедшую отдельным изданием в Москве в 1913 г.

После революции выступал в печати под псевдонимом «Иваныч». Опубликовал книги «Красный раек: (Царское наследство). Революционная сатира в народных песнях» (Новгород, 1920; 2-е изд. М., 1920); «Так будет: Агит-пьеса в 1-м акте (М., 1920, как минимум четыре изд.).

В 1922 г. по заказу Редакционно-Издательского отделения Центрального Комитета Всесоюзного Союза рабочих пищевой и вкусовой промышленности сочинил шпионскую повесть «Первая схватка: (Из записок пекаря Лисичкина)» (М., 1922).

Последняя известная книга — «Аврорец: (Земля горит). Пьеса в 10 картинах» (М.-Л., 1926).

По сообщению парижского анархистского журнала «Дело труда» (№ 46-47, март-апрель 1929), писал сатиры на «властей предрежащих», был арестован ОГПУ и покончил с собой в заключении.

Произведение публикуется по первоизданию с исправлением наиболее очевидных опечаток; орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

Г. РУКАВИШНИКОВ

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Фантастическая повесть

*Журнал «Юные строители», 1923, №№ 6-12.
Огромная благодарность **Garvi**
за предоставленные сканы.*

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ.

ПОВЕСТЬ.

Г. Рунавишников.

I.

В стране высоких гор жил пастух Атамас. С ранних лет он только тем и занимался, что пас овец. Все теплое время года он бродил со стадом по зеленым горным лугам, и лишь на зиму спускался на равнину, к своим родным и близким.

Уже почти полвека прожил Атамас на белом свете. Умерли у него старики-родители. Умерла любимая жена. Остался один сын, Гази.

Юный Гази сызмала привык помогать отцу. Вместе с ним ходил за стадом, разводил костры, готовил горячую пищу.

Атамас крепко любил свою суровую гористую родину. На многие сокровища в горной природе открыл Атамасу глаза старый Багир.

Багир был врач и охотник. Каждый год он приезжал в горы за сбором целебных трав и поохотиться. В пастушьем балагане Атамаса он и останавливался на все время своих горных скитаний.

Гази с увлечением помогал Багиру собирать травы, ходил с ним на охоту, слушал его рассказы про разные богатства гор, про жизнь людей в разных странах, про многое, что было ему непонятным и неизвестным.

Багир не раз говорил Атамасу:

— Отпусти Гази ко мне помощником. Побудет он у меня несколько лет, и из него выйдет ученый человек.

Атамас на это отвечал:

— Хорошо бы так, да с кем же останусь я? Ведь, он у меня единственный сын, и нет у меня никого близких. Кто мне поможет, если я заболею?

Багир соглашался с этим, но продолжал:

— Ты довольно уже поработал пастухом. Поедем ко мне вместе с сыном. У тебя хоть есть сын, а я совсем один; у меня нет ни родных, ни близких.

— О, вместе жить хорошо! — отвечал Атамас.— Но ты знаешь: привычка к делу — вторая пища... Тоска меня будет сосать по горам и по стаду. Всю жизнь я был пастухом, — им и умру.

Пробежали дни за днями, проходили года.

II.

Пастушья жизнь Атамаса текла привычным порядком. И, может быть, еще долгие годы порядок этот не нарушался бы. Но этому положило конец одно исключительное событие.

Была весна. Атамас уже давно поднялся со стадом на высокие цветистые луга. Вместе с Гази уже давно начал он сбор трав по поручению Багира.

Однажды вечером они сидели у костра, на котором варился ужин. Атамас только что привел стадо и высказывал удивление, что скот ведет себя спокойно, точно волка вблизи чувствует.

Вдруг оба услышали неясный шум, похожий на отдаленные раскаты грома. Гази даже почувствовал, что под ним дрогнула земля. Вскоре шум повторился. Со стороны соседней вершины донесся грохот посыпавшихся камней. Потом раздался сильный подземный

гул, почва заколебалась. Опрокинулся на костре котел с варевом.

Испуганные Атамас и Гази вскочили на ноги и бросились к заблывшему в загоне стаду, чтобы не дать ему разбежаться.

Землетрясения в этой местности происходил нередко, но такого сильного Атамас не помнил.

Утром он сказал Гази:

— Нам надо осмотреть всю окрестность... Человек ломает горы веками, а землетрясение изломало их в один миг. Кто знает, какие драгоценности таятся в горных недрах? Теперь они могли появиться и на белый свет. Осыпи, речки, трещины, все надо обследовать... Вот тут, неподалеку, расселина в два размаха рук. И дна не видно. Ее осмотрим по приезде Багира. Самим страшно туда и заглянуть.

Все кругом исходили отец и сын, и многому удивлялись при осмотре.

Скалистые вершины изменили свой вид. Где на склонах протягивались зеленые полосы травяного покрова, там серели теперь груды щебня. Некоторые из потоков и речек исчезли, другие очень обогатились водой, третьи изменили свое направление. Появились новые потоки и родники.

Один из родников оказался горячим, как кипяток, чему немало дивился Атамас. Глубокое лесистое ущелье в одном месте сплошь засыпалось камнем, и от высоких деревьев не осталось и вершинок. Гремучий поток в этом ущелье бесследно исчез. Земля избороздилась трещинами, глубокими и жуткими своей темнотой.

Подивились пастухи и обширному провалу под горой, недалеко от балагана. В этот мрачный провал стремительно падал с горы обильный водяной поток.

Из расщелины сквозил беловатый свет.

— Какое здесь будет красивое озеро! — проговорил Атамас, любуясь на водопад.

Среди груд насыпанного камня и земли пастухи не нашли никаких редкостей. Но в одну из темных туманных ночей, при обходе загона, Атамас увидел вдали светлый столб над долиной. Это его очень удивило. Разбудил сына, и оба направились в сторону непонятного света.

Прошли с километр^{*)}. Добрались ощупью до широкой и длинной расселины, произведенной землетрясением. Робкими шагами двинулись по ее краю. В отдаленном конце расщелины сквозил из нее беловатый свет, похожий на лунный.

Гази хотел пробраться поближе к месту света. Но путь перед ними, изборожденный трещинами, был опасен. Все-таки отважились ползком подвигаться вперед.

Оставалась еще какая-нибудь сотня шагов. Нащупали боковую ветвь расщелины. Оползли ее. Наконец, достигли места света. Он исходил в виде молочно-белого пара из глубины. Неровные бока расщелины заслоняли самый центр излучения: трудно было решить, — шел ли свет со дна или со стен расщелины.

Утром они снова пришли сюда и внимательно осмотрели всю щель. Но холодный мрак скрывал ее тайны.

Следующая ночь была ясная и лунная. Света в долине не появлялось.

^{*)} Километр = около версты.

III.

Вскоре приехал Багир.

Рассказ о происшедшем в горах сильно заинтересовал его. После подробного осмотра расселины, откуда появлялся свет, Багир решил в нее спуститься. Дело предстояло опасное и трудное.

Для спуска понадобились прочные веревки. Под руками их не было. Вспомнили, что в ущелье, за большим спуском на равнину, много виноградной лозы и разных лиан. Их длинные гибкие и тонкие стволы не хуже всяких веревок. До ущелья было далеко, однако, Гази взялся их доставить.

Через несколько дней приступили к делу.

Багир поместился в удобную корзину из лозы и начал спускаться. Два конца веревок от корзины держали по краям щели Атамас и Гази. Изломы каменных стен расщелины служили прочными ступенями и облегчали спуск.

Глубоко погрузился во тьму Багир. Звук его голоса глухо долетал из расщелины. Услышали команду вести корзину вдоль щели. Сверху по временам видели только тусклый огонь фонаря в руках Багира.

Медленно, перекрикиваясь, подошли к месту, где был ранее замечен свет. Теперь света не было.

Багир опустилсЯ глубже, насколько хватало веревок. Наверх слабо доносились удары топора.

— Скорее вверх! — слышался снизу голос Багира.

Гази и Атамас стали вытягивать корзину.

Вот показался и Багир, мокрый, с пораненными руками, усталый, едва державшийся на ногах.

Сбросив с плеч мокрое платье, он беспомощно растянулся на согретой солнцем земле и тотчас заснул.

Очень испугались за него Атамас и Гази.

Багир начал спускаться.

Однако, крепкий сон скоро вернул ему силы. Багир рассказал, что внизу по стенам щели обильно струится вода, крайне затрудняющая работу; что дна щели достичь не удастся, потому что из глубины выделяются едкие газы. Потом он вытащил из мешка обломки каменных пород, добытых внизу.

Стали их рассматривать. Камни оказались уже известными Багиру. Только один из них, рыхлый, землистого строения, был непонятен. Багир предполагал, что именно от этой породы исходит свет. Этот свет, похожий на свечение в гнилушках, он заметил и там, внизу.

— Для начала дела и это хорошо: мы установили присутствие неизвестной породы, — сказал удовлетворенно Багир.

Стали ждать туманной ночи, чтобы тогда, при ярком свечении породы, продолжать исследование.

IV.

Днем сыпал мелкий дождь. Вершины заволоклись тучами. Наступила влажная, непроглядная ночь.

Все трое направились к заветному месту, над которым вытянулся кверху густой сноп белых лучей. Багир долго восхищался видом светлого столба среди сплошной тьмы. Лучи колыхались и вились кверху, как змейки. Ширина столба казалась в метр*), высота — около пяти метров. С приближением к свету столб его все более рассеивался, как бы сиял, обращаясь в нежные клубы белого дыма или пара.

Все приспособления для спуска были приготовлены заранее, и дело пошло быстро. Багир спустился до сиявшего узкой белой лентой слоя. На этот слой он обратил

*) Метр — 1 арш. 6 вер.

внимание уже в первый спуск. Ослепительно яркие пучки лучей сквозили из стены. Предусмотрительность Багира — закоптить стекла своих очков — оказалась как нельзя более кстати. Он заметил, что светится не вся порода, а какое-то ядро, заключенное в ней. Присмотревшись, он нашел этот центр света, его источник. Из породы отчетливо выступал вкрапленный в нее инородный камень. Осторожными ударами топора и долота он вышелушил камень, потом отбил и несколько кусков основной породы. Но нужно было спешить: дышалось невыносимо тяжело, и кружилась голова. Багир подал знак к подъему.

Легкий, влажный, холодный, как лед, камень, размером в грецкий орех, продолжал столь же ярко сиять и наверху. Исследователи возвращались с ним в балаган, как при сильном электрическом освещении.

— Друзья, — сказал Багир, — я чую в этом свете громадную силу. Но вот что удивительно: я не вижу ни фонаря, ни вас самих.

— Да и я никого не вижу! — отозвался Гази. — Точно вы потонули в свете. Не вижу и своих рук и ног. И фонарь у меня, я его не вижу.

— Да, да, согласился и Атамас. — Я вижу море света и ничего больше.

— Значит, и дороги к балагану мы не видим? — спросил Багир.

— Ее из-за тумана не видно, — ответил Гази.

— Так, может, и себя мы не видим оттого, что идем среди густого тумана?

— Ну, нет, — возразил Атамас. — Какой бы туман ни был, но я различу перед носом свою руку. А сейчас я ничего не различаю, как слепой.

— Попробуем спрятать камень в мешок, — предложил Багир, — моей руке холодно от него... Но вот горе: не вижу мешка!.. Придется ощупью.

Камень был брошен в мешок, но света нисколько не убавилось.

— Одно только изменилось, — прибавил Багир: — я не вижу в руке яркой звездочки, а вижу ее рядом с собой. Я иду, и она под рукой идет в воздухе.

— Я этого не вижу! — воскликнул Гази.— Отец, ты видишь?

— Нет, ничего не вижу.

— Ну, да, я вижу потому, что на глазах закопченные очки, — сделал догадку Багир.

Вошли в балаган, и балаган мгновенно наполнился белым светом.

— Э-э, в нашем камне что-то страшное, — робко произнес Атамас. — Я начинаю думать: куда бы спрятаться от этого света? При нем не заснешь.

— Положу-ка я странный камень в кожаную сумку, — сказал Багир, ощупывая угол возле нары. — Сумку нашел... Спрятал.

— А свету и не ubyло, — заметил с веселым задором Гази.

— И то правда!.. Достань, Гази, мой деревянный ящик для трав!

— Вот он, — сказал Гази, подавая ящик.

— Прячу камень с сумкой в ящик, — отчетливо проговорил Багир, точно убеждая кого-то.

— Фу, ты, пропасть! — изумился Атамас. — Свет все тот же... И не видно самого ящика!

Все стояли растерянные посреди балагана.

Багир надумал еще опыт.

— Атамас, давай свою железную табачницу! — произнес он.

Атамас нерешительно ответил:

— Ох, не испортилась бы она!?!.. Дорогой подарок жены.

— Что значит твоя коробка перед таким чудом света?.. Давай ее!

Атамас медлительно обшарил место под нарой, достал коробку и протянул ее Багиру.

Водя в воздухе рукой, как слепец, Багир вышиб коробку из рук Атамаса. Отыскав ее, он сунул туда камень и захлопнул крышку...

Никакой перемены! Словно светился самый воздух!

— Гм... Вот хитрая загадка! — недоуменно сказал Багир.

Атамас уже устал. Прилег на нару. Закрыв глаза: но свет не исчезал в них. Было тягостно,

как при бессоннице.

— Погибнем мы в этом свете! — отчаянно воскликнул он, поднявшись с нары. — Я ничего кругом не вижу!

— Имей, милый друг, терпение, — спокойно проговорил Багир и, подумав, добавил: — Закопаем коробку под очагом... Там, кстати, куча сухой золы.

Гази выкопал в полметра глубины ямку и обсыпал ее золой. Туда поставили коробку, покрыли слоем золы, а сверху забросали землей. Но свет из земли сквозил так же, как из расщелины, только освещенное пространство было обширнее.

Долго всем не спалось в эту ночь: мешал свет в раздраженных глазах.

V.

Утром Атамас ушел со скотом, а Багир и Гази принялись за вчерашнюю находку.

Пожелтевшую ломкую коробку вытащили из ямы без камня. Он провалился в образовавшееся в дне отверстие и лежал на золе.

— Прав был Атамас, боясь за свою коробку, — с сожалением заметил Багир.

Стали рассматривать камень. Он был почти круглый, с отчетливой мелкой огранкой, черный, и по поверхности напоминал антрацит. Света не испускал.

Рыхлый, землистый обломок, добытый Багиром во время первых поисков, оказался той же породы, куски которой были захвачены вчера. В эту породу и был замурован черный самосветный камень. Багир предположил, что под влиянием света „черного камня“, как назвал находку Гази, эта основная порода и разрыхлилась, стала разрушаться.

Гази интересовал вопрос о дальнейших исследованиях расщелины, и он спросил:

— Есть ли там еще такие камни?

— Этот вопрос занимает и меня, отвечал Багир.— Одного камня нам мало. Для наблюдений и опытов камень понадобится раздробить... А что, если тогда в нем и вся сила исчезнет?!.. Камень придется, может быть, подвергнуть влиянию огня. И тут опасно: мы рискуем его потерять...

— По ночам будем следить за расщелиной, — сказал Гази.

Тащи котел в темный балаган!

— Непременно... Уж если начали дело, так доведем его до конца.

— Откуда мог появиться такой чудный камень? — спросил Гази.

Багир пожал плечами и ответил:

— Сейчас это для меня загадка... Каким-то случаем он занесен сюда и неизвестно откуда... Думаю, что мы это узнаем... Будем изучать камень... Испытаем-ка его водой!.. Тащи котел с горячей водой в темный балаган!

Дверь прикрыли наглухо. Багир стал держать камень над паром. Медленно появился от камня мерцающий белый свет.

— Ага, камень светится во влаге, — заключил Багир. — А что станет, если мы его бросим в воду?

Гази вынес котел на дневной свет и опустил в воду камень. Дно котла было видно, но камень исчез из виду. Гази очень испугался.

— Не беспокойся, — утешил его Багир. — Камень светится, оттого и не видно его... Неси котел в темный угол.

Исполнив это, Гази радостно воскликнул:

— Ах, светится, точно Венера в небе!

Багиру захотелось узнать действие света камня на металл, содержащийся в соли.

— А посоли-ка воду погуще, — предложил он.

В посоленной воде звезда осталась серебристой, а вокруг нее вся вода озарилась ярко-желтым сиянием; но скоро сияние исчезло. Багир попробовал на вкус воду: она совсем опреснилась. Из этого он заключил, что металл (натрий) соли распался от света камня.

— Есть у тебя медная монета? — спросил Багир. — Есть? Давай ее сюда!.. Посмотрим, что сделает камень с медью.

Подойдя, спустя немного, к котлу, оба исследователя были очень удивлены: вода в котле исчезла, и камень потух. Под камнем образовалась дыра.

— Камень испортил котел! — воскликнул Гази. — Вот будет нам от отца!

— Дело дрянь, — смеясь, согласился Багир.

Этот случай привел его к заключению, что камень быстро уничтожает металл лишь в месте прикосновения к камню.

— Попробуем использовать горшок, — посоветовал Багир.

— Да ведь, и горшок станет негодным!.. В чем тогда кашу варить?..

— Ну, мой милый, надо же в чем-нибудь испытания делать... Пускай станет негодным! Добудем новый. Пока у меня есть пара котелков на замену.

Налили в горшок воды, бросили на дно камень и на камень положили монету. Камень во тьме светился так, как будто монеты на нем не было: свет легко проходил сквозь нее. Через несколько минут стали искать монету, — и ее не оказалось: она, по выражению Гази, „растаяла“.

— Погибла моя последняя деньга! — беспечно прозвучал его голос.

— О, мой друг, сейчас мы с малыми потерями делаем громадные приобретения! — утешил его Багир и прибавил: — Горшок пока цел... Любопытно, что сделает камень с серой.

Он достал из дорожного чемоданчика кусок серы и положил его на камень. Горшок опять перенесли в темное место. Удивительная открылась картина! Вокруг блестящей звезды появилось чудесное золотистое сияние. Багир был в восторге.

Гази молча прильнул глазами к горшку, не в силах выразить своей радости.

Появилось чудесное золотистое сияние.

Через короткое время сияние исчезло. Не осталось ничего и от серы. Воду вылили. Багир схватил горшок и начал сосредоточенно осматривать его внутри — и простыми глазами, и через лупу. Потом хлопнул Гази по плечу и произнес:

— Друг мой, мы сделали невероятное открытие!.. Мы получили чистое золото в горшке!.. Правда, пока его так мало, что еле соберешь крупинку. Но оно есть, есть! Оно осело на стенках горшка!

Гази осмотрел и сказал, что, действительно, на стенках замечен золотистый налет.

Багир вновь начал исследовать горшок. Захотелось узнать толщину налета. Достав нож, он стал скоблить стенку. Но тут случилось несчастье: горшок в руках Багира мгновенно рассыпался в песок.

Багир испугался и не мог произнести ни слова.

Гази всплеснул руками и вскрикнул:

— Так я и знал! В чем будем варить кашу?

Опомнившись от испуга, Багир задумчиво покачал головой, хотя и ожидал этого: металл алюминий, содержащийся в глине, исчез под действием света камня, — и глины не стало.

Улыбнувшись, он погрозил пальцем и сказал:

— Молчи!.. Используй мой котелок для каши... Скоро таких горшков сможем закупить целые горы.

VI.

Радостно протекало время в долине. Стояли прекрасные солнечные дни. Настроение у всех было повышенное. Казалось, вся живописная природа кругом приобрела оттенок особенной прелести и новизны. Невольно хотелось восхищаться всем окружающим.

Атамас заметил, что даже овцы своей подвижностью, легкостью и игривостью стали совсем походить на козлят.

Все такие явления Багир приписывал влиянию волшебного света.

С черным камнем проделали еще много разных опытов. Эти опыты убедили Багира, что от действия света камня металлы распадаются. Железная табачница Атамаса за ночь точно вся проржавела. Дерево тоже не выносило этого света. Ящик, в котором камень пролежал несколько минут, стал трухлявым, очевидно, от потери углерода. Начала рваться, как тряпка, и кожаная сумка.

Стали обдумывать, из какого же материала сделать надежное помещение для камня, какое вещество свет камня не разрушает? Отыскивая такое вещество, Багир натолкнулся на интересные явления. На живую ткань

свет камня действует очень благотворно, как сильный и здоровый возбудитель. Ткань живого растения под действием этого света начинает поразительно быстро расти; цветы приобретают более яркую окраску, листья и стебли — большую сочность. Очевидно, камень излучает свет непрерывно, но в сухом воздухе он невидим.

Перенесли чашку к источнику.

Багир, наконец, заметил, что кварцевый песок — самый надежный материал. «Тут нет углерода», — подумал он. Это навело его на мысль сделать сосуд из серого мелкозернистого песчаника, кстати, в окрестности его было много. С большим трудом выдолбили в крупном обломке поместительную ямку, положили в нее камень, налили воды и стали опускать в воду куски серы.

— Серы больше нет, — заявил Атамас. — Осталось два кусочка, но я их не дам: нечем овец лечить.

— И не давай! — рассмеявшись, ответил Багир. — Горячий источник знаешь? Ну, а в его воде серы хоть отбавляй!

— Да что ты говоришь?!

— Ну, конечно... Это серный источник... Мы прямо горячую воду будем лить на камень и ничего больше... Работа пойдет своим чередом!..

Атамас развел руками и проговорил:

— Диковина!.. Из камня — свет, из воды — сера, из серы — золото!

— Подожди, не то еще узнаешь, — подзадоривал его Багир. — Золото — диво небольшое. Подивишься потом не так еще!

Перенесли на носилках чашку к источнику и поставили ее несколько ниже источника, под струей, падавшей по уклону воды.

— Теперь вода сама будет наливаться и отливаться, сказал Багир. — Наше дело только посматривать, много ли на стенках осядет золота...

— Как все это выходит просто, — вскользь заметил Гази, опуская в чашку камень.

— Нужна только очень маленькая догадка, — прибавил Багир.

Атамас лишь подозрительно покачивал головой. Потом, улыбаясь, произнес:

— А что, если это просто краска или медь?

— Вперед не могу тебе сказать, — отвечал спокойно Багир. — Вот снимем слой, увидишь сам.

— Да ведь так из золота хоть одежду шей! — весело воскликнул Атамас.

— Вот то-то и есть!..

Но Багира увлекало не только золото. Его очень занимал свет камня.

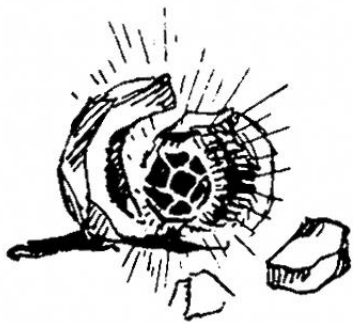
В сухую ясную ночь он проделал такой опыт. Зажал в руке камень и обернул эту руку по локоть мокрой тканью. Вначале обернутая часть руки казалась бледно освещенной, но потом свечение прекратилось. Опыт производился в темном балагане. Когда зажгли свечу, Гази воскликнул:

— Багир, где твоя рука? Я не вижу ее.

Не видел ее и Атамас. Но сам Багир ясно ее различал.

Однако, через короткое время рука стала видимой и для других.

Этот опыт подтвердил Багиру ранее уже сделанные им наблюдения: свет камня делает для других невидимой и ту часть тела испытателя, которая только что подверглась действию света камня. Такой вывод натолкнул Багира на мысль: «нельзя ли под вли-

Черный камень.

янием света камня стать человеку незримым для окружающих и, притом, на какой угодно срок? Ведь этот свет пронизывает насквозь живую ткань. И если он становится невидимым при свете дня или в сухом воздухе, — не способен ли он сделать то же и с телом человека? И как этого достичь на продолжительное время, как закрепить невидимость?».

Задавшись подобной мыслью, Багир начал доискиваться ответа, на нее. Возникла надобность в дроблении камня. Но потратить на такую операцию единственный экземпляр было жаль. Решили еще поискать подобных камней.

VII.

В ближайшую туманную ночь Багир со своими друзьями вновь отправился к расселине. Над нею по-прежнему возвышался будто столб лунного света. Но все заметили, что он был меньших размеров, чем раньше.

Спустившись вниз, Багир стал высматривать светящиеся точки. Их не было видно. Свет сквозил рассеянно изнутри породы. Багир начал дробить ее. Это было неудобно и тяжело. Почувствовав, что силы начинают падать и наступает головокружение, он крикнул, чтоб его подняли.

После отдыха на чистом воздухе, он опять продолжал работу. Толщина породы достигала, четверти метра. Багир углубился в породу уже на полметра, но результатов пока не обнаруживалось. А дышать было трудно. Пришлось сделать вторую передышку наверху.

— Заморишься ты, бедняга, — жалостливо произнес Атамас, осматривая в разных местах веревки.

— Без второго камня не уйду отсюда, — решительно ответил Багир.

Отдышавшись, он спустился вниз.

Рыхлая порода легко поддавалась дроблению. После одного из ударов Багир был неожиданно ослеплен ярко вспыхнувшим светом. В осколке породы сверкнула звездочка. Багир поспешно нащупал этот осколок, попутно сгреб в мешок еще несколько кусков породы и дал знак поднять его.

Рассматривая на другой день обломок породы с камнем, Багир заметил, что камень заключен в оболочку из серого тусклого вещества. Эта оболочка и не пропускала световых лучей камня. От удара долотом она треснула, и сквозь трещину брызнул свет.

Камень осторожно извлекли из его рубашки; в ней он сидел, как ядро в ореховой скорлупе. Новый камень, очень похожий на первый, был вдвое меньше, но своими свойствами, по-видимому, не отличался от первого. Раскалывая прочие обломки породы, наткнулись еще на камень в такой же оболочке, но меньшего размера. Толщина оболочки была около полусантиметра.

— Ну, Гази, теперь только остается работать и работать, — потирая от удовольствия руки, проговорил Багир. — С тремя камнями мы достигнем всего, что нам нужно.

— Давай раздробим камень с расколотой рубашкой!.. Хочется посмотреть, что внутри камня, — предложил Гази.

С предосторожностями положили камень на песчаниковую плиту и стали ударять по нему куском песчаника.

Камень был тверд и не сразу поддался ударам. Вдруг от одного из ударов он рассыпался в мелкий черный порошок.

— Как это непонятно! — пожимая плечами, произнес Багир и стал сгребать в кучку мучнистый остаток камня.

— Подожди, он, кажется, шевелится! — остановил Гази, внимательно всматривавшийся в порошок.

— Что шевелится?.. Порошок? — удивленно спросил Багир.

— Да, да, пылинки шевелятся... Смотри!

Багир начал присматриваться и тоже заметил, что среди пылинок, как под влиянием магнита, происходит движение. Казалось, перемешанные пылинки стремятся разместиться в определенном порядке.

— А-а, это любопытно!.. Но что бы это значило? — недоумевая, сказал он. — Посмотрим, что будет дальше.

Располагаясь в каком-то порядке, пылинки постепенно заволакивались словно туманом, исчезали, их становилось не видно, но на ощупь они остались на месте.

— А секрет как будто и открылся, — проговорил Багир. — Мне кажется, пылинки двигались от их магнитности и от излучаемого ими во все стороны света... Лучи света толкали их. Теперь эти лучи приняли, очевидно, одно общее направление, стали, может быть, параллельными. Снопы этих лучей, вероятно, оказались столь густыми, что лучам солнца не нашлось среди них места. А может быть, лучами камня поражены лучи солнца. Оттого пылинки погрузились во мрак. Мы их и не видим. Но они тут... Что будет, если я возьму щепоточку этой пыли и натру ею свой нос?

Багир проделал это.

Гази, смотря на него, расхохотался.

— Ты чему смеешься? — спросил Багир.

— У тебя не стало носа!

— Да?.. Ты его совсем не видишь?

— Не вижу!.. На месте носа пусто, какая-то светлая точка... Ой, как смешно!

Багир в восторге поднял руки кверху и воскликнул:
— Эге, вот и добились!.. Нос-невидимка! Так, Гази?
— Так!.. Ха, ха, ха!
— Но... злоупотреблять не будем, чтобы и совсем не потерять носа... Дай-ка воды.

Где же твой нос?

Багир начал смывать с носа пыль. Но этим не достиг ничего.

Гази покатывался со смеху.

Багир сел на камень и задумался.

В это время подошел Атамас и с недоумением посмотрел на Багира.

— А твой нос?.. — в ужасе воскликнул он. — Я не узнал тебя!.. Где же твой нос?

— Мы доискались невероятного, невозможного, Атамас, — проговорил с расстановкой Багир. — Нос цел, но ты его не видишь... И подумай только!.. Натрись порошком камня, и тебя не будет видно... Да, да... Вот я сейчас натер свой нос, и его ты не видишь. Натри все

лицо, — и его не будет видно. Можно сделать, — всего тела, не будет видно... Ой, какой изумительный фокус!.. Только вот как вернуть снова видимость? — закончил Багир, касаясь рукой своего носа.

Атамас стоял, очень удивленный.

— Страшно даже подумать, — робко произнес он.

— Пойдем в темный балаган. Не засветится ли там мой нос?

Все вошли в балаган и плотно прикрыли дверь. Нос не светился. Багир смочил его водой, но света не появилось. Зажгли свечу, а носа все-таки было не видно.

Зажгли свечу, — носа не видно.

— Важно, сказал Багир. — Значит, можно стать невидимым и при ночном освещении... Но как же вернуться в видимый мир?

Попробовали нос намылить. Но и мыльная вода не помогла.

Багир был озадачен.

— Вот, что сделаю, — сказал он после короткого раздумья: — наскоблю оболочки камня, и этим порошком натру нос...

Ведь оболочка не пропускает света. Значит, она должна прояснить мой нос.

Гази не мог удержаться от смеха, а Атамас боялся взглянуть в лицо своего друга.

Догадка Багира оказалась удачной. Натертый порошком каменной оболочки нос сразу стал видим. Но он был черный, как в саже, и это еще более рассмешило Гази.

Смешно стало и Атамасу.

Опять пустили в ход мыло, после чего нос принял надлежащий вид.

— Изобретен, значит, способ воскресения, — весело произнес Багир и добавил: — Удивительно! Мы прямо тонем в новых и новых открытиях... Вот шапка-невидимка и есть!.. Чудо из чудес!..

— Багир, ты великий человек, — покачивая головой, сказал Атамас.

— Э, мой друг, великого еще в этом нет: открытия сами льнут к нам, как мухи к меду!.. Ты будешь богат, — обратился он к Гази. — Но довольны ли с тебя этого?

Был жаркий полдень. Все трое сидели в тени у балагана. Гази задумался...

— Хочу все узнать, все изведать. Но жизнь так коротка. Поможет ли в этом мне богатство? Нельзя ли светом камня удлинить жизнь? — настойчиво допытывался Гази.

— Я думаю, что можно... Старость наступает от того, что кровь начинает плохо промывать тело. Разные части и органы тела засоряются ненужными веществами, например, известью, и становятся малодетельными, неспособными к работе. От этого кожа сморщивается, человек сгорбливается... Вот эти негодные вещества надо как-нибудь выгонять... Так, известь — составная часть твердых костей, а не мягких тканей. От извести ткани твердеют. Потому надо ее своевременно удалять из тела. Каким способом...

Мы уже знаем, что свет камня разрушает металлы. В состав извести входит металл кальций. Если его от извести отнять, извести не будет: клеточки мягких тканей начнут работать, как следует. Тело омолодится. Старость придет много позже, когда сердце уже устанет работать.

— А если свет камня уничтожит известь и в костях?
— задал вопрос Гази.

— О, тогда гибель, размягчение костей... Но этого не будет. Наблюдения нам показали, что живую ткань свет камня не разрушает, может быть, потому, что она находится в цепи непрерывного движения, которое называется процессом обмена веществ. А отложившаяся в клеточках мягких тканей известь — вещество мертвое, неподвижное, как заноза под кожей. Вот почему свет камня эту известь уничтожит, а живой клетке вреда не причинит.

Вытянувшись на мягкой траве, Атамас внимательно слушал речи своего друга. Возможность отодвинуть старость его развеселила. Лицо засветилось добродушной улыбкой.

— А мы бы с тобой, Багир, не прочь помолодеть, — произнес он.

— Еще бы!.. Горечь старости — не перец во щак.

— Что же для этого надо сделать?

Багир уверенно мотнул головой и ответил:

— Добьемся... Мы уже начинаем омолаживаться. Это заметно по всем нашим движениям. Камень действует на нас просто своей близостью к нам. И чем это действие непрерывнее, упорнее, тем, конечно, быстрее должны совершаться в нашем теле соответственные перемены. А на, дальнейшие, специальные приемы укажут нам время и опыты... Тут мы новички, придется идти ощупью.

VIII.

Золото в песчаниковой чашке накоплялось. Со стенок чашки Багир легко снял первый пласт толщиной в бумажный лист.

Долго все любовались видом этой тонкой золотой чаши.

— Вот что меня удивляет, — сказал Багир, рассматривая чашу: — наблюдения нам показали, что свет камня разрушает металлы. А тут мы видим обратное: под влиянием света камня создается металл.

— Знаешь, это почему, — заметил Гази: — свет камня разрушает уже готовый металл; так у нас было с монетой, с железной коробкой... Здесь же готового металла нет. Свет камня занят работой уничтожения серы. И если серную воду заменить простой водой, — свет камня уничтожит и эту золотую чашу.

— Да. Твое соображение убедительно, — согласился Багир. — В таком случае, успех в добыче золота зависит от нашего внимания: при недосмотре мы можем накопленное золото легко потерять.

— Как это может случиться

— А вот как... Тебе известно, что от моих серебряных часов в кармане осталась одна пыль... Значит, свет камня разрушает металлы и на значительном расстоянии от них, на метр, а может, и много больше, и разрушает быстро... Потому золотой подарок камня торопись спрятать в надежное место.

— Какое опасное дело и какой удивительный камень! — задумчиво произнес Атамас.

Багир сказал на это ему с мягкой улыбкой:

— Давно, как-то, ты погонял меня словами: чем опаснее зверь, тем интересней на него охота... Помнишь?

— Помню, помню!

— Ну, вот... Черный камень — опасный зверь, а я — горячий охотник.

IX.

Несколько раз еще Багир спускался в расселину за черным камнем. Свет из нее по туманным ночам перестал появляться, — вероятно, оставшиеся в породе камни были замурованы в непроницаемые оболочки; а, может быть, их и совсем не осталось: сама основная порода занимала очень небольшое пространство.

Всего успели достать десять камней.

После одного большого ливня, с соседней горы хлынул водяной поток и залил расселину почти доверху. Потом часть воды из нее растеклась, но порода с черным камнем осталась под водою.

Гази перепрыгивал через широкие щели.

— Пришел конец нашим исканиям камня, — сказал Багир, осматривая с Гази залитую и замытую илом расселину.

— Что ж, найденного с нас довольно, — отвечал Гази.

— Хватит... Мы не напрасно спешили обследовать всю породу... Теперь смело можно проделать опыт — стать невидимкой. Несколько камней пустим на добычу золота... И сумеем разгадать еще не одну загадку жизни. Черный камень откроет нам двери ко многим тайнам земли.

Они шли вдоль ветвистой расселины. Гази, опираясь на длинную палку, с привычной легкостью перепрыгивал через широкие боковые щели. Не отставал от него и Багир, обнаруживавший в своих движениях почти юношескую свежесть. Одолев трудный путь, поднялись в гору, чтобы полюбоваться сверху прекрасным видом на долину.

— Когда я смотрю на эти нагромождения гор над нашей долиной, мне иногда становится жутко, — проговорил Гази. — Такой я маленький, такой ничтожный перед горными великанами... А иногда я горд и радостен, что живу и чувствую в себе силу, что могу встать на головы этих мертвых великанов, могу взорвать и уничтожить их. И тогда я думаю: ведь, и я, и они — из одного вещества; но я живу, а они мертвы... Откуда же во мне жизнь? Откуда, она взялась на, земле?.. С твоих слов я это знаю. Но мне этого мало. Хочется прикоснуться к корням жизни, увидеть собственными глазами ее начало... Осветит ли нам эту тайну черный камень?

— Я в том не сомневаюсь. Мы и в нее проникнем, — отвечал Багир. — Испытаем влияние света камня на развитие яичек насекомого, например, бабочки... Ведь, все живое — из яйца. И будем вперед делать опыты с

яйцом... Интересно проследить и прорастание семян под действием нашего света. С растениями такие опыты очень легко производить... Этот путь может привести нас к преобразованию живого. Когда этого добьемся, — будем доискиваться уже образования живого вещества.

— О, я с радостью займусь этими опытами! — воскликнул Гази.

— Ну, вот... Сейчас для таких опытов самое благоприятное время. Только наблюдай, испытывай, записывай.

Выясняя подробности предстоящих работ, они вернулись домой.

Гази с большим увлечением принялся за дело. Неутомимо собирал яички насекомых, семена растений, размещал их вокруг черного камня и внимательно следил за их развитием.

На этих опытах оба пламенных исследователя убедились, какая могучая сила таится в свете камня. Развитие полного насекомого из яйца протекало столь быстро, что стадии гусеницы и куколки, вместо нескольких месяцев, длились несколько дней. Хлебные растения могут дать, по расчетам Багира, обильный урожай через каких-нибудь две-три недели, причем действие света камня распространяется по радиусу на десятки метров. Свет камня обнаружил способность изменять самые формы жизни. Это показал такой случай.

Гази ходил на равнину и принес из селения несколько куриных яиц. Их положили в углу балагана. На следующий день готовились из них состряпать завтрак. Когда же пошли утром за яйцами, на месте их увидели вылупившихся цыплят. Испуганные цыплята с писком вспорхнули, устремились в открытую дверь и

улетели... Причина скоро выяснилась. Накануне за стеной балагана Гази проделывал опыты с камнем. Сквозь стену яйца подверглись световому влиянию камня, и в них быстро развился зародыш.

Цыплята с пискom вспорхнули.

— Цыпленок... и с настоящими птичьими крыльями! — воскликнул озадаченный Багир. — Что-то невозможное!.. Теперь разведутся в горах дикие летающие куры, — обратился он к Гази. — Поохотимся, значит, и на них...

Этот случай лишний раз показал, что невидимые лучи камня не знают себе преград.

— Вот и пример преобразования жизни, — заметил Гази, внимательно ощупывая серую пыль, в которую обратилась скорлупа после улетевших цыплят.

— О, да... и удивительный пример! — подтвердил Багир. — Он показывает, что в лучах света нашего камня жизнь совершенствуется: от курицы, с негодными для летания крыльями, появились дети, прекрасно летающие... Этот пример многому нас научит...

А теперь сделаем вот что: орлиное гнездо на Красной скале знаешь?

— Знаю.

— Чтобы пробраться к нему, надо быть цепким, как ящерица, и смелым, как голодный волк.

Гази, улыбаясь, сказал:

— Я тебя понимаю... Я готов.

— Прекрасно... Достань орлиное яйцо... Потом пару яиц черепахи: одно подвергнем свету камня, другое вольем в яйцо орла так, чтоб зародыши соприкоснулись, и тоже поместим в лучи света... На этом опыте еще раз надо убедиться в преобразовательной способности таинственного света.

Гази отыскал нужные яйца и сделал с ними все по указаниям Багира.

Выводки получились очень странные.

Из яйца черепахи вышла черепаха, покрытая, вместо панциря, чешуей, и быстро бегающая. По недосмотру, она вскоре бесследно исчезла. Из пары смешанных яиц развился уродливый двойник: существо с двумя головами, черепашей и орлиной, с крыльями, с шестью ногами в разных местах тела; передняя часть тела была покрыта перьями, а задняя — роговой чешуей; короткий хвост был из перьев.

Этот орел-черепаха несколько дней прожорливо питался травой и, собравшись с силами, сделал попытку улететь. Его не пустили и стали держать на привязи. Очень скоро он достиг крупных размеров и легко приручился. Когда убедились, что он привык к дому, его освободили от привязи. Сильными взмахами крыльев он быстро поднимался ввысь, взлетал на соседние скалы и возвращался неизменно с зеленой веткой в орлином клюве и с живой ящерицей в черепашьем рту. Он очень привык к людям, отличался большой смыш-

леностью и потешал всех своей обидчивостью, когда на него не обращали внимания.

Уродливый двойник.

Все были рады присутствию этого неожиданного гостя. Он оказался незаменимым помощником в хо-

зайстве: понятливым, исполнительным, неусыпно-заботливым и преданным до самопожертвования.

Следя за движениями орла-черепахи, Багир с удивлением говорил:

— Какой чистый кристалл того, что в человеке называют „душой“!.. Черный камень — чудо-камень!..

Х.

Исследователи на опытах убедились, что свет камня омолаживает ткани, заживляет раны, быстро освобождает от утомления, усиливает деятельность всех органов чувств. Багир приписывал камню могучую силу при лечении всяких болезней.

— Как мало мне надо теперь, чтобы стать знаменитым врачом! — мечтательно проговорил Багир.

Всматриваясь в его лицо, Гази заметил:

— Ты очень помолодел за последнее время.

— Я и сам чувствую это, — радостно согласился Багир. — Прилив сил во мне необычайный... Читаю, пишу без очков; это нечто небывалое!.. Телу легко. Кажется, так бы и полетел.

— А меня часто без причины клонит к смеху. Камень меня веселит, как вино, — признался Атамас.

Багир пристально взглянул на него.

— Ты, мой друг, помолодел лет на двадцать, от того тебя и разбирает веселье жизни... Для омоложения, значит, и особых приемов не надо: будь чаще вблизи камня, и все...

— А я, Багир? — спросил Гази.

— Ты возмужал. Ты очень быстро растешь. Каждый день я вижу тебя все новым и новым человеком. По уму, по развитости словно тебе не пятнадцать лет, а двадцать пять.

— Иногда и меня охватывает порыв подняться ввысь, как орел. Тела не чувствуешь, так легко, легко.

— Вот она, наша всемогущая сила, — сказал Багир, разжав кулак и протянув ладонь с камнем.

Багир протянул ладонь с камнем.

Гази кинул внимательный взгляд на камень и порывисто воскликнул:

— Смотри, камень изменился, стал прозрачным!

Багир живо начал вертеть и рассматривать со всех сторон камень.

— Да, да, что бы это значило? — с изумлением произнес он. — Камень просвечивает... Внутри его какое-то ядро, вроде горошины.

— Каким он был, когда ты вынул его из оболочки? — спросил Гази.

— Таким, как и прочие. Черный, непрозрачный,

— А этот шарик-сердце внутри соблазняет меня... Разобьем камень!

Багир долго вертел камень в руках.

— Да,— сказал он, — непременно надо узнать, что значит это ядро.

Чтобы не повредить ядра, стали дробить камень с большой осторожностью: слегка ударяли по его при-
тупленным углам. После удачного удара камень рас-
сыпался, как и в первом опыте. Посреди черного по-
рошка лежала сероватая горошинка. Багир поспешно
откатил ее в сторону, чтобы не потерять из виду. По-
рошок скоро стал невидим. Стали рас-сматривать ядро.

— Оно теплое и мягкое! — не своим голосом произ-
нес Багир. — Оно живое!.. Живое яичко!

Убедились в том же и Гази, и Атамас.

— Не станем сразу подвергать его влиянию воздуха,
— посоветовал Багир. — Пока засыплем порошком.

Нащупали порошок, положили в него яичко и кру-
гом обсыпали его.

Крайнее смущение Багира передалось другим. Все
молчали. Гази первый пришел в себя.

— Что это значит? — тихо спросил он. — Откуда в
камне появилось живое яйцо?

— Мне кажется, это — чрезвычайное событие, — так
же тихо ответил Багир.

— Почему ты смущен и тихо говоришь? — заметил
оправившийся уже Гази.

— Мы прикоснулись к бесконечному. Как это по-
нять?

Все сели поодаль от песчаника, где лежало яичко.

— А вот как, — неровным голосом начал Багир.—
Мне становится ясным появление в земле этих кам-
ней... Неизвестно когда упала с неба большая камен-
ная глыба, обломок какой-то планеты или еще более
отдаленного небесного тела. В этой глыбе и были за-
мурованы наши камни... А там, — Багир сделал много-
значительный жест пальцем кверху, — в одном из та-
ких камней каким-то образом замуровалось живое
яичко... Ты вдумайся только: черный камень принес на

землю жизнь из бесконечного мирового пространства!.. Какая там жизнь, мы не знаем, но вот перед нами зачаток ее...

— Жутко и подумать об этом, — покачивая головой, произнес Атамас.

— А я и не знаю, как рад этому! — воскликнул Гази.— Какое живое существо выйдет из этого небесного яичка?.. Растение, животное, человек или что-нибудь другое?

— Пока это уму непостижимо, — сказал Багир. — Ни на одну минуту нельзя выпускать яичка из внимания. Станем следить поочередно.

В молчании подошли к песчаниковой плите. Хотя яичко и было засыпано порошком камня, все же его можно было различить. Отчего-то свет камня его не скрывал.

Через три дня яичко достигло размера желудя.

Еще через день оболочка его разорвалась, и появился на свет розоватый гладкий, блестящий шарик. В несколько дней он вырос до величины среднего грецкого ореха. Затем в разных частях тельца шарика стали вытягиваться такие же розоватые нежные хоботки.

Все наблюдали этот процесс роста с разными чувствами: Гази с восторгом, Багир с непонятным замиранием сердца, а Атамас со страхом.

— Меня удивляет эта прочность жизни, — сказал как-то Гази.— Ведь очень долго она должна была храниться в черном камне.

Багир на это ответил:

— Нам неизвестно, долго ли там хранилась жизнь. Каменная глыба с черными камнями могла упасть на землю или в незапамятные времена, или совсем недавно. Этой глыбе ничего не стоило при падении уйти метров на двадцать вглубь земли.

— А по-моему, — продолжал Гази, — можно думать и иначе... Отчего бы не могла в черном камне и самостоятельно зародиться жизнь?.. Ты этот камень долго держал в руке. Не мог ли он твою живую силу преобразовать в зародыш новой жизни?

Багир задумался над этими словами.

— Может быть, и так, — сказал он. — Но твою мысль не трудно проверить. Я буду носить другой камень в руке. Посмотрим, что из этого выйдет.

— На этот раз может и ничего не выйти, — возразил Гази. — Ты как-то сам сказал, что иногда от малейших причин происходят величайшие следствия.

Лицо Багира засветилось радостью.

— О, ты прав, мой милый! — ответил он. — Ты начинаешь учить своего учителя... В таком случае, могу только одно сказать: зародыш жизни либо занесен к нам черным камнем из другого небесного мира, либо появился в камне от меня или от всех нас троих... И то, и другое сейчас просто поражает меня. Невероятно, но факт!..

Оба говорившие, сидя, наблюдали за новоявленным живым существом. Вместе с песчаниковой плитой оно было перенесено под навес возле балагана.

— Что будет с ним дальше, как полагаешь? — спросил Гази.

— А вот мы видим: за двенадцать дней шар вырос в куриное яйцо. Кроме хоботков, пока ничего не появляется на его тельце. Может быть, он так и будет расти, не меняя вида шара, а только совершенствуя свои органы-хоботки. Но где предел его росту?..

— Заметил ли ты, что наш орел прямо не выносит этого нового гостя? Он готов заклевать, загрызть его, но боится подойти.

— Да, — ответил Багир. — Может быть, потому, что новое существо имеет странный вид... Но оно очень красиво... Только отчего оно мало двигается?

Багир опрокинулся на спину.

Багир осторожно приподнял его с плиты и положил на свою ладонь. Все хоботки быстро зашевелились, задрожали, и на концах их показались капли зеленоватой жидкости. Багир поспешно освободил руку от шара.

— Ты чего испугался?— спросил Гази,

— В руку чем-то больно кольнуло,— ответил тот, и начал стирать с ладони следы жидкости.

Не прошло и пяти минут, как Багир со стоном еле выговорил:

— Я отравлен!..

Гази схватил его за плечи, но удержать не мог. С искаженным лицом, с выкатившимися глазами, с судорожно согнутыми руками и ногами, Багир опрокинулся на спину. Его трясло, как в припадке падучей.

Язык высунулся. Из рта показалась пена. Все лицо побагровело.

Испуганный и растерявшийся Гази не знал, что предпринять. Мелькнула в уме мысль о черном камне. Он бросился к серному источнику, выхватил из чашки крупный камень, захватил в балагане еще другой и приложил их к омертвевшему теперь телу своего учителя, один — ко лбу, другой — к груди.

Подоспел на помощь и Атамас.

— Проклятое существо из чуждого мира! Его нужно сжечь, — жестко проговорил он, выслушав беглый рассказ Гази о случившемся.

Орел-черепаха беспокойно суетился тут же, издавал непонятные звуки и обращал свои четыре глаза то на больного, то на розоватый шар, лежавший неподвижно на плите.

Атамас приложил к лицу больного пучок целебных трав, изготовленный самим Багиром для лечения припадков. Холодеющие ноги и руки стали оттирать теми же травами. Хотя Гази был уверен, что если черный камень не окажет исцеляющего действия, то все другие средства бесполезны.

Спустя час, синева кожи больного начала проходить, но продолжала сильно вздуваться и чернеть отравленная ядом рука. В ладонь этой руки Гази вложил третий камень.

Посмотрели в лицо Багира. Страшно выпяченные из орбит глаза теперь пришли в нормальный вид и были полузакрыты. Закрылся и рот с несколько прикушенным языком. Опухоль опала.

— Черный камень делает свое дело, — шепотом произнес Гази.

— Но что будем делать с рукой? — так же тихо спросил в отчаянии Атамас.

— И тут вся надежда на камень, — спокойно ответил Гази.

Утреннее солнце уже перешло за полдень. В долгом томительном ожидании сидели возле больного его друзья...

Послышался глухой стон Багира. Он шевельнул больной рукой и вытянул согнутые в коленях ноги.

Потом приоткрыл мутные глаза и невнятно проговорил: — „Что со мной было?“ — Но глаза опять закрылись. Наступил сон.

Гази и Атамас успокоенно вздохнули.

— Иди. Он будет жив, — чуть слышно сказал Гази отцу.

Только к вечеру Багир проснулся. Опухоль и чернота зараженной руки совершенно исчезли. Больной чувствовал слабость, шум в голове, но смог принять сидячее положение. Несколько глотков воды постепенно освежили его. Силы начали быстро восстанавливаться.

— Какой страшный яд, какой яд! — произнес он, вспоминая свои испытания.

— Что ты чувствовал? — спросил Гази.

— Помню только начало... Шею сдавило, точно попал на виселицу... Потом как будто оборвался, и с мучительными ударами всего тела стал падать в бездну... Почувствовал жестокий удар в голову и потерял сознание.

— А сейчас?

Багир бодро и радостно поднялся на ноги.

— Смотрите!.. Я совсем здоров!

Он крепко пожал руки Гази и Атамасу.

XI.

— От этого злого чудовища надо как-нибудь избавиться, — сказал на следующий день Атамас, указывая на „рогатый шар“.

— Ни в каком случае! — решительно возразил Багир. — Ты воочию убедился, что его яд мы победили... Стихии бросили на землю жестокую, смертоносную силу, но заключили ее в чудотворный живительный камень.

— Посмотри, с какой ненавистью глядит на него орел! — сказал Атамас.

— Да, потому что он не знает о черном камне.

Багир подошел к орлу и начал гладить его. Тот ласково обнял своего товарища длинными шеями; потом испустил хрипящие звуки и, мотая головами, казалось, просил убрать ненавистного зверя.

Багир покачал головой, показал орлу-черепахе черный камень, затем указал пальцем на спокойно лежавший розовый шар и произнес:

— Стереги его. Он безопасен!..

Орел-черепаха с этих пор стал прекрасным сторожем. Он не спускал глаз с живого шара. Заметив малейшее движение хоботков, он тотчас издавал громкий крик. К этому крику скоро все применились и узнавали, что делается на плите под навесом.

— Какой переполох произойдет среди людей, если они узнают, что творится у нас! — проговорил Гази.

— О, да, — сказал Багир. — Люди будут с ума сходить в поисках черного камня. Для добычи золота, для исцеления от болезней, для воровства и всяких насилий люди бросятся его искать. Будут дрожать за каждый шаг своей жизни, ибо враг-невидимка везде подстережет, во все двери проникнет, все тайны услышит и

увидит, все разгласит... Во что тогда обратится эта до-
линка!.. Вот почему надо пока крепко молчать о нашей
находке.

— Не будь черного камня, не было бы и черных
мыслей у нас, — сказал Атамас с оттенком грусти.

Стереги его. Он опасен!...

Багир добродушно рассмеялся.

— Поздно, мой друг, пятиться раком, — обратился
он к Атамасу. — Черный камень есть, и с этим надо

считаться. Для науки он — величайшая находка. Если пустить в дело не грубые руки, а самые точные приборы и инструменты,— кто знает, не явится ли этот камень для нас вторым солнцем, сильнеешим, чем наше родное солнце, произведшее жизнь на земле?.. Ты уже знаешь, сколько мы сделали великих и полезных открытий. Ученые со временем все это точно определят и установят. Мы дадим им в руки небывалый козырь. Они его сумеют использовать на благо людей... Ты сам посуди; вот тебе пример: пшеницу сейчас засеял, а через три недели собираешь громадный урожай. Это ли не чудо из чудес земных!?

— Что говорить!.. Конечно, — согласился Атамас.

— Так не сетуй на то, что мы нашли черный камень... Это не пустая безделушка, а облегчение людского труда... А потом и освобождение людей от нелепых и ненужных предрассудков. Люди говорят, что святые творят чудеса. Ну, а какой святой сотворит такие чудеса, какие творит наш камень?..

ХII.

Долго в этом году Багир прогостил в горах. Больше двух месяцев. Пришла пора готовиться к отъезду. Стали об этом размышлять сообща. Багир приглашал обоих пастухов к себе в город. Там он жил одиноко, а теперь могли бы зажить все вместе и завести маленькое хозяйство. Гази пока будет учиться, а потом ему откроется просторный путь в жизни, — выбирай, что хочешь.

— Тяжело расставаться с родными горами, — говорил Атамас. — Камень меня омолодил, лет на тридцать.

Однако, Атамас согласился осенью поехать к Багиру.

Когда понемногу стали собираться к отъезду, Гази как-то обратился с вопросом к Багиру:

— А как мы поступим с рогатым шаром?

Багир развел беспомощно руками.

— Это трудная задача. Он все растет и растет. Приспособим для него ящик, клетку или горшок... Если он к отъезду не достигнет очень страшного вида. Иначе придется с ним печально расстаться.

— Убьешь!? — с испугом воскликнул Гази.

— Да. Но это только в крайнем случае, когда увидим, что он нам будет угрожать и что с ним нам не справиться... А все-таки надо испытать, действительно ли так опасно это странное существо... Что будет, если в клетку втолкнуть змею?

Поймали гадюку и осторожно всунули ее в клетку. Змея свернулась в кольцо и прижалась к стенкам. Ее, видимо, испугал рогатый шар. Но он оставался неподвижным. Спустя немного, она раскрыла рот, готовясь схватить один из хоботков рогатого шара. Но едва только она сделала попытку вытянуть шею, как в тот же миг голова ее порывисто откинулась назад; на минуту змея точно окаменела; потом все ее тело начало судорожно извиваться, и скоро пришел конец: змея застыла.

— Она убита! — произнес тихо Гази.

— Несомненно, — волнуясь, сказал Багир.

Все были очень испуганы таким явлением.

Рогатый шар, по обыкновению, оставался без движения.

— Где же у него глаза? — задался вопросом Гази.

— Может быть, на хоботках, а возможно, что он всем телом видит и слышит, — высказал свое соображение Багир.

С немалыми трудностями потом извлекли скрюченную змею из клетки.

Этот опыт убедил всех в необходимости скорее избавиться от рогатого шара.

Сделали большую корзину, обмазали глиной и накрыли ею клетку; под корзиной зажгли серу и замазали все отверстия, Багир рассчитывал, что сернистый газ умертвит рогатый шар.

Но такой опыт постигла неудача.

Рогатый шар после того стал чувствовать себя живее и изредка пошевеливал хоботками.

Опять накрыли клетку плотно оглиненной корзиной, и в небольшое отверстие сверху влили объемистый котел кипятку.

К обратным результатам привело и это. Горячая вода, очевидно, оказалась благоприятной росту шара: он заметно увеличился в объеме, и хоботки его удлинились.

Такое явление всех озадачило.

Багир в отчаянии решил пустить в ход ружье.

— Давно не стрелял... Не разучился ли? — проговорил он с оттенком шутки и, для пробы, прицелился в угол стены балагана.

Багир беспомощно опустил ружье.

Курок щелкнул, но выстрела не последовало. Вторично — тоже.

Багир остолбенел.

— Что это значит? — воскликнул Гази.

Багир беспомощно опустил ружье.

— Порох потерял свою силу!.. — сказал он.

— Но ружье и порох были надежно спрятаны! — возразил Атамас.

Подняли плиту над клеткой.

Багир только развел руками...

Наступило общее молчание. Прервал его Багир:

— Последнее средство осталось, — огонь.

— А если и огонь не поможет, то раздавим его, — сказал Атамас. — Принесем тяжелый камень, и с высоты бросим на рогатый шар.

— Да. Больше делать нечего, — согласился Багир.

Обложили клетку дровами и подожгли. Сухое дерево развило сильное пламя и высокий жар. Когда разгребли уже остывшие угли, рогатый шар в несколько помятой клетке представился в самом лучшем состоянии: все хоботки напряженно выпрямились и оживленно покачивались, точно смеялись над наивностью людей; цвет шара и хоботков из красного перешел в багровый.

— Ой, какие чудеса! — произнес упавшим голосом Багир. — Просто руки опускаются!

— Чем ты объясняешь это? — спросил Гази,

Багир пожал плечами и сказал:

— Или тем, что на своей далекой родине эти существа живут в огне, или же рогатый шар окружил себя газом, не пропускающим излишней жары.

— Пойдемте все за камнем, — предложил Гази.

Притащили плиту килограммов в семьдесят весом^{*)}, подняли ее, насколько хватало силы, над клеткой, и разом бросили ее...

Плита плотно прилегла к нижней плите. Не оставалось сомнения, что страшный зверь, наконец, расплюсчен в тонкий блин.

Выждали немного и начали медленно поднимать плиту. Гази заглянул под плиту и воскликнул:

— На нижней плите ничего не видно.

^{*)} Более 4-х пудов.

Плиту перевернули и положили на землю. Стали рассматривать. На верхней плите не было никакого следа. На нижней плите осталась придавленная к ней клетка и ничего больше.

— Где же остатки зверя? — недоумевая, проговорил Багир. — Неужели он целиком испарился?!

— А не мог ли он ускользнуть во время падения плиты? — спросил Гази.

— В один миг?.. Не может быть!

Перекопали палками золу и уголь вокруг плиты. Не нашли ничего.

— И как он успел вырваться? — угрюмо произнес Атамас.

Проволока клетки в одном месте была разорвана.

Отчего это произошло? Оттого ли, что она перегорела и от удара сломалась, или же была перекушена зверем? Значит, он выскочил?

По всем направлениям искали рогатый шар, но безуспешно: его нигде не оказалось.

ХІІІ.

Прошло несколько дней.

Среди разных дел и подготовки к отъезду о рогатом шаре почти не вспоминали.

Накануне дня отъезда вернулся из селения Гази с верховой лошастью для себя. Решили так: Гази отправится вместе с Багиром, а Атамас перейдет овцами на одну из соседних гор, в течение месяца передаст стадо другому пастуху, и потом приедет к Багиру.

За последним ужином перед отъездом Гази сказал:

— Отец, ты много лет провел со стадом в этой долине. С каким чувством ты ее покидаешь?

— Жаль с нею расстаться... У меня когда-то и песня сложилась: „Тут твои радости, немощь и сила; все твое тут: и жизнь; и могила“...

— Почему это место называется долиной Легкой Жизни? — задал вопрос Гази.

— Так прозвал ее мой отец, — сказал Атамас. — Здесь растут прекрасные и очень рано зацветающие травы; а еще потому, что здесь человеку очень легко дышать.

— А мы назовем ее долиной Черного Камня... Так, Багир?

— Да. Это самое подходящее название, — ответил в каком-то раздумье Багир.

Все за этот день устали: готовились с утра следующего дня покинуть долину Легкой Жизни. Поэтому после ужина сразу отправились спать.

.....

Через немного дней проходил этой долиною новый пастух. Он разыскивал Атамаса со стадом.

Подошел к пустому балагану, потом прошел дальше, к вышке и... ужаснулся. На вышке лежали рядом три скорченных трупа. Их руки и ноги были странно изогнуты — от жестокой борьбы или невыносимой боли. Страшные лица почернели.

Под вышкой, в траве, с распластанными крыльями валялся не то орел, не то громадная черепаха.

Перепуганный пастух бросился в сторону. На пути он наткнулся на два лошадиных трупа со вздернутыми кверху и словно выломленными ногами. Подбежал к загону. Там все стадо лежало мертвым. По головам и ногам овец было видно, что они умирали в мучительных корчах.

Объятый ужасом пастух пустился бежать обратно, в селение. Там он рассказал, что видел.

Жители подумали, что пастух с ума сошел. Однако, повелось следствие.

Приехал в долину доктор с местными властями.

Доктор внимательно осмотрел трупы людей и животных. По его мнению, смерть последовала от отравления ядом, совершенно неизвестным ему.

Среди вещей нашли дневник Багира. В нем были подробно описаны все опыты с черным камнем.

Соседние жители прозвали это место „Долиной Смерти“...

Проходил год за годом. Больше двух десятков лет минуло с тех пор. Молодежь успела постареть, а старые ушли совсем из жизни. Только у немногих сохранилась живая память о долине Страшной Смерти. Народ не посещал этой долины и по отдаленности ее, и по свежему преданию о непонятной смерти там людей и скота.

Но вот на тихую родину Атамаса приехали несколько ученых, исследователей горной природы. В задачу этой ученой экспедиции входило обследование как раз той части горного кряжа, среди которой приютилась тесная долина Смерти.

Незнакомые с краем ученые начали свое дело с опроса местных жителей.

И от них ученые слышали и загадочные рассказы о долине Смерти. Однако, отнеслись сперва недоверчиво к этому. „Темные, суеверные люди глухих мест всегда склонны преувеличивать непонятные их умам явления“. Так сначала подумали осторожные ученые. Но на этом не остановились.

Пересматривая старые дела и документы в местных общественных хранилищах, ученые натолкнулись на

материал по делу о загадочных смертях в долине Легкой Жизни. Нашли приложенный к делу дневник Багира и при нем план долины, где производились работы с черным камнем. Эта редкостная находка развернула перед учеными изумительную картину всего происшедшего здесь четверть века назад.

Спешно были оповещены о находке таких документов центральные ученые учреждения. Оттуда последовал ответ, во что бы то ни стало, произвести тщательные расследования и изыскания в долине.

С этих пор погруженную в безмятежный сон родину Атамаса затопила волна чрезвычайного оживления. То и дело стали наезжать сюда из центра страны разные ученые, начальство и другие люди, и всякого рода пешая и конная охрана. Невиданные машины, приборы и всевозможные приспособления везли в горную глушь, по тесным дорогам, по извилистым тропинкам, все — в долину Смерти. Значительная часть местного населения также была привлечена на земляные работы.

По всем направлениям застучали кирки и тяжелые молоты. Захрустела земля под лопатами. Всюду сновали люди и все пронизывали пытливым взором. Долго и с большими предосторожностями разыскивали местонахождение рогатого шара. Но поиски так и не увенчались успехом.

В этом выжидательном положении оставляем пока читателя и мы.

ЮРИЙ САНДОМИРСКИЙ

ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА

(БЕССИЛИЕ СИЛЬНЫХ)

1 и 2 выпуски

Сандомирский Ю. Грядущая война (Бессилие сильных): Роман /Художник не указан. — М.: Издание автора, 1926 [Вып. 1-2]. Публикация прервана. Сведения о выходе выпуска 3 и последующих отсутствуют.

Выпуск 1-й

Юр. САНДОМИРСКИЙ

ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА

(БЕССИЛИЕ СИЛЬНЫХ)

РОМАН

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Юр. САНДОМИРСКИЙ

ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА

(БЕССИЛИЕ СИЛЬНЫХ)

РОМАН

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Главлит 59493

Заказ 1780

Тираж 20000

«Интернациональная» (39) тип. Мосполиграф, Путинковский, 3.

ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА.

ЧАСТЬ I.

Бессилие сильных.

Европа — склад взрывчатых веществ, и много есть в Европе безумных людей, которые неизбежно разбрасывают повсюду горящие спички, — сказал в одной из своих речей вождь английской либеральной партии — Ллойд-Джордж.

Но не только Европа. И Азия тоже. И Африка. И Австралия. И Америка.

Нет. Америка — нет! Америка — это поджигатель. Это — злодейская рука, которая в нужный ей момент бросит роковой факел в исполинский костер, каковой представляет собою в настоящее время весь мир.

От Балтийского моря до Черного.

И от Карпат до Адриатики.

От Желтого моря до Каспия.

От Ливана до Суэца.

И от Суэца до Гибралтара.

Везде, везде костры и погребя пороховые...

ГЛАВА 1-я. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

еред закатом солнца океан отливает изумрудом. Но в час, когда солнце тонет в волнах, отлив изумруда мутится, превращаясь в отлив вороненой стали.

На волнах вороненой стали колыхалась яхта «Герцог Верийский», принадлежащая Астору, владельцу несметных богатств, одному из владык мира. Яхта отдыхала; в четыре часа она прошла 600 морских миль. Это был рекорд, установленный на состязании спортивных яхт, собранных со всех верфей мира, на состязании, за которым с неослабным вниманием следила вся мировая пресса. Овладев небывалым рекордом, самая быстроходная и самая белоснежная в мире яхта, — не зная, куда направить путь, точно в раздумье, лениво колыхалась на волнах вороненой стали.

Герцогиня Маргарита, дочь старого Астора, и герцог Альберт Верийский стояли на спардеке, молча вглядываясь в тускнеющую даль. В этой дали скрывались берега черного материка. У этих берегов будет разыграно невиданное зрелище, о котором молчаливо задумались владельцы яхты. Может быть, их яхта будет свидетелем этого зрелища.

— Смотри, как тревожно чернеет море, Маргарита, — сказал герцог. — Это великолепно. Но то, что мы увидим сейчас, великолепней всего, что мы видели; неожиданней, чем гейзер на льдах Исландии, эффектнее коралловых островов, там, далеко, у Огненной Земли, ужаснее тайфуна в Индийском океане.

Он посмотрел на часы, вделанные в ручку кресла. Мерный стук машин и плеск вала за кормой яхты по-

степенно заглушал странным ритмическим гулом, доносившимся откуда-то сверху.

Герцог Верийский подал бинокль своей жене. Она медленно и равнодушно поднесла его к глазам, но то, что она увидела, было настолько необычайно, что она уже не отрывалась от стекол бинокля. Весь полукруг горизонта, который открылся в стеклах бинокля, заpestрел рядом белых бурунов, на правильном расстоянии друг от друга. И с каждой секундой ослепительнее, четче возникали эти белые валы, и теперь уже ясно было, что эти валы поднимались от черных носов военных истребителей, которые рассекали воды океана. Они шли кильватерными колоннами, и невозможно было сосчитать эти рассыпанные по всему горизонту черные, продолговатые, стремительные, как натиск, металлические тела.

Это была эскадра электрических истребителей, которые шли упрямыми, правильными рядами по направлению к желтому материку. Их можно уже видеть невооруженным глазом. Они проходили мимо яхты, на которой с салютом взвился звездный флаг Соединенных Штатов.

И первая армия истребителей, отбрасывая ровный след бурунов позади себя, медленно скрылась в наступающем сумраке, оставив яхту позади себя. За этой армией, как свора крупных ищек, скользнула эскадра легких крейсеров.

Это были броневые ищейки, легковооруженные, быстрые, бесшумные, снабженные несколько устарелой артиллерией, которая была всего на пятьдесят километров.

Но вот уже слышен стал тяжелый ход плавучих стальных батарей, вооруженных последними газометными мортирами, о которых с ужасом и восхищением

писала вся пресса мира. Это были плавучие города-крепости, имевшие на борту до 5 тысяч человек экипажа, тяжелые, боевые суда, которые уничтожали береговую линию укреплений и на 100 километров от берегов — утесов истребляли все живое. За ними, как плавучие, оторвавшиеся от земли, территории, шли стальные острова, густонаселенные людьми. Острова были усеяны постройками; на них находились корпуса легкой полевой артиллерии, громадные аэропарки, заводы убийственных газов, сухопутные танки, броневые поезда. Острова мерно разрезали спокойные волны; а сверху доносился более явственно и более четко прежний знакомый ритмический гул тихоокеанских бронированных воздушных эскадрилий, патрулировавших эскадру.

Час и десять минут проходили мимо салютующей яхты морские и воздушные силы Соединенных Штатов.

И когда затих гул воздушных эскадрилий арьергарда, герцог Верийский сказал своей жене, обнимая ее плечи:

— Дорогая моя, мне жаль, что вы не увидите эту изумительную генеральную репетицию будущей войны. Сегодня ваша родина показывает свою мощь многим миллионам рабов, которые смеют восставать против культуры и цивилизации. Это будет единственная в мире военная демонстрация. Мы еще не будем убивать, но мы покажем, как мы можем убивать, мы еще не будем уничтожать, но мы покажем, что в полчаса целый берег может быть обращен в смрадные руины. На несколько часов мы затмим солнце, и вся линия берега будет окутана черными волнами дымовой завесы. Мы превратим день в ночь, больше чем в ночь, — в мрак. И под покровом этого мрака мы бросим дивизии

на берег. Все живущие на протяжении сотен миль очутятся в фокусе обстрела наших орудий, которые не убивают, но ослепляют, выедают глаза, убивают зрительный нерв. Но, милая моя, все это зрелище не стоит того, чтобы прервать наше пленительное брачное путешествие, чтобы оборвать нашу ночь.

Он взглянул на нее, и они оба удалились в каюту.

ГЛАВА 2-я.

На другой день, вечером, Джордж Алан, командующий северо-американской эскадрой, в капитанской каюте флагманского судна разговаривал по радио с Нью-Йорком. В свой приемник, передававший точные нюансы звука голоса с той же отчетливостью, как все самые неуловимые движения лица того, с кем он говорил и от которого он был отделен тысячами миль, в этот приемник он видел спокойное лицо и седую голову начальника генерального штаба северо-американских военных сил. Начальник штаба внимательно слушал Джорджа Алана, который медленно и внятно говорил:

— Впечатление неотразимо. Все береговое население высыпало к морю. На лицах у миллионов застыло одно чувство, чувство ужаса и преклонения. Миллионная толпа молчала, а когда развернулась дымовая завеса, и между солнцем и землей встало облако непроницаемого черного дыма, толпа упала на колени, простирая руки к скрывшемуся солнцу. В течение двух часов ночь висела над берегом. Мы бы могли продолжать эту шутку не менее суток, но в этом не было нужды. Плач и стенание окружили нас еще более плотной стеной, чем стена дыма. А когда потом наши аэропланы

направили свои орудия в зенит и стянули облака к линии берега и вызвали легкий тайфун, не было нужды в действии веселящих газов и газов, вызывающих смертоносный кашель.

Во всяком случае, результаты вчерашней демонстрации — несколько сотен помешанных и сотни тысяч перепуганных. Цветная раса получила свой урок; нам нужно уметь воспользоваться этим уроком.

Он замолчал. И одновременно с тем, как он увидел на приемнике, что губы начальника штаба начинают шевелиться, он услышал острый, пронизывающий звук высокого неприятного толоса:

— Мистер Джордж Алан, я удовлетворен, — вы выполнили вашу задачу. Но, скажите мне, мистер, как вели себя ваши люди?

Джордж Алан несколько удивлен.

— Конечно, так, как полагается солдатам Соединенных Штатов. Особенно это относится к квалифицированным специальным войскам. Что же касается рядовых солдат, то они исполняли свои обязанности без особого рвения. Во всяком случае, дисциплина и точность выполнения приказов были на высоте.

Наклонением головы начальник штаба остановил командующего.

— Уверены ли вы в том, что если бы эта, в общем безобидная, игра, милая шутка, стоила жизни ну хотя бы нескольким сотням тысяч этих цветнокожих, уверены ли вы, что все ваши солдаты, до одного человека, действовали бы согласно приказу?

— Думаю, что да, — колебавшись на мгновение, сказал Джордж Алан.

И вдруг голос старого, спокойного начальника генерального штаба задрожал так, что Джордж Алан не поверил бы своему приемнику.

— Помните, Джордж Алан, — говорил начальник, — помните, что эти люди, которыми вы сегодня командуете, последние настоящие солдаты, которых имеет правительство Соединенных Штатов. Еще, может быть, на 10 лет мы обеспечены человеческим материалом. Знаете ли вы, что у нас чрез 10 лет не будет кадров даже для квалифицированных родов оружия?

— Я сам думал об этом, — сказал командующий тихим, как бы погасшим голосом. И, наклонив голову, он слушал раздельную, спокойную речь начальника генерального штаба.

— Та сила, которая дала нам владычество над многими народами и многими странами, та сила, которая служила нам, как раба, которую мы покупали, которой владели, — эта сила обратилась против нас.

На мгновение голос, звучавший в приемник, оборвался, затем этот же, резко изменившийся, голос, прошептал — почти прошипел со злобой и печалью:

— Проклятый микроб!..

ГЛАВА 3-я. ТАИНСТВЕННЫЕ ОСТРОВА.

В безбрежной шири Великого Океана, далеко в стороне от «большой дороги», которой придерживаются бесчисленные паровые и парусные суда, бороздящие бирюзовые воды его, почти затерялась небольшая группа скалистых островов, несомненно вулканического происхождения. Группу эту в числе 14—15 островков, различной величины и разных очертаний, общим протяжением в 250—300 километров в окружности, почти кольцом окаймляла гряда подводных коралловых рифов и скал,

изредка, местами, выступавших над поверхностью воды. Выступы эти — также различной величины, высоты и формы.

В самое спокойное время, когда поверхность этого безбрежного лона вод, вполне заслуженно носящего свое название — Великий или Тихий Океан, — когда поверхность его подергивается еле заметной рябью; когда палящий зной полуденного солнца не умеряется ни малейшим дуновением ветерка; когда «полощутся» даже самые малые паруса; когда, словом, по терминологии моряков, «заштилеет» — здесь, у гряды скал, морские волны, с неумолчным, ни на мгновение не прекращающимся ревом валами вздымаются, как бы задавшись целью смыть, сокрушить своею мощью эту жалкую кучку осколков твердыни. Но, тщетно! Они разбиваются об это кольцо, об эту гряду рифов и скал и бессильно отступают, оставляя за собою клокочущую, кипящую громаду пены.

Эта гряда скал, эти клокочущие буруны делают эти острова недоступными для какого бы то ни было судна. Сюда, за эту ограду, за этой самой природой поставленный барьер, не проникнуть, на взгляд, даже пироге^{*)} дикаря-туземца.

И потому, возможно, эта группа островов не отмечена ни на одной географической карте.

Нет, не так! Есть одна карта, на которую она нанесена: и даже окаймлена красным кружком.

Это — карта Великого Океана, принадлежащая начальнику генерального штаба армии Северо-Американских Соединенных Штатов, Фиц-Джеральду.

Название этих островов на этой карте — «Острова Испытаний».

^{*)} *Пирога — лодка у дикарей.*

ГЛАВА 4-я. С КАКОЙ ЖЕ ЦЕЛЬЮ?

Три года тому назад над этой группой островов появилась эскадрилья из восьми аэропланов. Сделав несколько широких кругов над островами, они совершили спуск, причем каждый из аэропланов избрал местом своей посадки отдельный остров.

Недели через три два из этих аэропланов поднялись и совершили перелет в Нью-Йорк и, вслед за тем, между Нью-Йорком и «Островами Испытаний» установлены были правильные ежедневные авиасообщения, но столь ловко замаскированные, что и в самом Нью-Йорке немногие, даже из высоких должностных лиц, знали как об этих рейсах, так равно и о существовании самих островов.

Две твердокаменные базальтовые скалы с вершинами самой причудливой формы: обширное плато, по краям которого природа точно выковала своей исполинской рукой громоздкую цепь неуклюжих башен, башенок и колонн закругленной и остроконечной форм. Своеобразная природная несокрушимая крепость. На разной высоте скалы эти изрезаны внутренними углублениями, — пещерами, гротами, галереями, переходами.

Здесь нет почти никакой жизни, нет влаги: атмосферические осадки, скопляющиеся в редких неглубоких впадинах, не впитываются твердокаменной почвой и быстро высасываются иссушающими лучами знойного солнца. Ни единый кустик, ни единый зеленый листочек не радуют здесь взора, поражаемого отраженным сверканием раскаленных лучей огненного

диска на этих, то ярко-белых, то темно-серых, местами черных скалах, — этих, как будто внезапно окаменевших в минуту могучего мятежа, морских волнах.

Могильная тишь этих твердынь нарушается лишь гортанным криком чаек, завладевших этим мертвым царством, да неустанных рыболовов-альбатросов.

Совершенно противоположную картину представляла собою группа в 7—8 островов, отделявшаяся от этих двух скалистых громад гладью, почти застывших в своей неподвижности, вод, протяжением в ширину всего в 25—30 километров. Здесь, казалось, природа расточила все свои дары; здесь она как бы празднует свой великий праздник плодородия.

Целые рощи олеандр, магнолий, густолиственных пальм и широколопастных платанов; тучные нивы и поля, пестреющие, точно коврами покрытые, роскошными цветами всех оттенков радуги; вековые девственные леса тропических и подтропических пород деревьев, точно сетями опутанных сплетшимися ползучими растениями; неумолчный концерт пернатых всевозможных пород и видов; точно арфа звучащее журчание ручейков и бьющих из-под земли ключей; на-поенный ароматом лесов и полей воздух, — здесь как бы совершалась какая-то оргия природы.

И еще иную картину представляла собою третья группа островов. Это было обширное плоскогорье, на котором — точно нарост — протянулись цепями гряды невысоких холмов особой формации. Даже простому, не вооруженному, но опытному глазу не представлялось здесь труда определить месторождения громадного отбора минералов до богатейших залежей золотосной руды включительно.

Сюда-то, на эти мирные, благодатные острова, потерявшиеся в безбрежном лоне вод Тихого Океана, на

твердь которых не ступала еще нога человека, — сюда на могучих стальных крыльях великанов - птиц слетелась и спустилась группа людей.

Но не ради благодати этих островов, рассыпанной здесь щедрою рукою расточительницы-природы и даже не ради сокровищ, сокрытых в их недрах, спустились они сюда с небесной высоты.

ГЛАВА 5-я. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА.

В ограде подводных и надводных скал была пробита «брешь», проход, «ворота», ровно такой ширины, чтобы дать возможность проскользнуть в них крупных размеров военному судну.

Это было достигнуто тем, что с высоты в 400 саженей три аэроплана стали сбрасывать в одну и ту же точку гряды

120-пудовые снаряды, начиненные каким-то необычайно-взрывчатым веществом.

Сила его была так велика, что после восьмого или девятого снаряда громадная скала, нависшая над морем, превратилась в осколки битого стекла. Еще десяток тех же снарядов — и маленькая часть подводных рифов, шириною в 120 — 150 метров, также была уничтожена.

Точно разъяренный дикий зверь, вырвавшийся, неожиданно для себя, на волю из железной клетки, которую он так нескончаемо, но тщетно старался перегрызть своими крепкими, острыми зубами, расшатать своими мощными лапами, бросилось свирепое здесь море в образовавшиеся, раскрытые настежь ворота. Как бы задавшись целью отомстить за веками даром

затраченные силы, оно, с неумолчным ревом и шумом, вал за валом посылало на приступ цветущих и полных жизни, но беззащитных теперь островов, чтобы смыть их, затопить, уничтожить.

Но человек, спустя короткое время, и тут победил. Он укротил, обуздал свободную, вольную и мощную стихию, соорудив искусный крепкий, несокрушимый волнолом, разрезавший, точно тараном, свирепые волны.

Образовалась маленькая гавань.

Спустя неделю сюда зашли два военных транспорта, до отказа нагруженные.

Во время перехода своего через океан они странным образом меняли свой курс, как бы блуждали, точно были бы лишены руля и компаса.

Это была одна из мер предосторожностей, принятых, чтобы скрыть местоположение островов.

Один из транспортов доставил сюда значительный штат инженеров, техников, топографов, химиков, врачей и несколько сот квалифицированных рабочих.

Весь контингент этих своего рода переселенцев был набран из людей, вся жизнь которых была предварительно тщательно обследована.

Каждый из них в отдельности должен был подписать обязательство держать в строгой тайне свое местопребывание даже от ближайших членов своей семьи под страхом строжайшей ответственности, до смертной казни включительно.

Впрочем, эта мера предосторожности являлась, в сущности, почти излишней, так как вся корреспонденция как с островов, так и на них могла производиться только через посредство генерального штаба.

Здесь особый кабинет был занят исключительно тщательным предварительным просмотром корреспонденции и пересылкой ее адресатам.

Все «переселенцы» получали непомерно высокую плату за свой труд, которая выплачивалась Генеральным Штабом в Нью-Йорке лицам, указанным самими отъезжавшими.

Острова эти таили в себе, очевидно, какую-то государственную тайну чрезвычайной важности.

ГЛАВА 6-я. МЕТАЛЛ И БЕТОН.

Второй транспорт доставил сюда два паровых катера; парусные и гребные лодки; громадное количество железных и стальных плит разной величины; колючую, в кулак толщиной, проволоку, точнее, — железные оцинкованные канаты, снабженные конусообразными шипами; железные и стальные лестницы, балки, рельсы от 5 до 20 метров длиной и соответственной толщины.

Невольно обращало на себя внимание то обстоятельство, что весь груз состоял почти исключительно из металла и, притом, каких-то необычных по величине и толщине размеров.

Даже жизненные припасы, доставленные сюда транспортами, и те были герметически заделаны в металлические ящики, бочки, цилиндры и проч.

Спустя несколько дней прибыло и третье военное судно с грузом, состоявшим из частей каких-то машин, гигантских колес, лопастей, сотен бочек цемента и опять стали, железа, меди, никеля, латуни и т. д., и т. д.

Жизнь на островах забила ключом.

Под неусыпным наблюдением высшего персонала — инженеров, техников, механиков и химиков здесь сооружались грандиозные склады — надземные и подземные, — собирались машины, турбины и проч.

Грохотали молоты; ухали стопудовые «бабы», вбивавшие в далекую глубь земли и моря какие-то необычайных размеров сваи; визжали зубчатые колеса, пилы; стонали и пыхтели паровые двигатели; трещали электромоторы.

Особенное внимание было уделено двум скалистым островам.

В пещеры, гроты и галереи проведено было электрическое освещение.

При ярком свете многочисленных электрических ламп все эти ходы и переходы были тщательно обследованы. Было найдено почему-то особенно важным установить, нет ли здесь каких-либо расщелин, отдушин, какие могли бы служить проводником воздуха в эти пещеры и гроты.

Как только обнаруживалась такая расщелина, подобная отдушину, она немедленно самым тщательным образом заделывалась толстой стальной плитой, которая покрывалась затем непроницаемым пластом цемента высшего качества.

Очевидно, по мысли руководителей работ, единственным каналом для свободного притока воздуха в эти углубления должны были служить только природные входы в них.

Но и тут получалось нечто странное, способное заставить задуматься любознательный ум над вопросом: к чему сводятся, к чему клонятся, какую цель преследуют все эти работы?

Эти входы в пещеры не могли бы похвалиться ни симметричностью расположения, ни правильностью форм, ни изящностью отделки. В большинстве, они представляли собою как бы исполинским ломом или киркой выдолбленные в скале более или менее широкие щели неопределенных форм, с зазубренными краями.

Теперь же, путем громадной затраты сил, старались придать этим щелям правильную форму четырехугольников определенных размеров, причем ребра и углы их так тщательно шлифовались, точно гранили бы драгоценный алмаз.

И затем, к этим четырехугольникам прилаживались соответствующих размеров толстые стальные плиты, настолько тщательно пригнанные, что в пещеру не проникнуть ни единому атому воздуха.

— А когда мы заделаем все это нашим испытанным цементом, наши достижения можно будет назвать идеальными, — заметил один из руководителей работ, инженер Фокс, молодому технику Жебужскому.

ГЛАВА 7-я. «ДРУЗЬЯ ПОРЯДКА».

Страна Всесильного, Всемогущего Владыки мира наших дней — Доллара.

Колоссальная лаборатория алхимика, где кровь, пот, соки и жизнь миллионов рабочих перерабатываются в блестящий белый кружок чудодейственной силы — Доллар.

Доллар — созидатель. Доллар — разрушитель.

Ему — великому богу земли — посвящены великолепные храмы, — биржи, банки, конторы, склады, где, во славу его, совершаются самые гнусные таинства.

Ему — жестокому богу — ежедневно, ежечасно, ежеминутно нужны кровавые жертвы.

Он — этот нещадный, ненасытимый властелин — деспотически правит всей поработанной им землей чрез посредство касты жрецов, составляющей целую иерархию.

Короли биржи, банковых ассоциаций, стальных, нефтяных, каменноугольных, транспортных и т. д., и т. д. трестов и синдикатов.

Они — эти верховные жрецы кровожадного бога — непрестанно обагрят престол его кровью человечества.

На Бродстрите — одной из богатейших и оживленнейших улиц Нью-Йорка — столицы Северо-Американских Соединенных Штатов, — в великолепном 28-ми этажном небоскребе, идут заседания международной конференции «Друзей Порядка».

Он — этот «Союз» — образовался совсем недавно, и деятельность его тщательно маскировалась широкими задачами коммерческого характера.

Заседания должны были носить пока лишь организационный характер. Но настоящая подоплека «Союза», как и внутренние противоречия, заложенные в нем самом, стали выявляться тут же.

Союз представлен здесь делегатами Соединенных Штатов, Англии, Франции, Италии, Швеции и их покорных вассалов — официально «независимых» — балканских и соседних с СССР государств.

Здесь мы находим и главу американского Ку-Кукс-Клана, мистера Генри Самюэлла, и представителя «Младо-Германского Ордена», brave оберста^{*)} фон-Дитмар-Клауссен, а рядом с ним, в глубоком кожаном кресле, выделяется фигура знаменитого итальянского «Азефа наших дней», адвоката Витторио Амброзини.

Вот вице-председатель швейцарской «Лиги Обера» Франц Рехтзамер, а там, дальше — представитель «Союза независимости Финляндии», профессор Эрих; здесь и пан Здзеховский — председатель «Левиафана»

^{*)} Оберст — немецк. — полковник.

— этого генерального штаба польской организации капиталистов; рядышком — представитель французского «Консорциума кредиторов России» — маркиз де-Толбиак и председатель «Общества английских кредиторов России» Уильям Твид. В первом ряду высится длинная фигура сподвижника Чемберлена и Черчилля — сэра Джикса, а за ним — багровое лицо вождя германских фашистов (тевтонцев) — фон-Ревентлова.

Словом, здесь собрался цвет империализма, монархизма, капитализма и фашизма.

Придет пора, когда они зубами вцепятся друг другу в горло, но сегодня, сейчас, они объединены одной общей целью, одним общим для них всех стремлением в единый «Союз».

И какой-то злой насмешкой звучало это присвоенное ими себе название: «Союз друзей порядка».

Председателем конференции единогласно избран сэр Эдуард Гаррисон, представитель буржуазии той нации, которая, в лице Чемберлена и Черчилля, наиболее ярко отражает их общую цель, их общие стремления.

ГЛАВА 8-я.

«И НИКАКИХ БОЛЬШЕВИКОВ».

никаких большевиков!

И молодцеватый, туго затянутый в корсет, полковник фон-Дитмар-Клауссен, закручивая на ходу свои усы «а-ля-Вильгельм», покинул трибуну под ураган рукоплесканий и бурных криков одобрения всей аудитории.

Постепенно рукоплескания стали затихать, но аудитория не успокаивалась. Все повскакали со своих мест. Образовались отдельные группы из людей раз-

личных возрастов и, казалось, судя по горячим спорам и возбужденным лицам, различных взглядов и воззрений.

Но образ мыслей большинства, подавляющего большинства, очевидно, вполне соответствует основной идее фон-Дитмар-Клауссена, так ярко выраженной в коротком заключительном аккорде его бурно-пламенной речи.

Фон-Дитмар-Клауссен — председатель «Младогерманского Ордена» развил перед своими слушателями руководящую идею «Ордена».

Свержение вековых тронов Гогенцоллернов, Габсбургов, Романовых вызвало хаос во всем мире. «Порядок» в мире может быть восстановлен только с восстановлением повергнутых тронов и полным уничтожением большевиков.

И если первая половина тезиса воспринималась не всей аудиторией, то вторая его половина, очевидно, «захватила» ее всю целиком.

— И никаких большевиков!..

— Ясно и определенно!.. — бурным рокотом неслось по обширному залу.

— В порошок их!..

— С корнем вырвать это ядовитое зелье!..

— С лица земли стереть!..

Эти возгласы, полные злобы и бешенства, скрещивались, сплетались в какой-то смрадный клубок и, точно грозовые молнии, бороздили тяжелую, напряженную атмосферу.

Председатель старался покрыть своим громовым голосом неумолчный шум.

— Достопочтенные сэры! Прошу успокоиться... прошу занять места... Не нарушайте порядка... Я вынужден буду закрыть собрание...

Голос председателя стал срываться. Казалось, стал хрипеть и язычок колокольчика, потрясаемого могучей, широкой рукой председателя.

ГЛАВА 9-я. О ТАРАКАНАХ И ДЬЯВОЛАХ.

Слово предоставляется представителю «Французского консорциума кредиторов России», маркизу де-Толбиак, — раздается в наступившей, наконец, тишине несколько хриплый уже голос председателя.

Со своего места поднялся среднего роста худощавый человек, скорыми шагами направившийся к трибуне. Несколько надменное лицо потомка древних феодалов, умерялось, казалось, холодной расчетливостью и хитрым «себе на уме» биржевика-банкира.

Вступив на трибуну, он ловким движением руки вскинул на свой отточенный с небольшой горбинкой нос, с тонкими подвижными ноздрями, изобличавшими темпераментность натуры, черепаховое пенсне, висевшее на тоненьком шелковом шнурке, прицепленном к петлице изящного смокинга.

Он выдержал маленькую паузу; обвел глазами ряды слушателей, как бы подсчитывая силы, и заговорил:

— Достопочтенное собрание — начал он громким, размеренным голосом, — высокое собрание вполне присоединится, конечно, к моему мнению, что г-ну полковнику фон-Дитмар-Клауссену отнюдь нельзя отказывать ни в ясности, ни в четкости, ни в определенности. И в самом деле, что может быть проще, что может быть определеннее формулы: «И никаких большевиков»?

— Но, милостивые государи, — продолжал он, — мы собрались здесь в стенах и под крышей этого велико-

лепного дворца вовсе не затем, как я думаю, чтобы устанавливать азбучные истины и выражать «благие пожелания». Потрясенный в своих политических и экономических основах мир ждет от нас выработки конкретных мер для восстановления, для стабилизации мирового капиталистического хозяйства и... (я подчеркиваю это) для преодоления современного страшного бича для всего человечества — диктатуры пролетариата, провозглашенной и проводимой бешеными фанатиками, засевшими в стенах Московского Кремля.

— Нам говорят, — продолжал де-Толбиак, и на устах его зазмеилась ироническая улыбка, — нам говорят: «стереть большевиков с лица земли». И с такой легкостью, точно нам сказали бы: «надо вывести тараканов в таком-то помещении». Но, милостивые государи, мне кажется, что для выводки этих тараканов еще не изобретен тот порошок, которым...

— Он изобретен... он есть, — раздался сухой, тягучий голос из первого ряда кресел.

— Я догадываюсь, на что намекает сэр Джикс, — все с той же улыбкой на устах продолжал де-Толбиак, — но настолько ли спасительно, настолько ли радикально это средство, по мнению почтенного сэра Джикса, чтобы это средство можно было положить в основу решения нашей великой и святой задачи?..

— Вы в этом убедитесь и, быть может, даже скоро, — прервал его голос мистера Генри Самюэлля.

— Пусть так!.. Увидим... Но если даже принять на веру всю чудодейственность вашего великого изобретения, то какие последствия приведет за собой его применение? Мы знаем, — вы, как и почтенный полковник фон-Дитмар-Клауссен, хотите «уничтожить» — как вы выражаетесь — большевиков. Но вспомните ужасные слова Троцкого — этого воистину дьявола в

образе человека, — вспомните его зловещую фразу. Вот она:

«Если нас заставят уйти, мы так прихлопнем за собою дверь, что ахнет вся Европа»...

— Против этого дьявола, как и против других, ему подобных, засевших в Москве, мы пошлем своих новейшего типа «священнослужителей» с крестами и освященной водой в руках, — медленно отчеканивая каждое слово, с сатанинской улыбкой на устах, возразил сэр Джикс.

— И тут вы изобрели нечто? — уже недоумевающе спросил де-Толбиак.

— Изобрели, — последовал хладнокровный ответ.

Громкий ликующий смех и дружный хор одобрительных возгласов понесся под высокие своды зала заседаний.

ГЛАВА 10-я.

«ЗОЛОТО — ЭТО ВСЕ!...»

Ясно было, что де-Толбиака несколько смутила последняя реплика, но он сделал над собою усилие, чтобы удержаться на своей позиции.

— Я не могу не выразить своего восхищения вашей планомерностью и последовательностью, — обратился де-Толбиак в сторону Джикса, — хотя и не знаю еще с точностью ни самой задачи вашей, ни способов ее решения, но я все же полагаю, что и точка зрения представляемого мною консорциума не может не соответствовать вашим планам и задачам. Я буду краток.

— Я полагаю, что, чем охотиться на «тараканов» при помощи разных «порошков», хотя бы и сильно-

действующих, да, как значится в вашей программе, запугивать чертей крестами, хотя бы и самыми чудодейственными (а ведь мы все хорошо знаем, что эти «черти» далеко не из пугливых), было бы предпочтительнее, целесообразнее и осуществимее истребовать от правительства СССР возврата нам ограбленного ими имущества нашего, и уплаты всех долгов России с начислением всех процентов на капитал и процентов на проценты.

— «Пиа дезидериата»^{*)} обанкротившегося заимодавца, — ехидно вставил с места Джикс.

— Мы все тут банкроты, сэр Джикс. Все, за исключением, конечно, той страны, достойным представителем которой здесь является мистер Генри Самюэлль, и которая является нашим общим кредитором, и с вашего позволения—нашим общим х о з я и н о м. — И де-Толбиак подчеркнул это слово. — Золото, милостивые государи, это — жизненный нерв всего сущего... Золото, это — все... Золото — это величайшая сила... И заставив большевиков уплатить долги, мы их обескровим, и мирным путем завоюем Россию.

Ураган рукоплесканий пронесся по громадному залу.

Очевидно, мысль о «завоевании» России тем или иным путем пришлась всем по вкусу.

Де-Толбиак, все с той же улыбкой на устах, самодовольно подвигал своими тонкими, длинными пальцами кончики своих холеных усов.

И когда возбужденное состояние аудитории улеглось и воцарилась тишина, де-Толбиак громко и отчетливо, отчеканивая слова, закончил.

— От имени пославших меня на настоящую конференцию, я предлагаю организовать экономическую блокаду России.

^{*)} *Пиа дезидериата* — латинское, — благочестивые пожелания.

И он стал развивать свою мысль, развертывая перед алчностью сверкавшими взорами аудитории картины, одна другой заманчивее, одна другой соблазнительнее.

С заключением Локарнского договора завершены все возможности таковой блокады.

Никакого товарообмена с СССР! Никакого, ни на один сантим, кредита, ни даже дипломатический сношений! Отозвать посланников и консулов из России! Вернуть аккредитивы ее полпредам и торгпредам!

— Такова программа действий нашего консорциума по отношению к большевикам.

— И эту программу я признаю наиболее радикальной, наиболее целесообразной и... и высокогуманной. Мы не прибегаем к силе оружия. Мы не обгаряем наших рук в крови. Мы не разрушаем. Мы щадим человечество. Мы на страже культуры, цивилизации, прогресса. Мы только стремимся самыми лояльными способами получить обратно нашу собственность и наши деньги — более и более воодушевляясь, дорисовывает свою картину де-Толбиак.

— Ну, а как скоро вы, вы — стражи культуры, прогресса, цивилизации, — как скоро вы думаете при помощи вашего непостижимого миролюбия, вашей изумительной лояльности добиться всего этого? — с явным сарказмом обратился к оратору с вопросом Генри Самюэль.

— Пусть это будет через три года, через пять лет, пусть через восемь, но мы своего добьемся. И в этом нам должен будет помочь их Чичерин — этот дьявольски умный руководитель их иностранной политики. Мы ждали, мы можем ждать еще. Но без наших кредитов, без наших фабрикатов Россия будет медленно агонизировать. И мы ее поставим на колени, — с пафосом закончил де-Толбиак.

И, сопровождаемый рукоплесканиями, с торжествующей улыбкой на устах, упиваясь сознанием произведенного им впечатления, он сошел с трибуны и медленно направился к своему месту.

2-й выпуск романа выйдет
в свет 6-го сентября т. г.

Выпуск 2-й

Юр. САНДОМИРСКИЙ

ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА

(БЕССИЛИЕ СИЛЬНЫХ)

Р О М А Н

МОСКВА — 1926

ИЗДАНИЕ АВТОРА

АКАКА

ГЛАВА 11-я

ЗОЛОТО НАШИХ ДНЕЙ.

Едва де-Толбиак закончил свои последние слова, как из первого ряда кресел раздался сухой, тягучий голос Джикса.

— Я прошу слова вне очереди.

— Как решит собрание, — последовал ответ председателя.

Согласие дано, и из кресла поднялось худое, сухощавое туловище с длинными не в меру ногами и повисшими вдоль тела, точно плети, длинными руками.

К длинной худой шее как бы искусственно прикреплена была большая голова с бульдожьей челюстью. Громадные, изжелта-белые, крепкие зубы, казалось, вот-вот вопьются, в мертвой хватке, в горло своего противника. На широком, изборозжденном морщинами лбу между бровей залегла глубокая складка, придававшая лицу выражение какой-то особой жестокости.

Медленными, но широкими шагами он направился к трибуне, и когда он вступил на ее возвышение, его длинная фигура, казалось, как бы парит над всем собранием, а бульдожья челюсть угрожает ему.

— Я позволю себе начать с возражения моему достопочтенному другу, маркизу де-Толбиаку, — начал своим тягучим голосом сэр Джикс.

— Маркиз де-Толбиак сказал нам, что золото — это величайшая сила в мире. Но это не так. Это архаизм. В маркизе де-Толбиак заговорил сейчас голос крови, голос его предка — одного из участников Крестовых походов, якобы поставивших себе целью освобождение Гроба Господня из-под власти мусульман, в действи-

тельности же, искавших на Востоке обогащения: золота, серебра, сокровищ Востока.

Голос Джикса нарастал; в нем стал звучать металл; в его как бы потухших глазах засверкали зловещие огоньки хищника-волка.

— Теперь нам не надобно золота. Мечты алхимиков сбылись. Найдено то вещество, из которого можно творить золото, много золота, — ручьи, потоки.

Аудитория точно замерла; в зале воцарилась гробовая тишина; лишь глаза присутствующих сверкали лихорадочным блеском; в них как бы отражались те груды золота, о которых вещал им Джикс.

— Дальше!.. Дальше!... — раздавались нетерпеливые голоса.

— И это вещество, — продолжал Джикс, — творит чудеса. Оно дает жизнь нашим фабрикам и заводам; оно родит двигательную силу для нашего транспорта сухопутного, морского и воздушного; оно, словом, животворящее начало для всей нашей промышленности.

Вы давно уже догадались, сэры, что я говорю, что я имею в виду нефть. Это невзрачное, мутное, зелено-грязное маслянистое вещество, притаившееся в недрах земных, — оно должно поднять технику на такую высоту, о которой не смели даже и мечтать наши, хотя бы и ближайшие, предшественники; оно станет величайшим двигателем прогресса, культуры и цивилизации.

— Но оно же, сэры — продолжал он и в голосе его зазвучали зловещие и грозные ноты, — но оно же явится причиной небывалой, неслыханной борьбы из-за обладания ею, борьбы, пред ужасами которой потускнеют величайшие катастрофы мира.

Громадным участкам нефтяных источников «Мексикан Игль», как показывают исследования, грозит рано или поздно великое обводнение: соленая вода

переполнит буровые скважины и пожрет мексиканскую нефть. Что касается калифорнийской нефти, то ни для кого не тайна, что испаряемость ее летучих веществ принимает опасные размеры. Южно-персидские источники по своей сравнительной скудности и по ряду других причин не могут быть даже приняты в расчет.

— И только лишь там, на Кавказе — в Азербайджане и в Моссульском округе находятся величайшие по своей мощности и качествам нефтяные источники.

— Но на пути к ним, как злой дракон, как стоглавый Цербер, стоит Советская Россия, — потрясая кулаком, прокричал Джикс.

ГЛАВА 12-я. ЯЗЫК ЦИФР.

— 3 здесь, сэры, маркиз де-Толбиак изложил нам свой заманчивый — в этом надо сознаться — план мирного завоевания России путем экономической блокады ее, — продолжал Джикс свою дискуссию с де-Толбиаком. — И на мой вопрос, сколько времени ему понадобится, чтобы поставить — как он выразился — Россию на колени, он определил его в 6—8, приблизительно, лет.

— Но, маркиз, — с сарказмом обратился к нему Джикс, — предусмотрели ли вы, что получится, если вы «мирно» станете завоевывать Россию долгих шесть-восемь лет? Не пожимайте плечами, маркиз. О, да! Долгих, слишком долгих! Обратимся на сей случай к языку цифр.

И Джикс стал приводить следующие соображения. Если в СССР теперь насчитывается около 1.000.000 членов Коммунистической партии, до полутора мил-

лионов комсомольцев и до двух миллионов пионеров в возрасте от 8-ми до 14 лет, то эта рать «слепых фанатиков идеи» — по его словам, — через 6—8 лет будет насчитывать в своих рядах десятков миллионов.

Далее, — при территориально-милиционной воинской системе и допризывной подготовке, применяемых в Союзе Республик, он через 6—8 лет будет обладать прекрасно подготовленной армией в 12—15 миллионов.

— И, наконец, маркиз, — обратился к нему Джикс, — вы (как и все мы), конечно, знаете выводы, к которым пришли наши статистики. Чтобы возместить потери в людях за последнюю войну, вашему отечеству потребуется 70 лет, моему — 10, Германии — 12, а Италии — 38 лет; и если цифра рождаемости в вашей прекрасной Франции останется той же, как за десятилетие с 1900 по 1910 г., то через 40 лет она станет второстепенной державой.

— Несмотря на всю нашу военную мощь, маркиз. Да! И несмотря на наши пять тысяч аэропланов, — с едким сарказмом говорил Джикс де-Толбиаку.

— И только там, в этой стране нашего общего заклятого и грозного врага, — продолжал Джикс, и в го-лосе его зазвучали ноты бешеной злобы и тревоги в то же время, — там рождаемость детей увеличивается ежегодно, и наступит день, когда молодая Россия — красная, как красна кровь ее детей, зальет, затопит, задавит нас своей численностью.

И, круто повернувшись к председателю конференции, Гаррисону, Джикс, отрывисто, почти повелительно, произнес:

— Сэр, распорядитесь начинать!..

ГЛАВА 13-я. СТРАШНОЕ ВИДЕНИЕ.

редседатель говорит несколько коротких, звучащих как приказ слов в трубку телефонного аппарата на столе.

Сияющий матовый свет, падающий сверху на длинный овальный стол Президиума, на трибуну для ораторов, на ряд глубоких кресел и склоненных к бумаге голов, меркнет.

В темноте перламутровым светящимся пятном появляется кино-экран. Губы сидящих в кожаных креслах людей шевелятся, когда они читают на экране надпись:

«День юношества в СССР».

Москва — красная столица красного Союза. Алые, точно горячая кровь гиганта-народа, завоевавшего себе ею свою свободу и свои права, кроваво-багровые полотнища флагов, знамен и плакатов свешиваются с крыш, балконов и окон, почти закрывая собою фасады домов. Море голов, радостно-возбужденные лица.

Шеренга за шеренгой, колонна за колонной, предшествуемые знаменами и оркестрами, под приветственные клики отцов, матерей и дедов тянется бесконечной живой цепью шествие детей обоего пола; за ними гордо выступает юношество, поднявшееся поколение, грядущая ближайшая смена.

Бодрые, почти задорные, личики и лица, сверкающие глаза и звонкие голоса. Да! Кажется, что вот-вот с полотна экрана сорвутся и понесутся под своды зала ликующие звуки гимна:

«Кто был ничем, тот будет всем!».

А вот из этой колонны шествия несется бодрое, полное экстаза, —

«Мы — молодая гвардия рабочих и крестьян».

Еще дальше звучит и нарастает щемящее и электризирующее:

**«Мы смело в бой пойдем
«За Власть Советов
«И, как один, умрем
«За дело это».**

А вот отряд за отрядом, отбивая шаг, в характерных своих разноцветных трусиках и рубашках, пестреют стройные ряды «физкультурников». Загорелые обнаженные шеи, руки, на которых как бы играют напряженные мышцы, а часто и совершенно голые торсы, беспечно подставляемые под жгучие лучи солнца, под ветер и дождь.

Шествие вливается на Красную площадь и проходит мимо великой могилы, благоговейно склоняя свои знамена...

Мавзолей Ленина... На балконах его вожди Революции, приветствующие грядущую, нарастающую силу и мощь Советов... «Будь готов!» — как будто слышится с экрана...

И десятки тысяч ручек и рук вздымаются вверх, произнося великую клятву:

**— «Всегда готов!...
— «И, как один, умрем
«За Власть Советов!».**

Уже исчезают башни и зубчатые стены Кремля, и причудливые купола Василия Блаженного, и городские площади, и улицы...

На экране громадное Октябрьское (Ходынское) поле, запруженное стотысячными толпами людей. «Физкультурники» являются центром их внимания...

Метание диска; быстрота, ловкость, гибкость, сила...

Сигнал — и тысячи юных прекрасных тел сплетаются в гигантские разноцветные буквы

СССР.

Свет потух. Экран затемнился... И в непроницаемой тьме зала, как голос непредотвратимого рока в древнегреческой трагедии, звучит зловещий голос Джикса:

— Теперь они перестраиваются... Вот впереди этих

четырех букв появится пятая **Е.**

Вот она будет сейчас изменена в букву **В.**

— Света!.. — нечеловеческим голосом крикнул Гаррисон.

Зал осветился... Из кожаных кресел выделялись бледные, как смерть, растерянные лица... Неподвижные взоры были все еще устремлены в сторону экрана. Перед ними все еще стояло «страшное видение».

ГЛАВА 14-я. ЗЛОВЕЩЕЕ ПРОРИЦАНИЕ.

Вы видели!.... — насмешливо, торжествуя, произнес Джикс, — теперь я могу продолжать.

— Достопочтенный маркиз, я полагаю, не ошибаеся — язвительно продолжал Джикс, — если рассчитывает на помощь Чичерина, «дьявольски умного» Чичерина, как он его назвал. Да, де-Толбиак не ошибается! Чичерин ему поможет тем, что будет тянуть, торговаться, сулить держателям русских ценностей журавлей в небе.

По временам, быть может, он и действительно будет бросать им подачки, но лишь для того, чтобы от-

тянуть время, чтобы дожидаться момента, когда он сможет показать им свой забронированный кулак.

— Не пришлось бы нам всем уплатить издержки по лечению Чичерина в Висбадене и еще где-то там, — тревожно вставил пан Здзеховский.

— Вам, полякам, должно быть виднее: ведь, Чичерин «лечился» некоторое время и в Варшаве, — язвительно заметил Генри Самюэлль.

— Прошу не прерывать оратора — строго обратился к ним председатель. — Продолжайте, сэр Джикс.

— Неужели вы не понимаете, — продолжал громить де-Толбиака Джикс, — не понимаете того, что Советская Россия (и он сделал ударение на слове: «советская»), что она не пойдет к вам в добровольную кабалу, не сможет пойти, да и незачем ей пойти. — Ведь, если мы дадим ей передышку в 6 — 8 лет, она не только окрепнет и увеличить свою внутреннюю мощь, — Советская власть через посредство тлетворных агентов Коминтерна разложит наши армии, организует против нас наших рабочих, поднимет против нас наши доминионы, объединит весь Восток — Китай, Тибет, Персию, Турцию, Сирию, Палестину...

— Вы, кажется, пропустили — по забывчивости, конечно, — Индию и Египет, — ехидно прервал его де-Толбиак.

— Да, и Индию, и Египет, но и Алжир также, и Тунис, и Марокко, и Танжер, и страну Риффов — отчеканивая каждое название, ответил ему в тон Джикс.

— Так в чем же, сэр, вы находите решение этой проклятой задачи? — спросил сбитый, очевидно, со своей позиции де-Толбиак.

— В одном ударе, — как бы в каком-то мистическом экстазе, потрясая крепко сжатой в кулак правой рукой, уже не говорил, а кричал, злобно шипел Джикс.

— В одном ударе, ударе сокрушительном, ударе незамедлительном! — Учиться надо у врага своего. Вспомните слова Ленина, его короткое, но молотом ударившее: «Теперь или никогда!», решившее судьбу России и... быть может, судьбу мира.

«Теперь или никогда!» — должны воскликнуть и мы. «Мы или они!» — вот что должно стать нашим лозунгом, нашим девизом.

— И, если мы незамедлительно не нанесем всесокрушающего удара, — вытянувшись во весь свой длинный рост и как бы пророчествуя, вещал Джикс, — мы увидим **ее** у себя...

— Ее — эту алую чуму наших дней. Ее — эту страшную, все собою заражающую силу! Ее — **В л а с т ь С о в е т о в**!

ГЛАВА 15-я. ДИКОВИННЫЙ «ПРОСЕВ».

К ак уже сказано было, всему контингенту работников, отправленных на О-ва Испытаний, был сделан самый тщательный отбор. Производилось самое тщательное обследование всей жизни каждого данного лица, выражавшего желание принять то или иное участие в предпринимаемой «Экспедиции на необитаемые острова».

Этим именем окрещено было предприятие.

Вышеупомянутым обследованием преследовалась какая-то странная цель.

Играло ли тут какую-либо заметную роль стремление определить пригодность данного лица для «экспедиции» в смысле работоспособности, состоянии здоровья, выносливости, квалификации?

Может быть, и да.

Но при чем же тут исследование чуть ли не всего родословного древа даже простого рабочего?

В числе выразивших желание принять участие в «экспедиции» находилось значительное число эмигрантов из Европы.

Были немцы, венгерцы, ирландцы и т. д.

Были между ними и русские, эмигрировавшие из России еще во время царизма, в годы тяжелой реакции, погромов и разгромов.

Против имени таковых в списке претендентов на зачисление в экспедицию проставлялся красный крест.

Этим самым кандидатура данного лица отпадала.

Та же участь постигла и кандидатов из восточных народностей: китайцев, турок, афганцев и т. п.

Но оригинальнее всего обстояло дело с кандидатами немцами и венграми. Изучалось их прошлое, прошлое их родителей, близких и даже отдаленных родственников.

Особенно интересовались периодом с 1918 по 1921 год.

Словом, производилась какая-то просевка кандидатов сквозь мельчайшее сито по каким-то необычным, мудреным признакам.

ГЛАВА 16-я. ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР.

страна величайшего лицемерия и гнуснейшей жестокости.

Страна древней Библии, средневекового варварства и современных орудий разрушения и смерти.

В гербе этой страны красуется какой-то химерический зверь о двух головах и четырех лапах: голова лу-

кавой, хитрой лисы и голова свирепой пантеры с чудовищными когтями и оскаленными клыками.

В двух лапах — крест и евангелие; в других двух — сверх-дредноут и колоссальных размеров дымящийся взрывчатый снаряд.

Если государственный герб Англии не таков, то эта ошибка не наша. Это — ошибка геральдики.

* *

*

В Лондоне, в величавом Вестминстерском аббатстве, где коронуются английские короли и где они же обращаются во прах, идут заседания представителей всех христианских религий.

Не те ли это «священнослужители», о которых вещал Джикс на конференции «Друзей Порядка» в Нью-Йорке?

Вы помните, когда де-Толбиак напомнил конференции зловещие слова Троцкого — «этого дьявола во образе человека» — как его окрестил де-Толбиак, — когда он привел его страшную угрозу: «если нас заставят уйти, мы так прихлопнем за собою дверь, что ахнет вся Европа», Джикс огорошил его следующей фразой:

— Против этого дьявола, как и против других, ему подобных, засевших в Москве, мы пошлем своих священнослужителей (причем, на слове «с в я щ е н н о с л у ж и т е л и» он сделал какое-то особенное ударение), с крестами и освященной водой в руках.

Не о них ли говорил Джикс?

Нет, не о них!..

* *

*

Десять уже дней тянутся дебаты на этом церковном съезде, точнее — соборе. Дружным, согласным хором выступают «князья церкви» — представитель намест-

ника Петра — Папы Римского — кардинал Пиабланка, глава епископальной церкви — архиепископ Кентерберийский, представитель Иерусалимского патриарха — епископ Никодимийский, эмигрировавшее после Октябрьской революции православное духовенство, польские ксендзы и т. д. Гибнет вера. Шатаются основы мироздания. Хула на божественную власть. Оскверняются храмы Господа Бога и его святых угодников. Поносятся верные служители его. Попираются все божественные законы. Повергнуты во прах семейные устои. Нарушена святость собственности. И нет пощады даже венценосным помазанникам божьим.

Восемь долгих лет длится эта ниспосланная Господом кара за великие грехи человечества. Тлетворный смрад, идущий от страны древних скифов, заражает воздух Европы, всего мира. Народы восстают против властелинов своих. Рабы поднимаются на господина своего. Жены перестают повиноваться мужьям своим.

На этом мрачном фоне церковными «златоустами» рисовались самые дикие, химерические узоры.

Среднее духовенство подпевало «владыкам».

Низшее... Его, — за исключением значительного числа миссионеров, прибывших на съезд с разных концов света — его здесь почти не было и — оно молчало.

Оно не хотело или не могло говорить.

ГЛАВА 17-я. «ВЫ ДОЛЖНЫ ВЫСЛУШАТЬ».

Из задних рядов твердой поступью направился к возвышению, служившему трибуной для ораторов, человек среднего роста и коренастого сложения.

— Отто Фельдзер, — пронесся одобрительный шепот в рядах миссионеров, и даже князя церкви приветливо улыбнулись.

Ему было на вид лет за пятьдесят. Длинные волосы на голове, равно как и большая борода, ниспадавшая на грудь, были покрыты инеем серебра. Худощавое лицо, как и высокий и широкий лоб его, изборождены были глубокими морщинами. В углах рта его залегли складки глубокого страдания, упрямства и настойчивости. Глаза сверкали лихорадочным блеском.

И когда он занял место на возвышении и точно уперся ногами в подмостки, а мускулистыми руками крепко охватил балюстраду помоста, то ясно стало, что человека этого уже не сдвинуть с места, что он сделает то, что сделать намерен, что он скажет то, что решился сказать.

— Отцы и братья, — обратился он к прелатам собора, а затем обратил свои взоры и на других членов его, — отцы и братья! Я вот уже восемь лет, как не вращаюсь в среде так называемого цивилизованного общества и почти 12 лет, как извергнут из самых недр его. И я хочу говорить. Я должен говорить. Перед вами — высокими представителями христианских церквей, перед вами — служителями Бога милосердия и всепрощения, перед вами — блюстителями высшего закона, — перед вами я должен исповедаться во всех своих деяниях и помыслах, а вы... Вы должны выслушать меня.

— Да, я — Отто Фельдзер. Вы слыхали это имя. Вы его знаете.

— В скалистых Андах, в глубоких дебрях Африки, на островах Полинезии я с одним охотничьим ножом в кармане в защиту от диких зверей, с крестом и Евангелием в руках и с глубокой верой в истерзанной душе моей, я сеял семена Христова учения среди индейцев

Америки, среди негров и кафров Африки, среди людоедов Австралийских островов.

— Вы знаете, вы слышали, вы читали об этом периоде моей жизни. Вы знаете, что в Андах я чуть не был оскальпирован индейцами; в Африке едва не растерзан во время проповеди моей, обращенной к освирепевшим кафрам и готтентотам, возмущившимся против жестокостей и преступного обращения с ними своих «белых господ», именующих себя христианами; вы знаете, что я чуть не попал на обед, в качестве лакомого блюда, к несчастным полуживотным — островитянам Новой Зеландии.

Отто Фельдзер самоотверженно, не колеблясь, без страха и сомнений, проносил учение кротости, смирения, любви и всепрощения в самые мрачные дебри человечества.

— Все это вы знаете. Но вы совершенно не знаете ни моего более отдаленного прошлого, ни моего самого последнего настоящего.

— Послушайте, отцы и братья! Лет пятнадцать-шестнадцать тому назад, в графстве Ульстер проживал небогатый, но пользовавшийся все же некоторым достатком, фермер. Ему было всего 22 года, когда умер его отец, честный труженик-работник. Он оставил в наследство своему сыну ферму, а на попечение — мать и четырнадцатилетнюю сестру.

— Молодой фермер и раньше отличался своим трудолюбием, воздержанной жизнью и кротостью нрава. Но после смерти отца жизнь его обратилась в сплошной труд. Он горячей любовью любил мать и сестру, и изо всех сил стремился к тому, чтобы скрасить их жизнь хотя бы незначительными удобствами.

— Он был молод, силен и... и, как признавали другие, недурен собой.

— Его звали Гарри, Гарри Блекс.

— Быть может, хотя бы некоторые из вас помнят это имя, помнят этот нашумевший в связи с этим именем уголовный процесс (это было тринадцать лет тому назад), некоторое время волновавший все Соединенное Королевство.

— Гарри Блекс — это я.

ГЛАВА 18-я. ВДОХНОВИТЕЛИ БРАТОУБИЙСТВА.

— **У**бийца! Каторжник!.. — пронеслось по рядам слушателей, и в этих возгласах явно слышались и недоумение, и некоторый испуг, и сомнение, и, все же, симпатия

— Да, я убийца! — выпрямившись во весь свой рост, с гордо вскинутой головой и со сверкающими правдивыми глазами, подтвердил Отто Фельдзер.

— Да, я — убийца, да, каторжник, отбывавший в Ботанибее четыре года каторжных работ во имя торжества человеческого правосудия и человеком созданных законов.

Я расскажу вам, как мирный, честный труженик, всю свою жизнь посвятивший труду, чтивший законы божеские и законы человеческие, как он стал убийцей (к сожалению, неудачливым, — прибавил он с горечью в голосе), как он решился преступить закон и божеский, и человеческий, как он искупил свой грех на каторге, как стал носителем учения Христа среди диких племен и народов и... и чем, и кем, в результате всего этого, он стал теперь.

— Разве, сын мой, ты не слуга Божий и теперь? Не носитель его святого учения? — строго, но в то же вре-

мя любовно прервал его архиепископ Кентерберийский.

— Не знаю, святой отец — последовал отрывистый ответ. — Я именно затем и пришел сюда к вам, в ваше сонмище, чтобы вы — ревнители закона, чтобы вы — стражи совести, разрешили мои сомнения, вывели меня из тупика, в который загнало меня все пережитое мною, все мои наблюдения, все впечатления мои.

— Выслушайте меня, отцы мои и братья, терпеливо выслушайте, — и в голосе его звучало не то моление, не то веление.

— Мы слушаем. Говори! — последовал ответ.

Отто Фельдзер молчал. На его высоком челе избороздившие его складки залегли как бы еще глубже; его взгляд ушел куда-то вдаль.

В громадном зале Вестминстерского аббатства царила гробовая тишина. Все взоры были устремлены на величавую, одновременно и скорбную и властную, фигуру миссионера.

Это продолжалось всего лишь, быть может, несколько секунд, но перед Фельдзером за эти короткие мгновения прошла, по-видимому, вся его жизнь.

Он глубоко вздохнул, провел рукой по глазам, как бы отгоняя от себя тяжелые видения. В глазах его вновь зажглись огни, и он заговорил:

— Я не стану говорить вам пока ни о себе, ни о своих личных переживаниях, ни о своих личных физических страданиях, ни о своих душевных испытаниях. Обо всем этом в дальнейшем.

Что все они в сравнении со скорбями, страданиями и муками тысяч людей, поработанных, угнетаемых и теснимых своим же братом-человеком?

Уже с малых лет ребенка приучают смотреть на себя, как на венец мироздания. Уже по Библии человек — царь природы, и для него Богом создан весь мир.

И вот это крохотное зернышко себявозвеличения и самопочитания, заброшенное неосторожной рукой в душу ребенка, понемногу и постепенно дает ростки, пускает в нем крепкие, могучие корни — и готов сухой, черствый, жестокий себялюбец.

Один из моих соотечественников — известный писатель — высказал где-то в одном из своих произведений следующую ужасную истину.

«Я не могу любить человечество — пишет он, — если я не люблю своего народа; я не могу любить свой народ, если я не люблю своей семьи; я не могу любить свою семью, если я не люблю себя».

На первом плане мое личное я, на последнем — человечество. Ужасная, кошмарная истина, несущая с собою гибель человечества.

Я, моя семья, мой приход, мой народ, а затем... пусть, пожалуй, и человечество в его целом.

И, как результат такой эгоцентрической^{*)} теории, — непрестанная борьба и вечная война, — война «всех против всех». Народ на народ; приход на приход; семья на семью и даже брат на брата, сын на отца и отец на сына. А мы, — мы пастыри церкви; мы — именующие себя служителями Бога Живого, милосердного Бога; мы — стражи его божеского закона, — мы благословляем это взаимоистребление, поощряем его и даже вдохновляем.

— Кошунство!.. Хула на церковнослужителей, — грозно выкрикнул кардинал Пиабинка.

— Вы обещали терпеливо выслушать меня, — твердо произнес Отто Фельдзер, — а затем... — и, выдержав короткую паузу, он добавил с еле уловимым сарказмом в голосе, — а затем наставить меня на путь истинный.

**) Эгоцентрическая — слово древне-греческое: теория, в основе которой личное я является центром всего окружающего.*

— Говори, сын мой, но сдержи себя, — наставительно, но явно покровительственно обратился к нему архиепископ Кентерберийский, — умерь свою гордыню! Помни, что не-могуч человек и силен враг его, борющийся даже со всемогущим Богом, и сатана избирает часто своим орудием, своим вместилищем даже величайшую святость и величайшее смирение, чтобы вдохнуть в них свой дух гордыни, свой дух сомнения и отрицания, и тем вернее достигнуть своей цели.

ГЛАВА 19. «БОГ ЭТОГО ХОЧЕТ»

Дух сомнения и отрицания?.. Но он внедряется все глубже и глубже в толщи народные. Он заполняет умы и души. Он проникает даже и в ту среду, которую, казалось, не отравить никаким ядом скептицизма и неверия, — с горечью говорил Отто Фельдзер.

— Отцы и братья! В те годы, когда на полях сражений лились потоки крови; когда человеческие тела кромсались страшными орудиями разрушения; когда сверхдредноуты, точно щепки, взлетали в воздух; когда ядовитые газы отравляли целые полчища; когда с землей в уровень сравнивались деревни, села и целые города; когда обезумевшее человечество в каком-то бешеном умоисступлении, в каком-то кровавом угаре предавало разрушению, уничтожению плоды трудов целого ряда поколений; когда оно в своем озверении обрекало своих ближайших потомков, своих детей, своих братьев и сестер, своих отцов и матерей на голод и холод, на мор и тиф, на вымирание и вырождение, я — я влачил свои цепи на каторжных работах в Ботанибее, как отверженец общества, как прокаженный,

опасный для человеческой среды, как заживо погребенный.

И я, и сотни мне подобных, выброшенные человеческим правосудием за борт жизни, отрезанные от общественного организма, как беспощадно отрезается от человеческого тела какой-нибудь, пораженный гангреной, член его, сотни закоснелых злодеев, жестоких убийц, насильников, кровосмесителей, — мы содрогались, нас приводили в ужас те отрывочные сведения, которые изредка доходили до нас о тех кошмарах, о тех массовых преступлениях, какие совершались там «во имя спасения цивилизации и прогресса», «во имя торжества добра и правды». У нас — в Ботанибее — убийца именовался преступником; там — посылавших на заклатие сотни тысяч и миллионы людей, — там их называли «славными вождями», «героями».

И там, в Ботанибее, мы — каторжники — спрашивали себя: «если человечество, как зверь, учувший кровь, освиrepело, потеряло человеческий облик, позабыло о Боге и законах его, то что же делает церковь Божья?..

— Церковь молилась! — сурово и жестко отчеканил кардинал Пиабинка.

— О ком и о чем, Ваша Эминенция? — также резко оборвал его Отто Фельдзер.

— О победе над врагом. Об упокоении павших на поле брани верных сынов нашей святой церкви. Ты это должен бы знать, Отто Фельдзер! — грозно, уже с гневом в голосе, ответил кардинал.

— Знаю, Ваша Эминенция^{*)}. «На супротивная победу даруй нам», Ваша Эминенция? Иными словами: — «уложи, Господи, на поле брани побольше супротивников наших!» не так ли, Ваша Эминенция?

^{*)} Эминенция — титул кардиналов в Римской церкви.

— Ты богохульствуешь, Отто Фельдзер!..

— Нет! Я только стремлюсь уяснить и себе, и моим собратьям, здесь присутствующим, ту роль, какую мы — служители Бога — играем в истории человечества. Ведь мы собрались здесь для того, чтобы вновь по-своему повернуть колесо истории, и я...

— Довольно! Убрать его! — как гром прозвучал гневный окрик кардинала.

— Пусть говорит!.. Мы требуем!.. — неслось со скамей, занятых средним духовенством и миссионерами. — Пусть говорит!..

В громадном зале пронеслась буря; загремели громы.

Как незыблемая скала, недвижим и могуч стоял Отто Фельдзер. Лишь глаза его метали молнии.

— Он вносит раскол в единую согласную семью служилей церкви, — прошамкал старческий голос епископа Никодимийского.

— Отто Фельдзер имеет все права на то, чтобы его выслушали до конца, — раздался спокойный голос американского епископа Вильяма Брауна.

— Епископ Браун предстательствует за своего единомышленника? — с сарказмом обратился к Вильяму Брауну кардинал Пиабинка.

— Пусть говорит! Мы просим!.. Мы требуем! — неслось со скамей.

— Вы обещали мне, — твердо обратился Фельдзер к архиепископу Кентерберийскому.

— Пусть говорит!.. — решил глава епископальной церкви.

Бурные возгласы одобрения и гром рукоплесканий покрыли это решение председательствующего.

Колокол в руках его настойчиво призывал к успокоению.

Воцарилась тишина.

Но успокоения не наступало.

Младшие вышли из повиновения у старших.

* *

*

— «Помоги, Господи, нашему христолюбивому воинству уложить побольше супротивников его». Так молилась, скажем, католическая церковь в Италии — говорил Отто Фельдзер.

Но в числе супротивников Италии находились в то время Австрия и Германия со своими миллионами католиков, духовные пастыри которых молили Господа об избиении своих итальянских единоверцев.

Еще сложнее перед господом стоял вопрос о верных чадах римско-католической церкви в Польше, Польша была раздроблена между Россией, Германией и Австрией.

И, таким образом, в Варшаве польскому католическому духовенству приходилось молиться об уничтожении поляков-католиков Австрии и Германии, и наоборот.

То же самое получалось и с духовенством греко-православной церкви.

— Святые отцы, входили ли вы в рассмотрение того тяжелого положения, в какое вы ставили Господа Бога своими докучливыми молениями о том, чтобы он своею мощью содействовал взаимоистреблению братьев по вере, братьев по духу и братьев по крови?

— Какой ужас! — как стон, раздался чей-то голос.

— В глубоких дебрях Африки, среди негров, готтентотов и кафров, я сеял семена Христова учения, — продолжал Отто Фельдзер. — С крестом и евангелием в руках я вещал им о религии любви и милосердия, а сами христиане? — О, они моему кресту противопоставляли плеть и бич, полосовавшие плечи туземцев-

рабочих, Евангелию — меч, огонь и виселицы за малейшую непокорность, за малейшее послушание. Не давалось пощады ни женщинам, ни старикам, ни детям.

Да, не Крестом и Евангелием, — мечом и огнем несли они поработанным ими темнокожим народам Благость о братстве и равенстве, о любви и кротости, о свете науки и знаний, о цивилизации, о прогрессе.

Христиане - колонизаторы, христиане-цивилизаторы! О, да! Они сделали и делают все, что в их силах, чтобы из покоренных и поработанных ими народов создать себе единого мощного страшного врага. И грозен будет тот час, когда оно объединится, — это войнство, — для сведения своих счетов со своими культурниками и цивилизаторами.

— Не прав ли я, братья? — обратился он в сторону миссионеров. — Не таково ли и ваше мнение?

— Он прав!.. Тысячи раз прав!.. — загудело в рядах миссионеров.

— Гнусная эксплуатация несчастных работников!..

— Выжимание соков!..

— Насилование женщин...

— Спаивание джином и виски!..

— Отравление опиумом!..

— И, — как апофеоз, — прием, достойный Нерона и его «светочей христианства», — продолжал Отто Фельдзер. — Нерон для искоренения христианства освещал свои сады факелами из христианских тел, обернутых в паклю и солому. Мы же — христиане-колонизаторы, христиане - цивилизаторы — насаждаем христианство, насаждаем культуру, разрушая целые деревни несчастных туземцев, сбрасывая над ними с наших аэропланов десятки и сотни разрывных снарядов, удушая население их ядовитыми газами.

— Это ложь!.. Инсинуация!.. — раздалось из рядов прелатов.

(в оригинале пропущена строка) ... — возразил Отто Фельдзер. — В глуби Африки целые селения темнокожих сравнены с землей; целые племена стерты с лица земли удушающими газами. А город Сайд в Сирии? 26 французских аэропланов осыпают этот город снарядами, несмотря на то, что население его в настоящее время состоит только из женщин и детей.

— Мы все же, — видите ли, — гуманны, — с сарказмом продолжал Отто Фельдзер, — гуманны и культурны. И раньше, чем разрушать села и города у нас в Европе, раньше, чем ослеплять, оглушать и удушать десятки и сотни тысяч, миллионы, быть может, европейцев, христиан, мы производим предварительные «научные» опыты над полудикарями, над нехристианами, над особями низшего порядка, вот — как производят опыты над лягушками, кроликами, морскими свинками.

Все это братья, только опыты, репетиции. Мы репетируем. В Марокко и в Китае, в стране риффов и в стране друзов, все это одни только репетиции, репетиции жесточайшей беспощадной, бесчеловечной Грядущей войны, генеральная репетиция которой готовится там, в водах...

— Генеральная репетиция?.. Какая?..

— Где?.. В каких водах?..

Посыпались недоумевающие возгласы.

— Разве я что-либо сказал о какой-то генеральной репетиции? — И Отто Фельдзер провел рукой по глазам и, усмехнувшись, прибавил: — я, очевидно, увлекся и... обмолвился.

— Отцы и братья, — продолжал он, — я хотел говорить о своей личной жизни, о своей личной драме. Но что личная жизнь человека перед тем, что творится теперь в мире и, в особенности, перед тем, к чему готовится мир — наш культурный и гуманный мир?

Зачем собрались мы сюда? Зачем сошлись, зачем мы созваны со всех концов света? Какие речи раздавались здесь? Какие призывы?

— Отто Фельдзер, ты много говоришь и красно говоришь, но ты во зло употребляешь и свое красноречие и наше долготерпение. Нарядившись в овечью шкуру смирения и кротости, ты, как хищный волк в овчарню, пробрался сюда к нам, но не выдержал своей роли, и преждевременно показал нам оскал своих клыков.

Ты спрашиваешь, зачем мы собрались сюда? Я дам тебе ответ. Собственно даже не тебе, а тем, кого ты прельщаешь славой своей прошлой жизни и громким своим именем бесстрашного и ревнивого проповедника слова Божия среди диких племен и народов, — тем, кого ты стремишься совратить, чьи чистые души ты вознамерился отравить своими ядовитыми речами.

Зачем мы собрались сюда? Во имя Бога Живого, всемогущего Бога, во имя его божественных заветов; во имя ограждения его святых храмов от разрушения и от осквернения; во имя защиты священных основ государственности и общественности от тлетворного духа большевизма, заражающего своим смрадом всю вселенную.

Ты это знаешь.

Ты стараешься запугать нас страшным призраком грядущей войны. Но кто же вызывает ее своими бесовскими чарами, как не большевики, как не их сатанинский Коминтерн?

Ты киваешь на Китай и Сирию, на друзей и риффов. Прибавь и Тибет, и Индию, и Турцию, и Египет. Все эти гоминдановцы ^{*)}, вахабиты ^{**)}, свараджи ^{***)}, все эти «комитеты действия», профинтерны, крестинтерны, мопры, — что все это, как не присоски чудовищного спрута, который старается охватить весь мир своими страшными щупальцами?

Этот спрут, эта многоголовая гидра — Коминтерн. Ты это знаешь.

И если бы в сонме звезд и планет на какой-либо из них оказались бы люди, подобие людей, то, несомненно, и там мы имели бы в наличности все признаки существования между ними агентов Коминтерна.

Ленин — даже мертвый. Зиновьев. Сталин. Троцкий. Эти имена заставляют содрогаться весь мир. Это апокалипсический зверь.

И чтобы избавить мир от этой гидры, не должно существовать никаких сомнений, ни колебаний, ни преград.

Бог этого хочет!****).

Церковь же, она — единая, нераздельная, непогрешимая — шлет свое благословение всем ратоборцам за святую веру и государственность.

И кардинал Пибианка, осенив крестным знамением — «Urbi et Orbi»*****) — весь громадный зал аббатства опустился в свое кресло.

* *

*

— Итак, Ваша Эминенция, бойня вами освящена? — обратился к нему Фельдзер.

— Чтобы спасти весь организм, его гангренозную часть беспощадно отсекают, — твердо отчеканил кардинал.

*) *Народно-освободительно-революционная партия в Китае.*

**) *То же в Сири.*

***) *То же в Индии.*

****) *От автора: «Бог этого хочет!» — боевой клич средневековых крестоносцев.*

*****) *От автора. — «Urbi et Orbi», «Урби эт орби». — латинск.: — «городу и всему миру» — так благословляет папа Римский.*

— Даже и тогда, когда эту сомнительного свойства операцию приходится совершить над десятками миллионов человек?

— Без всяких колебаний!

— И тогда, когда оперативными инструментами должны служить пушки, стреляющие на 700 километров; снаряды такой разрушительной силы, что на 40 километров в окружности не останется камня на камне; газы, умерщвляющие на долгие месяцы всякую растительную и животную жизнь?

— Без всяких колебаний!

— Даже и тогда, когда этой операции должно быть подвергнуто безусловно ни в чем неповинное мирное население — женщины, дети и старики?

— Даже и тогда! Женщины — в этой зачумленной стране, — они родили, рожают и будут рожать большевиков. Дети еще в утробе матери — порождение сатаны. Что же касается стариков, им... им легче будет расстаться с жизнью.

— Без всяких колебаний, Отто Фельдзер! Без всяких колебаний!

— О, благодарю вас, Ваша Эминенция. Вы просветили меня; вы наставили меня на путь истины.

ГЛАВА 20-я. «ИЗЫДИ, САТАНА»!

— **С**ын мой! Я хочу думать, я хочу верить, что ты уразумел, постиг, наконец, какая страшная опасность угрожает нашей святой Церкви, — ласково, почти любовно обратился к Отто Фельдзеру архиепископ Кентерберийский. — И если ты верный и любимый сын Церкви, бесстрашный слуга Божий, — если ты в своем прошлом поддался великому

греху и совершил тяжкое преступление, то ты искупил его своим подвижничеством во славу Божию. Откуда же, где источник твоих сомнений и колебаний в настоящем? Какой гнет лежит на душе твоей? Поведай нам все — без утайки, — и Божия благодать снизойдет на успокоенный дух твой.

— Не снизойдет, отец мой. И не найти мне успокоения, пока цель моей теперешней жизни не будет мною достигнута, пока мой долг не будет мною полностью покрыт — тихо и скорбно промолвил миссионер.

— Какая цель?.. Какой долг?.. У нас — служителей Церкви, — может быть только одна цель, может существовать только один долг — теперь в особенности, — явно недоуменно и с явным раздражением возразил архиепископ.

— Ваше высокопреосвященство, — резко выкрикнул Фельдзер, — не слуга я Церкви теперь, и давно уже не слуга ей.

— Как?.. Давно?.. С каких пор? — удивленно спросил архиепископ.

— С тех пор, как я узнал, что он — это исчадие ада; он, сделавший из меня убийцу, незаконченного убийцу, — саркастически подчеркнул он; — он, пославший меня на каторгу; он, погубивший не только меня, но и мою сестру, мою маленькую Мэри...

— «Моя маленькая Мэри», так звал я ее всегда, хотя она ростом была почти не ниже меня, — перебил он самого себя, свою пылкую, полную гнева, злобы и ненависти, тираду. И когда он произносил слово: «моя маленькая Мэри», в голосе его зазвучали такие нотки любви и нежности, страдания и скорби, что все взоры потупились и на глазах у многих навернулись непрошеные слезы.

Наступила короткая пауза. Отто Фельдзер, видимо, напрягал всю свою волю, чтобы подавить охватившее

его волнение. Аудитория вся замерла, и только в глазах некоторых прелатов загорались злые огоньки.

Он, наконец, овладел собой и в голосе его вновь зазвучал металл.

— С тех пор, как я узнал, что он не только еще жив, но что он — теперь один из руководителей жизни человечества — ведет человечество к гибели, вызывает из недр ада все темные силы его, стремится окунуть человечество в океан крови...

— Кто он? Назовите его имя! — раздались крики.

— Вы его услышите, но позже. И, наконец, князья церкви, здесь присутствующие, его знают, ему повинуются...

— Проклятие!.. Хула на служителей церкви!.. Анафема! Анафема!..

Все кричало, волновалось, шумело.

Но Отто Фельдзер стоял, как скала.

Голос его приобрел какую-то сверхъестественную силу и рокотал, как гром, в разбушевавшемся от бури лесу.

— Вы повинуетесь ему, им (их много). Вы — именующие себя служителями Бога Живого, милосердного Бога, — вы помогаете им натравить брата на брата, народ на народ; вы — во имя Бога милостивого, — не переставая, крестите человечество. в кровавой купели, и оно захлебывается в ней, вы...

— Богоотступник!.. Анафема!.. — как бы стонало в зале.

— Изыди, Сатана! — прогремел голос кардинала Пиабланка. — Убрать его с кафедры, изгнать с собора!..

— Вы его выслушаете до конца! — раздался из рядов прелатов твердый, почти повелительный голос.

— Изгнать!.. Изгнать!.. — шумела аудитория.

— В таком случае, вы выслушаете меня...

И на кафедру твердыми, уверенными шагами вступил епископ Вильям Браун.

Рядом с ним, неподвижная, как гранитная твердыня, высилась фигура Отто Фельдзера с высоко поднятой головой и горящим взором.

— Епископ большевиков?! — раздался чей-то голос...

**Печатается и в непродолжительном времени
выйдет в свет 3-й выпуск романа.**

(Прим.ред.: Других выпусков романа не обнаружено)

ВАСИЛИЙ ЧЕЧВЯНСКИЙ

КОНЬ В ЭФИРЕ

Фантастический рассказ

Перевод Марины Маковецкой

Перевод опубликован в журнале «Горизонт», № 7(10), 2020.

Вечер. Принимаю позу радиослушателя. Из этого вы заключаете, что у меня в квартире есть радио. Правильно — вы не ошибаетесь. Ведь я такой же нормальный человек, как и вы, как и все прочие.

Принимаю, значит, позу радиослушателя — ложусь прямо на кровать, стискиваю голову железным обручем, уши накрываю наушниками, кричу на сына, чтоб замолчал, и слушаю.

— Алло! Алло! Говорит Харьковская радиовещательная станция Наркомпроса Украины на волне 477 метров.

Это понятно.

— Алло! Алло! Балакучио Харковенчио радиомовенчио штанци Наркомпросио Украинио ин хвилендо чио-чио-метрио!

Это на эсперанто. Говорят, эсперантисты понимают. Может, и вправду.

— Сейчас начнется первый в мире шахматный матч по радио между Харьковом и Киевом! За Киев играют мастера Богатырчук, Рмузер, Погребиский, Гринберг, Поляк, за Харьков мастера Алёхин, Григоренко, Ойстрах, Порт и Янушпольский.

— Киев делает первый ход: d2—d4! Харьков: e7—e6!! e7—e6!! Очередной ход Киева в 6 часов 15 минут!!

— Алло! Алло! Киев, Киев!! Слушайте нас!! e7—e6! e7—e6!!

И пошло, и поехало...

Вы же понимаете, что это значит? До чего мы дожили?

Столица Украины — Харьков — первый в мире инициатор шахматной игры по радио. Харьков первым в мире полез в межпланетное пространство с конями, слонами, ферзями и пешками! Первым в мире.

Разве это не красота?! Разве не достижение?!

Разве это не надоумит организаторов матча на первенство мира между Алёхиным и Капабланкой устроить дело так, чтобы шахматисты всего мира следили за игрой лучших шахматистов и моментально узнавали о каждом ходе?

Использовать радио для шахмат, для одного из наикультурнейших развлечений человечества, — прекрасная идея. И Харькову с харьковскими шахматистами, наипервейшим пионерам в этом деле — честь и слава!

Инициатива их не пропадет — я в этом уверен.

Я также уверен и в том, что пробежит какое-то время, ну — месяц, два, год — не важно, нажму я соответствующую кнопку своей домашней радиостанции, нащупаю Кубу, нащупаю жилкооператив, где обитает Капабланка, и:

— Доброго здоровья, Рауль Хозевич! Как делишки, не хвораете? Может, шандарахнем с вами дебют испанских пешек? Что, согласны? Прекрасно! Ваш ход? d2—d4? Ладненько! А я пойду конником!.. Я, знаете, коником!

Выиграть — не обещаю (Капабланка все-таки!), но сыграть — сыграем...

ОБ АВТОРЕ

Василий Михайлович Чечвянский — автор, неизвестный большинству современных читателей, как русско-, так и украиноязычных. Между тем несколько десятилетий назад это была звезда первой величины.

Начать с того, что Чечвянский — брат Остапа Вишни, причем брат старший. Уж не знаем, многим ли нашим современникам известно имя Остапа Вишни, но вообще-то его надо бы знать. Со вступлением в литературу Остап Василя чуть-чуть обогнал (опубликовавшись сперва под псевдонимом еще не «Вишня», а «Грунский» — по названию соседнего хутора Грунь, чем задал семейную традицию: в результате Василь тоже дебютировал не под фамилией Губенко, а под псевдонимом, образованным от названия родного хутора Чечва), но впоследствии долгие годы братья творили наравне. Для современников они оба были значимыми фигурами украинской советской литературы, равновеликими писателями, к тому же работавшими в сходном жанре: ироническая проза с нередкими заходами в фантастику. Короткие... нет, не фельетоны, а так называемые **усмішки**.

Столь тесное «соседство» отнюдь не поссорило братьев, они активно сотрудничали, особенно на страницах изданий украинской **Первой Столицы**, Харькова, где фактически и начинается их литературный путь: у Вишни — с 1921 г., у Чечвянского — с 1924. А в 1927 г. они становятся сооснователями харьковского журнала «Червоний перець», сразу же сделавшегося лидером украинской журнальной периодики.

Этот период продолжается до 1933 г., когда младший из братьев был арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности». Старшего эта участь постигла три года спустя. Но если Остап Вишня в 1943 г. вышел на свободу и еще успел вновь стать ключевой фигурой литературной Украины (которая была уже совсем не та, что в годы основания «Червоного перця»!) — то Чечвянский был расстрелян в 1937 году, через десять месяцев после ареста...

На русский язык его творчество фактически не переводилось, лишь в 1990 г. вышла тоненькая брошюрка. Впрочем, и на украинском языке после изданий двадцатых — тридцатых годов тоже была опубликована лишь одна брошюра: в 1959 г., вскоре после реабилитации.

Тем не менее, трудно усомниться в том, что миниатюра 1927 г. «Конь в эфире» (предлагаемый читателям перевод на русский язык — первый!) оказала влияние на роман Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». В частности, на рассуждения великого комбинатора по поводу сперва международного, а потом и межпланетного турнира в Нью-Васюках.

Возможно, Ильф читал ее на украинском. А впрочем, она могла попасться на глаза и второму соавтору: в те годы у советских литераторов было хорошим тоном следить за новинками из Украины, а особенно из **Первой Столицы**, в частности — персонально за публикациями в «Червоном перце», одном из популярнейших и остроумнейших журналов эпохи!

СОДЕРЖАНИЕ

Тов. ИНКОГНИТО

БОЛЬШЕВИКИ ПО ЧЕМБЕРЛЕНУ

Фантастический роман

5

ИРИНА КУНИНА

ДУГЛАС ТВЕД, ЖИЗНЬ И ДОСТИЖЕНИЯ

Авантюрный роман

265

ВЕНИАМИН ТРОЯНОВ (ИВАНЫЧ)

ПЕРВАЯ СХВАТКА (ИЗ ЗАПИСОК ПЕКАРЯ ЛИСИЧКИНА)

Авантюрная повесть

379

Г. РУКАВИШНИКОВ

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Фантастическая повесть

469

ЮРИЙ САНДОМИРСКИЙ

ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА

(БЕССИЛИЕ СИЛЬНЫХ)

Роман

523

ВАСИЛИЙ ЧЕЧВЯНСКИЙ

КОНЬ В ЭФИРЕ

Фантастический рассказ

585

Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
Для среднего и старшего возраста

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Авантюрная и фантастическая проза 20-х годов XX века

Издательство «СПУТНИКTM»
Дзуреченск, ул. Славная, 88

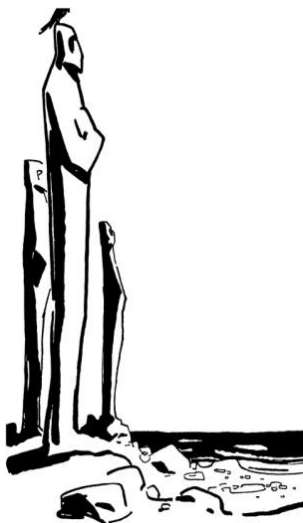
Подписано в печать

29.04.2021

Ответственный редактор А.Невструев

Генеральный директор издательства

所有的爱-人

Отпечатано в полном соответствии с
качеством представленного электрон-
ного оригинал-макета в типографии
ООО «Шер-Хан», субсегмент Энлиль,
пр. Голконды Таврической, 177